ОБЪ

ИСТОРИЧЕСКОМЪ НАСЛОЕНІИ

ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ

СЛОВООБРАЗОВАНІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Александра ДЮВЕРНУА.

Protinus ergo adhibere curam rectius erit atque ab initio sic opus ducere, ut caelandum, non ex integro fabricandum sit. Quint. X, 3, 18.

МОСКВА

Типографія Грачева и К° у Пречистенскихъ воротъ д. Милюковой.

1867.

Обозрѣвая обширную область славянскихъ нарѣчій какъ въ живомъ, ихъ народномъ говорѣ, такъ и въ историческихъ ихъ явленіяхъ въ письменности, мы не находимъ критическаго мѣрила, которое бы способствовало совершенно опредѣленному разграниченію ихъ, какъ единицъ историческихъ. Легче было бы найти средство ихъ разграниченію, какъ единицъ етно-и географическихъ; но и въ области етого понятія доселѣ трудно дойти до опредѣленія, вполнѣ исчерпывающаго опредѣляемыя явленія. Объясненіе етой безпомощности должно искать во взаимоотношеніи понятій исторической и етнографической единицы. Исторія лишь способна объединить племя до значенія етнографической единицы, если только не привзойдутъ какія нибудь географическія условія, равносильныя историческому обособленію. Возможность такаго рода обособленія для славянскихъ нарѣчій уже доказана: силой историческаго развитія чешское нарѣчіе обособилось отъ словацкаго въ степени сильнѣйшей, нежели Іонійское отъ Дорійскаго. Если мы, повинуясь силѣ событій новѣйшихъ вѣковъ, забудемъ на время вѣка славы чешской, то источники горъ карпатскихъ смоютъ всѣ признаки етого горделиваго обособленія, и на ихъ берегахъ мы найдемъ ту среду, гдѣ сливаются говоры нарѣчій наиболѣе другъ отъ друга обособленныхъ,—нарѣчія чешскаго и русскаго, среду нарѣчія словацкаго. Сообразно съ етимъ, только изрѣдка приходится обращаться для разрѣшенія вопросовъ о судьбахъ всеславянской рѣчи къ нарѣчію новочешскому, которое усиліями искусственной литтературы послѣднихъ десятилѣтій дало рѣшительный перевѣсъ елементу чужеродному, нѣмецкому. Старо-чешское нарѣчіе навсегда останется обильнымъ источникомъ для исторической славянщины. — Другой полюсъ обособленія находимъ въ говорахъ Крайны, Каринтіи и Штиріи, которому менѣе всего можно искать причины въ исторіи. Здѣсь нельзя не признать природу единственною, неограниченною властительницею, приковавшею ету бездольную вѣтвь сербскаго племени къ Альпамъ узами отчужденія и рабства. Если ети два примѣра географическаго и историческаго обособленія такъ легко отдѣляются отъ явленій остальной сла-

вянской массы, то остается весьма мало надежды найти разрѣшеніе нѣкоторыхъ проблемъ историческаго развитія славянской рѣчи въ анализѣ взаимоотношенія между отдѣльными славянскими нарѣчіями. Совокупность тѣхъ явленій, которыми они, соприкасаясь, сливаются другъ съ другомъ, могла бы насъ привести лишь къ заключенію о необходимости предположить обще-славянскую рѣчь: среда ея нашлась бы въ Паннонiи, съ которой сливалась бы съ одной стороны юговосточная вѣтвь болгаро-сербская чрезъ посредство современнаго словинскаго нарѣчія, съ другой сѣверовосточная, русская. Нарѣчіе старо-славянское было бы ближайшимъ свидѣтелемъ сей епохи, историческое бытіе которой было прервано рокóвымъ вторженіемъ Угровъ въ 907 г. въ область паннонскую. – Если исторія не подняла всѣ славянскія племена на одинаковый уровень развитія, если славянская рѣчь во всемъ своемъ нарѣчномъ строѣ не прорвалась ни единымъ словечкомъ ранѣе 962 года; то свидѣтелей раньшихъ епохъ ея историческаго, не засвидѣтельствованнаго письмомъ, бытія мы будемъ искать въ тѣхъ внутреннихъ, затаенныхъ складкахъ ея словотворчества, которымъ не суждено было перетереться и исчезнуть. Тутъ мы руководствуемся уже не специфически славянскимъ закономъ словотворчества. Дѣйствительно, можно постановить законъ развитія общаго, индо-европейскаго словотворчества, состоящій въ томъ, что елементы словообразованія отличаются большею устойчивостью, нежели елементы словоизмѣненія. Въ области послѣднихъ властвуетъ начало аналогіи: несмѣнность ихъ назначенія, ихъ служебность въ языкѣ дѣлаетъ ихъ слишкомъ чувствительными, уступчивыми вліянію идей; они также измѣнчивы, лучше сказать, какъ ихъ синтаксическія функціи. Дѣйствительно, ети синтаксическія функціи флексій и дѣлаютъ ихъ послушными быстрому ходу идей, измѣнчивыми. Назначенія суффиксовъ постояннѣе, крѣпче. Ихъ измѣненія — плодъ забывчивости; они могутъ обособлять свое значеніе или его обобщать. Но законъ аналогіи теряетъ на нихъ свою силу. Одинъ и тотже суффиксъ, но при различныхъ фонетическихъ условіяхъ, теряетъ связь съ тождественными себѣ елементами, и часто измѣненіе фонетическое въ суффиксѣ въ извѣстныхъ евфоническихъ условіяхъ не влечетъ за собой подобныхъ же явленій при другихъ условіяхъ. И такъ, на етой почвѣ, свободной отъ того непосредственнаго, повелительнаго вліянія мысли, которое замѣчаемъ на флексіяхъ, на етой почвѣ часто могутъ совмѣщаться явленія различныхъ епохъ не противорѣча духу одной извѣстной епохи языка,

который ищетъ своихъ выразителей, какъ сказано, болѣе во флексіяхъ и ихъ синтаксисѣ. Етотъ елементъ наслоенія чувствителенъ не въ одномъ значеніи образовательныхъ елементовъ языка, но и въ фонетическихъ явленіяхъ, вызванныхъ ростомъ слова. Неудивительно, потому, если къ етимъ свидѣтелямъ старшихъ епохъ приросли и фонетическія явленія соотвѣтствующей старины. Ети фонетическія явленія, разоблачаемыя въ древнѣйшихъ словообразовательныхъ формаціяхъ, должны имѣть авторитетъ, съ точки зрѣнія исторической, великій; и, даже скажемъ, мы не можемъ почесть ни одинъ законъ славянской фонетики прочнымъ, прежде нежели онъ оправдается явленіями подобнаго рода. Ета точка зрѣнія неизбѣжна по одному уже тому, что нерѣдко форма корня въ своихъ видоизмѣненіяхъ условливается взаимодѣйствіемъ корня съ образовательнымъ елементомъ, упражняющимъ на него могущественное вліяніе. Нѣкоторымъ явленіямъ славянской полугласности въ корняхъ (ъ, ь) соотвѣтствуютъ сокращенія коренной гласной, или даже существенное паденіе вокализма, ясное въ видоизмѣненіяхъ, или даже въ неясномъ произношеніи первоначальной гласной. Извѣстно еще изъ сутръ Панини, что въ его время произношеніе краткаго a подверглось смущенію, приблизившись къ произношенію гласной u. Ето произношеніе образовало даже въ Панини особенный терминъ: samvṛitatâ — покрытость, отъ samvṛita покрытый. Вслѣдствіи етого, Панини какъ норму гласной и принимаетъ u (ъ) а не a (Weber въ Ind. Studien. IV, 84). Противуположный терминъ есть — vivṛita (vivâra), означающій открытое произношеніе гласныхъ звуковъ. Панини называетъ и a — vivṛita, но въ смыслѣ представителя всѣхъ звуковъ, ему (savarna) — родственныхъ, т. е. shanmâtrikâ akârâh, шестиморнаго a, разумѣя подъ нимъ и одноморное a hrasva и â dirgha (2 моры) и â pluti (3 моры). [1]) Ищя етому явленію объясненія, мы его находимъ въ словообразованіи. Присоединеніе суффиксовъ не всегда и въ санскритѣ даже оставалось безъ вліянія на тему и на корень словъ. Тематическая форма санскритскаго реченія, тождественнаго славянскому тьм-а есть tam-as. При присоединеніи суффикса -ra, тематич. a обращается въ i -tamis-ra (n. et -râ f.), гдѣ мы видимъ только измѣненіе a въ i въ темѣ; въ другой же формѣ, при вытѣсненіи суффиксомъ -ra тематическаго елемента -as, тоже измѣненіе наблюдаемъ и въ коренной гласной—tim-ira

[1]) Pân. VIII, 4, 68 et Böhtl. adnot. II, p. 399.

(adj. et sub. n.), vitimira. Весьма вѣроятно, что славянщина вышла уже изъ своей азіятской родины съ задаткомъ того ослабленія вокализма, который наблюдается въ ея единственной формѣ тьма, изъ которой она исходитъ во всѣхъ остальныхъ производныхъ образованіяхъ. Въ связи лишь съ етими явленіями можно объяснить себѣ нерѣдкія елизіи коренной гласной въ санскритѣ, даже при условіи ея долготы; такъ напр. ûrddhajnu вм. ûrddhajânur, sanjnu наряду съ sanhatajânuka (dont les jenoux se touchent. Amarak. ed. L. Des Lch. I, v. 11), prajnu- наряду съ pragatajânuka (dont les jambes sont tortues. ibid. v. 9); çarirâsthni (kankala), çirôsthni наряду съ pârçvâsthâni (ibid. I p. 142, vv. 10, 12, 13) и пр. Такаго же рода елизіею объясняется большинство краткихъ односложныхъ именъ существительныхъ въ санскритѣ: kshmâ наряду съ нестяженною формою kshamâ, gmâ и jmâ f. вм. gamâ и jamâ, вед. gnâ изъ ganâ (γυνή), snu (n. bergebene) вм. sânu (Benfey въ Zeit. f. vgl. Spchfr. II, 462; за нимъ Leo Meyer ibid. V, 367) Етимологія послѣдняго реченія темна, но значеніе ясно изъ слѣдующаго мѣста RV. II, 1, 3, 7 devânyajantâvritutha samanjato nâbhâ pritivyâ adhi sânushu trishu. Реченіе sânushu толкуется схоліастомъ Саяною весьма ясно: samucchriteshu pradeçeshu gârhapatyâdishu. Даже û въ корнѣ елидируется, доказаннымъ образомъ, въ извѣстномъ реченіи strî f. (femina) вм. sû-trî (отъ кр. sû рождать). Иногда елизія заставляетъ предполагать какое нибудь предшествующее явленіе, измѣнившее и согласную корня, такъ въ реченіи parijman adj. et adv. Чуткій Саяна къ RV. III, 2, 9 совершенно справедливо толкуетъ—parito gantuh и етимъ указываетъ на то, что jman стяжено изъ gam—an. Подобныя же елизіи встрѣчаются и въ суффиксахъ: такъ реченіе pratno (прежній adj.) по Панини (V, 4, 30) отъ предлога pra-tana, противъ Саяны, къ RV II, 1, 7, 6 (pratno hotâ) толкующаго сіе реченіе изъ purâtano.

Въ славянщинѣ особенно замѣтно вліяніе сильнаго суффикса на фонетическій строй корня тогда, когда въ послѣдній входитъ плавный звукъ. Плавный звукъ нерѣдко подвергается сильному стяженію. Такаго рода наблюденіе простирается на тѣ лишь случаи, когда суффиксъ присоединяется непосредственно къ корню и поднимается съ гласной. Такъ наприм. кр-ѣди (бакенбарды въ хроногр. XVII в. и судной записи 1673 г. у Востокова s. v.), сильное образованіе въ формѣ двойственнаго числа,

аналогическое и по корню несомнѣнно родственное реченію бра-да. Сербское нарѣчіе для того же понятія образуетъ слово отъ того же корня, но съ инымъ суффиксомъ, съ суффиксомъ къ: бр-к (cincinnus barbae). Нѣкоторыя изъ подобныхъ образованій носятъ на себѣ печать глубокой доисторической старины; такъ реченіе грудь и груди (du.) по аналогіи съ реченіемъ бр-ѫд-и должно быть также разлагаемо на гр-уд-ь. Его родство съ словомъ сьр-дь-це намъ кажется несомнѣннымъ (сьр-до въ сложныхъ). Темный составъ санскр. реченія hrid, hridayam получилъ бы отсюда свое объясненіе. И такъ, приводя въ родственныя отношенія реченія грудь и сьрдьце, мы основываемся на массѣ наблюденій, приводимыхъ нами ниже, которыя представятъ не мало аналогическихъ етому образованій: отъ одного и того же корня производятся образованія, въ своей фонетикѣ отражающія совершенно различныя епохи,—реченіе сьрдьце имѣетъ фонетику чисто славянскую, грудь же — чисто арійскую, какъ по согласной г (scr. gh—h), такъ и по склонности плавной р къ гласной у, засвидѣтельствованной множествомъ явленій, въ санскритѣ и готскомъ создавшихъ законъ, о чемъ ниже. Притомъ замѣтимъ, что scr. hridayam употребляется въ значеніи сердца въ переносномъ смыслѣ, подобно лат. pectus, ибо до относительно позднѣйшаго времени еще спорятъ санскритскіе лексикографы объ етомъ оттѣнкѣ въ значеніи реченія hridayam. Амарасинга приводитъ четыре синонима (Amarak. I, p. 142, v. 2): bukkâgramânsan hridayan hrin. Его издатель Loiseleur Deslongchamps толкуетъ словомъ «coeur», но къ тому прибавляя: «quelques écrivains restreignent aux deux premiers mots la signification de coeur, et aux deux derniers celle de poitrine» [1]). Тоже стяженіе своего гласнаго елемента испытала коренная плавная въ областномъ русскомъ реченіи взгрунь (Моск. Тв. Опытъ обл. слов. стр. 25), родственное съ словомъ гора. Въ переносномъ значеніи оно употребляется, какъ нарѣчіе «шибко, впрыть», первоначальное же его значеніе ясно изъ слѣдующаго мѣста одной словацкой пѣсни у Колара (I, p. 103): «Z grunja do doliny a z wršku do hory». Тотже звуковой процессъ видимъ въ реченіи др-уг-ъ съ производными. Чистѣйшій видъ корня наблюдаемъ въ литовскомъ реченіи san-dor-a (согласіе, concordia), съ отрицаніемъ ne-san-dor-a (discordia. Donaleitis ed. Schleicher pp. 238, 282). Уже самая архаическая форма предлога san вмѣсто

[1]) Ср., впрочемъ, реченіе hridayasthânam въ значеніи „груди“.

su ручается за древность образованія. Отъ того же корня въ сложеніи съ предлогомъ pri и su образуются глаголы pri-der-u, prideréti (nützen, ziemen, sich passen) и su-der-ë-ti (sich vertragen). Силою предлоговъ является сей корень и въ славянщинѣ достаточно развитымъ: чешск. vz-dor, рус. раздоръ, задоръ съ соотвѣтствующими производными. Реченіе пл-од-ъ освѣщается тѣмъ же фонетическимъ генезисомъ, если сличить его съ однозначащимъ санскритскимъ реченіемъ phala. Препятствій нѣтъ ни въ тождественномъ значеніи, ни въ фонетикѣ, ибо вездѣ санскритскія аспираты замѣняются въ славянщинѣ соотвѣтствующаго органа тонкими, ни, наконецъ, въ етимологіи, ибо суффиксъ весьма легко опредѣляется, по аналогіи съ вышеприведенными реченіями. Гласная о вм. у объясняется тѣмъ, что къ послѣдней имѣетъ специфическую склонность только плавная р. Пользуемся етимъ поводомъ, чтобы предложить нѣкоторое ограниченіе заключеніямъ А. Куна въ Zeitschr. für vergl. Sprchfrsch. III, p. 436 et sequn. Въ большинствѣ санскритскихъ реченій, начинающихся съ аспираты ph, онъ объясняетъ аспирату, какъ отраженіе пропавшаго s. На основаніи славянской аналогіи подвергаемъ сомнѣнію реченія phala (плодъ) и phena (пѣна). Какъ въ реченіи пл-одъ оказывается не нужнымъ у, такъ и въ реченіи хл-аѣ-ъ, въ сличеніи съ лит. szàl-t-is (kaelte), szál-ti (frieren). Туже контракцію гласнаго елемента коренной плавной предполагаемъ въ реченіи кр-ѧ-жь, если сопоставить его съ образованіемъ кор-ѧ и съ уменьшительнымъ чер-ен-окъ. Изъ этого мы заключаемъ, что корень сихъ реченій не предназначался языкомъ для выраженія того, для чего и нынѣ еще существуетъ спеціяльное выраженіе (мочки). Очевидно, разбираемымъ реченіемъ обозначался нижній стволъ растенія, наиболѣе возрастная его часть. Етимъ объясняется и дальнѣйшее развитіе въ его значеніи: коренастый и пр. Ета склонность къ стяженіямъ гласнаго елемента въ извѣстную епоху словообразованія говоритъ о томъ, въ какой сильной мѣрѣ въ славянщинѣ присущь гласный елементъ плавному; иногда при осложненіи слова аффиксами языкъ охотнѣе прибѣгаетъ къ евфоніи консонантизма, нежели къ возстановленію гласной при плавной; такъ напр., при существованіи формъ именныхъ ob-zir, ob-zor, сербское нарѣчіе въ 3 л. мн. ч. наст. вр. того же сложенія образуетъ obazdr-u, какъ ето читаемъ у Гундулича: «Al nebesa ako od sgare Na Ijuvezan mu se obazdru» (Osm. XIV, 139). Выходя изъ области етихъ специфическихъ явленій фонетики плавныхъ, мы и въ совершенно иныхъ

звуковыхъ категоріяхъ находимъ тѣже енергическія проявленія вліянія krit—суффикса, непосредственно присоединяемаго къ корню, на фонетическій составъ послѣдняго. Нѣкоторые мѣстные говоры донесли до насъ въ высшей степени любопытные примѣры; напр. областныя русскія реченія двашать, двашить (Оп. обл. слов. стр. 45), двохать, двохнуть. Изъ етихъ глагольныхъ образованій мы имѣемъ право заключить форму дво-хъ (вм. духъ). Что здѣсь основанія нужно искать не въ евфоніи одного мѣстнаго говора, но въ исконныхъ словообразовательныхъ отношеніяхъ, ясно изъ того, что форма дво-хъ ближе къ литовскому аналогическому образованію dva-se, нежели форма ду-хъ, которое вслѣдствіе сихъ соображеній и почитаемъ за позднѣйшее, болѣе блѣдное. Простѣйшая форма областнаго реченія двошить есть доушати въ непереходномъ значеніи, встрѣчающаяся въ Супрасльской рукописи: «ꙗко дꙋшетъ гнѣвомь» (33, 11); «емꙋ гнѣвомь дꙋшѧштꙋ» (45, 13). Корень su, столь распространенный въ индо-европейскихъ языкахъ, удержавшійся въ славянскихъ глагольныхъ образованіяхъ въ формѣ, измѣненной вліяніемъ смягченной коренной гласной (шьв-ти, шьв-ьць и пр.), является во всей своей архаической полнотѣ, вызванной присоединеніемъ суффикса-ра, въ реченіи сво-ра, въ древне-славянскомъ языкѣ употребляющемся въ значеніи верви (ср. scr. sutra, и пр.). Нѣкоторые, весьма дорогіе, хотя и рѣдкіе, остатки етой минувшей епохи словообразованія удостовѣряютъ въ томъ, что суффиксъ — ръ и въ другихъ своихъ назначеніяхъ имѣлъ свойство поднимать коренныя гласныя, такъ мыдрꙑи вм. мѫдрꙑи Сборникъ Усп. Соб. XII в. № 175, f. 87 в.: «кѵрилъ же прѣмѫдрꙑи вѣ тъгда въ иерꙋсалимѣ епп». Суффиксъ-лъ, ло имѣетъ тоже свойство, присоединяясь непосредственно къ корню. Вслѣдствіе сего почитаемъ ложною правопись дег-ло (Оп. обл. Сл. стр. 46). Его родственность съ лит. корнемъ dyg-ti и именнымъ образованіемъ dẽgas внѣ всякаго сомнѣнія. На етомъ основаніи пишемъ дѣгло. Тоже отношеніе наблюдается въ реченіи областномъ южать (Оп обл. Сл. стр. 272) къ однозначащему визжать. Ясно, что въ послѣдней, преобладающей формѣ гласная корня поднята по вліянію суффикса-гъ Нашъ языкъ особенно любитъ отъименныя образованія глаголовъ; потому преобладаніе и осталось за формою визжать.—Въ санскритѣ встрѣчаемъ корень dhvan. Въ етой сильной формѣ онъ спрягается; отъ етой же формы образуются имена: dvana, dvani (laut, ton, schall, geräusch),—syn. sphûrjathur apud Hemacandram p. 31, № 22. На одной фонетиче-

ской ступени съ scr. dhvan находится глаголъ doneti («Poneskončnosti done glasove» Glasnik slov. X, 33), въ словинскомъ нарѣчіи употребительное особенно часто съ предлогомъ za («še enkrat je zadonelo s kora: Gospod, gospod, gospod» Ibid. X, 11; «paiz palače na enkrat udari vesel krik, zadoni gudba» Ibid. 13). Потому сближаемъ такъ непосредственно слов. don съ scr. dhvan, что елизія *в* въ корняхъ послѣ *д* есть самое обыкновенное, какъ впослѣдствіи увидимъ, специфически словинское явленіе. Вокализмъ етого корня падаетъ въ реченіи dhuni (adj. rauschend, brausend, tosend; sub. f. Fluss); при подъятіи тематической i въ au n pl. dhunayo Rv. II, 30, 2 dive dive dhunayo yanti. У Амарасинги находимъ формы dhvani и dhvâna, какъ названія звука, на ряду съ однозначащими ninâda, ninada: въ соотвѣтствіи названіямъ рѣкъ nadî: dhuni. Какъ епитетъ шумящей рѣки въ славянщинѣ, какъ извѣстно, ето арійское слово стало собственнымъ именемъ, хотя и доселѣ еще и въ народныхъ пѣсняхъ и въ нѣкоторыхъ остаткахъ письменной старины память о его нарицательности еще сохранилась. Въ имени дунай и дунавъ справедливо было бы видѣть вполнѣ сохранившіяся тематическія окончанія i и u, изъ которыхъ первое и исторически засвидѣтельствовано въ арійской епохѣ образованіемъ dhuni: въ обоихъ славянскихъ реченіяхъ ети тематическія гласныя подняты и цѣлое реченіе подведено подъ болѣе пошлую въ языкѣ категорію гласнаго ъ-(а) склоненія. Ета архаичность окончанія вполнѣ сообразна и архаическому состоянію корня, ибо одно лишь ето реченіе сохранило корень dhvan въ неподнятомъ состояніи, точно также какъ и въ санскритѣ лишь одно реченіе dhuni сохранило гласную u, всѣ же остальныя имѣютъ подъятый слогъ va въ корнѣ. Первая ступень возвышенія коренной гласной представляется въ формѣ зы-къ, гдѣ, впрочемъ, мы видимъ поглощеніе елементомъ *ы* и гласной *у* и носовой, чему ниже представимъ аналогіи. Ета первая ступень подъятія произошла при присоединеніи суф.-къ. Кромѣ етой контракціи коренныхъ елементовъ, языкъ нашелъ еще путь примиренія многосложнаго состава корня съ суффиксомъ krit, начинающимся съ согласной: онъ сохраняетъ и гласную u и носовую, обращая лишь первую по вліянію суффикса въ согл. *в*. Такъ произошли реченія звя-к-ать, звя-газвя-г-ать (Оп. Обл. Слов. 69; Дополн. 66). Здѣсь реченіе развивается, уже исходя отъ двухъ суффиксовъ, изъ которыхъ оба получаютъ свое высшее историческое освѣщеніе въ древне-славянскихъ реченіяхъ—ѕвѣгѫ и ѕвѣкъ.

Областная форма двечить (Дополн. къ обл. слов. стр. 39) употребляется въ значеніи повторять многократно и сходится въ етомъ значеніи съ реченіями звяга, звягало, звягунъ, звягать, означающихъ неотступное прошеніе. Реченіе двечить любопытно во многихъ отношеніяхъ. Въ ней гласная въ аномалическомъ состояніи, ибо отъ носовой осталась только е; согласная же, напротивъ, удержалась въ первоначальномъ видѣ — d, согласно съ дунай, scr. dhuni, кр. dhvan. Въ елементѣ ч скрывается суф. — къ. Изъ етой отъименной формы мы извлекаемъ именную дѣвкъ (ср. ст.-слав. вѣвкъ;) а реченіе дѣвкъ предполагаетъ — дѣв-къ (ср. звѣ-къ), т. е. двон-(къ), что совершенно тождественно санскритскому dhv ân-(a), ибо аспиратъ, какъ извѣстно, славянская рѣчь не унаслѣдовала отъ арійской прародины. И такъ, заключаемъ, совершенно необходимо въ нѣкоторыхъ случаяхъ сопровождать даже и специфически славянскія явленія словообразованія бдительною аналогіею съ санскритомъ.

Къ сожалѣнію, етимологъ встрѣчаетъ трудно при настоящихъ средствахъ славянской филологіи одолимое препятствіе въ той чертѣ славянскаго словообразованія, по которой въ лексикѣ наросла столь большая масса отъименныхъ образованій, которыхъ глагольный первоначальный корень въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшительно невозможно добыть съ достовѣрностью. Нѣкоторыя изъ подобныхъ образованій являются въ оборотъ языка не только совершенно сложившимися, но и осложненными префиксами, безъ которыхъ они, по крайней мѣрѣ доселѣ, еще не наслѣжены. Ети условія лишаютъ возможности опредѣлить причину ослабленія носовой въ корнѣ напр. реченія ѫжасъ. Етотъ доселѣ не вполнѣ ясный комплексъ звуковъ является и въ сложеніи съ другими предлогами какъ то: ожасъ (ожасенъ Supr.), прѣжасъ, иждасатисѧ (Сб. Усп. Соб. № 175 saec. XII); Хорв. požast (Dan Zagreb. 18 8, p 75), prežestny (Ibid. p. 32) [1]) Литовскій языкъ представляетъ совершенно аналогическое образованіе въ своемъ рѣченіи isz-gą-s-tis, ибо по предлогу оно сходится съ ст.-слав. иждасатисѧ, по окончанію -tis съ выше приведенными хорватскими и русскимъ реченіями. Но въ немъ мы видимъ тотже готовый составъ слова, лишь съ остаткомъ сильной носовой въ корнѣ. Къ дальнѣйшимъ разъясненіямъ не ведетъ ето лит. реченіе. Присоединимъ къ сему лишь то соображеніе, что въ тѣхъ образованіяхъ, которыя по-

[1]) Окончанія сихъ послѣднихъ образованій достаточно уясняютъ старину народнаго русскаго *ужасть*.

теряли всякую связь съ глагольнымъ корнемъ, не видимъ между литовскими и аналогическими славянскими образованіями подобнаго соотношенія въ перегласовкѣ носовой корня; такъ напр. grindis (dille, bretterboden der Stube, des Stalles)—обл. рус. гряда (перекладина, верхъ зданія) [1]); лит. pintinas («ir asz sapnawau, buk asz tris baltus pintinus ant sawo galwõs neszas». Gen. XI, 16) — чешск. pytel и пр.

Напротивъ, чѣмъ сложнѣе словообразовательный процессъ въ словѣ, при всей трудности опредѣлить относительную епоху, въ которую онъ былъ въ него вплетенъ, тѣмъ болѣе ето реченіе находится на глазахъ исторіи, и тѣмъ болѣе имѣетъ етимологъ матерьялу для заключенія о его генезисѣ

Такое рѣчені мг-о-да. Образованіе ето отличается глубокою старіной. Ниже мы подробнѣе остановимся на нѣкоторыхъ явленіяхъ славянской фонетики, обличающихъ вліяніе на нее арійской епохи, именно зенда, въ привязанности къ группѣ гортанныхъ съ *в*. Какъ увидимъ, дѣйственность сей епохи отражается въ выборѣ одного изъ составныхъ членовъ етой любимой группы по различнымъ нарѣчіямъ; изрѣдка же появляется и полная группа. Такого рода явленіе наблюдается и въ реченіи мгода. Въ верхне-лужицкомъ нарѣчіи наряду съ реченіемъ jagoda встрѣчаемъ и jawoda. Простой смѣною елементовъ г и в, вообще то въ славянщинѣ родственныхъ, было бы всего легче объяснить ето соотношеніе, если бы только етотъ случай не палъ на коренной составъ слова. И вообще, впрочемъ, въ случаяхъ архаическихъ не всегда бываетъ полезнымъ избирать легчайшіе пути объясненія. Въ приведенныхъ лужицкихъ реченіяхъ, очевидно, составъ корня и первичнаго суффикса слился въ евфоническую группу и по закону, ниже объясняемому, оба елемента разошлись по мѣстнымъ говорамъ, На сихъ основаніяхъ мы разлагаемъ словообразовательный составъ реченія такъ: мг-ко-да. Нашъ аналитическій процессъ вѣренъ, ибо удостовѣряется вполнѣ свидѣтелемъ высокой компетенціи, литовскимъ языкомъ. Въ немъ мы находимъ однозначащее реченіе ûg uže. Славянскій словообразовательный слогъ - во- теперь понятенъ. Онъ былъ вызванъ посредствомъ подъятія, по предрасположе-

[1]) Не смотря на полное созвучіе, мы не сомнѣваемся, что «гряда» въ смыслѣ рядомъ насаженныхъ растеній и пр. етимологически независимо отъ приведеннаго областнаго реченія. Скорѣе первое находится въ связи съ глаг. корнемъ грѧд-(ж), по аналогіи съ лит. eilė (reihe) отъ кр. i (ire) съ подъятіемъ передъ суффиксомъ le, подобнымъ peilis (пила)

нію къ группѣ -гв-, изъ u (y), етого архаическаго и рѣдкаго остатка тематическаго оканчанія, на которое наросли родственные между собою суффиксы,—въ лит. -žь, въ славянщинѣ -да. Какъ видимъ, ето сложное словообразованіе ослабило коренную носовую —какъ въ литовскомъ языкѣ, такъ и въ славянщинѣ. Не смотря на его простоту, я почитаю литовское образованіе ûga (того же значенія) за позднѣйшее, составленное по аналогіи многочисленнаго класса именъ, оканчивающихся на a. Совершенно подобный же случай представляетъ древне-славянское реченіе ѫг-о-ль и ѫг-ъ-ль въ значеніи нашего «угря», сходное, какъ по значенію, такъ и по образованію съ греч. ἔγχέλυες, anguillae. Миклошичъ (Lexicon p. 1163) приводитъ форму ѫгъль, но безъ примѣра. Для нея основанія нѣтъ ни малѣйшаго, если его не искать въ ново-булгарскомъ jагуль. Но состояніе носовыхъ гласныхъ въ среднемъ и ново-булгарскомъ нарѣчіяхъ таково, что всего менѣе можетъ ручаться за правопись древне-славянской формы. Сильная носовая гласная ѫ является въ образованіи ѫгрь, гдѣ суффиксъ -рь, непосредственно присоединяемый къ корню, охранилъ ее. Замѣчательно, что древнѣйшій языкъ не допускаетъ въ своей правописи гласной о между корнемъ и суффиксомъ. Простѣйшія образованія етого корня мы видимъ въ словинскомъ vega (лягушка), ѫжь.

Нѣкоторые корни, осложнившіеся вошедшими въ ихъ составъ аффиксами, въ древнѣйшихъ своихъ проявленіяхъ являются съ подъятою гласною въ корнѣ. Такъ чешское реченіе kvapiti, весьма обыкновенное въ значеніи быстроты движенія, трудно было бы сопоставить съ реченіемъ кѣпѣти, если принять послѣднее въ значеніи ζεῖν, преобладавшемъ въ старо-славянскомъ языкѣ и въ нарѣчіяхъ юго-восточныхъ славянскихъ племенъ. Но уже Востоковъ, не смотря на то, что въ его словарѣ мы находимъ значеніе ζεῖν, какъ единственное, уже приводитъ примѣры, которые не подходятъ подъ опредѣленіе, основанное на позднѣйшемъ словоупотребленіи,—именно, изъ Григорія Богослова XI в. „кѣпя гноимъ“, и яснѣе въ Ев. отъ Іо: XII в. „источникъ водъ, кѣпящь въ животъ вѣчьныи“ (ἁλλομένου). Полное подтвержденіе того, что западно-славянская форма старше юго-восточной приноситъ одно мѣсто Сборника Усп. Соб. XII в. № 175, f. 151c: „и вѣкеде и въ землю кѣпящоу меда и млѣко“, гдѣ етотъ глаголъ, какъ и всѣ глаголы движенія, является переходнымъ, и управвяющимъ винительнымъ падежемъ. Въ нарѣчіяхъ южныхъ, не смотря на измененную форму, етотъ оттѣнокъ слышится часто въ словоупотреб-

лени Такъ, Medo Pućić Pjesne, 117: «Gle i krvi pravednijech ljudi još ti ruke kipe odasvudi». Итакъ, обѣ главныя группы славянскихъ племенъ, разошедшись, не потеряли памяти о древнемъ своемъ единеніи, и снова, уже независимо другъ отъ друга, сошлись на старшемъ значеніи разбираемаго глагола Мало того, они сошлись и на самой крайней точкѣ искаженія кореннаго состава kvar: измѣненное произношеніе ы - у измѣнило согласную корня. въ словинскомъ cipeti наряду съ kipeti; но тоже фонетическое видоизмѣненіе видимъ и въ чешскомъ речени čiper-nu (ср. сч. čipeti), получившемъ духовное значеніе, но состоящемъ съ корнемъ kvap-кап-čip въ той же крѣпкой связи и по значенію, въ какой реченіе χватрыи находится съ корнемъ глаголовъ хъıт-ить, хватить и пр. Такое фонетическое соотношеніе иногда наблюдается и въ предѣлахъ одного парѣчія; такъ напр, форма „кбочити“, извлеченная Востоковымъ изъ одного мѣста изб. Святослава 1073 г. «и коримъ вѣсится и кбочимъ (κολαχευόμενη) вышитьсѧ», конечно тождественна съ глаголомъ „кѧчити“. Дѣйствительно, нарѣчія словинское и хорватское представляютъ етотъ корень въ формѣ kоč вм. kvоč [1]) въ реченіяхъ kočljiv (naschhaft, hecklich, lustern), kočiti (steifen), какъ напр. у Гундулича Osm. XIV, 189 A na pàrstiech po put rala Ostàrljat se nokat koči». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, весьма легко отдѣляется тотъ афиксъ, который служитъ причиною подъятія коренной гласной; такъ словинское po-hov-s-nu-ti отъ кр χвı, χвв. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ историческая епоха доноситъ до насъ лишь крайнія явленія, умалчивая о посредствующемъ членѣ. Такое явленіе видимъ въ отношеніи старославянскаго реченія скѣрна къ хорватскому skuriti, котораго родственность съ выше приведеннымъ старо-славянскимъ реченіемъ ясна изъ слѣдующаго мѣста Марулича (1450 — 1524): «Оči sam izgubil, slipoće dopadoh, Dan mi je poskuril, svitline odpadoh». Отъ етой темы имѣетъ хорватское нарѣчіе не мало производныхъ, каковы skurnoba и пр, съ метатезисомъ — oskruniti, oskrumba (Danica Zagreb. 1840, p. 91) Какъ идіотизмъ старой кайкавщины, форма skruniti (вм. skvrniti) встрѣчаются и въ старо-хорватскомъ; тк. въ Сиренѣ П Зрини (XVII в.) у Ягича въ Književnik III 402. Попадаются они и въ отрывкахъ глагольскаго бревіярія половины XIV в., хранящагося между цимеліями вѣнской придворной библіотеки, въ которомъ въ служ-

[1]) Съ ходомъ изслѣдованій выяснится ето явленіе въ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ; в пропадетъ послѣ к и д, р послѣ небныхъ.

бѣ св. Адалберту (Войтѣху чешскому) читаемъ: „любо почто рѧцѣ свои невинꙋ крвию поскврнаеши“ (f. 17·) хотя столбецъ выше: „оче почто рѧцѣ твои невинꙋ кр вию осквернаеши[2]).

Въ чешскомъ нарѣчіи имѣемъ два названія для сосуда, очевидно, происходящія отъ корня, древле существовавшаго въ болѣе многочисленныхъ славянскихъ образованіяхъ, нежели въ позднѣйшую, историческую епоху языка: čb-an и čb-er. Въ непосредственности соединенія суффикса съ корнемъ, въ старинѣ самыхъ суффиксовъ, древле, конечно, представлявшихъ чистыя согласныя темы и только впослѣдствіи принявшихъ родовыя гласныя, мы замѣчаемъ уже отпечатокъ глубокой старины сихъ образованій. По соображенію всѣхъ его остатковъ въ славянщинѣ, мы извлекаемъ изъ нихъ корень чьв-. Всего далѣе разошлись съ чешскими приведенными образованія верхнелужицкія отъ корня чьв-, не смотря на близость нарѣчія верхнелужицкаго къ чешскому. Простѣйшее изъ нихъ, вполнѣ убѣждающее въ правильномъ извлеченіи корня чьв-, есть čw-ij (Tonne), или, по кирилловскому правописанію чьв-ии, отъ котораго, посредствомъ суффикса вопросительнаго мѣстоименія, čw-ij-k и čw-i-ca. Какъ ети вторичныя образованія имѣютъ двойную форму для мужескаго и для женскаго рода, такъ и то первичное čw-ij имѣетъ аналогическое женское čw-ej-a. Въ аналогію съ чешскимъ čb-er, верхне-лужицкое представляетъ свое образованіе čw-or (kubel, zuber), съ дальнѣйшими образованіями—čw-or-isko, cw-jer-jen и т д. Напротивъ, на самомъ дальнемъ етнографическомъ разстояніи отъ чешскаго нарѣчія, въ нарѣчіи варажданскомъ, встрѣчаемъ образованіе, почти тождественное чешскому čber,—именно. čeber—«i pun čeber bil je i mleko bilo je čisto vruče» (Pripov. Valjavca p. 4). Какъ видимъ, коренная гласная, подъявшись, не смотря даже на вполнѣ сохранившуюся гласную e, всё же v обращаетъ въ b. Обращаясь за послѣдними, важнѣйшими разъясненіями къ языку старо-славянскому, мы находимъ въ немъ наименованіе придворнаго οἰνοχόος (виночерпія) — чв-ак-ч-ии, безъ сомнѣнія, въ смыслѣ завѣдывающаго «чбанами», или «чванами». Речение «чванчій» произведено совершенно аналогично съ древне-славянскимъ же сам-ч-ии. Думаемъ, что реченіе «чванчій» тогда только и сложилось для специфическаго обозначенія виночерпія, когда обобщилось значеніе слова «самчіи» до «οἰνο-

[2]) Такое подъятіе, замѣтимъ, имѣетъ специфическое отношеніе къ гортанному зачалу слова. ср. ниж-луж chyla—чешск. chvile и пр.

νόμος». Ето образованіе относится къ весьма древней епохѣ, когда еще изъ славянщины не исчезъ корень sam въ значеніи «черпать» (ср. виночерпій), въ литовскомъ удержавшійся еще доселѣ semiù, sémti (черпать). Очевидно, что слово «чванчій», которое иначе назвать не можемъ, какъ старо-славянскимъ, вошло въ Россію вмѣстѣ съ юго-славянскою цивилизаціею Его, очевидно, не было въ русскомъ нарѣчіи, ибо ни въ былинахъ, ни въ лѣтописи нѣтъ о немъ и помину. Кромѣ того, ето ясно изъ того отрицательнаго, ироническаго значенія, съ которымъ употребляется отъименный, уже русскій глаголъ чваниться, основное понятіе котораго всего лучше опредѣлить французскимъ словомъ «courtoisie». Въ етомъ своемъ русскомъ моментѣ ето образованіе имѣетъ даже и областныхъ представителей: чвановатый (Новг Иск. Опытъ обл. слов стр. 255 "), чванышъ (Нижег. Ibidem) [1]) Но мы зашли слишкомъ далеко въ позднѣйшія судьбы етого обще-славянскаго корня. Гдѣ же онъ? На ето всего скорѣе можетъ намъ дать разъясненіе языкъ старо-славянскій. Въ немъ мы находимъ слово „чванъ", Востоковымъ опредѣляемое «смѣшанный». Слово ето встрѣтилось ему въ Апокалипсисѣ XIV стол.: „ѿ вина чвана нерастворена въ чаши гнѣва его" (τοῦ κεκερασμένου ἀκράτου ἐν τῷ ποτηρίῳ τῆς ὀργῆς αὐτοῦ), при чемъ глоссаторъ такъ объясняетъ ето, очевидно, уже забытое слово: чванъ же ѿ различенъ мѹкъ вино простии нарицаетьсѧ". Любопытенъ къ етому мѣсту слѣдующій правописный варіянтъ изъ одного синод. кодекса, приводимый въ Описаніи I, 129: ѿ вина простии вжіа. чвана нерастворена въ чаши гнѣва его. Ето даетъ намъ хорошій матеріалъ для заключеній о значеніи того корня чьк-, который лежитъ въ основаніи всѣхъ, нами здѣсь разобранныхъ, реченій: «намѣшать, налить». Областной русскій языкъ конкретностью значенія своего образованія «чевалка» («горшокъ съ замороженной ягодой» Арх. Опытъ обл. слов стр. 255 ") также не мало помогаетъ намъ Мы находимъ старѣйшую форму етого корня въ санскритскомъ cyu, первоначальное значеніе котораго, по мнѣнію Бенфея, есть «лить, выливать» (Glos. z. Sâma-Veda; s. v.), по мнѣнію же Рота и Бётлинга, «удаляться, падать, капать, изливаться» (S. Ptrsburger Wbuch; s. v.). Замѣчательно, что въ удвоеніи кореннаго слога cyu небная полугласная пропадаетъ, очищая отъ всего звуковаго комплекса только 1-й и 3-й его членъ: именно, въ формѣ

[1]) Распространенность, крѣпкая, такъ сказать, прививка етого инославянскаго слова объясняется извѣстнымъ изрѣченіемъ Св. Владиміра.

винословной, въ высшей степени рѣдкой и любопытной (Let aor. VII), съ предлогомъ apa, въ значеніи отгонять SV. I, 3, 1, 1, 7: «mahadbhayam... apacucyavat», т. е., «да отгонятъ великій страхъ». Впро чемъ, и самый корень при подъятіи коренной гласной является также безъ небной полугласной въ формѣ «çcotanti» RV. III, 1, 8 «ccotanti dhârâ madhuno ghritasya», причемъ схоліастъ Саяна толкуетъ, естественно, ето реченіе въ летто-славянскомъ смыслѣ. sravante (кр. sru течь). За высокую степень существенности етого оттѣнка въ значеніи скр кр. cyu, cyut ручается и то, что онъ фиксировался во второмъ составномъ членѣ слѣдующихъ сложныхъ именъ ведійскихъ: ghrtaçcut и ghritaccyut («масло» — или «жиръ — капляющій»), епитеты къ именамъ sruc, ûrmayah, dhenavah, paçavah и пр (С-ктъ Петерб. Слов. II, 894), и, что еще важнѣе, въ собств имени рѣки ghritacyutâ (Ibid. 892). — За ту же существенность етого оттѣнка ручается, однако, въ извѣстной степени и то, что Саяна чаще всего глоссируетъ кр. cut, cyut корнемъ kshar, или sru. Въ етомъ именно смыслѣ удержалось литовское, въ высшей степени любопытное, проявленіе етого корня, въ которомъ наблюдаемъ первую ступень смягченія начальной согласной корня. Я разумѣю затемненную литовскую тему tv-an tv-in, употребляющуюся въ значеніи «течь» («ir wan denis patwinno ir pakêle skrynę», etc. Gen. VII, 17—20), отъ которой переводчики литовской библіи образуютъ имя tv-an-as для передачи библейскаго «потопа». Замѣтимъ, что тематическій исходъ -an- также воплотился въ корень и также трудно отъ него отдѣляется, какъ въ реченіяхъ čb-an, čb-er и пр. Кромѣ етихъ, столь ясныхъ, въ своей родственности, образованій, юговосточная вѣтвь славянской рѣчи представляетъ и значительно видоизмѣненныя подъ вліяніемъ мѣстной, специфической евфоніи того или другаго нарѣчія; такъ, въ сербскомъ нарѣчіи изъ чв-ул, чв-уо измѣнилось въ жм-ул, жм-уо въ значеніи «calix, poculum». Такому фонетическому измѣненію имѣемъ и другіе примѣры: чварак—жмире (recrementa adipis). Иногда даже на разстояніи гласной, слѣдовательно — цѣлаго слога; такъ, — жуманце, или жуванце (vitellus ovi), стягивающееся и въ жутацъ (рус. «желтокъ»).

Возвращаясь снова къ чешскимъ реченіямъ čban, čber, мы разберемъ подробно и коренной ихъ составъ и образовательный Здѣсь представляются намъ два любопытныхъ вопроса: 1) обращеніе в въ б въ корнѣ и 2) соотвѣтствіе суффиксовъ an. er. Сначала первый. Въ самомъ корнѣ ето обращеніе в въ б происходитъ рѣже, но тѣмъ ети случаи ар-

хаичшѣе; такъ реченіе соб-а-ка, въ связи разбираемыхъ явленій, весьма легко объясняется изъ санскритской тематической формы çvan: *в* обращается въ *б*, какъ въ čvan, čber; носовая тема, по ниже нами разъясненному закону, исчезаетъ передъ суффиксомъ -ка. Зендъ, такъ часто открывающій намъ столь далекую историческую перспективу въ глубокую старину славянщины, и здѣсь служитъ посредникомъ между санскритомъ и славянщиною, склоняясь болѣе къ послѣдней, чѣмъ къ первому. Я разумѣю драгоцѣнное для насъ древне-бактрійское слово, сохраненное Геродотомъ I, 110 «τὴν κύνα καλέουσι σπάκα Μῆδοι». — Въ древне-персидскомъ реченіи σπά-κα слогъ -ка есть, очевидно, суффиксъ (Leo Meyer въ Z. f. v. S. V, p. 374) Етотъ вопросъ имѣетъ специфическое отношеніе къ славянскому словообразованію, ибо его правильнымъ разрѣшеніемъ можно прійти къ объясненію многочисленныхъ образованій на -ба, изъ которыхъ большая часть имѣетъ значеніе отвлеченное, или отглагольное. Мы выше привели слов. глаголъ po-hov-s-nu-ti, въ которомъ подъятіе коренной гласной вызвано интензивнымъ аффиксомъ -*s*-. Такое же подъятіе нерѣдко встрѣчаемъ и въ образовательномъ слогѣ передъ тѣмъ же интензивнымъ суффиксомъ -s. Такъ напр, въ словинскомъ же kol-av-s-a-ti, kol-av-s-n-ic-a, т. е «колыхать, колышница». Ето подъятіе ы представляетъ собою явленіе чреватое въ славянскомъ словообразовании. Приведенная словинская форма не только не лишена аналогій въ самомъ томъ парѣчіи, въ которомъ произошла, но и въ другихъ нарѣчіяхъ находитъ ихъ. Такъ, въ чешскомъ нарѣчіи находимъ образованіе тождественное, какъ по формѣ, такъ и по значенію, kon-av-š-i-ti, гдѣ n есть любопытная замѣна l; но въ чешскомъ парѣчіи образовательный слогъ av принялъ оттѣнокъ іонической, и преобладаніе остается за формою kon-ey-š--ti [1]). Изъ етого примѣра уже ясно, что образовательный слогъ есть -av-, корень же kol-, или kon- [2]). Ето еще яснѣе на словинскомъ же корнѣ hln или, съ благозвучною при гортанныхъ и небныхъ вставкою l, — hlln. Къ сожалѣнію, самый корень, имѣющій въ словинскомъ нарѣчіи значеніе притворства, хитрости, намъ не ясенъ, по отсут-

---

[1] Ниже объ етой благозвучной вставкѣ будемъ говорить подробно.

[2]) Реченіе чешское kon-ey-š-i-ti на многихъ основаніяхъ, здѣсь изложенныхъ, почитаемъ остаткомъ глубокой старины. Но какъ же мы будемъ цѣнить старину словацкой побочной формы kn-i-s-am (вѣроятно, вм. kn-y-s-am). Какъ пластарый зародышъ чешской формы, или какъ ея позднѣйшее стяженіе? Судя по общему выводу изъ чешско-словацкихъ аналогій, первый членъ альтернативы вѣрнѣе.

ствію аналогіи. Отъ него ето нарѣчіе производитъ слѣдующія образованія: him-ba, hin-ski, hlim-ba, hlin-i-ti, hin-en-je и пр. Но наряду съ етими, встрѣчаемъ образованія: hin-av-ec, hin-av-ka, hin-av-ski, hin-av-stvo, hin-av-š-i-na, hin-av-š-i-ti. Въ нихъ видимъ тотъ же образовательный слогъ -av-, что и въ kol-av-š-i-ti. Какое же етимологическое и словообразовательное значеніе имѣетъ етотъ слогъ -av-? Здѣсь мы познаемъ одну изъ тѣхъ творческихъ минутъ въ исторіи славянской рѣчи, къ объясненію которой намъ, кажется, не придутъ на помощь аналогіи языковъ родственныхъ, объясненіе должно, очевидно, вращаться въ кругу представленій исключительно славянскихъ. Обѣ семьи словъ имѣютъ значеніе сильно интензивное, между тѣмъ удвоенія коренаго слога, которое часто избирается славянскою рѣчью средствомъ выраженія интензивности значенія, мы не видимъ. Образовательный слогъ -ав- въ славянской рѣчи утверждается впослѣдствіи, какъ знакъ интензивности и часто удвоивается и утроивается для сильнѣйшаго выраженія интензивности, какъ напр., въ чешскомъ особенно часто Происхожденіе етого обыкновеннаго характеристическаго знака славянскихъ спряженій было неясно. Но, тѣмъ не менѣе, было ясно, что онъ, именно, служитъ выразителемъ интензивности дѣйствія, выражаемаго глаголомъ; онъ же, при томъ, и способенъ къ удвоенію, въ замѣну санскритскаго гунированнаго удвоенія кореннаго слога, какъ средства выраженія интензивности (bebhid, cekrîd). Послѣдующій анализъ, впрочемъ, нисколько не исключаетъ удвоенія кореннаго слога, какъ выразителя интензивности въ славянщинѣ. По закону аналогіи, етотъ выразитель интензивности настолько же участвуетъ и въ образованіи именъ. Достаточно привести въ примѣръ подобнаго образованія сербское ваволјак (globulus convolutus), съ строгою аналогіей глаголу ваволјити (conglobulo). Простую форму етого корня наблюдаемъ въ сербскомъ же реченіи валутъ (lapillus teres) и глаголѣ валјати (voluto) Въ полную аналогію съ реченіемъ ваволјак, какъ образованіемъ интензивнымъ, можемъ привести и другую, совершенно тождественную ему простую форму—валјак (cylindrus, scutula; нашъ валёкъ) съ однозначащимъ валуга. Итакъ, слогъ -av- впослѣдствіи является правильнымъ факторомъ интензивности. Но тѣмъ не менѣе наши два случая kolavšati и hinavšati не подходятъ, очевидно, подъ правильную, или, лучше сказать, подъ позднѣйшую функцію слога -av-, ибо онъ въ етихъ двухъ случаяхъ не является въ исключительномъ назначеніи глагольнаго характеристическаго

слога; напротивъ, онъ является въ цѣлой семьѣ словъ, произведенныхъ отъ одного корня, въ которой численно преобладаютъ именныя образованія. Но ето-то именно и есть существеннѣйшая особенность славянскаго словотворчества—отъименность глаголовъ, которая придавала ему въ глазахъ нѣкоторыхъ ученыхъ симитическій характеръ, хотя ета его особенность и коренится, какъ увидимъ ниже, въ глубинѣ арійской старины. Я объясняю себѣ ето явленіе слѣдующимъ образомъ. Слогъ -av- есть мѣстоименный указательный корень u, котораго значеніе въ славянскомъ словообразовании однажды разсмотримъ подробнѣе, употребляющійся, какъ извѣстно, какъ именной словообразовательный слогъ, во многихъ назначеніяхъ. Мы разумѣемъ образовательный мѣстоименный слогъ -ov-, играющій столь замѣтную роль, какъ въ склоненіи именъ существительныхъ, такъ и въ образованіи именъ прилагательныхъ относительныхъ. Тождество етого слога -ов- съ нашимъ слогомъ -ав- явствуетъ изъ слѣдующаго любопытнаго случая. Въ истрійскомъ разводѣ 1325 г. встрѣчаемъ весьма часто слова trnova lokva (Arkiv II, 2, pp. 254—256 et passim). Но ети два речснія замѣняются однажды образованіемъ съ слогомъ -av-. На одной и той же страницѣ (Arkiv II, 2, p. 256), въ одномъ и томъ же падежѣ чередуются ети формы: «..poli te lokve ternove... do te trnave»... Здѣсь онъ всего характернчнѣе употребляется въ именныхъ образованіяхъ: hinjava, hinjavec и пр. Но переходя въ суффиксъ, в переходитъ въ б, откуда вм. kolevka въ чешскомъ kolebka, вмѣсто старшаго образованія hinjava — himba. Отглагольное происхожденіе речения kolavka несомнѣнно: верхне-лужицкое нарѣчіе удержало доселѣ способность къ подобнымъ образованіямъ, какъ видно изъ пословицы «kaj-aw-ki su ne wroc-aw-ki» (Schmaller s. v.). Что касается до перехода слога -ab-, -eb- въ суффиксъ еб, ьб, то чешское нарѣчіе доселѣ весьма часто замѣняетъ суффиксъ -ьба суффиксомъ -ew. Да и самый старославянскій языкъ предлагаетъ случаи, каковъ женитъва вмѣсто женитьба (чьстьна женитъва ѡ бъсемь, и ложе нескврьньно Apost. šišat. p. 185). Наконецъ ихъ тождественность всего замѣтнѣе на тѣхъ случаяхъ, гдѣ они другъ съ другомъ сталкиваются, при чемъ языкъ, конечно, уже не чувствуетъ, что въ етихъ образованіяхъ повторяется дважды одинъ и тотъ же елементъ. Любопытно наблюдать ето явленіе на штирскомъ реченіи gravba (grabnja, jama Ahacel, Pesmi; p. 55), очевидно, вмѣсто grabava. Не смотря на то, что суффиксъ -ба забылъ свое происхожденіе, онъ, однако, согласно своему отъименно-гла-

гольному происхожденію, способенъ выражать оттѣнки залоговъ, такъ напр. чешское реченіе mlatba выражаетъ и «молоченіе» (triturам) въ дѣйствительномъ, переходномъ значеніи, и то, что вымолочено (Jungmann; s. v.) [1]).

Понятно теперь, почему образованія на -б а получили значеніе отвлеченное и употребляются напр. въ ново-булгарскомъ въ выраженіяхъ тавтологическихъ, подобныхъ слѣдующимъ: «Молба моли, сълзе рони» (Верковичъ р 262); «Мома Гроздена делба делила» (ibid. p. 278) Етотъ преобладающій отвлеченный оттѣнокъ въ значеніи оживляется именными суфиксами, вторично присоединяемыми. Такъ напр., старорусское образованіе знатба употребляется въ отвлеченномъ значеніи «извѣстность»: «4 городнѣ отинудь безъ знатбѣ занесе». Лѣт. Новг 1-я подъ 1143 г. Болѣе конкретное значеніе получаетъ ето образованіе при присоединеніи къ нему суф-ка въ смыслѣ «naevus maternus» въ Новгор. нар.: «Какъ у молода Добрыни Никитича подъ первой пазухой есть родимая знадебка» (Рыбн. II, 29). Итакъ, изъ того, что доселѣ мы имѣли случай разобрать, выводимъ: [1]) суф.-ба не только не имѣетъ аналогіи въ языкахъ родственныхъ, но и имѣть ея не можетъ, и по той именно причинѣ, что внутри самой славянской рѣчи, онъ имѣетъ значеше вторичное, какъ модификація мѣстоименнаго, образовательнаго слога -av-; во 2-хъ, отдѣливши отъ себя свою именную фукцію въ етомъ видоизмѣненномъ видѣ, слогъ -av- въ своей первоначальной формѣ удержался для образованія интензивныхъ глаголовъ отъименныхъ. Интензивный характеръ глаголовъ kolavšati и hinavšati свидѣтельствуется равнымъ образомъ и образовательнымъ елементомъ š-, который, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ своимъ первообразомъ -s-, въ доисторическую епоху служилъ характеристическою буквою будущаго времени, потомъ же удержался за нѣкоторыми глаголами, какъ характеристическій знакъ ихъ интензивности. Интензивное

---

[1]) Подобнаго рода явленіе, обличающее участіе елементовъ наклоненія въ именномъ образованіи усматриваемъ не на одномъ етомъ елементѣ; тоже явленіе замѣчаемъ и въ слогѣ -ѣ- напр. ви-ѣ-ви-ца (imber nivium, ср. ви-ѣ-ни-ца, ви-ѣ-ни-шче съ сербскимъ же ви-ли-ман). Какъ важно ихъ участіе, видно на подобныхъ сличеніяхъ: тряс-а-ви-ц-а (въ смыслѣ лихорадки) и тряска. Послѣднее, впрочемъ, употребляется въ ново-булгарскомъ и вмѣсто перваго: «че ми е утресла люта треска» (Верковичъ, р 12). Одно и тоже именное образованіе въ одномъ и томъ же нарѣчіи является и съ образовательною гласною глагола и безъ нея; нижне-лужицкое god-lo и god-a-lo (Rathsel)

значеніе етого афикса -с- яснѣе всего въ тѣхъ случаяхъ, когда его употребленіе объясняется аналогіей. Такъ напр., Сербское интензивное образованіе жиг-о с-а-ти (brandmarken, notam inuro) имѣетъ въ етомъ отношеніи любопытный синонимъ въ разнорѣчіи Еркскомъ, еще по Еркскому статуту 1488 г. — prežgati (Arkiv II, 2 passim). Нарѣчіе, которому принадлежатъ реченія kolavšati, hinavšati представляетъ немало случаевъ глагольнаго афикса -š- въ интензивномъ значеніи; таковы bog-š-a-ti (желать походить на Бога) del-ša-ti (наслѣдовать)—del-š-ina (подать), hval-i s-a-t-i (неумѣренно хвалить), iz-plev-š-a-ti, въ отношеніи къ iz-plju-niti, kroglej-š-a-ti podaj-š-ina въ отношеніи къ podajavce и пр. Разрозненныхъ остатковъ можно собрать не мало и по другимъ нарѣчіямъ, какъ-то: въ слов. bri-s-am (strkati, stossen), рус. бро-с-и-ть — лит. barstan, — czaú, — stýti (Pon's Diew's jůs iszbarste isz cze wissas zemes. Gen XI, 9). Интензивное значеніе имѣетъ -s-, конечно, и въ новобулгарскомъ глаголѣ tir-s-a-ti отъ извѣстнаго глагола тирати въ смыслѣ «гоняться за чѣмъ», особенно употребительнаго въ сербскомъ нарѣчіи: Отивам белко тирсѫ (Kolo V, p. 32) Любопытная, чисто-арійская коллизія свистящихъ происходитъ при соединеніи дезидеративной свистящей къ свистящей наконечной коренной. Я разумѣю корень, весьма развитой въ аріа-летто-славянской вѣтви, корень въ санскритѣ laç, lash, или las (Westergaard Radices, pp. 273, 295, 309), означающій 1) optare, cupere, desiderare 2) amplecti; 3) micare, lucere; и въ винословной формѣ 4) ludere facit, oblectare. Въ соотвѣтствіи съ первой формой, т. е., съ формою, имѣющею свистящую небную, въ славянщинѣ встрѣчаемъ гортанную въ реченіи алкать, алчный и пр, лит. alkstu. Мы видимъ доселѣ, что летто-славянская отвѣтвь остается вполнѣ вѣрною удержавшейся въ литературѣ точкѣ зрѣнія на корень, ибо и форма аналогична арійской и значеніе въ стадіи «optare, cupere, desiderare». Но уже въ формѣ настоящаго времени въ литовскомъ alk-s-t-u присоединяется дезидеративная свистящая. Етотъ дезиративный афиксъ является въ слитіи съ наконечной свистящей корешой, въ формѣ группы -ск- въ славянщинѣ—ласка, ческ. laskomina. Но значеніе, сводящее насъ къ первоначальному значенію корня «edere», уже является намъ въ очень старомъ древне-слявянскомъ сложеніи «ласкосрѣдіе (πολυφαγία, edacitas) или — въ стяженіи ласкрдіе (γαστριμαργία). Наконецъ, самое слово ласка, всего крѣпче удержавшееся въ славянскихъ нарѣчіяхъ—въ западныхъ въ смыслѣ «amor», въ восточныхъ—въ смыс-

лѣ «blandimentum», въ старо-славянскомъ представляетъ образованія, весьма приближающія ихъ къ санскритскому значенію «delectare»; ето— ласкочь и ласкочии (κολάξ, adulator). Ето значеніе «edere», уже дважды намъ выявившееся, наблюдается въ литовскомъ глаголѣ les-u, les-i-au lest-i [1]) (ѣсть, о птицахъ – клевать) не только преобладающимъ, но и единственнымъ («o paukszczei lese isz pintinio ant mano galwôs». Gen XL, 16) Едва ли можно иначе объяснить и глаголъ трескать въ его народномъ, первоначальномъ смыслѣ, какъ не тѣмъ же дезидеративнымъ образованіемъ отъ корня, родственнаго санскр. trish (sitiire) [2]). Наконецъ, отдѣльные случаи встрѣчаемъ и въ именныхъ образованіяхъ. Хорватское, именно, нарѣчіе сохранило намъ въ Винодольскомъ законѣ реченіе ar-s-al, встрѣчающееся въ смыслѣ «посла» въ слѣдующемъ мѣстѣ статута (§ 72. Kolo III, 81): i jošcje, niiedan posal nij' verovan koliko na pravdi ne buducj rocen, shranjeno ako jest po slan od dvora, komu poslu se govori hèrvatski arsal» Начиная съ суффикса, замѣчаемъ. что онъ общаго состава съ синонимическимъ древнерусскимъ реченіемъ съ-лъ. За правильность нашего анализа етого послѣдняго слова ручается слѣдующее соображеніе. Отрѣшая образовательный елементъ лъ, мы получаемъ слогъ съ-, какъ его коренной составъ, въ стяженной формѣ. Неусѣченную, полную форму етого корня находимъ въ санскритѣ — sa (entsenden) или у туземныхъ грамматиковъ so. Етотъ корень и въ санскритѣ склоненъ къ стяженію передъ образовательнымъ слогомъ IV-го класса. Въ такой стянутой формѣ встрѣчаемъ его напр. въ формѣ повелительнаго наклоненія въ 2-мъ лицѣ RV. II, 1, 3, 9 prajântvashtâ vishyatu nâbhin asme. [3]) Схоліастъ Саяна толкуетъ vishyatu — vimuncatu, vitaratu. Ясно, что глаголъ слать есть отъименный, котораго орѳографія удер-

---

[1]) Ср. санскр. форму las.

[2]) Елементъ с въ старославянской формѣ едва ли можно объяснять, при всей его архаичности, какъ форму будущаго времени. Онъ, ясно, — глаголъ отъименный, произведенный отъ имени, еще удержавшагося въ польскомъ biegas, перешедшемъ даже въ нѣмецкое, западно-прусское нарѣчіе въ формѣ faggas (herumtreiber. Förstemann въ Z. f v. S. I, p 416) Въ чешскомъ нарѣчіи подобныхъ именныхъ образованій болѣе: mamlas, manjas и пр. Даже въ санскритѣ его еще наблюдаемъ въ реченіи kriyâsu (отъ кор. kar; synon: „mandah", „trage im handeln". Hemacandra p. 59 N 13).

[3]) RV. III, 4, 9: «tannasturîyamadha poshayitnu deva tvashtarvi rarânah syasva.

живаетъ отъ корня лишь одну согласную; форма по-сы-л-а-ти своимъ ы передаетъ ту гласную, которая и въ санскритѣ звучала, по показанію туземныхъ лексикографовъ, невсегда какъ a и была склонна къ стяженію. Корень его древне-арійскій a r (ire) съ дезидеративною приставкою s, какую встрѣчаемъ при етомъ самомъ же корнѣ и въ санскритскомъ a r s h, какую встрѣчаемъ и при наиболѣе развитомъ корнѣ i (i-r e, u-t u) — i-s h mittere, — именно въ значеніи старо-хорватскаго «арсала» (Benfey Gloss. z. W. s p., 26 Westergaard, p. 278). — Реченіе нес-ж нес-ти едва ли не прійдется произвести отъ корня nî (ducere) съ тѣмъ же интензивнымъ афиксомъ Въ санскритѣ есть именныя образованія отъ кр. nî, наводящія на ето сближеніе: neshtar (B-R. s. v.: einer der Hauptpriester beim soma-opfer; derjenige, welcher die gattin des opfernden h e r b e i f ü h r t); n e s h t r a m (n e s h t u h karma p r a s t h i t a y â j y â d i r û p a n t a v a. sch.). Елементъ e вмѣсто ѣ, объясняется глубокою стариною такого образованія, помутившею фонетическій составъ корня [2]) Могло также повліять на паденіе вокализма присоединеніе афикса c, тѣмъ болѣе, что въ сербскомъ язы ѣ находимъ образованія отъ простаго корня ни, какъ съ предлогами од-ни|ети, такъ и безъ предлога ni-ti (нѣти, нести) у Ягича о Сиренѣ II Зрини въ Književnik III, 392.

Въ заключеніе етого епизода о интензивномъ афиксѣ s въ славянщинѣ при слогѣ a v приведемъ два любопытныхъ примѣра изъ двухъ етнографическихъ полюсовъ славянщины – изъ нарѣчія новобулгарскаго и ново-чешскаго. Иногда интензивное образованіе получаетъ значеніе въ сильной степени обособленное отъ простаго, хотя ихъ сродство и весьма ясно. Въ примѣръ приведемъ новобулгарское тр-ош-ити, представляющее, очевидно, интензивное расширеніе корня тр («тереть») [2]). Оно

---

[2]) Ср руо. пе-тр-ош-и-ть

[1]) Если видѣть въ елементѣ e реченія н е с т и непреодолимое препятствіе къ предложенному объясненію, то предлагаемъ другое объясненіе етого славянскаго глагола. Въ санскритѣ находимъ весьма архаическій корень n a s atmpad (n a s a t e), въ Нигантахъ приводимый, какъ одинъ изъ синонимовъ «хожденія» (gatikarmâ Nigh II, 13) Яска въ Нируктѣ (7, 17), приводя ведійское мѣсто «ghritasya dhârâh samidho n a s a n t a» толкуетъ въ немъ корень n a s «âpnotikarmâ vâ namatikarmâ». Въ етомъ значеніи и употребляется сей корень въ слѣдующемъ мѣстѣ RV te s u m a t i b h i h sampatnibhir n a v r i s h a n o n a s î m a h i. — Нашъ глаголъ нести удержался только въ дѣйствительномъ залогѣ, въ переходномъ значеніи; какое же его не переходное значеніе? Форма страдательнаго залога въ организмѣ славянскаго словотворчества вымерла; но припомнимъ, что съ возвратнымъ мѣстоименіемъ «ся» въ

встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ: Верковичь p. I. «Гора трошеше, двори градеше». Другія нарѣчія удерживаютъ только именное образованіе, сохраненное чешскими нарѣчіями tr-o š-k u, tr-o š i n-k u, tr-o š-i č-k u и пр. Другой примѣръ, который мы имѣли въ виду, представляетъ чешское интензивное образованіе — d l a b-s-a-ti, гдѣ l, очевидно, епентетически вставлено, слѣдовательно, вмѣсто d a v-s-a-ti: интензивная форма къ глаголу д а в-и-ти. Во всѣхъ етихъ образованіяхъ коренная гласная гунирована; ея чистый звукъ наблюдаемъ въ интензивной же, совершенно, впрочемъ, какъ по формѣ, такъ и по значенію, тождественной формѣ d u-s-i-ti или r d u-s-i-ti (z a-r d u-s-i-ti). Ети чешскія образованія совершенно другъ друга покрываютъ: даже епентетическая плавная въ первомъ образованіи слѣдуетъ за коренною d въ звукѣ l, во второмъ предшествуетъ ей въ звукѣ r. Какъ легко въ литовскомъ и славянскихъ языкахъ интензивный елементъ с входитъ, такъ сказать, втѣляется въ самый корень, ясно изъ слѣдующаго случая. При интензивной формѣ бѣ-с-и-ть (бѣ-съ) славянщина удерживаетъ и простую бои-нзнь и пр.; въ литовскомъ же встрѣчаемъ туже интензивную форму, но съ исключеніемъ простой, которую она уже вполнѣ замѣнила: b a i s i u; b a i s ė j u; b a i s ù s (adj); b a i s ì n g a s; b a i s ý b e; b a i s ù m a s и пр. Какъ свидѣтелей древней словотворческой мощи слога -a v- приводимъ изъ словинскаго нарѣчія: d i š a v a, t e ž a v a, s p o z n a v a, g o l i č a v a, p i s a v a, p l a n j a v a, g o l j a v a, g o š a v a, или g o š č a v a (ст-слав. гѫштавл) на-

---

русской формѣ «несусь», етотъ славянскій глаголъ употребляется именно въ томъ самомъ значеніи, въ которомъ употребляется atmpad 'nasate, по авторитету Nigh. II, 14, — въ значеніи «хожденія» (gatikarmâ). Въ значеніи âpnoti заключается противуположный полюсъ значенія «нести» (bharati) Етой игрѣ значеній имѣемъ аналогію въ корнѣ dâ (дать), означающимъ въ сложеніи съ предлогомъ â — «взять».

Названіе fuíminis въ славянщинѣ. реченіе рѣка, основано на той поетической игрѣ понятій, по которой въ ведійскомъ санскритѣ рѣка сравнивается съ sî-râ отъ корня si вязать) r i n o r a p a h sîrâ n a s r a v a n t i h (у Куна Z. f v S. II, p. 457). Рѣка представляется здѣсь поету нитью, тянущеюся вдоль земли. Санскритскому реченію sî-râ соотвѣтствуетъ въ греческомъ языкѣ образованіе вполнѣ тождественное σειρή (веревка, цѣпь), съ сохраненіемъ даже законосообразной долготы коренной гласной и акцента. Въ полную аналогію съ sî-râ: σειρή, соотвѣтствуетъ и славянскому реченію рѣ-ка: рѣмѧ (рѣ-мень), рѣ-т-ѧзь. Отъ того же корня въ глагольной его функціи образуется дезидеративный глаголъ рѣ-ш-и-ть. Въ простомъ своемъ видѣ, не осложненномъ дезиративнымъ суффиксомъ, корень етотъ не фунгируетъ, какъ глаголъ. Итакъ въ евангельскомъ раз-рѣш-ен-іи ре-мня мы видимъ весьма архаическую тавтологію.

ряду съ gostoba; особенно сильно выражался глагольный оттѣнокъ въ образованіяхъ. izpeljava, obravnava, očetnjava. Мы, впрочемъ, не думаемъ ограничивать етого образованія областью словинскаго нарѣчія. Подобныхъ довольно представляетъ и русское и сербское нарѣчія. Послѣднее даже и въ остаткахъ своей писменной старины, кк. напр. tvarjava у дуклянскаго попа (Arkiv I, p. 12). Словинское нарѣчие представляетъ и такіе случаи, въ которыхъ реченіе съ суффиксомъ — ava совершенно покрываетъ реченіе съ суффиксомъ—ba, такъ напр. hranva, hranba, hranvica, (ящикъ), murva-murba, kurva—kurba; или iazvec, iazvečji, jazvečina — iazbec, iazbečji, iazbečina. Весьма убѣдительно указываетъ на совмѣстность, такъ сказать, именной и глагольной функціи въ суффиксѣ -av- реченіе isk-aven (adj.), которое трудно передается иначе, какъ причастіемъ «ищущій». Ети и подобныя явленія переходятъ послѣднюю межу именныхъ и глагольныхъ образованій въ тѣхъ именахъ, въ которыхъ встрѣчаются оба нами разобранные елементы интензивности въ глаголахъ hinav-š-ati и kolav-ša-ti; таковы образованія kl-av-ec (schlachter, отъ кр. клѧ: клати), kl-av-er-n, kl-av-š-ina. Въ полную аналогію къ послѣднему речешю можемъ привести названіе, донесенное изъ языческой старины, для жертвы сожженія—po-žg-av-š-n-ica Весьма любопытны образованія: ml-ev-š-ina и tk-av-š-ina («деньги за помолъ, за тканье») Въ именныхъ образованіяхъ kl-av-š-ina pozg-av-š-n-ca очень живо передается оттѣнокъ будущаго времени («животное, обреченное на жертву»). Способность выражать интензивность перенесена на тѣ же образовательные елементы и въ именахъ, принявшихъ ихъ въ свой составъ; напр. kmet, реченіе, употребляющееся и безъ того съ презрительнымъ оттѣнкомъ, для усиленія етого оттѣнка образуетъ kmet-av-s (мужичишко), той же словообразовательной стадіи реченіе z-mik-av-t (предводитель воровъ), сличенное съ глаг. z-mik-ov-a-ti (имѣть обыкновеніе воровать). — Совершенно аналогично чешскому koneyšati образуется въ словинскомъ mlahneyšati вмѣсто mlahnavšati, судя по образованіямъ mlahoven, mlahovnik и пр Замѣтимъ еще слѣдующія однородныя именныя образованія: po-snem-av-n-ica (ложка), po-s-vet-ov-av-n-ica (ратуша), sp-av-ač (сонливый человѣкъ), sp-av-n-ica (спальня) -sp-av-a-ti. Въ рѣдкихъ случаяхъ афиксъ, обращаясь въ б, вростаетъ въ корень; какъ напр. въ прилаг имени trez-b-ek (трезвый), очевидно, дальнѣйшемъ прилагательномъ образованіи отъ существительнаго *trez-ava. Есть ли, въ основаніи,

и ета черта славянскаго словообразованія специфическою особенностью славянщины? Вопросъ, могущій приблизиться къ разрѣшенію сближеніемъ етихъ, здѣсь нами описанныхъ, явленій словообразованія съ ниже изслѣдуемыми глагольными образованіями, съ характериститескимъ слогомъ -ну, неорганическимъ старославянскимъ правописаніемъ,—нж. Извѣстно, что VIII классъ санскритскихъ глаголовъ образуется елементомъ -u-, несомнѣнно родственнымъ тому славянскому образовательному -av-, который составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, какъ крѣпкое звѣно между именемъ и глаголомъ. Въ отвѣтъ на выше нами поставленный вопросъ мы довольствуемся пока слѣдующимъ зоркимъ наблюденіемъ Бенфея:.... «Wenn man bedenkt, dass die Prasensthemen auf nu eigentlich nur Denomativa von Nominibus auf nu sind, so liegt die Möglichkeit nah, dass einst auch Nomina, welche durch suffix u gebildet waren, zur Bildung von Präsensthemen gebraucht sein könnten, und ein solches in k a r-u als Prasensthemen von k a r (т. е., k a r-ô-mi) zu erkennen sei. Der Grund dass diese Prasens-Bildung im sanscrit ganz einsam stande, hochstens vielleicht in dem dann wohl eben so zu deutenden t a n-u ein Analogie fände, verschlagt sehr wenig» [1])... Что катается до послѣдняго предложенія, то дѣло разъясняется ниже, при разсмотрѣніи характеристическаго слога -ну-.

Покажемъ переходъ в въ б еще на нѣкоторыхъ въ словообразовательномъ отношеніи любопытныхъ явленіяхъ. Замѣтимъ сначала, что переходъ етотъ, какъ увидимъ, былъ явленіемъ столь обыкновеннымъ въ нѣкоторыхъ парѣчіяхъ, что вызвалъ собою и обратное явленіе — переходъ б въ в. Мы намѣренно избираемъ примѣръ подобнаго перехода изъ парѣчія верхне-лужицкаго, ибо изъ него намѣрены изойти въ послѣдующемъ анализѣ. Оно именно предлагаетъ подобное явленіе въ своемъ сложномъ реченіи d o j s t w y (т. е, «до избы»), тѣмъ болѣе любопытномъ, что въ немъ, при всемъ искаженіи слова, однако сохранился коренной елементъ (у Нестора—и с-т о п-к а). Коренная гласная п (р) издавна обратилась въ в (б) и, какъ б, принадлежащее суффиксу, испытала снова обычное превращеніе въ в (v) Превращеніе же п въ б въ етомъ реченіи обезпечено чешскими образованіями собственныхъ именъ, — личнаго I i s t b e š a (Erben Regesta Ao. 1057) и мѣстномъ J i s t b i c e (Ibidem Ao. 1223). Впрочемъ, въ верхне - лужицкомъ ето

[1]) См. Orient und Occident III, 2, pp. 216—217

слово, и, именно, въ приведенной формѣ, встрѣчается и не въ одномъ вышепреведеномъ адвербіяльномъ образовании; существуетъ и реченіе stwa, свободно измѣняющееся, которое, напр, наблюдаемъ въ винительномъ падежѣ stwu Pjesn. I, 121 (№ XC) Обратное етому явленіе видимъ въ верхне-лужицкомъ же реченіи solobik. Можетъ прежде всего остановить вниманіе лингвиста полногласіе плавной, которое привыкли почитать за исключительную особенность русскаго нарѣчія. Но на ложныхъ посылкахъ трудно что нибудь и основывать: мы, напр., и въ словинскомъ нарѣчіи находимъ разрозненные слѣды етой, какъ видно, прастарой фонетической особенности славянщины въ реченіяхъ bereg, smereka. За старѣйшую форму рѣченія solobik, соловей почитаемъ сербско-словинскую slavulj (ср. крагуй, Крагуевацъ и проч.). Въ сравненіи съ етою старѣйшею формою, полногласіе лужицкое сильнѣе русскаго, ибо въ русской формѣ второе о (послѣ л) принадлежитъ дифтонгу -ов-, въ лужицкомъ же дифтонга не находимъ, ибо в обратилось въ б [1]). Въ аналогію съ slavulj - соловей - solobik образовано русское реченіе воробей изъ звукоподражательнаго корня глагола чешск. vravorati - braborati - berbriti - berbotati и т д., на которомъ остановимся нѣсколько ниже. Нашъ анализъ предполагаетъ первоначальную форму — брабуль, вравуль, или врабуль (какъ slavulj), отъ которой обычнымъ измѣненіемъ l въ j и ij въ ej образовалось воробей (какъ соловей). Возможно близкую форму къ slavulj даетъ языкъ польскій («przenesy se na gor iaco wrobl» Psl. Marg. X, 1; p. 6) и верхне-лужицкое vrobyl (Pjesn. I, 257) Русское образованіе стебель, хорв. steblo, steber (столпъ) также получаетъ объясненіе лишь изъ верхне-лужицкаго st - w - el - ec, изъ котораго ясно происхожденіе слова отъ кр. ста — съ образовательнымъ -av-. Ета лужицкая форма подтверждается и областною русскою остевёлокъ, существующею въ пск. и тв. губерніяхъ, наряду съ реченіемъ остебёлышъ, для обозначенія отпавшаго стебля, и вмѣстѣ съ нимъ ручается за родство реченій стебель и стволъ. Въ вараждинскомъ нарѣчіи даже и употребляется реченіе стебло въ смыслѣ ствола: «mora šamu skršiti tak da stebla na jen kup, svršje na jen kup i korenje na jen kup spravi» (Prip. Valj. p. 107). Выше приведенный

---

[1]) Въ лужицкомъ же встрѣчаемъ и явленіе полярное только что разобранному — solojik (Pjesn. I, 180 № CLV).

анализъ реченія «воробей» приводитъ насъ къ разсмотрѣнію чешскаго реченія vravorati, braborati etc., слов. berboriti или berbotati, старо-русскаго боробрити (въ сбор. XVI в. гр. Румянцева „имѣаше же сты (Іоанн Архіеп. Новг.) сосудъ сводою стомуъ, из него же сты оумываашесѧ и слыша въ сосуде шномъ никоторого боробрюща (msc. al. поропшоущѧ) въ водѣ“. Msc Rum. № 154, f. 134 [1]). Въ ново-булгарскомъ является етотъ корень въ формѣ врева въ значеніи «говорить»: «Емъ двори мете, емъ на слънце вреви: Іой слънце, слънце, іой ясно слънце» (Верковичь p 240 et passim). Древнее летто-славянское существованіе етого корня засвидѣтельствовано литовскими реченіями: blebénti (болтать), blèberis (болтунъ). Простая, неудвоенная форма съ плавною л вмѣсто р сохр няется доселѣ въ русскомъ языкѣ въ рѣченіи бол-т-ать въ обоихъ смыслахъ: 1) говорить несвязно (ср. лит. blebenti) и 2) болтать въ водѣ (ср. ст.—русское боробрити). Самый чистый видъ корня мы извлекаемъ изъ старо-чешскаго образованія var-y-to («vze varyto zvučno». KR). Послѣдній издатель краледворской рукописи, Коржинекъ сближаетъ ето образованіе съ глаголами vrzíti, varziti. Намъ неясно ето сближеніе. Не считая умѣстнымъ вдаваться здѣсь въ далекія сближенія съ родственными языками, мы производимъ реченіе var-y-to отъ глагольной темы варв, входящей въ составъ именныхъ образованій и вообще дальнѣйшаго словообразовательнаго движенія посредствомъ суффикса -ор: вра-в-ор etc. Независимыми отъ етого словообразовательнаго развитія остались, очевидно, старѣйшія образованія: вр-лв-ии (рус. воробей) и вар-ѵі-то. Глагольная тема въ нихъ совершенно ясна: въ первомъ — въ слогѣ -ov-, во второмъ — въ его стяженіи, въ елементѣ ѵі. Глубокую древность етого словообразовательнаго процесса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фонетическаго перехода в въ б доказываетъ литовское реченіе birbýne, которымъ называется дѣтскій музыкальный инструментъ изъ пера или изъ древесной коры. Ета черта, какъ и множество другихъ подобныхъ, втягиваетъ, такъ сказать, литовскій языкъ въ семью славянскихъ. Въ высшей степени занимательнымъ и поучительнымъ находимъ сей переходъ отъ древнѣйшаго значенія чешскаго варыта къ значенію литовскаго реченія birbýne. Доисторическія вѣрованія народовъ часто оста-

[1]) Варіантъ № 160 объясняется именнымъ образованіемъ порплица (вм. боробрица): вертится яко порплица предо мною. Прол. Сунод № 248, X февр.

вляютъ слѣдъ по себѣ въ многозначительныхъ народно дѣтскихъ играхъ; такъ и старославянское варыто еще непосредственно послѣ той епохи, когда Литовцы и Славяне составляли одно племенное цѣлое, въ нѣкоторыхъ частяхъ етого распавшагося цѣлаго оставило слѣдъ въ дѣтской самодѣльной свирѣли. По значенію, впрочемъ, литовская birbýne можетъ содержать въ себѣ и древнюю реминисценцію звукъ, издаваемый «вравіемъ» могъ служить старымъ основаніемъ для перехода отъ значенія варыта къ значенію birbyne. — Въ высшей степени важнымъ кажется намъ соотношеніе фонетическихъ подробностей, уясняемое составомъ русскаго слова мур-ав-ей. Составъ его, какъ ясно, совершенно тождественъ только что разобраннымъ реченіямъ славій и вравій Въ аналогію съ сими реченіями образуется старославянское мр-ав-ий; въ чешскомъ — mr-aw-en-ec или br-ab-en-ec (греч. діал. βόρμαξ вм. μόρμαξ). Но побѣдоносныя аналогіи зенда и греч. яз. заставляютъ насъ думать, что русская форма мур-ав-ей имѣетъ несомнѣнныя преимущества первоначальности, ибо зендское maoiri (murya) Vd. 16, 28; 14, 14. 15; 18, 146, также какъ греческое μόρμαξ и новоперс. mûr предполагаютъ хотя и не вполнѣ ясный по значенію, корень mur. Приведемъ еще 2 примѣра перехода в въ б изъ нарѣчій, наиболѣе другъ отъ друга отдаленныхъ. Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи формамъ великорусскимъ тулов-о, тул-ов-ище весьма точно соотвѣтствуютъ: тул-уб-ъ («у трецей хацѣ усё тулубы чоловѣче» Аѳан III, 31—32), тул-об-ище (ibid. pp 15—20). Первое реченіе (т. е., тул-уб-ъ) едва ли принадлежитъ одному бѣлорусскому нарѣчію, ибо оно употребительно повсемѣстно въ смыслѣ извѣстнаго короткаго одѣянія изъ овчины. Въ Приборѣ на Моравѣ яворъ произносится, какъ jabor: «Hnala Anka kravy Pres les jaborovy» Sušil p. 101 et passim); чешское klobeštra, klobeštrati, др.-чешск. и словацк. klebeta, klebetati наряду съ kleveta. Въ чешскомъ даже евфоническое в переходитъ въ б, такъ, pribuzny вм. privuzny изъ priuzny, какъ ето реченіе читается въ Вацерадовыхъ глоссахъ (Alt-Böhm. Sprchdenkm. 222 b.). Въ верх.-луж. вм. scjerva-scjerba («Lež ty znivy scjerbe». Pjesn.). Въ словинскомъ strєva strjebine (Nachgeburt); tetreb (рус. тетеревъ), образованіе аналогическое рѣченію jas-tr-eb (рус. яс-тр-еб-ъ), отъ корня jad, ѣд, конечно, осложненное суффиксомъ -eb- (изъ -av-), nomen agentis, въ значеніи «пожирателя». Изъ многочисленныхъ, самихъ по себѣ ясныхъ, аналогій

арійскихъ приведемъ особенно любопытную зендскую; отъ корня g a r e w (scr. g a r h изъ g a r b h) въ сравнит. степени прич. прош. соверш. обращается v въ b: j a - g e r e b - u s - t a r a.

Перейдемъ къ анализу суффиксовъ -n- и -r-, чередующихся въ реченіяхъ č b - a n - č b - e r. Ето явленіе словообразованія играетъ уже весьма замѣтную роль въ арійской старинѣ Изъ лингвистовъ особенное вниманіе посвящалъ ему Бенфей въ многочисленныхъ своихъ изданіяхъ и монографіяхъ. и вездѣ исходилъ Бенфей въ етихъ своихъ изслѣдованіяхъ изъ образованій санскритскихъ. — Какъ глубоко проникли ети образовательные елементы во внутреннія складки славянскаго словообразованія, замѣтно особенно на тѣхъ сильно осложненныхъ образованіяхъ, которыя носятъ на себѣ ясный отпечатокъ старины; какъ напр. чешскія формы č e c h - r - a t i и c o c h - n - i t i (ср. č e s - a t i) —Что касается до именныхъ образованій, то въ большинствѣ случаевъ, особенно характеристическихъ, чередованіе суффиксовъ -н- и -р- имѣетъ вліяніе на словообразованіе рода, какъ напр гж-жіни, чешск. h a u s - e r (ниж. - луж. h a u s s - o r) - anser mas. Для самки (anas) чешское нарѣчіе образуетъ, хотя и отъ другаго корня, но съ тѣмъ же суффиксомъ -н-, обратившимся въ подобныхъ образованіяхъ въ родовой признакъ, — k a c h - n a, наряду, впрочемъ, съ k a č - k a, k a č - i c - e. Что суффиксъ -n- принадлежитъ здѣсь исключительно родовому движенію словообразованія, ясно уже изъ одного того, что уменьшительное образованіе въ нижне-лужицкомъ нарѣчіи его елидируетъ: k a s c h é (die junge Ente, gen. k a s c h é - s c h a), при дальнѣйшимъ движеніи k a s c h é t k o. Замѣтимъ, притомъ, что нижне — лужицкое нарѣчіе отъ етого же корня образуетъ реченіе и для мужескаго рода съ суффиксомъ -r-: k a z - o r (Entrich); для женскаго же, въ аналогію съ чешскимъ k a č - k a—k a z - k a. Совершенно аналогично, къ чешскому k o c - ú r и русскому к о ш - к а образуетъ нижне лужицкое нарѣчіе реченіе k a s c h e. Характеръ несомнѣнной достовѣрности даютъ нашему анализу чешскія реченія h o c h - n a, k m o c h - n a, гдѣ, именно, суффиксъ -na- яснѣйшимъ образомъ является выразителемъ женскаго рода, ибо реченія h o c h, k m o c h суть имена мужескаго рода, отъ которыхъ непосредственно идетъ движеніе къ женскому роду черезъ суффиксъ -n a. Любопытно въ томъ же отношеніи чешское образованіе для свиньи c h r o c h - n a (Rada zwirzat; ср. рус. хрюка). Но, какъ сказано, етимъ родовымъ назначеніемъ не ограничиваются наши суффиксы; хотя соотвѣтствіе между ними и наблюдается во всѣхъ ихъ разнооб-

разныхъ проявленіяхъ; какъ напр , въ чешскихъ образованіяхъ: chud-in-a, chud-in-ka· chud-er-a, chud-er-la-wy и проч. Примѣръ по значенію ближайшій къ реченіямъ čban: čber, даютъ намъ словинскія речения kat-ur и kat-un (пастушій шатеръ). Реченіе кат-оун-ъ употребляется и въ старо славянскомъ (castra, locus mulgendis aestate ovibus. Trstenjak въ Slov. Glasn. X, p. 373) Древность летто-славянская свидѣтельствуется литовскими реченіями· blèberis (болтунъ)—blebenù (болтать) Но и назначеніе обѣихъ суффиксовъ, какъ признаковъ родовыхъ есть явленіе, очевидно, глубокой древности. Мы его наблюдаемъ въ ведахъ, хотя и въ обратномъ порядкѣ, т. е., -n- для муж. рода, -r- для женскаго; напр. SV. 1, 1, 1, 5, 6 çrudhi crutkarna vahnibhir devairagne sayavabhir, гдѣ изъ формы sayâvabhir извлекаемъ тему sayâvan (спутникъ); SV. 1, 5, 1, 3, 1 yâ indrena sayâvarîr vrishna madanti çobatha vasvîranu svarajam, гдѣ изъ sayâvarîr (т. е., gauryah) заключаемъ форму sayâvarî. Итакъ, мы имѣемъ въ матеріяльномъ отношеніи тождественное, въ формальномъ же обратное, отношеніе суффиксовъ n и r. sayâvan—sayâvarî. Подобныхъ образованій можемъ привести массу· pîvan—pîvarî (гр. πίων, πίειρα), sançiçvan—sançiçvarî, çakvan — çakvarî, vibhâvan — vibhâvarî, ritâvan—ritâvarî и пр. и пр.

Не смотря на всю убѣдительность етого ряда примѣровъ, мы склонны скорѣе приписать ету черту только извѣстной словообразовательной епохѣ санскрита Во всякомъ случаѣ она не можетъ быть названа искони присущею (inhaerens), ибо совершенно законосообразно можно возстановить суффиксъ—ra и для мужскаго рода: jitvan, jitvara-jitvarî; itvan, itvara—itvarî; naçvan, naçvara—naçvarî; gatvan, gatvara-gatvarî; dhîvan, dhîvara-dhîvarî; pîvan, pîvara-pîvarî (Weber въ Ind. Stud. II, p. 297; adn. 2) —Въ заключеніе о суффиксахъ -n- и- r- обратимъ вниманіе на нѣкоторыя явленія, въ которыхъ они подвергаются осложненію. Даже и въ своихъ осложненіяхъ, ети суффиксы постоянно идутъ рядомъ во взаимносоотвѣтствующей аналогіи. Уменьшительные суффиксы -ер- или -ар- суть осложненія простаго носоваго суффикса -н-. Ето весьма ощутительно напр. на новобулг. реченіи малѣки (ср. рус. маленькій): мушко то дете малѣко (Верковичь, p. 3) [1].

[1]) Тѣмъ болѣе важно ето ново булг. реченіе, что сохраняетъ на первой степени палатализацію зубныхъ.

Мы видимъ въ сербскомъ нарѣчіи етотъ суффиксъ постоянно чередующимся съ суффиксомъ -ур-: врећурина-врећетина; гаћурина-гаћетине; главурина-главетина; гливетина-гливурина, девојчетина-девојчурина; краветина-кравурина и пр. Интензивность значенія, которую придаетъ именамъ етотъ суффиксъ -р- колеблется между оттѣнками увеличительнымъ и уменьшительнымъ. Трудно рѣшить, какой изъ етихъ двухъ оттѣнковъ имѣетъ за собой преимущество первоначальности. Большинство случаевъ на сторонѣ оттѣнка увеличительнаго; но нѣкоторыя реченія, образуемыя тѣмъ же суффиксомъ, отличаются замѣтною архаичностью; таково реченіе вараждинскаго подрѣчія dеč-ar-ec («ali bil je onda slab i maleni dečarec tak, da su ga njegovi pajdaši tući mogli». Prip Val. p 64). Какъ первоначальная форма, она ясна изъ сличенія вараждинскаго же pust-ar съ рус. пустырь, изъ которыхъ оба имѣютъ оттѣнокъ увеличительный въ значеніи, тогда какъ въ рус. реченіи пуз-ырь (въ отношеніи къ пузо), въ аналогію съ реченіемъ dečarec, видимъ оттѣнокъ уменьшительный [1]).

Замѣтимъ наконецъ еще разъ, что ето соотношеніе суффиксовъ -n- и -r- встрѣчается въ образованіяхъ древне-арійскихъ для отца, внука и пр. patar*patan, какъ заключаемъ изъ patnî; naptar napâtan, какъ заключаемъ изъ napât и пр. (Benfey въ Z. f. v. S. IX, p. 112).

Теперь обратимся къ послѣднему пункту нашего анализа реченій čb-an: čb-er, касающемуся патализаціи въ корнѣ етого реченія, которую наблюдаемъ въ родственномъ санскритскомъ корнѣ cyu. Ето явленіе патализаціи повторяется въ литовскомъ, но съ тою замѣчательною особенностью, что рядомъ съ іотою остается несмягченная гортанная: такъ напр. въ реченіяхъ kiáu-ne (marder)—рус. ку-на, ку-ни-ца, kiau-le—рус. св-ин-ья или, проще, вараждинское svija (Pripov. Valj. p. 127) [2]). И притомъ замѣтимъ, что какъ въ корнѣ cyu небная полугласная отпадаетъ, оставляя одну того же органа согласную (cu), такъ и нѣкоторымъ литовскимъ реченіямъ съ патализаціей гортанной к іотою въ санскритѣ соотвѣтствуютъ формы безъ всякой патализаціи; напр. лит. kiauszis

---

[1]) Въ сербскомъ нарѣчіи смѣна суффиксовъ n- и -r- такъ часто повторялась въ словообразованіи, что она отражается даже и на словамъ иноязычныхъ, вн. напр: див-ан: див-ор.

[2]) Въ тои же сказкѣ, впрочемъ, встрѣчаемъ и kója вм. konja, zgajat. вм. zganjat.

(Donaleitis p. 32, v. 229)—скр. kosha (oeuf syn. peçî, andan Amarak. I, p 124, v. 4) Соотношеніе же небной свистящей и гортанныхъ въ литовскомъ языкѣ, сравнительно съ славянскими, наблюдается не рѣдко· ср. лит. szér-ti – слав. кор-м-и-ть (szkas ir kiaulés glupàs pàs Bièberi szérei» Donaleitis p. 33, v. 261) При свистящихъ литовскій языкъ допускаетъ іоту даже и въ реченіяхъ иноязычныхъ, какъ напр. siulyti—изъ рус. сулить, pasziure (schupfen Donal. ed. Schleicher, s. v.) изъ нѣм. schauer, sziule—schule Тоже явленіе палатализаціи встрѣчаемъ и въ чисто-литовскихъ корняхъ; такъ напр. siuti, iterat. siuvinéti—слав. ши(в)ти, шв-ецъ и пр. Настоящее время и аористъ глагола siuti звучитъ siuv-u, siuv-au. Архаическая группа -uv- вполнѣ гармонируетъ той старинѣ, которую наблюдаемъ въ палатализаціи свистящей. И въ славянщинѣ палатализація, выразившись разъ въ смягченіи с въ ш, еще глубже чувствуется въ той словообразовательной складкѣ, которую каждый замѣтитъ въ формѣ шью etc., при сравненіи съ формою шв-ецъ, съ глаг. рв-у и пр На форму шь-ю мы смотримъ такъ именно: при нерасположеніи къ дифтонгамъ, славянщина удержала небную іоту, родственную по органу ш, пожертвовавши ей в, хотя послѣдній елементъ въ составѣ корня важнѣе чисто фонетическаго елемента іоты. Санскритскій корень звучитъ вполнѣ тождественно литовскому, какъ въ глагольной своей флексіи, такъ и въ именныхъ образованіяхъ; такъ напр. syû-man (ткань, одежда), реченіе нерѣдко встрѣчающееся въ Ведахъ: RV. I, 113, 17 syûmanâ vâca udiyarti vahnih stavâno rebha ushaso vibhâtîh; RV. III, 61, 4 ava syûmeva cinvatî maghonyushâ yâti svasarasya patnî. Къ послѣднему мѣсту схоліастъ Саяна глоссируетъ syûmeva vastramiva vistritam tanô. Какъ ясно, въ обоихъ случаяхъ употребляется реченіе syûman въ переносномъ, въ высшей степени поэтическомъ смыслѣ· въ 1-мъ въ смыслѣ ткани словесной, во 2-мъ въ смыслѣ ткани атмосферической, какъ и толкуетъ его Саяна. Видно, что уже исчезали и въ ведійскую епоху образованія етого корня, замѣняемыя другими отъ другихъ корней [1])· потому syûman, какъ реченіе, уже отвыкающее отъ собственнаго значенія, и звучитъ во вдохновенныхъ устахъ пѣвца метафорически. Сроднаго же значенія корень vi въ славянщинѣ сильно развитъ въ его собственномъ,

[1]) Корень vas, очевидно, уже начиналъ брать преобладаніе; Греко-Италійская вѣтвь и вынесла его изъ етой епохи.

конкретномъ значеніи; въ санскритѣ же онъ фунгируетъ въ значеніи также метафорическомъ—о времени; такъ напр. въ слѣдующемъ несравнимой красоты двустишіи RV. II, 36 sâdhvapânsi sanatâ naukshite ushâsânaktâ vayyeva ranvite, Tantun tatan sanvayantî samîcî yajnasya peçah sudughe payasvatî.—Возвращаясь къ анализу нашего явленія патализаціи, замѣтимъ еще особенно архаическій случай на литовскомъ реченіи sziaurys (Nordwind), образованномъ тождественно славянскому сѣверъ, замѣчательнымъ образомъ выражающему патализацію буквою ѣ (j + a). Въ аналогію литовскому sziaurys, и славянское сѣверъ употребляется въ вараждинскомъ нарѣчіи въ значеніи «вѣтра» по преимуществу, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго мѣста: došla je k vetru severu i, kak bi došla bila, ni ga bilo doma, nego severova mati bila je doma, (Prip. Valj p. 109). Съ етого мѣста въ приводимой вараждинской сказкѣ вѣтеръ постоянно называется «сѣверомъ», а его мать «сѣверова мати» (pp. 110—111). Славянскому реченію сѣверъ и литовскому sziauris находимъ въ высшей степени поучительную аналогію въ архаическомъ значеніи санскритскаго реченія savya, обыкновенно означающаго «лѣвый». Въ RV. II, 27, 11 употребляется слово savya въ значеніи «сѣверъ»: na dakshinâ vi cikite na savyâ na prâcînamâdityâ nota paçca. Реченіе savya въ етомъ мѣстѣ толкуется схолястомъ Саяною vâmabhâgo. Какъ контекстъ, такъ и прямое сопоставленіе съ dakshina («правый—южный»), prânc удостовѣряютъ въ значеніи слова savya («сѣверный»). Ето переноситъ въ епоху разселенія Славянъ въ той области восточной Европы, которая составляетъ территорію Государства Россійскаго Имя «Сѣверяне» отражаетъ въ себѣ ету двойственность значенія слова «сѣверъ», въ той же мѣрѣ, какъ имя рѣки «Десна» отражаетъ въ себѣ двойственность значенія слова dakshina (ср. имя «Деканъ» и толкованія Лассена въ Ind. Altkunde I.). Мы, естественно, приходимъ къ тому заключенію, что въ епоху завѣдомо-историческую славянскія нарѣчія должны были имѣть физіономію, замѣтно различную отъ той, которая наблюдается въ первыхъ ея письменныхъ проявленіяхъ. Но возвращаясь снова къ литовской формѣ sziaurys мы съ фонетической стороны всё же удерживаемъ за нею первенство. Ея авторитетъ поддерживается древне-славянскимъ реченіемъ шоуй, шоу-ица. Форма ета въ высшей степени чревата значеніемъ, ибо служитъ посредствомъ между формою арійскою и литовскою. Она подтверждаетъ памъ съ одной стороны, органичность

литовской палатальности въ реченіи sziaurys и даетъ намъ смѣлость предположить, что первоначально и въ санскритской формѣ sav-ya свистящая имѣла небной характеръ—ç a v-y a. модификація въ санскритѣ, дѣйствительно, изъ самыхъ обыкновенныхъ Съ другой стороны, древнеславянская форма ш о у-и сохранила намъ тотъ образовательный елементъ, съ которымъ дошла до насъ санскритская форма s a v-y a. Итакъ, съ полнымъ правомъ можемъ заключить ети наши наблюденія положеніемъ о тождествѣ древне-славянскаго реченія ш о у-и съ возстановленною нами арійскою формою ç a v-y a.—Имѣемъ, впрочемъ, и другое наведеніе къ заключенію о томъ, что представленія о «правомъ и лѣвомъ» были въ тѣсной связи съ представленіемъ о «сѣверѣ и югѣ», о «верхнемъ и нижнемъ». Именно въ Atharva Veda I, 8, 3 «nistuvânasya pâtaya paramakshyuâvaram», гдѣ прилагательныя имена p a r a m и a v a r a m, относящіяся къ существительному a k s h i («око»), принятыя въ собственномъ ихъ значеніи—«верхній и нижній» (глазъ?!), не даютъ никакаго смысла, принятыя же въ значеніи «лѣвый» и «правый», даютъ полный и, притомъ, единственно возможный смыслъ. Дѣйствительно, А. Веберъ переводя это мѣсто словами. «Ausschlag du dem sich kundenden das obre Aug, das untere», толкуетъ ето мѣсто такъ: «das obre Aug, das untere»: soll damit rechtes und linkes gemeint sein? oder haben die Yâtu auch noch anderswo Augen, als im gesicht»? (Indd. studien IV, p. 401). Первое предложеніе, конечно, вѣроятнѣе, ибо приведенное мѣсто принадлежитъ заклинанію противъ чародѣевъ (yâtu), слѣдовательно, людей, одаренныхъ двумя глазами, «правымъ и лѣвымъ». Отношеніе литовскаго языка къ славянщинѣ въ отношеніи къ палатализаціи свистящей представляетъ, какъ и во множествѣ другихъ явленій, которыя замѣтимъ впослѣдствіи, весьма мало послѣдовательности и индивидуальной законченности. Возьмемъ три случая, одинъ за другимъ нами разобранные: s i u v-ù: шью; sziaurys: сѣверъ; s z u v i s (выстрѣлъ)· шибъ [1]). Каждый изъ трехъ членовъ етой нашей лингвистической проблеммы содержитъ въ себѣ елементы двумъ другимъ членамъ тождественные, но исходя такимъ образомъ изъ елементовъ тождественныхъ, во всѣхъ трехъ членахъ проблеммы, при ихъ созидании, языкъ слѣдовалъ особеннымъ для каждаго случая побужденіямъ. Литовскій языкъ въ первомъ и третьемъ случаѣ допус-

[1]) Связь значенія между лит. szuvis (выстрѣлъ) и нашимъ шибъ, шибати особенно ясна на слѣдующемъ примѣрѣ: „шибе громъ и мълнія“ (I-я Новг. лѣт подъ 1187 г).

тилъ архаическую группу -uv-, притомъ палатализируя въ первомъ случаѣ свистящую s простымъ присоединеніемъ іоты, а въ третьемъ смягченіемъ s въ sz безъ присоединенія іоты; во второмъ литовскій языкъ и смягчилъ s въ sz и присоединилъ іоту, но избѣгъ группы -uv- употребивши передъ плавною r дифтонгъ au. Славянщина въ первомъ случаѣ и смягчила свистящую с въ ш и удержала при ней небной елементъ (joту-ь), пожертвовавши ему коренною гласною (у, или в); во второмъ не смягчила с, удержала при немъ іоту и полный гласный составъ корня (с+j+ев=сѣв-); въ третьемъ случаѣ смягчила с въ ш, подобно литовскому (szúvis: шибъ), но набрела въ гласномъ составѣ корня на совершенно особенный, специфически — славянскій путь, нами выше обслѣдованный: оставивши при смягченной уже свистящей тяготѣющую къ ней небную и, она обратила suo more в въ б.—

Кромѣ подъятія коренной гласной, суффиксъ, присоединяемый непосредственно къ корню, являетъ свое вліяніе и на евфоническіе обычаи языка. Совершенно особенную судьбу испытали, подъ вліяніемъ суффиксовъ, корни, въ составъ которыхъ входятъ согласныя буквы с и р. Ихъ событіе въ одномъ звуковомъ комплексѣ, въ одномъ слогѣ вызываетъ во многихъ изъ индоевропейскихъ языковъ однородныя явленія евфоніи. Въ высшей степени любопытное въ етомъ отношеніи явленіе представляетъ намъ еще Зендъ. Санскритскій корень sru, котораго славянскія и литовскія аналогіи мы разберемъ ниже, въ Зендѣ имѣетъ форму thru, соотвѣтствующую славянской стру Зендская аспирата отражаетъ въ себѣ тотъ евфоническій обычай, который нашелъ себѣ полное выраженіе въ славянской группѣ стр. Мы можемъ указать въ славянщинѣ даже моментъ аналогическій приведенному Зендскому; напр. въ Осветимапскомъ подрѣчіи (на Моравѣ): trzemenj вм. strzeemnj (Sušil, p. 23, № 20). Проницательный Адал. Кунъ нашелъ етому закону широкое приложеніе и въ санскритѣ. Онъ нашелъ огромный запасъ реченій, подымающихся съ придыхательной зубной. Въ большинствѣ указанныхъ имъ случаевъ придыханія въ етихъ начальныхъ аспиратахъ не могутъ быть объяснены иначе, какъ рефлексомъ пропавшей свистящей. Такъ, онъ сличаетъ scr. dhuma, гр. θυμός, лат. fumus, двн. daum, toum (слав. дымъ) съ ниж. нѣм. stoom, ас. и а. steam; scr. dhârâ (капля) съгр. σταλάω, лат. stillare; scr. jathara (пузо) игот. quithrs съ греч. γαστήρ; вед. pruth (schnaufen, aufblasen, wiehern) съ нѣм. prusten, шв. prusta, дат. pruste. Въ грамматическихъ окончаніяхъ:

въ âtmanep. vahe, âthe, âte, mahe, Зенд maidhe, dhve, vahi, âthâm, âtâm, mahi, dhvam, сличаемыя съ греч. μεσθα, σθον, σθην, σθε, 2-ое лице ед ч. прош. сов scr. tha вм sta, какъ въ лат. 2-мъ лицѣ ед. ч sti и 2-мъ лицѣ мн. ч. stis. (Z. f. v. S. III, pp. 434—436) Отъ помянутаго корня sru ведійская синонимика, Найгантука образуетъ три слова, означающія рѣку (изъ 37 синонимовъ рѣки Roth Nirukta p 9; Naigh. I, 13). srotyâh, susrutah, sravantyah. Къ етому прибавимъ еще srotah, образованіе, удержавшееся и въ клас. санскритѣ въ смыслѣ рѣки, а въ Найгантукѣ приводимое въ числѣ 101 ведійскаго названія воды. Отъ етого корня съ евфоническою т между с и р образуется въ др.-слав яз (т)рѫ-га (ῥεῖθρον), въ словинскомъ также употребительное въ смыслѣ ложа рѣки, ея рукава, и о-с(т)ров-ъ. Въ литовскомъ также не мало представителей етого корня· srowë («Ir srowë isztekkejo isz Eden». Gen II, 10), sraunis (теченіе). Ета евфоническая склонность въ славянщинѣ такъ сильна, что иногда она забываетъ, что с принадлежитъ не корню, а предлогу и связываетъ его етимъ евфоническимъ цементомъ съ кореннымъ р. Благодаря стому, нѣкоторыя реченія совершенно помутили свой етимологическій составъ. Возьмемъ съ етой стороны реченіе строка. Въ старо-славянскомъ языкѣ употреблялось ето реченіе въ значеніи «ἀχαρέ.» и «κέντρον»· «кентры, иже сѫть строкы» (Іоаннъ ексархъ) Въ разбираемомъ реченіи т евфоническій элементъ, -ка суффиксъ на долю корня, слѣдовательно, остается сро Но грамматистъ не приметъ етой коренной формы, особенно если припомнитъ весьма родственное, древне-славянскому значенію слова «строка» тождественное, реченіе съ-рокъ (ὅρος). И, дѣйствительно, у Іоанна ексарха встрѣчаемъ форму съ-рокл· Русское значеніе слова «строка» объясняется слѣдующимъ образомъ. Въ древне-славянскомъ языкѣ есть глаголъ строкнѧти (сдѣлать знакъ препинанія); Пс. толк. Θеодорита: и в се мѣсто строкнѧти, потомже рещи. Строкнути здѣсь значитъ «сдѣлать строкъ» (по простонародному русскому произношенію), или, въ жен р., «строку», остановку. Кромѣ того, въ томъ же смыслѣ употребляется тотже глаголъ съ предлогомъ з а,— застрекнѧти: застрекнѫвъ начатъ прочее (ἐνταῦθα στίξας). Слѣдовательно, подъ «строкою» должно разумѣть словосочинительную единицу, отдѣляемую отъ ближайшей соотвѣтствующимъ знакомъ препинанія, т. е., точкою, какъ единственнымъ знакомъ препинанія въ древлеписи. Такъ, вѣдь, дѣйствительно писались псалтири

напр., т. е., постишно, или построчно Въ словинскомъ нарѣчіи реченіе srok доселѣ употребляется въ значеніи рнѳма. Родство понятій, весьма гармонично группирующихся около сложнаго речения съ-рока, наблюдаемъ и въ реченіяхъ съ-тег-ъ, съ-тѣ ж-ка и т. д., пол. stig, чес. steh, въ значеніи «stich im Nähen», въ словацкомъ же сталкивающееся съ значеніемъ времени въ речени stih (otium, musze) Не сознавая сложенія въ словѣ «строка», уже древнѣйшіе славянскіе писатели слагали его съ другими предлогами. Весьма любопытное подобнаго рода речение встрѣчаемъ еще у Іоанна ексарха болгарскаго. «вегъ прѣстрокы и въ мьженіи ѡчьнѣмъ» (ἐν τῳ ἀτόμῳ καὶ ἐν ῥοπῇ ὀφθαλμοῦ. Опис. Сун. библ. II, I, p. 28). Въ тождественномъ значеніи съ реченіемъ строка употребляется и слово стреченіе: стреченіе девятаго (т. е. «часа»—το κέντρον τῆς ἐννάτης). Отсутствіе евфоническаго т изрѣдка встрѣчаемъ въ ст. славянскихъ памятникахъ: «вѣлегъ сроки въ кроузѣ» (Опис. Сун. библ. II, 2, p. 5). — Туже рѣшительно связь понятій замѣчаемъ и въ готской терминологіи препинательный знакъ, точка именуется въ готскомъ stiks (punctum. Ulfilas v. Loebe und Gabelentz II; Gram. p. 21, § 18). И что же? Въ текстѣ самого же Ульфилы, назвавшаго точку «stiks», находимъ Lucas IV, 5 тоже реченіе «stiks» въ значеніи «momentum»· «jah ustiuhands ina diabulaus ana fairguni hauhata ataugida imma allaus thiudinassuns this midjungardis in stika melis» (et educens eum diabolus in montem altum ostendit ei omnia regna hujus mundi in momento temporis. Ibid. I, 97). — Евфоническая вставка т между с и р способствуетъ иногда сохраненію болѣе первоначальной формы корня; такъ напр., именное образованіе шерш-а в-ый показываетъ свой корень въ формѣ болѣе первоначальной съ гласною еще несмягченной въ глагольной формѣ с(т)рѣш ити (ἐντείνεσθαι, erigi), въ именной с(т)рѣш-ень. Еще выше степенью первоначальности наблюдаемъ етотъ корень въ формѣ прилаг имени срѣх-ък-ый, употребляющійся въ древне-славянскомъ языкѣ въ смыслѣ τραχύς, ἀκατάλληλος; въ сложеніи съ предлогомъ въз- образуются имена: въсрѣхлын, въсрѣшень (сл. стрѣшень) и, наконецъ, съ древнимъ а въ корнѣ: въсрашьныи, въсрашати, въсрашеніе, рядомъ съ которыми получаетъ особенный интересъ древне-русская форма въсорошеныи. Любопытна гибкость значеній етого корня, являющаяся въ старо-славянскомъ реченіи оу-срѣх-ль-ство, передаю-

щемъ греческую ἀνομαλίαν въ слѣдующемъ мѣстѣ древняго преложенія словъ Аѳанасія Александрійскаго противъ Аріянъ, въ которомъ говорится объ астрономическихъ явленіяхъ: «почтомъ движению оуже попоустилъ оу̑ среꙗльство дѣлати (ἀνομαλίαν, т. е., Богъ попустилъ лунѣ имѣть неравномѣрное движеніе съ солнцемъ. Опис. Syн. библ. II, 1, p. 39). Древній языкъ во всѣхъ образованіяхъ етого корня весьма послѣдователенъ; такъ, вмѣсто «шершня» читаемъ ьршл (ἠσφίκη) въ древнемъ преложеніи Антіоховыхъ пандектовъ. Опис Syн. библ. II, 2, p. 266. Въ словинскомъ нарѣчіи етотъ простой фонетическій составъ корня является даже въ глагольной формѣ: «vsa strast mu vskipi, serši iz oči» (Slov. Glasnik X, 14). Я не сомнѣваюсь, что и реченіе с(т)рах-ъ принадлежитъ къ той же архаической епохѣ етого корня и представляетъ собой одно изъ метафорическихъ уклоненій отъ первоначальнаго конкретнаго значенія корня («capillorum erectio»?). Простѣйшая форма етого корня, насколько намъ извѣстно, сохранилась въ чешскомъ реченіи srch, употребляющемся въ значеніи 1) шершня, 2) мужика (rusticus) и 3) nocticorax.

Замѣтимъ, что ета евфоническая группа въ подъемѣ словъ -стр- исключаетъ собою явленія русскаго полногласія и охраняетъ старо-славянское правописаніе съ ѣ Вслѣдствіи етой ея особенности въ русскомъ языкѣ остается неизмѣнною старо-славянская форма стрѣ-лл. Евфоничность т въ етомъ реченіи и производныхъ ясна изъ сличенія съ санскритскимъ çâr-î (çârîs âjatam RV. I, 112, 16), гомерическое κῆλον, употребляемое Гомеромъ въ множ ч. τὰ κῆλα,- о стрѣлахъ Аполлона (I, 53) и о снѣжныхъ стрѣлахъ (II, 280), низсылаемыхъ Зевсомъ съ неба. Знаменательна и архаичность етихъ значеній и соотвѣтствіе вед. â, гомер. ῆ, нашему ѣ, укрѣпленному евфоническою группою стрѣ.

Подобно вышеприведеннымъ примѣрамъ и осложненный корень сред, являющійся въ простѣйшемъ своемъ видѣ въ русскомъ образованіи середа [1]), въ первоначальномъ же значеніи въ русскомъ—же областномъ реченіи середиться («бояться перебавить чего». Доп къ обл. слов. р. 241). Ета полногласная форма корня остается до тѣхъ поръ, пока суффиксы или состоятъ изъ одной гласной, или присоединяются къ корню посредствомъ гласныхъ. Едва приступаетъ новый, сильный kri-афиксъ,

[1]) Етой русской формѣ соотвѣтствуетъ древнеславянская срад- въ реченіи посрадиемь (μεσότης. Григ. Богосл. XI в.).

какъ русскій языкъ не допускаетъ иной формы, какъ серд-; такъ, въ реченіяхъ тождественныхъ съ ст.-слав. сръдька, сръдьце. Елементъ ь издавна присущь етимъ образованіямъ, судя по литовскому образованію szirdìs (какъ avis: ов-ь-ца). Таже неполногласная форма корня встрѣчается и въ сложныхъ словахъ сръдо-, встарину болѣе употребительныхъ, судя по реченію сръдокѣдьць (Apost šišat p. 31, 8: « и сръдокѣдьць богъ свѣдѣтельствовалъ имъ.» Въ етомъ простомъ видѣ существуетъ и особенное образованіе въ словинскимъ нарѣчіи serd (ira) : «in serd mu v sercì povzdiguje» (Pesmi Ahacela p. 134); «Ko v persih serd in jeza mu kipi «(ibidem, p. 150). Отсюда лишь можетъ получить свое объясненіе нашъ глаголъ «сердиться». Вообще говоря, слово «сердце» весьма гибко, не только въ славянщинѣ, но еще и въ санскритѣ. Въ санскритѣ реченіе hṛid иногда въ своемъ значеніи отражаетъ тѣже оттѣнки, которые въ славянщинѣ дали столь обширное словообразовательное поприще етому слову. Такъ напр., SV. II, 3, 2, 18, 2—4, 2, 1, 12 слово guhâ въ мѣстномъ падежѣ, принятое въ значеніи «тайнаго мѣста, святилища» толкуется схоліастомъ словомъ hṛidaye. Въ философской терминологіи Упанишадъ слово guhâ употребляется нерѣдко и въ собственномъ значеніи сердца (hṛid); такъ напр. Kât-upan. (ed. Poley, p. 105). «aṇoraṇîyânmahato mahîyânâtmâsya jantor nihito guhâyâṇ», т. е., «тончайшій тончайшаго, большій великаго духъ вложенъ въ сердцѣ етого существа». Таже терминологія удерживается и у великаго основателя Веданты, у Санкары, о которомъ Виндишманъ (Çaṇkara p. 160) говоритъ: «Ambo (i. e., supremi animi scintilla et cum ea conjunctus animus vivens) ingressi sunt in cavernam, h. e., ut a sancara edocemur, in rationem seu in aetherem cordis.» Въ среду того же первоначальнаго значенія слова «сьрдце» насъ вводитъ славянщина. Въ казанской губерніи называется сердцемъ «круглый кремнистый желвакъ въ жилѣ извесняка (Доп.къ обл. слов., p. 240); въ супр рукописи читаемъ (p. 298): „ѩкоже бо чрѣвь сръдьце дѣвѹ ѥды ѹбѣждаѥтъ, сице и завистъ сръдце имѣѩшталго ѩ съ страны ѥдѫщѣи ѹбѣждаѥтъ“ —Сильнѣйшее евфоническое подъятіе кореннаго слога замѣчаемъ въ формѣ стерж-ень, которой простѣйшій видъ наблюдаемъ въ западно-славянскомъ sterd и ст.слав. страда (у Іоанна ексарха). Соотношеніе реченій страда и стержень заставляетъ насъ предположить тематическую форму

стѣрдѫ, или стѣрды, каковую, дѣйствительно, и встрѣчаемъ въ Шестодневѣ Іоанна ексарха—стрѫжа. Родство слова стѣрдь съ словомъ сердце очевидиѣе всего доказывается слѣдующимъ мѣстомъ чешскаго пассіонала половины XIV в. (р. 514), въ которомъ, какъ убѣждаемся и изъ контекста и изъ сличенія съ другими списками того же текста, слово сердце употреблено вмѣсто слова стердь ageho oswieczene promluwenye yako plowuczye srdcze (Ms. al. strědy, ex. impr. strdi) sladczie od geho swatich ust pochaziesse.

Легко и сами собою выдѣляются тѣ случаи, которые съ перваго на нихъ воззрѣнія могли бы легко подать поводъ къ той же надъ ними аналитической операціи, но по дальнѣйшемъ соображеніи отклоняютъ ее отъ себя. Я разумѣю два древне-славянскія именныя образованія отъ одного корня стръ (scr. star, гр. στόρνυμι, лат. sterno etc): стрѣ-ха и стрѣ-тъ, оба употребляющіяся въ тождественномъ значеніи στέγος, tectum. Ихъ корень очень удобно отдѣляется отъ ясныхъ суффиксовъ -ха и -тъ. Ети суффиксы, непосредственно присоединяемые къ корню, удерживаютъ его на такой степени подъятія, которой не достигаетъ онъ ни въ одномъ изъ индо-европейскихъ языковъ [1]), тогда какъ въ простѣйшихъ образованіяхъ, съ присоединеніемъ одной лишь образовательной гласной женс. р., получаемъ формы совершенно аналогичныя греч στόρνυμι, лат sterno. я разумѣю образованія стѣл-ы, стол-ы, употребляющіяся въ весьма древнихъ памятникахъ, каковы Шестодневъ Іоанна ексарха, Златоструй XII в и пр. въ смыслѣ «крыши здания, потолка.» Происхожденіе слова страна отъ глаг. корня стлати (scr. star) обезпечивается совершенно слѣдующимъ мѣстомъ старо-чешской легенды св. Екатерины (edd. Erben et Rečirka, v. 499): «ni tu která žalost stele» гдѣ глаголъ stlati употребленъ въ значеніи «пребывать, жить.» Етими древнѣйшими случаями подтверждается любопытнымъ образомъ современная малороссійская аналогія, напр. «Стеля була у хати уже трухлива» (сказки Аѳанасьева, III, р. 101); «Ну а се що»? «Стеля» и пр. Корень строй- въ образованіяхъ строй-ка, строй-и-ть представляетъ тотъ же корень стри съ подъятіемъ коренной и въ ой. Связь понятій, выражаемыхъ въ корешныхъ формахъ строй и стел языкъ отражаетъ въ замѣнѣ одной формы другою· «избушка наслана» (Аѳанасьева сказки, III, р, 45.) Итакъ, мы видимъ т участвующимъ

[1] Сличи выше анализъ слово «стрѣла».

въ равной мѣрѣ, какъ въ сильной коренной формѣ стрѣ- и строй-, такъ и въ слабой стел-. По этому одному уже она не можетъ имѣть евфоническаго значенія; она принадлежитъ, очевидно, существенному составу корня. Въ этомъ же убѣждаютъ насъ и вышеприведенныя аналогіи языковъ родственныхъ. Обѣ коренныя формы встрѣчаются въ тавтологическомъ выраженіи настилать стрѣху Дальнѣйшее образованіе этого же корня видимъ въ русскомъ реченіи с(т)ро-(п)-и-ло, котораго отношеніе къ рѣченіямъ стѣла, столъ, стрѣ-ха, стрѣ-тъ ясно само собою Его древность засвидѣтельствована старо-славянскимъ реченіемъ по-страпити (крыть крышею) въ Григоріѣ Богословѣ XI-го вѣка: водами божиими вышьнии постраплиеть (ὑπερῶα τινα στεγάζεται) и пострапити (Гомиліи при антіоховыхъ пандектахъ). Еще далѣе въ древность отсылаетъ насъ ведійское употребленіе сложнаго реченія upa-starana въ значеніи «крышки у жертвеннаго сосуда» upastaranan camvornabhasmayam Rv. IX, 69, 5. AV. V, 19, 12 (Sct Ptrsb. Wbuch; s. v.). — Замѣчательно, что въ ново-булгарскомъ нарѣчіи, въ которомъ вообще замѣчается склонность елидировать евфоническій елементъ т между с и р, ета склонность простирается и на тѣ случаи, гдѣ т принадлежитъ корню; такъ напр «Зела е бе (т. е. кошулата), прала е бе, Волѣ нема да е просре, Тоете вежди два простора, Зевай ми е, просрıе» (Верковичъ, p. 277); «Неранца е дрехи испрала, На градина га просрела» (Ibidem, p 288). — Въ сербскомъ языкѣ, напротивъ, нашъ корень является въ своей аріо-греко-латинской формѣ. «Љуба моја да стере постељу» (Vuk, Carmina III, № 32, v. 22)... Туђа љуба бреговито стере (Ibid., v. 32), съ предлогъ за-: Ал' он застрт свилом и кадивом (Ibid. № 38, v. 172), Стери мени мекани душеке (Ibid., № 77, v. 24); Ајде, ајде, лепа Іањо, стерат ложницу (Ibid. I, № 755, p. 613). Въ старыхъ писателяхъ Хорватскихъ: Ere ta samo mre igine svremena Spomenu kí svu stre od dobra imena (Dinko Ranjina, p. 96); Odri Carske gdie se stroše (Vetranić, Posvet. Abr. p. 86); Sve što više stereš krila sve ćeć paka niće pasti (Gund Osm. IV, 89); Ja tiem glasom strena u smeći Padah bez snage i bez moći (Gjor. Mand. 69). Но въ какой степени языкъ привыкъ къ благозвучному т между свистящею и плавною можно судить по тому, что въ верхне-лужицкомъ т въ тяжелыхъ образованіяхъ выкидывается, напр. Z posleškom (одѣяломъ) so rozpraju (Pjesni I, 36 № 7);... na je-

je pisane pósłańčko (Ibid. p. 46, № XVI). И, напротивъ, получаетъ евфоническую смягченную согласную глаголъ слать (mittere), въ образованіяхъ простѣйшихъ: «Da scelé powesć z pósłami (Pjesni, p. 52, № XXIII). — Явленіе евфоническаго т не ограничивается корнемъ; оно иногда служитъ и евфоническимъ цементомъ между корнемъ и образовательнымъ елементомъ Ясно каждому, что въ реченіи пес-(т)-рый — т имѣетъ тоже евфоническое назначеніе, что и въ выше разобранныхъ елементахъ. Ясно, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждому, что е здѣсь неорганическое (какъ въ глаголѣ пес-ти, см. выше), ибо каждому ясна связь етого образованія съ глаголовъ пис-а-ть. Родственные языки имѣютъ въ реченіяхъ аналогическихъ гласную коренную въ ея органическомъ видѣ: scr. peç-as (красота, образъ, форма) — RV. II, 1, 16, ye stotṛibhyo goagrâmaçvapeçasamagne râtim upasṛijanti sûrayaḥ, причемъ схоліастъ Саяна толкуетъ peça iti rûpanâma. Греческій языкъ представляетъ аналогію въ своемъ ποικ-ίλος. Оба реченія и скр. peças и греч. ποικίλος совершенно необходимы для объясненія славянскаго пес-т-рый. Суффиксъ въ реченіи славянскомъ общій съ греческимъ различіе лишь въ томъ, что слав. р старше греч. λ и, more vedico, относитъ насъ къ той епохѣ, когда р въ большемъ числѣ словообразовательныхъ функцій замѣняло л, котораго въ Зендѣ и вовсе еще не находимъ. Въ санскритѣ прилагательное имя отъ peça образуется помощію того же суффикса la pro ra: peçala («kunstlich gebildet, verziert» etc.). Замѣчательно, что схоліастъ сложеніе su peça толкуетъ весьма часто su-varna («хорошаго цвѣта, краски») Отдѣливши етотъ суффиксъ -р, мы предлагаемъ такую альтернативу: тема пест- можетъ быть объяснена или какъ остатокъ согласной темы на as (scr. peç-as), и такъ-пес-с--пес-т. пест; или заключаетъ въ себѣ чистый корень пес (ποικ-), а т служитъ евфоническимъ цементомъ. Послѣдній членъ альтернативы вѣроятнѣе, ибо онъ поддерживается аналогіею архаическаго образованія сес-(т)-ра (лит. sesů, ses-er-s) [1]). Ето явленіе — епохи нѣмецко-летто-славянской, ибо совершенно тождественное явленіе встрѣчаемъ и въ готскомъ въ реченіи blos-(t)-reis отъ корня глагола blotan, встрѣчающемся въ сложномъ реченіи guth-

[1]) Касательно тематической формы етого литовскаго реченія, должно замѣтить, что въ ней архаическая смѣна an : er совмѣщается, тогда какъ обыкновенно ето явленіе порождаетъ два особенныя образованія. Явленіе достойное глубокаго вниманія, какъ по древности, такъ и по рѣдкости его

blostreis (θεοσεβής Joh. iX, 31; cf- Loebe u. Gabelentz Gram. p. 49, § 52, anm, 2) Не иначе конечно, происхожденія и слѣдующія готскія образованія: svistar neutr. gilstr (gilthan), avistr (avi), navistr (naus), hulistı (huljan).

Вліяніемъ словообразованія объясняются, наконецъ, нѣкоторые специфически-славянскіе законы фонетики. Такъ напр., доселѣ твердо было установлено воззрѣніе на нерасположеніе Славянщины къ гласному зачалу словъ. Изъ нѣкоторыхъ словообразовательныхъ явленій открывается древняя епоха глубоко въ перспективу древности, въ которой теряется сей основный законъ славянской фонетики. Тѣ реченія, на которыхъ мы основываемъ наши наблюденія, съ трудомъ даютъ осязать свою етимологію, ибо велики ихъ историческія разстоянія отъ тѣхъ явленій, въ которыхъ мы находимъ имъ объясненіе; но аналогіи, надѣюсь, будутъ достаточны для того, чтобы представить новое доказательство всей зависимости Славянщины отъ епохи древне-арійской, такъ многообразно обусловившей ея развитіе. Наше реченіе озеро, по своему уединенному положенію въ славянщинѣ, представляющей единственный варіянтъ jezero, весьма неясное, получаетъ объясненіе изъ зендскаго zrayanh, употребляющагося въ смыслѣ, тождественномъ славянскому — «озеро, море». То лишь различіе между етими двумя тождественными явленіями въ Зендѣ и въ славянщинѣ, что послѣдняя не представляетъ изъ своихъ внутреннихъ средствъ етимологіи для етого своего реченія. Въ Зендѣ же мы ее находимъ. Реченіе zrayanh принадлежащее обоимъ древнѣйшимъ арійскимъ языкамъ, употребляясь въ Зендѣ въ значеніи «озера» или «моря», представляетъ и собственный, первоначальный смыслъ; ето реченіе есть епитетъ «обширный»: Зенд. zarayô, или zrayanh, скр. jrayas (плоскость, пространство). Оно происходитъ отъ глагольнаго корня zri, jrı. Правда, славянщина, по нашему знанію, не имѣетъ етого глагольнаго корня, но значеніе епитета «обширности» отражается весьма рѣзко въ словинскомъ «jezero» въ значеніи «тысячи», представляющемъ не лишенный интереса варіянтъ въ реченіи jezer женскаго рода. Такъ напр., въ штирскомъ парѣчіи: «Vod brez konca tam izvira To pak jezar rek požira» (Ahacel, Pjesmi p. 35), или въ вараждинскомъ: «Za to budete jezero let prokleti «(Prip. Val p. 18); въ хорватскомъ jezerokrat (Dan. Zagreb 1837; p. 122). Что касается до представленія о морѣ, какъ о «обширномъ», склонность къ етому видна въ наименованіи моря «шириною» въ одномъ изъ старѣйшихъ памятниковъ старо-славян-

скаго языка, въ Шестодневѣ Іоанна ексарха болгарскаго (опис. synod. библ. II, 1, p. 14). За подобное же допсторическое образованіе почитаю рѣдкое старо-чешское образованіе для названія молодой свиньи, поросенка — oses, отъ котораго и произвожу новочешское обыкновенное названіе того же животнаго sse-le, съ уменьшительнымъ суффиксомъ въ ср. р.-le. Ето образованіе въ высшей степени поучительно: корень сас, отъ котораго даже и существуетъ старо-славянское образованіе — сасъ, сысъ (сосокъ — θηλή, mamma), по старочешскому нарѣчію, очевидно, было трудно произвести ето имя посредствомъ присоединенія одного родоваго суффикса мужескаго рода, не облегчивши произношенія евфоническою гласною (ср. озеро) въ подъемѣ слова. Такимъ евфоническимъ процессомъ произошло старо-чешское реченіе oses. При присоединеніи интензивнаго суффикса уменьшительнаго (см. ниже), заключающаго въ себѣ цѣлый слогъ, корень стянулся и образовалось реченіе сьс-ел-е (sse-le). Разобранное нами чешское речепіе не изолировано: въ русскомъ областномъ говорѣ находимъ реченіе сосупецъ (Ирк.) въ значеніи infans lactans и всякаго животнаго въ состояніи сосущаго Въ сремскомъ подрѣчіи сербскаго языка употребляется для поросенка же совершенно тождественное образованіе сишче, -чета, hурос. отъ сис-ак («прасе које још сиса» Vuk 683). Евфоническое свойство начальнаго о въ словѣ овощь яснѣе всего изъ сербскаго нарѣчія, убѣждающаго въ томъ слѣдующими образованіями воћс (poma), воћка (pomus), воћар (amans pomorum), вотњак (pomarium) [1]) Тоже явленіе замѣчаемъ на сербскомъ же речени нег-ве (pedica), гдѣ наблюдаемъ, что сербское нарѣчіе еще, такъ сказать, заблаговременно, еще тогда, когда въ языкѣ живо чувствовалось носовое свойство юсовъ, установило въ етомъ речепи обратный метатезисъ елементовъ, входящихъ въ составъ ѫ-са, утверждавшагося, начиная съ старо-славянскаго (жз-ѧ, жз-ѧ) во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ Тематическое в и, вообще, исходъ етого слова удержался въ архаическомъ видѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ его подъему. На сколько етотъ метатезисъ въ духѣ сербскаго нарѣчія, можно судить по реченіямъ воће вм. овће, ноћс вм. онће — Етими архаическими исключепіями, впрочемъ, мы нисколько не думаемъ уронить значеніе закона о наклонности славянщины къ гласному подъему словъ: онъ весьма дѣйственъ въ славянщинѣ, и отъ него ждутъ своего объясненія многія

[1]) Ср. гот. vôkrs (fructus Grimm. Gram. II, 122).

явленія. Такъ напр, трудно объяснить наше русское реченіе жлуди, какъ иногда произноситъ его народъ вмѣсто преобладающей полногласной формы жолуди, не сравнивши его съ литовскимъ aužůlas (дубъ). Принесши коренной дифтонгъ, или, можетъ быть, въ ту епоху, простую гласную, въ жертву своей наклонности къ гласному подъему словъ, языкъ употребилъ здѣсь собирательный суффиксъ -д (серб. пашчад, омчад и пр.), передъ гласною котораго слово стянулось (см. выше), удержавши изъ кореннаго своего состава одну согласную ж. Тоже евфоническое явленіе наблюдаемъ въ реченіи сль-за, относительно литовскаго же aszar-a. Процессъ стяженія здѣсь совершенно тождественъ тому, который нами замѣченъ въ aužůlas: жлуди, съ весьма обыкновенною смѣной r: l (gar-s-a: гла-с-ъ). Особенно охотно, какъ извѣстно, стягиваются плавныя гласныя; но и въ етой области можно найти въ славянщинѣ исключенія, даже относительно литовскаго языка, такъ напр орѣхъ: rësz-ut-as. Тоже замѣчается въ литовскомъ реченіи rétis («необработанное поле») Суффиксъ -tis въ етомъ архаическомъ реченіи, какъ suff necessitatis, встрѣчается въ санскритѣ въ формѣ -tyas. Въ литовскомъ етотъ суффиксъ осложнился до--tinas, какъ напр. въ реченіи pagirtinas (zuruhmen, ruhmenswerth. Schleicher ad Donal. s. v.) Принимая rétis за форму старшую, арійскую, нежели бы было въ retinas, толкуемъ ее въ смыслѣ «arandum». Славянщина представляетъ исключенія, даже по нарѣчіямъ. такъ: словинское jermen, jermenec вм. ремень; erž («Zdai na ječmen pervič se zakad'mo, Polj nad eržmo pešenčico» Ahacel; n. 94); erženjak (Dovolj erženjaka, mesa ibid. p. 103) slišiš kako smertna štima z černih gerlov erjovj» (ibid. p. 107; cf рю-ти, рев-ъ); впрочемъ «rijovijo do oblakov strašno» (Cvet, p. 56) и пр. Какъ далеко въ древность простирается етотъ специфически-славянскій евфоническій законъ, можно судить по слѣдующимъ наблюденіямъ. Въ югославянскихъ нарѣчіяхъ, и именно въ наиболѣе изъ нихъ сохранившемся словинскомъ, имѣемъ двѣ формы для выраженія понятія родителя: at-ej и ot-ac, очевидно, произведенныя отъ одного корня. Старшая изъ сихъ формъ, очевидно, есть at-ej, судя и по коренной гласной и по суффиксу, который могъ во время относительно позднѣйшее уступить свое мѣсто суффиксу вопросительнаго мѣстоименія. Отъ той, именно, старшей формы, образованной посредствомъ суффикса относительнаго мѣстоименія, отъ формы at-ej, нарѣчіе новобулгарское, столь часто въ своихъ архаизмахъ встрѣчающееся со словинскимъ, производитъ

въ высшей степени поучительное hypocoristicon т-ей-ко («Майко и тейко доходатъ». Верковичь p. 160) Апокопа первопачальной гласной, вѣроятно, способствовала тому, что суффиксъ первичный -ej- не елидировался передъ вторичнымъ суффиксомъ -къ, какъ ето обыкновенно бываетъ въ другихъ словообразовательныхъ комбинаціяхъ. Впрочемъ, отсутствіе елизіи суффикса относительнаго мѣстоименія передъ суффиксомъ -къ можетъ имѣть и другое объясненіе. Есть и другіе случаи, въ которыхъ не только суффиксъ относительнаго мѣстоименія не елидируется передъ суффиксомъ -къ, но даже обусловливаетъ собой родъ послѣдняго. Такъ напр , старо-славянское реченіе начаѧ («изъ нѣѥ же вьсѣ тѣло начѧмъи и своусы подаѥмо сынѣмллѣмо». Apost. šišat. p. 145)— нач-ей-ка· лучшее доказательство того, что въ сіе время суффиксъ -къ уже утратитъ ту свою древнюю словообразовательную енергію.

Трудно разорвать очевидную етимологическую связь, между разобранными явленіями и отголосками аріо-славянской старины, которыхъ мы коснемся тутъ же Въ санскритѣ находимъ реченіе tata въ смыслѣ «отца» (соотвѣтствующее реченію papâ мать; ср. русс. няня). Очевидное объясненіе удвоенной формы представляетъ реченіе tâta, которымъ, подражая лепетанію дѣтей, называли старшіе младшихъ. Генезисъ етого словоупотребленія ясенъ, ибо и реченіе tâta встрѣчается чаще всего въ томъ же смыслѣ въ какомъ и tata, въ смыслѣ «отца» [1]). Наконецъ въ етомъ, именно, послѣднемъ смыслѣ занесенъ опъ въ Амаракошу· tâtasjanakah pitâ (ed. Loiseleur Deslongchamps; I, p. 132). Въ етой формѣ съ удвоеніемъ кореннаго слога, коренящимся въ бытовой жизни, сіе реченіе дало по себѣ въ славянщинѣ не мало отпрысковъ тет-ка, тес-ть (вм. тет-ть, какъ зѧ-ть), тещ-а (вм тет-ја). Форма тѧ-т-ень-ка не можетъ представить затруднешій: за коренной составъ етого реченія почитаемъ одно т — (какъ въ ново-болгарскомъ т-ей-ко); образовательный слогъ -ень- выражаетъ ипокористическій оттѣнокъ етого реченія. Въ языкѣ наблюдается нѣкоторая забывчивость, неясное сознаніе етимологіи етого речепія, ибо онъ перенесъ въ удвоительный слогъ корень съ ипокористическимъ суффиксомъ -ень, что всего менѣе можетъ удивить въ етой темной глубинѣ древней обычной жизни, особенно когда факторомъ етихъ явленій должно признать лепетъ дѣтскихъ устъ [1]).

---

[1]) Словарь Бетлинга и Рота III, 200,291

Намѣтивши, хотя на нѣсколькихъ случаяхъ, явленіе соотношенія между образовательнымъ елементомъ и корнемъ, мы, такъ сказать, лишь напомнили о принципѣ, общемъ доктринѣ грамматической со всѣми другими доктринами, имѣющими своимъ объектомъ явленія человѣческой жизни. Дѣйствительно, то лишь положеніе нашей нашей науки можетъ быть поставлено прочно, которое выведено изъ аналитическихъ наблюденій надъ цѣлымъ явленіемъ. Всякое условное пониманіе извѣстной части явленія, безъ созерцанія ея цѣлаго, основывается уже на отвлеченіи и содержитъ въ себѣ начало, существенно противорѣчащее, чужеродное самому аналитическому методу. Такого рода положенія, въ какой бы степени удачны они ни были, отвергаемъ, какъ незаконнообразныя, ненаучныя. Ети мысли вызваны въ насъ именно состояніемъ той отрасли нашей доктрины, интересы которой мы преимущественно блюдемъ. Со временъ Добровскаго замѣтна подвинулся въ сравнительной грамматикѣ отдѣлъ фонетики. Онъ уяснилъ, съ своей стороны нѣсколько явленій въ словоизмѣненіи и, по большей части, явленій такихъ, которыя сами собою объясняются, облитыя полнымъ свѣтомъ сравненіями съ языками старшей епохи, менѣе славянщины подвергшимися исторической ломкѣ. Если брались за какое-нибудь явленіе, не поддающееся прямому сопоставленію съ старшимъ собратомъ, то прилагали при етомъ пріемы въ высшей степени произвольныя. Сообразно съ етими пріемами, и выводъ получался въ той же степени проблематичный. Такая точка зрѣнія, завоевавшая себѣ въ послѣдніе годы авторитетъ едва ли не безапеляціонный, впрочемъ, безсильна скрыть свою несостоятельность. Въ своемъ очарованномъ кругѣ фонетики она должна признать себя доктриной природоиспытательной, отраслью естествовѣденія, не призванной къ участью въ вопросахъ исторической науки. Удерживаясь же на точкѣ зрѣнія науки исторической, такого рода методъ на каждомъ шагу съ наивной искренностью признаетъ собственную несостоятельность. Такъ выяснился етотъ методъ на миклошичевой сравнительной грамматикѣ, завѣщавшей, отдѣлъ славянскаго словообразованія будущимъ поколѣніямъ. Ясно каждому, что причина сему docto silentio не въ случайныхъ какихъ либо личныхъ обстоятельствахъ, что она кроется въ самомъ существѣ дѣла. Миклошичь, дѣйствительно, публиковалъ даже нѣсколько главъ изъ отдѣла словообразованія, оставша-

[2]) Ети слова могутъ быть названы „hypocoristica“ въ тѣсномъ смыслѣ, оправдывающемъ самую етимологію етого слова· „ὑποκορίζεσθαι σημαίνει τὸ πρὸς τὰ κομιδῆ παιδία νήπια ψελλιζόμενον τῇ φωνῇ παίζειν. κόρος γάρ ὁ παῖς (Phrynichus у Беккера Anecd. 47).

гося нетронутымъ въ его главномъ, систематическомъ трудѣ. Ети-то трактаты, именно, и договариваютъ нашу мысль. Ихъ трудно упрекнуть въ какомъ-либо несовершенствѣ, ибо авторъ сумѣлъ «обработать» свой предметъ, такъ сказать, не касаясь его. Полное отсутствіе духа изслѣдованія, какого бы то ни было метода освобождаетъ автора отъ всякой отвѣтственности.

Ростъ слова, какъ мы его замѣтили на отдѣльныхъ явленіяхъ, сплачиваетъ его составныя части, отнимая у нихъ ихъ индивидуальное значеніе, которое не возможно возстановить иначе, какъ путемъ отвлеченія, совершенно чуждымъ нашему методу. По этому побужденію, мы и займемся болѣе взаимоотношеніемъ отдѣльныхъ составныхъ частей слова, чѣмъ опредѣленіями ихъ индивидуальной сущности.

Суффиксы, получившіе извѣстную словообразовательную фушкцію въ епоху весьма старую, уже являются всего чаще присоединенными къ корню не непосредственно Всего чаще путемъ внимательнаго анализа можно между ними и корнемъ открыть членъ посредствующій, и чѣмъ, именно, развитіе языка спокойнѣе, чѣмъ оно болѣе льнетъ къ старинѣ доисторической, тѣмъ яснѣе ети историческія наслоенія Въ какой степени ети свойства принадлежатъ славянщинѣ, раскроютъ изслѣдуемыя нами подробности. Трудно коснуться какой бы то ни было черты славянскаго словообразованія, чтобы не найти въ ней новаго подтвержденія етому его свойству Етой жизненности историческаго преданія въ языкѣ мы обязаны сохраненіемъ такихъ елементовъ, которые забыты и литовскимъ языкомъ, при всей его безличности, традиціональной, въ извѣстномъ смыслѣ, безжизненности. Литовскій языкъ, дѣйствительно, не рѣдко удерживаетъ старину механически, не развивая ее въ новыя и новыя формы, какъ ето въ извѣстной мѣрѣ замѣчаемъ за славянщиною. Словообразовательный елементъ -av-, напримѣръ, удержался и мощно развился въ славянщинѣ. и на ряду съ етимъ его свободнымъ развитіемъ мы находимъ отдѣльные случаи его архаической функціи. Такъ напр., въ словинскихъ реченіяхъ ves-v-ati, ves-ov-a-ti (buhlen); ves-ov-av-ec, ves-ov-av-ka (Buhle); ves-v-olj-nj (svet universum) удержался елементъ -v-, затертый ассимиляцией даже и въ литовскомъ языкѣ—wissas (scr. viçva). Не рѣдко ето тематическое - - колеблется въ падежахъ одного и того же образованія, на страницахъ одного и того же памятника. Такъ напр., сербское реченіе лок-в,а (lacus, palus) мы встрѣчаемъ въ истрійскомъ Разводѣ 1325 г. нѣсколько разъ въ мѣст. пад. ед. ч.

въ такой формѣ: na trnovu loki (Arkiv II, 2, pp. 254—256), въ мѣстномъ же падежѣ множественнаго числа. na tih trnovih lokvah (Ibid. p. 256); точно такъ же въ род пад. ед. ч. ki (t. j. list) biše pisan pravo poli te lokve ternove (Ibid p. 256); въ винит. пад. опять исчезаетъ тематическое -v-. i ondi imaju vsaka stran čistit tu loki (Ibid. p. 256). Даже и мѣстный падежъ мѣстами является съ тематическою -v-: i na toi lokvi jedna i druga stran imaju svoje živine napajati (Ibid. p. 257). Не однажды мы замѣчали, что имена растеній, деревъ исходятъ на -v- По етому мы не удивляемся, что названіе болотнаго растенія, происходящее отъ разбираемаго нами слова—локвань (nymphea), равно какъ и аналогическія образованія локветина и локвица (nymphea) сохраняютъ вполнѣ тему -v-. Истрійское подрѣчіе, и въ другихъ случаяхъ оказывается весьма архаичнымъ въ соблюденіи тематическихъ окончаній. Такъ напр., теперь въ сербскомъ нарѣчіи находимъ реченіе оскоруша (sorbus domestica); въ истрійскомъ же Разводѣ 1325 г. читаемъ· i tu čavli na velikoi oskorušvi križem zabijene (Ibid p. 257). Но замѣчательно, что собственное имя звучитъ и въ етомъ памятникѣ 1325 г также, какъ въ новосербскомъ звучитъ appelativum: i komun od Kaštalbon, i od Oskoruša, i Krbotuna (Ibid. q. 259); ta drugi list županu pošlite v Oskoruš (Ibid. p 261) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Славянщина, разъ ее занявши, удерживаетъ старшую ступень фонетики, нежели языки арійскіе, предполагая собою епоху, предшествующую племенной спецификаціи Индусовъ въ санскритѣ. Ето положеніе выяснится изъ анализа слѣдующихъ явленій. Зендское danhu (скр. dasyu) при осложненіи суффиксомъ относительнаго мѣстоименія передаетъ образовательное -u- коренной согласной, образуя такимъ образомъ daqyu. Етою чертою фонетической подвижности, воспримчивости именно и отличается всего рѣзче Зендъ отъ санскрита. Оставивши санскритъ въ его самозаключенной, неумолимо правильной особности, Зендъ отчасти развивалъ, отчасти портилъ въ извѣстномъ смыслѣ елементы старѣйшіе, которые въ санскритѣ успѣли уже формулироваться согласно исключительной его особности Етимъ объясняется и то, что, по крайней мѣрѣ, въ той составной части зендской лексики, которая дошла до насъ въ неиспорченномъ видѣ, поддающемся анализу, находимъ весьма разнообразныя явленія фонетики, которыя составляютъ исключеніе изъ того, что, по сравненію съ санскритомъ, есть правило Такъ напр., въ фонетической обстановкѣ еще

болѣе близкой къ тѣмъ явленіямъ славянщины, къ анализу которыхъ немедленно приступимъ, замѣчаемъ еще болѣе интересную особенность Зенда: именно, корень глагола d r i g h (mendicare) образуетъ и d r i g h u совершенно законосообразно, но и аномалическія речения d r i w i (нищенство), d r i w i k a (бѣдность), въ которыхъ не слились g h съ v, а, напротивъ, gh исчезло, оставивши, подобно ниже приводимымъ лужицкимъ реченіямъ, одно v. Комплексъ гортанной съ губною в возможно только для порядка тонкихъ (tenues), въ порядкѣ же среднихъ онъ тяжелѣе Тоже явленіе замѣчаемъ и въ славянщинѣ и въ ней изъ группы гортанной съ буквою в въ образованіяхъ изъ той пластарой епохи, въ которой были дѣйственны ети фонетическія отношенія, удерживался лишь одинъ изъ елементовъ етого комплекса Такъ напр., литовское речение ůg u ż e не имѣла бы вполнѣ ее покрывающей аналогіи въ старо-славянскомъ ягода, если бы въ верхне-лужицкомъ парѣчіи на ряду съ образованемъ j a g o d a не существовало бы и речение j a w o d a, заставляющее предположить первоначальное образованіе яг-во-да, вполнѣ соотвѣтствующее литовскому ůg-uż-e (см выше). Гортанная spirans h, по причинѣ смѣшенія ея фонетической функціи съ среднею g, представляетъ туже смѣну съ v, въ лужицкихъ же реченіяхъ h r i h a и h r i h e n (Mähne) вмѣсто h r i v a и предполагаемаго речения г р и в е н ь, отъ котораго родовымъ движеніемъ образуется—g r i w n a (Görlitzer Mark). Я сомнѣваюсь въ принадлежности v (ге›р. h) къ корню. Противъ етого говоритъ сербское речение г р и-н ь а (linea margaritarum, corona nucum) Корень сихъ речений общій съ образованіемъ г р-л о. Не лишено значенія и существованіе синонима къ реченію г р и н ь а—г р-о т-у л-ја (corona nucum) отъ г р-о т-л о (ср. лит. g e r-k-l e). Ниже мы приведемъ и другіе примѣры суффикса -k- въ литовскомъ передъ -l-. Тоже самое наблюдение простирается и на исходъ словъ подобной формации въ верхне-лужицкомъ парѣчіи; какъ напр. t v a r o v — рус. творогъ,—t v o r o g v. Ети явленія, замѣченныя нами въ словообразовательныхъ складкахъ слова не исключаютъ, впрочемъ, существованія группъ кв и гв въ косвенныхъ падежахъ образованій на ъı, какъ напр. врѣдокѣве, лагѣве и пр. Подобныя образованія освѣщены, какъ весьма старыя и иногда являются замѣненными другими темами даже въ литовскомъ языкѣ; именно, славянскому лагъı, -кѣе въ литовскомъ, замѣчательнымъ образомъ, соотвѣтствуетъ—l é g-e r e- (lechel, kleines fasz). Раждается вопросъ — не есть ли -e r- интензивный уменьшительный суффиксъ -e l-, являющійся здѣсь въ архаической формѣ -e r-,

который подобно всѣмъ интензивнымъ суффиксамъ, имѣлъ свойство вытѣснять предшествующій елементъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, предположить древнюю смѣну гласной a- темы согласною на -r-. Изъ етого заключаемъ, что въ звуковыхъ комплексахъ словообразовательныхъ удерживаются не рѣдко фонетическіе обычаи старшіе тѣхъ, которые взяли верхъ надъ ними въ епоху позднѣйшую, изъ которой славянскія флексіи вышли въ видоизмѣненіяхъ, часто до неузнаваемости стирающихъ съ нихъ ихъ арійскій первообразъ. — За самый чистый видъ тематическаго -u- признаемъ тѣ случаи, когда слово, первоначально исходившее на такую тематическую гласную, вмѣстѣ съ етою гласною подвергается родовому движенію; какъ напр., въ реченіи дерево — санскритское dâru, зенд. dâuru. Послѣднее сходится въ своемъ 2-мъ значеніи «копья» съ русскимъ древко, хотя по формѣ къ нему ближе scr. dârukâ. Впрочемъ, первоначальное значеніе слова dâuru есть все же «дерево», ибо сложное слово dâuruupadarana (Vd. VIII, 1) имѣетъ именно значеніе «тѣни, защиты дерева». Признавая реченіе дрѣ-во специфически родственнымъ съ санскритскою формою dâru, не могу впрочемъ не упомянуть и о формѣ dru въ сложныхъ словахъ dru-kilima, dru-ghaṇa (С. Птбр. Словарь), dru-hantara (Regnier Etude p. 114), отъ которой и произведена классическая форма dru-ma, съ которою привыкли такъ неметодично сличать славянское дре-во [1]). Весьма аналогическое въ отношеніи фонетическомъ явленіе представляетъ рус. реченіе тревога (трев-о-га) въ отношеніи къ ведійскому корню turv (С. Птрб. Словарь) въ его именныхъ проявленіяхъ, особенно въ сложеніи съ предлогомъ â и отрицат. частицею a(n)-an-â-tur-a въ значеніи «нетревожный, спокойный, здоровый» («anâturaḥ saptarâtramavakîrṇavratan caret» Manu II, 187), или въ значеніи «unverdrossen» («beje dharmamanâturaḥ» Ragh. въ С. Птрбр. Словарѣ). Замѣтимъ притомъ, что со стороны славянской мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ образованіемъ на суф. -га, которое не можетъ быть сведено къ коренной формѣ, ибо она въ славянщинѣ, по нашему знанію, не сохранилась.

[1]) Относительно смѣны r и в, кромѣ множества явленій, которыми она засвидѣтельствована въ языкѣ русскомъ и вообще въ славянщинѣ, замѣтимъ явленіе, по которому можемъ судить о ея древности: нѣкоторымъ словамъ съ елементомъ в въ подъемѣ мы должны искать объясненія не въ евфоніи специфически русской, а въ фонетическихъ отношеніяхъ епохи летто-славянской. Такъ рус. вёдро, имѣетъ весьма точную аналогію въ лит. gaid-rùs (heiter, wolkenlos von himmel), gaidrinti (heiter machen), gẽdras (heiter vom wetter), gẽdra

Тематическое u, показанное нами здѣсь на нѣсколькихъ образованіяхъ особенно архаическихъ, и исчезаетъ изъ словообразованія при условіяхъ, которыя заставляютъ предполагать за нимъ словообразовательное назначеніе, весьма ясно сознававшееся языкомъ въ ту пору. Бетлингъ въ С.-Пбургскомъ словарѣ (I, 7) къ санскритскому реченію anhu замѣчаетъ слѣдующее «Vgl. goth. aggvus und das bis auf die Verstärkung -къ in der Form und in der Bedeutung übereinstimmende жзькъ (dieselbe Verstärkung къ -scr ka finden wir in льгъкъ scr. laghu und in сладькъ -scr. svâdu)» [1]). Образованіе anhatis (Словарь I, 6) не представляетъ, подобно славянскому жзькъ, тематическаго u. Исходя изъ этого послѣдняго образованія, а не изъ прилагательнаго anhus, независимо соподчиняя anhus и жзькъ, можно было бы упростить вопросъ Но какъ аналогія двухъ другихъ однороднаго образованія словъ (льгъкъ и сладькъ), такъ и готское aggvus заставляетъ поставить образованіе жзькъ въ непосредственную генетическую связь съ образованіемъ anhu. Что касается до реченія сладькъ. то тематическое u въ немъ должно было оставаться до епохи позднѣйшей относительно двухъ другихъ словъ, ибо еще литовскій языкъ удерживаетъ ее въ своемъ образованіи saldus («ir pons Diew's suũdęs tą saldu, kwapą tare» Gen. VIII, 21) [2]). Вообще, какъ неоднократно было замѣчено, литовскій языкъ, по слабости своего словообразовательнаго движенія, удерживаетъ старшую словообразовательную ступень передъ Славянщиною. Реченіе льг-ък-ъ, подвергшееся сильной племенной, славянской спецификаціи въ литовскомъ удерживается въ формѣ старшей, нежели въ санскритѣ и греческомъ, ибо удерживаетъ и тематическую гласную u и даже носовую въ корнѣ· lengv-us (въ сравненіи съ scr. laghu, греч. ἐλαχύς). Какъ видимъ, носовыя въ корнѣ исчезли не только въ славянскомъ льг-ъкъ, но даже и въ родственныхъ реченіяхъ — санскритскомъ и греческомъ. Но совершенно уединенною мы ее назвать не можемъ, ибо слѣдъ етой носовой корня находимъ въ чрезвычайно старомъ образованіи сравнительной степени въ нарѣчіи словинскомъ lóže, (по подрѣчію штирскому въ Пѣсняхъ Ахацеля p. 24), весьма употребительномъ доселѣ и сложив-

---

[1]) Прибавимъ къ симъ тремъ образованіямъ четвертое: тон-ък-ъ скр. tan-u.

[2]) Что касается до смѣны l- v сличи явленіе близкой даты, гот slêpan, скр. кр svap.

шемся совершенно аналогично нашей формѣ сравнит. степени уже къ узкій и пр. Важность етой формы въ томъ отношеніи нельзя достаточно оцѣнить, что она, вмѣстѣ съ выше приведенною литовскою формою lengvus, представляетъ единственное доказательство присутствія носовой гласной въ корнѣ. Замѣтимъ, что всѣ реченія етого корня въ Славянщинѣ суть производныя отъ реченія льг-ъкъ и всѣ принимаютъ въ себя суффиксъ -къ, не исключая и формъ сравнительной степени (легче). Бенфей (въ Z. f. v. S. IX, 98) даетъ етому образованію значеніе «schnell, leicht». И совершенно справедливо оттѣнокъ «быстроты» въ его значеніи ясенъ каждому. Етотъ посредствующій оттѣнокъ въ значеніи реченія laghu уясняетъ происхожденіе его отъ кр. rangh, langh, или ranh (спѣшить), удержавшагося во многихъ образованіяхъ, какъ-то ranhas (спѣхъ), вед. râraha*ṇa* («спѣша» RV. I, 134, 1 apud Бенфеу l. c.). Итакъ, етотъ арійскій корень получаетъ объясненіе своей носовой отъ лит. lengvus и слов. lóžej. Но въ етой чреватой значеніемъ словинской формѣ lóž-ej находимъ еще въ высшей степени важную точку соприкосновенія съ арійскою стариной. Въ елементѣ ó заключается ѫ-съ большой, тогда какъ форма льг-ъкъ и другія реченія, состоящія въ родственной связи съ арійскимъ корнемъ rangh, или langh предполагаютъ коренную форму лѫг съ ѧ-сомъ малымъ Слѣдовательно, въ усѣченіи суффикса къ, при присоединеніи образовательнаго елемента сравнительной степени нужно искать причину подъятія коренной гласной ѧ въ ѫ, изъ котораго, more Slovenico, образовалось ó (lo z-ej). Черта въ высшей степени архаическая! Въ санскритѣ имя прилаг. ug-ra образуетъ двояко степени сравненія. или удерживая суффиксъ -ra и въ такомъ случаѣ присоединяя къ нему елементы -tara и -tama, ug-ra-tara, ug-ra-tama, или суффиксами -îyans, -ishta, вытѣсняющими первичный суффиксъ -ra, и въ етомъ-то послѣднемъ случаѣ, вполнѣ тождественномъ разбираемому нами словинскому, коренная гласная гунируется: oj-îyans, oj-ishta. Литовскій языкъ, удержавшій количественно болѣе темъ на -u, отчасти уясняетъ намъ, какъ они мало по малу исчезали, оставивши свой слѣдъ въ опредѣленномъ количествѣ существительныхъ именъ. Напр., прил. gaidùs (lieb, erwunscht), по наблюденію Шлейхера (Gloss. ad Donal.; p. 191), употребляется только какъ имя существительное, и то — только въ звательномъ падежѣ При дальнѣйшемъ словообразовательномъ движеніи, тематическое u исчезаетъ, именно при присоединеніи суффикса -elis («Alè sakýk gaidel» Donal. p.

28, v. 98) Нѣкоторыя славянскія реченія, не сохранешныя намъ арійскими языками, возстановляютъ тотже словообразовательный процессъ посредствомъ литовскаго языка, какъ ближайшаго посредника аріо-славянской епохи. Такъ напр., остановимся на любопытномъ реченіи дьрзъкъ, гдѣ суффиксъ -къ, въ аналогію съ предшествующими случаями, также вытѣснилъ собою тематическій исходъ u, уцѣлѣвшій еще въ литовскомъ реченіи dr-ą s-u s (kun, mutig. Schl.), Существительное dr ą s-a: дер-язь возстановляется нами ниже изъ любопытной старо-славянской формы дер-яз-ив-ый. Совершенно подобную литовской, контракцію кореннаго слога и расширеніе гласной суффикса видимъ въ славянскомъ образованіи др-аз-ни-ти (ср. лит. dr-ą s-i-r-ti, ческ. d r-ažd-i-ti). Въ сербскомъ нарѣчіи встрѣчаемъ даже случай, гдѣ тема на -u-, успѣвшая уже осложниться другимъ суффиксомъ, теряется при присоединеніи суффикса вопросительнаго мѣстоименія. Я разумѣю сербское названіе Марта мѣсяца л а ж а к въ отношеніи къ его побочной формѣ о ж-у-ак. Послѣднее образованіе предполагаетъ первоначальную форму о ж-уй, въ которой сильный дифтонгъ суффикса вызвалъ стяженіе кореннаго слога ла, more serbico, въ гласную о. Присоединеніе суффикса вопросительнаго мѣстоименія не только вытѣснило предшествующій ему суффиксъ, но и возстановило первоначальную форму корня. Къ счастію и етимологія етого слова уясняется средствами того же нарѣчія, которому оно принадлежитъ, ибо въ сербскомъ же нарѣчіи находимъ реченіе л аз въ значеніи «нивы» Мѣсяцъ Мартъ, слѣдовательно, названъ потому въ сербскомъ нарѣчіи л а ж а к о м ъ, что въ продолженіи него открываются полевыя работы: «Криво рало лазарево, Криве лазе разора ло» (Byk, s. v. л аз). Въ рѣзкое даже противорѣчіе етому архаическому древне-славянскому словообразовательному принципу замѣчаемъ въ литовскомъ языкѣ, что суффиксъ вопросительнаго мѣстоименія, въ его уменьшительной функціи, не только не вытѣсняетъ собою тематическое -u-, но и самъ его, по извѣстному закону словообразовательнаго движенія, въ себя принимаетъ; такъ напр , отъ лит. a l ù s (hausbier), родственнаго старо-славянскому ол-ок-ика, производится a l-ù-c z u s (demin. ad a l-ùs). Ето наблюденіе иногда простирается и на славянщину; такъ напр. лит. v i r v é — в е р в ь — в е р-ев-к а, хотя, какъ видно, въ епоху большей словообразовательной сознательности, тема и исчезала: в е р-у г а [1]).

[1]) Большинство реченій съ темою на -u-, разобранныхъ нами, принадлежитъ жен-

Одно изъ замѣчательныхъ вырожденій суффикса -u- представляетъ реченіе тетива, очевидно, вм. тѧтив-а—scr. tantu (нить, волокно и пр.) RV. II, 1, 3, 6 tantun tatan sauvayanti. Замѣтимъ притомъ, что самая елизія посоваго елемента изъ коренной гласной можетъ быть весьма древней даты, ибо и въ санскритѣ корни, оканчивающіеся на зубную посовую весьма часто ее отбрасываютъ, какъ въ глагольныхъ образованіяхъ, такъ и въ именныхъ. Изъ послѣднихъ приведемъ реченіе особенно близкое по значенію къ нашему—реченіе tatan, служащее общимъ, генерическимъ названіемъ для струнныхъ инструментовъ. tatan vînâ-prabhṛîtikam (Hemacandra p. 48). Въ реченіи же tan-tu, какъ видѣли, въ значеніи струны и появляется: atha tantrîbhih saptabhih parivâdinî (Hemacandra ibid.) Ето явленіе объясняется тѣмъ, что здѣсь суффиксъ вопросительнаго мѣстоименія является въ назначеніи болѣе свободномъ, дошедшемъ до чисто формальнаго значенія уменьшительнаго, словообразовательнаго елемента, тогда какъ въ епоху творчества вышеприведенныхъ славянскихъ образованій (кѫз-ькъ и пр.) онъ находился въ болѣе искреннемъ отношеніи къ исходу слова, къ той его темѣ, которая, принимая въ себя сей суффиксъ, сама исчезала. Такія явленія всего болѣе способны убѣдить въ томъ, что законъ, по которому образовательные елементы присоединялись въ старое время къ своимъ темамъ, не былъ закономъ простой агглутинаціи, и что тѣ, которые на него такъ смотрятъ, исходятъ изъ позднѣйшихъ явленій, дѣлая свой выводъ обязательнымъ и для старшихъ. Припомнимъ, что въ санскритѣ сей законъ примѣнялся во многихъ явленіяхъ, къ которымъ чутье языковъ позднѣйшей исторической даты уже заглохло. Въ санскритѣ исчезала тема, или суффиксъ передъ суффиксами сравнительной и превосходной степени. Въ санскритѣ ето явленіе совершенно законосообразно; оно составляетъ правило. Въ славянщинѣ же находимъ только весьма рѣдкія аналогіи между такъ называемыми неправильными степенями сравненія; напр мл-лъ мьн-иш. Положительная степень не имѣетъ никакой опредѣленной формы; любой суффиксъ ее образуетъ Въ реченіи мл-лъ образу-

---

скому роду По въ старину она не ограничивалась этою функціей Въ нѣкоторыхъ случаяхъ роды чередуются Въ реченіи лагѣ, -ѣе, доказаннымъ образомъ, преобладаетъ оттѣнокъ женскаго рода; но въ варажд. подрѣчіи встрѣчаемъ и мужескій: „ar je vusred hiže veliki lagev opazil a iz lagva ove reči čul“ (Prip Val. p. 24)

етъ ее суффиксъ -ѧ, передъ которымъ, more palaeoslavico, произошло усѣченіе носовой гласной корня. Въ литовскомъ языкѣ она образуется суффиксомъ -ka и безъ всякаго, конечно, усѣченія · mèn-kas. Предъ суффиксомъ сравнительной степени -ьш-, очевидно, предшествующій образовательный елементъ исчезалъ. Притомъ замѣтимъ, ь етого суффикса въ ту епоху имѣлъ полный гласный звукъ и (ı), ибо иначе не могло произойти возстановленіе полнаго звуковаго состава коренной носовой гласной, которое наблюдаемъ въ формѣ мьн-ьш-ĭи, сопоставленной съ реченіемъ ма-лыи. И такъ, заключаемъ, старо-славянская форма сравнительной степени звучала несомнѣнно мѧн-ьш-ĭи, какъ она еще и доселѣ звучитъ въ словинскомъ нарѣчіи. — Въ санскритѣ, какъ сказано, и другія темы исчезаютъ или модифицируются передъ суффиксомъ -ka; такъ, uda-ka -ud-an, taksha-ka -taksh-an (Ujjval. com on the unâd. p. 269) [1]).

Суффиксъ -ка имѣетъ обширное и важное значеніе въ славянскомъ словообразованіи. Ета его многозначительность заключается во 1-хъ въ его индивидуализирующей выразительности, во 2-хъ въ томъ, что его словообразовательная дѣятельность получила просторъ, очевидно, въ епоху историческую. Его вынесли языки индоевропейскіе изъ общей ихъ прародины, какъ явленіе самое новое, по которомъ на всегда осталось у нихъ впечатлѣніе живое и свѣжее. Самый санскритъ, какъ видѣли, при присоединеніи суффикса -ка являетъ чувствительность значительную. Остановимся, какъ на одномъ изъ старѣйшихъ его примѣровъ въ санскритѣ, на словѣ ava-t-ka (уменьшит. отъ ava-ta, или ava-ta [2]) слѣд. «источничекъ» или, лучше, «студенецъ». Ето уменьшительное встрѣчается въ слѣдующемъ мѣстѣ Ат.-Веды II, 3, 1 · ado yadavadhâvaty-avatkamadhi parvatât. Ето мѣсто дѣлаетъ намъ весьма ясный намекъ на етимологію деминутива avatka, слагая глагольный корень

---

[1]) Есть нѣкоторые слѣды и того явленія, что согласныя темы исчезали передъ суффиксомъ -ъ; такъ напр. слав. вѣ-къ — скр. vay-as («age, time of life») Можетъ быть, отчасти въ етихъ и подобныхъ етимъ явленіяхъ и нужно искать причину, почему такъ рѣдки согласныя темы въ славянщинѣ (Срав. Max Muller въ Z. f. v. S. XV, 3. pp 215—225.

[2]) SV. I, 2, 1, 3 3‹ : gâva upa vadâvate; açmasyamavatan brahmanaspatirmadhudhâramabhi yamojasâtrnatlameva viçve papire svadrçah etc R V II, 24, 4.

dhâv, избранный поетомъ для выраженія стремительнаго движенія «студенца» съ предлогомъ ava (въ значеніи «внизъ, herab») котораго корень и вошелъ, по предположенію составителей С-Петербургскаго словаря (s. v.) въ составъ слова avatka. Итакъ, суффиксъ -ka и въ санскритѣ есть суффиксъ секундарный. Исчезновеніе a передъ суффиксомъ -ka есть очевиднымъ доказательствомъ относительно позднѣйшей даты образованій съ -ka. Въ этомъ отношеніи имѣетъ огромную важность сличеніе тождественныхъ образованій различныхъ датъ. Такъ напр., отъ прилагательнаго *prithu* (широкій), какъ существительное имя, въ значеніи «земли» употребляется въ Ведахъ съ гласною *pṛ*thiwî; какъ прилагательное имя въ формѣ женскаго рода отъ prithu, она еледируетъ i: *pṛ*thivî. Не соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ Regnier объ i въ реченіи *pṛ*tivî, какъ объ «insertion», вполнѣ принимаемъ другую половину его воззрѣнія на етотъ образовательный елементъ, какъ на «une des habitudes antiques de la langue» (Etude, p 175). Regnier въ етомъ своемъ сужденіи объ i, какъ о «insertion», безъ сомнѣнія слѣдуетъ авторитету Бенфея, который въ глоссаріѣ къ Самаведѣ п. с. dhaniva (p. 99), сличая ето чтеніе съ чтеніемъ Ригведы dhanva, какъ ето образованіе, такъ и dâç-i-van (RV. daçvan), обсуждаетъ такъ «i ist hier vielleicht des Metrums wegen eingeschoben». Но, увлекшись авторитетомъ Бенфея, Regnier не обратилъ вниманія на то, что даже и «vielleicht» въ етомъ мѣстѣ ограничено дальнѣйшими словами «vgl. jedoch *pṛ*tivî (aus *pṛ*thvî), wonach spaltung von consonantengruppen durch i alt zu seyn scheint». Изъ етого уже замѣчанія о древности i мы заключаемъ, что Бенфей придаетъ ему болѣе глубокое словообразовательное значеніе, чѣмъ показалось Regnier, только повторившему сказанное Бенфеемъ. Внимательный читатель великаго произведенія Бенфея о Самаведѣ припоминаетъ себѣ обширное предисловіе его, гдѣ (pp XXVII—XXIX) Бенфей высказываетъ, какъ предположеніе весьма вѣроятное, что рецензія гимновъ въ текстѣ Самаведы старше рецензіи соотвѣтствующихъ гимновъ Ригведы.

Что касается до уменьшительной функціи суффикса -ka въ санскритѣ онъ имѣетъ тоже обширное приложеніе, что и въ Славянщинѣ Въ архаической сагѣ объ Апалѣ встрѣчается любопытное выраженіе vîraka въ смыслѣ «человѣчика» или, лучше, чешскаго mužika (pjdjmužik): asau ya eshi vîrako *gṛ*ihang*ṛ*ihan vicâkaçat (Ind. Stud. IV, p. 1). Въ тѣхъ же драгоцѣнныхъ, немногихъ остаткахъ встрѣчаемъ выраженіе «çanairiva çanakairivendrâyendo parisrava». Çanair оз-

начаетъ «помалу, постепено»; ṣanakair, уменьшительное отъ него — «по маленьку». Итакъ, переводимъ. «по малу, по маленьку капай, о капающій, Индрѣ». Ета свобода словообразовательной функціи суффикса -ka иногда доходитъ до игривости. Въ етомъ отношеніи напомнимъ забавный примѣръ, приводимый схоліастомъ къ Панини I, 1, 29 tvatkapitṛikaḥ «твой батюшка» [1]) väterchen, voterle. Любопытно, что въ етомъ примѣрѣ принимаетъ уменьшительный суффиксъ и мѣстоименная тема tvad- tvatka, подобно простонародному нѣмецкому del, dasz|, dem| инр. (Grimm Gram. III, 687). Можно сравнить также сербское того-вић, ибо серб. ић въ равной степени и patronymicum и deminutivum; также русское чеевичь (Ирк. Оп. обл. сл. стр. 255) По комментарію Патанджали (Mahâbâshyam), даже, при извѣстныхъ условіяхъ, и по самому Панини (V, 3, 71), слѣдовало бы даже tvakat pitṛika [2]). Такое поразительное согласіе съ санскритомъ и полная тождественность уменьшительной функціи въ славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ заставляетъ насъ думать, что дата суффикса не восходитъ ранѣе епохи, непосредственно предшествовавшей раздѣленію племенъ. Замѣтимъ, притомъ, что для выраженія оттѣнка уменьшительнаго, какъ сильнаго, но все же секундарнаго, побочнаго, особенно приличенъ суффиксъ еще на свѣжей памяти возникшій, замѣняющій собою старыя темы, или ихъ значительно видоизмѣняющій своимъ присоединеніемъ Приведенные нами выше примѣры етого исчезновенія тематическихъ исходовъ, или покрайней мѣрѣ, ихъ видоизмѣненія представляютъ въ высшей степени любопытныя явленія; но отчасти представляются они окрашенными весьма архаической епохой словообразованія, какъ напр., реченіе avatka, составляющее ἅπαξ λεγόμενον въ санскритѣ и встрѣчающееся, притомъ, въ мѣстѣ, отличающемся особенною прелестью старины. Мы можемъ привести примѣры тематической модификаціи словъ передъ суффиксомъ -ka, которые можно возвести въ правило: 1) гласныя â, î, û сокращаются ajâ-ajaka, kumârî-kumârika, brahmabandhû -brahmabandhuka; 2) родовая гласная à

---

[1]) Мы не можемъ передать вполнѣ tvatka нашимъ роднымъ языкомъ.

[2]) Считаемъ, впрочемъ, нужнымъ оговориться: ето образованіе, равно какъ и другія deminutiva отъ мѣстоименныхъ темъ (каковы: asuka, amuka, imaka, eshaka), имѣютъ очень мало историческаго достоинства, ибо встрѣчаются преимущественно у схоліастовъ къ Панини, а извѣстно, какія чудовищныя образованія возникали изъ подъ искусственнаго ихъ пера. У Швабеуса (de deminutivis Gissae. 1859 p. 23) они являются въ ложномъ освѣщеніи.

передъ суффиксомъ -ка обращается въ i: bhasra - bhasraka и bhasrika (Beutel. Benfey chrest. p. 189, 2; Vollst. gram. der scr. sprache § 602, p. 230). Нѣкоторыя образованія съ суффиксомъ -ка такъ еще свѣжи въ санскритѣ, что языкъ, такъ поздно отдѣлившійся отъ Аріевъ, какъ литовскій, еще сохраняетъ образованіе первичное, такъ напр., образованіе, употребляемое и въ Rig- и въ Atharva-Ведѣ—a-vi-ka (Roth, zur Gesch. und Lit. der Weda p. 41), вполнѣ согласующійся съ славянскимъ образованіемъ о в-ь-ца Литовскій языкъ удержался на первичномъ образованіи a v-i s. Скр. avika съ краткимъ а—муж. рода; удлиняя окончную гласную, языкъ придавалъ слову уже иной оттѣнокъ значенія,—«мать овцы» Иногда, подобныя явленія подмѣчаются даже въ запасѣ словъ, сдѣлавшихся предметомъ лексикографіи относительно позднѣйшей; измѣненіе а въ і передъ суффиксомъ -ка встрѣчаются даже въ варіантахъ, по кодексамъ въ Амаракошѣ; такъ напр., преобладаетъ форма mahârâjika, но встрѣчается и mâhârajaka (Amarakosha. ed. Loiseleur Deslongchamps I, p 4).

Свободное, легкое присоединеніе суффикса-ка, не влекущее за собою никакой модификаціи предшествующей ему темы, имѣетъ мѣсто особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествующій ему образовательный елементъ не отличается особенною архаичностью (какъ темы на і и пр.), но имѣетъ въ языкѣ многочисленныя аналогіи и опредѣленное, рѣзко въ языкѣ отмѣченное значеніе. Такъ напримѣръ, отъ двухъ темъ старо-славянскихъ- вѣ-ти [1]) и вѣ-тв-ь образуются и вѣ-и-ка и вѣ-т-ка Форму вѣ-и-ка встрѣчаемъ въ ново-булгарскомъ: «Закачи ми вейка, Сурони ми китка» (Верковичь, p 58). Примѣръ еще болѣе ясный представляетъ русское реченіе ич-ец-ка при сравненіи его съ старо-славянскимъ ичьлы (Apost Šišatov. «ны нѣнеже вьсѣ тѣло ичьлыми и своузы подаемо и съимаемо»). Ето свободное присоединеніе суффикса -ка особенно замѣтно при присоединеніи ея къ темѣ на і, которая очень рѣдко исчезаетъ въ случаяхъ архаическихъ, съ возможностью реминисценціи і; такъ, въ утка, сравнительно съ Литовскимъ a n t-i s і пропало, но оно возвращается въ ут-и-ца, какъ волч-и-ца, пѣт-и-ца. Ета позднѣйшая словообразовательная комбинація суффикса-ка съ предшествующимъ і (ei) преоб-

[1]) Старо-славянское реченіе вѣ-ти имѣетъ счастливую аналогію въ вед vayâ. RV. II, 18, 4: vidvân asya (i. e. Agner) vratâ dhruvâ vayâh ivânu rohate.

ладаетъ въ готскомъ языкѣ: anst-ei-ga (gunstig)-anst-i (gunst), list-ei-ga -list-i; maht-ei ga -maht i, us-beisn-ei-ga, lais-ei-ga, gavizn-ei-ga, gavairth-ei-ga, vaurstv-ei-ga, thiuth-ei-ga, anda-nêm-ei-ga. Далеко не для всѣхъ сихъ образованій Leo Meyer (Z. f. v. S. VI, pp. 7—8) можетъ наслѣдить тематическое i, вслѣдствіе чего считаетъ болѣе вѣроятнымъ объяснить ето -ei- изъ корня мѣстоименія относительнаго. Въ славянщинѣ, какъ видѣли, передко является тоже i передъ суффиксомъ вопросительнаго мѣстоименія (-къ -ка,-ца и пр.); но мы далеки отъ того, чтобы етимъ прибавить еще доказательство специфическому родству между языками славянскимъ и нѣмецкимъ. Въ етомъ i въ славянскихъ образованіяхъ мы не узнаемъ суффикса относительнаго мѣстоименія. Оно, очевидно, принадлежитъ древней гласной темѣ i, служащей, такимъ образомъ, новымъ, крѣпкимъ звѣномъ специфическаго родства между славянщиною и стариною арійской. Отъ именъ животныхъ, по формѣ мужескаго рода принадлежащихъ а темѣ, производятся имена женскаго рода съ î-темою. *vrikas-vrikî*: влъкъ- влъч-ица, или влъч-и-ха и пр. Особенно наглядно напоминаютъ ети родовыя отношенія гласныхъ тематическихъ въ санскритѣ път-а-къ път-и ца. Замѣчательно, что i-тема не только не вытѣсняется въ етомъ случаѣ, въ случаѣ родоваго движенія, суффиксомъ вопросительнаго мѣстоименія, но, напротивъ, съ нимъ она возстановляется изъ глубокихъ складокъ етого аріо-славянскаго словообразованія Другое происхожденіе приписываемъ елементу i, являющемуся передъ уменьшительнымъ суффиксомъ -ка, какъ напр. мальч-и-къ, [1]) муж-и-къ [2]). Не смотря на то, что, какъ видимъ, большинство разобранныхъ нами явленій на словообразовательномъ поприщѣ суффикса -ка сложилось, такъ сказать, на бѣломъ днѣ исторіи, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, не мало можемъ указать и такихъ явленій, которыя удостовѣряютъ въ томъ, что нѣкоторые корни уже исчезли изъ живаго оборота языка, какъ свободно въ немъ фунгирующіе, оставивши по себѣ образованія съ суффиксомъ -къ. Такъ напр., въ сербскомъ нарѣчіи встрѣчаемъ два аналогическія образованія, весьма трудно поддающіяся етимологическому анализу довоче и пасторче. Модифи-

[1]) Дальнѣйшее образованіе отъ предполаемаго старо-славянскаго ма-л-ъкъ, оставившаго слѣдъ въ сербскомъ малко (demin. мало Vuk; s. v.)

[2]) Ср. „людишки» въ грамотахъ Реченіе muž въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хорв. нарѣчія употреблялось вм. kmeta и безъ уменьш. суф. -къ въ см. нашего «мужикъ». Sirena П. Зрини въ knjiž. III.

кація суффикса ясна изъ образованій пасторак, пасторка. Значеніе перваго реченія Вукъ опредѣляетъ такъ по сербски. «дијете које доведе жена мужу или муж жени»; значеніе втораго privignus, privigna. Какъ видно, въ старину Славяне даже и въ адоптаціи отличали также строго какъ и въ кровномъ родствѣ, мужеское колѣно отъ женскаго, «мечь» отъ «кудѣли [1])» По опредѣленію глубокаго знатока обычной и народной жизни Сербовъ, Вука Караджича, етими двумя именами обозначаются дѣти, принимаемыя въ семейство или мужемъ или женою Въ етомъ различеніи именно лицъ адоптаторовъ и заключается етимологія обоихъ реченій: довоче сравниваемъ съ санскритскимъ dhava [2]) (vidhava, слав. въдова, т. е., оу-дова); пасторче -скр. *stri* (femina). Очевидно, кромѣ того, что въ етихъ чертахъ просвѣчиваютъ древнія языческія добрачныя отношенія семейства

Тема -u- сохранилась, какъ мы видѣли, во многихъ словообразовательныхъ наслоеніяхъ Славянщины. Но потому, полагаемъ, такъ и многочисленны ея остатки, что они защищены были вновь наслоившимися словообразовательными елементами Ето ихъ преимущество уяснится изъ слѣдующаго противуположенія. Славянщина же намъ представляетъ примѣры, хотя и рѣдкіе, возможности сохраненія тематической гласной, и безъ всякаго на нее наслоенія словообразовательнаго Я разумѣю сохранившееся въ нѣкоторыхъ реченіяхъ *a* вмѣсто *ъ*, изстари служившаго славянскою замѣною тематической гласной *a*. Для примѣра возмемъ сербское речение войн-а, употребляющееся въ смыслѣ «супруга, любовника», или, вѣрнѣе, въ смыслѣ «хотя, жениха»; такъ напр въ народныхъ пѣсняхъ: «Погледай, војно, погледај, јели ти слика, прилика» (I, p. 5); «не смјем војна у двору чекати» (II, p. 627); въ памятникахъ старины: «A Ierina iz bjeloga Smedereva izagnana Za nać Gjurgja vojna svoga Ot ugarskieh podje strana» (Gund. Osm. VIII, 118); «Nevieste su udovice Plaču vojna i dievera» (Ibid. XVIII, 28). Въ ведахъ находимъ кр. vân въ значеніи «любить», отъ котораго производится, какъ по значенію, такъ и по етимологіи, вполнѣ тождественныя сербскому война, реченія—vena «любовникъ» и ven-â «любовница». Такъ напр., для мужскаго рода: apo venasya joguvâna oniṁ sadyo buvadviryâya nodhâḥ» (RV. I, 61, 14); для женскаго рода: «trayaḥ pavayo madhuvâhane rathe somasya venâmanu viçva id viduḥ (Ibid. 36, 2).

[1]) Сравни братранецъ-сестреница, уп-стрицъ и пр.

[2]) a) Mensch, Mann, b) Ehemann, Gatte; c) Herr.

Для полноты нашихъ очерковъ изъ исторіи именной темы въ славянщинѣ, выберемъ въ связи разобранныхъ нами явленій нѣсколько характеристическихъ примѣровъ, особенно сильно свидѣтельствующихъ о присутствіи арійскаго слоя въ славянскомъ словообразованіи Мы имѣемъ не мало явленій именныхъ образованій съ носовой темою (на -ѧ, на-мѧ); но они, ясныя въ своемъ составѣ, возникли, такъ сказать, на свѣтѣ исторіи и не вызываютъ аналитика на дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ судебъ въ глубину древности Они, правда, имѣютъ аналогіи очень древнія, но аналогіи, которыя нисколько не условливаютъ собою ихъ специфически - славянскаго генезиса Намъ, напротивъ, дороги тѣ реченія, которыя развиваютъ въ себѣ сѣмя, посѣянное въ епоху арійскую. Что касается до носовой темы, мы находимъ подобныя явленія Такъ напр , зендскія реченія r a v - a n h («даль»), r a v - a n («равнина, долина»), въ сложныхъ словахъ r a v a ç c a r â t («далеко ступающій») и пр. представляютъ полную аналогію съ многочисленными славянскими образованіями, тождественными зендскимъ и по образованію и по значенію: я разумѣю образованія, исходящія изъ темы р а в - н -, или р о в - н -. Итакъ, арійское преданіе условливаетъ собою въ етихъ славянскихъ реченіяхъ не только фонетическій видъ корня, но и тематическій ихъ исходъ Кромѣ того, мы можемъ представить одно реченіе, которое своей стариною имѣетъ первенство и надъ зендомъ я разумѣю русское реченіе р о в - е с - н и - к ъ. Доселѣ только путемъ искусственнымъ, путемъ научнаго анализа изъ разбросанныхъ ищѣ чертъ, проницательный А. Кунъ утверждалъ о связи носовой темы съ темою на a n t (ср. слав. -мт- въ именахъ, какъ тѣлѧ, тѣлѧтѣ и пр) и, черезъ ея посредство, съ темою на -a s - [1]). Здѣсь мы имѣемъ наглядное доказательство етого купова домысла· зенд. r a v a n, r a v a n h: слав. р о в - е с - совершенно подобную смѣну темъ наблюдаемъ въ родственныхъ между собою реченіяхъ: рам-ѧ,-ене: рем-ес-ло, или верхне-луж уменьшит r a m - e š - k Pjesni I, p. 83. Ср. литов. m e n ů, -e s i s, (ср. ниже). Еще болѣе конкретное явленіе представляетъ старо-славянское образованіе рѣс-ьн-ъ (ἄληθης) съ своими производными рѣс-ьн-ота и пр. Склонность къ смягченному произношенію плавной r, которая наблюдается въ Зендѣ въ группѣ -e r e-, столь часто встрѣчающуюся, какъ въ началѣ, такъ и въ срединѣ словъ, отражается въ еле-

[1]) См особенно Z. f v. S I, pp 368—381, 457

ментѣ ѣ послѣ ρ въ реченіи ρѣс-ьнъ. Етою фонстической чертой мы, такъ сказать, возстановляемъ только, въ полную послѣдовательность большинству явленій, тождественное старо-славянскому реченію, зендское r a s h-n i (Wahrheit), случайно сохранившее первоначальную гласную при r, вмѣсто евфонической группы e r e. Что до словообразованія, и тутъ мы видимъ въ славянщинѣ туже поразительную вѣрность преданію арійскому кр ρѣс вошелъ въ славянскую жизнь съ древне-арійскою носовой темою явленіе тождественное тому, которое мы наблюли при сличеніи r a v a n h: ρлѣ-ьн-ъ и пр

Въ полную аналогію съ русскимъ р о в е н ь, образуется чешское v a š-e n j («страсть»), вошедшее въ славянскую жизнь также уже съ готовой темой, ясной при его сличеніи съ зенд. v a ç-a n h («насиліе, желаніе, воля»), или съ совершенно тождественной чешскому реченію v a ç-n a. Ета зендская носовая тема -a n h (т. е собственно носовая тема -a n-, фонетически слитая съ зендскою модификацией знака именительнаго падежа s : h) нерѣдко возвращается въ Славянщинѣ, и именно въ тѣхъ реченіяхъ, которыя, по бытовому своему значенію, коренятся въ глубинѣ арійской старины. Такъ напр реченіе r a d a n h, употребляющееся въ двоякомъ значени 1) жертвоприношенія и 2) жертвоприносителя, отражается и съ темою своей въ сильно, впрочемъ, видоизмѣненномъ славянскомъ реченіи ρад-оγн-и-ца. [1]) Ето — образованіе третичное, можетъ быть, даже четверичное, ибо, какъ ниже увидимъ, въ подобныхъ случаяхъ носовая тема является осложненною на славянской почвѣ. Motio derivationis въ стомъ четверичномъ образованіи пошла отъ осложненной носовой темы. р а д-у н, представляющей уже особенный суффиксъ, фунгирующій всегда, какъ nomen agentis. Итакъ, съ самаго начала ета арійская носовая тема сложилась въ форму nom ag., слѣдовательно, во 2-мъ значеніи зендскаго r a d a n h («жертвоприноситель»). Существованіе nom. ag. р а д-у п ъ, какъ жертвоприносителя, сохранилось въ собственномъ имени женскаго рода R a d u n j e, встрѣчающемся въ анналахъ подъ 791 годомъ (Erben Regesta p. 5) [2]). Слѣдовательно, сей языческій праздникъ Славянъ названъ по фунгировавшему на немъ главѣ семейства, или общины. Корень r â d въ значеніи «давать, приготовлять» свободно спрягается

---

[1]) Ρадоница въ Рум. рпси № 154, лис. 379.

[2]) Въ др.-рус. встрѣчаемъ и Р а д ъ к о въ 1 ой Новг. подъ 1183 г.

какъ въ зендѣ, такъ и въ санскритѣ. Въ соотвѣтствіе славянскому радуну въ зендѣ существуетъ первоначальное образованіе отъ корня râd: râdha въ значеніи «Eheherr, Herr; trad. geber».

Что особенно по нашему мнѣнію свидѣтельствуетъ о старинѣ суффикса -ун-, ето появленіе его въ тѣхъ литовскихъ образованіяхъ, въ которыхъ етотъ суффиксъ, при всей аналогичности етихъ образованій съ однокоренными и однозначащими славянскими, въ послѣднихъ замѣняется другимъ суффиксомъ въ епоху, заключаемъ, специфически славянскую; такъ напр., лит. alk-un-as слав лок-ъть

Нѣкоторыя образованія на -ун- имѣютъ весьма ясныхъ предшественниковъ въ самой Славянщинѣ. Такъ напримѣръ, издатель Винодольскаго Статута (Kolo III, 94) не умѣетъ себѣ объяснить слова moš-un-a, встрѣчающагося въ § 10 етого закона «neznam što je». Вотъ ето мѣсто: «jošce od tatbe, od mošune, i od žyta požganja... ako bude pra od toga učinjena, ima se odpriseci samo šest». Изъ контекста ясно о чемъ идетъ рѣчь: о мош-ен-и-че-ствѣ. Въ словахъ мош-ьн-а, мош-ени-къ (т. е. мошенный, карманный воръ, ческ. taškarz) является простая носовая съ предваряющею ея произношеніе мягкою полугласною. Въ уясняющемся такимъ образомъ хорватскомъ реченіи етотъ носовой суффиксъ осложнился гласною у (-ун-), которая и придала етому суффиксу силу выразительности, достигаемую въ соотвѣтствующемъ русскомъ реченіи тремя суффиксами Старо-славянскій языкъ сохранилъ другое образованіе отъ того же праславянскаго корня, съ суффиксомъ -лъ· мѫш-ел-ъ λῆμμα (lucrum), въ сложныхъ словахъ мѫшелолюбиѥ (αἰσχροκέρδεια), мѫшелоимьство (idem), мѫшелоиштьць (αἰσχροκερδής) и пр. Въ томже старо-хорватскомъ парѣчіи, на одно лишь столѣтіе разстоянія времени и на недалекомъ разстояніи географическомъ, именно въ Законѣ Кркскомъ отъ 1388 года находимъ слово mošuna въ значеніи весьма близкомъ къ русскому реченію мошна (Arkiv, II, 2, p. 280). Издатель въ глоссаріѣ къ етому драгоцѣнному памятнику старо-хорватской письменности такъ его объясняетъ· «Staja, pojata za blago» (ibidem, p. 300). Въ етомъ памятникѣ, слѣдовательно, является слово moš na въ значеніи древняго казнохранилища, по отношенію къ скоту, какъ къ богатству древняго человѣка. Вотъ ето мѣсто Кркскаго Закона «i da nemozi nigdor nijedan drmun v rečenom zaroci ni držati ni zagraditi, ni mošunm (Arkiv II, 2, p. 291). Ето значеніе удержалось и доселѣ въ живомъ, литературномъ употребленіи словинскаго парѣчія: «Ej i ja sam pravi

domorodac ako mu ne pomaže ni riečju, ni perom, ni mošnjom» (Slov. Glasnik X, 25); въ штирскомъ нарѣчіи «Da mošne prazne in brez dnarja vse plenjive» (Ahacel, Pesmi; p. 114). Старо-хорватское значеніе въ Крскомъ Законѣ наводитъ насъ на мысль о родствѣ этихъ образованій съ старо-славянскимъ мѫ-скъ (Востоковъ; s. v.) По формѣ весьма архаично нижне-лужицкое реченіе musch-yn-a или mosch-yn-a, или наконецъ mysch-yn-a (Beutel).

Обратимся къ суффиксу -yn-. Мы видѣли его возникающимъ изъ простой носовой темы Но ясно, что то видоизмѣненіе, которой подверглась въ немъ носовая тема, сильно воздѣйствовало на значеніе суффикса. Значеніе носовой темы сильно въ немъ видоизмѣнилось· суффиксъ получилъ значеніе чрезвычайное интензивное, онъ сталъ суффиксомъ nom. ag. Еще въ литовскомъ языкѣ встрѣчаемъ етотъ суффиксъ въ комбинаціяхъ словообразовательныхъ очень старыхъ. Такъ напр., санскр. реченіе paraçu въ его древнѣйшемъ значеніи встрѣчаемъ, какъ епитетъ Сивы-разрушителя—khandaparaçu (Amarak., ed. Loiseleur Deslongchamps I, p. 7)—въ варіантахъ kandaparçu съ елизіей гласной передъ суффиксомъ -çu; Греч πέλεκυς (χαλκελάτῳ πελέκει. Olymp. 4, 66) также оттѣняется весьма архаически, у позднѣйшихъ Грековъ встрѣчаемъ также елидированное и подвергшееся метатезису гласныхъ образованіе πέλυξ, —κος. Въ несомнѣнной связи съ сими санскритскими и греческими образованіями состоитъ епитетъ литовскаго громовержца per-k-un as, въ которомъ наблюдаемъ туже елизію, что и во 2-мъ членѣ санскритскаго сложнаго имени —khandaparçu. Етотъ архаическій словообразовательный элементъ -k- является нерѣдко въ литовскомъ передъ суффиксомъ -l- напр. ger-k-lė́, se-k-là, stá-k-le. Доселѣ мы еще не нашли пути нашему анализу для ближайшаго опредѣленія етого явленія. Но ясно одно· элементъ -k- есть особенный образовательный элементъ въ аріо-пеласгійскую епоху словотворчества еще въ достаточной степени сильный, чтобы одному фунгировать въ реченіи, въ аріо-литовскую осложнившійся уже другимъ элементомъ, болѣе яснымъ по значенію. Отношеніе славянскаго пер-ун-а къ литовскому per-k-un-as объясняемъ себѣ специфически-славянскою словообразовательною особенностью, по которому интензивные суффиксы, вторично къ именной темѣ присоединяемые, вытѣсняютъ собою предшествующе суффиксы А что суффиксъ -yn- и вообще носовой суффиксъ, усиленный гласною, имѣетъ значеніе интензивное, на ето имѣемъ мы доказательства и изъ санскрита; такъ напр.

aranyânî syn. mahâranyam (grande forêt Amorakosha ed L-D. I, 79). Сообразно съ этимъ интензивнымъ своимъ значеніемъ, санскритскій суффиксъ -anî способенъ выражать болѣе тонкіе оттѣнки въ значеніи именъ; напр. âcâryâ означаетъ просто «institutrice spirituelle» «api ca svatah,» какъ объясняетъ глоссаторъ Амаракоши, т. е., сама по себѣ; âcâryânî же означаетъ épouse d'un maître spirituel, «- tu punyoge,» по объясненіи глоссатора. Точно тоже отношеніе замѣчается между реченіями «upadhyâyâ» (précepteur femelle) и «upâdhyâyânî,» или «upâdhyâyi.» Но первый примѣръ, нами приведенный, въ томъ отношеніи особенно замѣчателенъ, что въ реченіи aranyânî суффиксъ -ânî, въ прямомъ значеніи увеличительнаго, естественнымъ образомъ, какъ суффиксъ женскаго рода, присоединяется къ темѣ средняго рода (Cf. Ujjval. ed. by Aufrecht. Gloss. p. 183).

Высокій интересъ суффикса -унъ въ реченіи перунъ особенно ясно сознается, если припомнить, что нѣкоторые епитеты боговъ въ ведахъ отмѣчены тѣмъ же, очевидно, очень древнимъ образовательнымъ элементомъ, и именно съ долгимъ û; какъ напр., епитетъ Агни и Савитри dam-ûn-as. Значеніе этого епитета всего яснѣе изъ слѣдующаго мѣста RV. III, 1, 11 *ri*tasya yonâvaçayaddamûnâ jâmînâmagnîrapasi svas*ri*nân, гдѣ схоліастъ совершенно безсмысленно толкуетъ dântamanâh. Къ этой формѣ существуетъ другая, болѣе слабая damya въ томъ же значеніи («домовый») и также, какъ епитетъ Агни; RV. III, 2, 8 namasyata havyadâtim svâdhvaran, duvasyata damyam jâtavedasam. Ету форму удалось, замѣчательнымъ образомъ, тому же схоліасту Саянѣ истолковать совершенно справедливо: damyam damebhyo *gri*hebhyo hitam. — Кромѣ того въ санскритѣ не мало епитетовъ съ этимъ же образовательнымъ елементомъ, хотя и съ краткимъ u; таковы напр., aruna, arjuna, karúna, táruna, dârúna, dharúna, píçuna, vamúnâ, váruna, çakuná (Ujjv. ed. by Aufrecht. Appendix; p. 274). — За гласною u, исходя изъ выше изложенныхъ наблюденій мы должны признать назначеніе обособлять представленіе о предметѣ, возвышать, такъ сказать, матерьяльную качественность значенія предмета. Ето назначеніе принимаетъ на себя, какъ увидимъ, словообразовательный елементъ у въ суффиксахъ: ух, ут, ун. Но послѣдній, именно, наводитъ на соображенія, выводящія насъ за предѣлы у- суффикса. И онъ, конечно, удерживаетъ обособляющій оттѣнокъ своего значенія; но етотъ оттѣнокъ не мыслимъ иначе, какъ во взаимодѣйствіи съ суффиксомъ -н-, ко-

торый, какъ изъ многаго оказывается, самъ не рѣдко имѣетъ тоже обособляющее значеніе Обратимъ вниманіе на одно то, что суффиксъ -ун- не есть послѣднее звѣно въ словообразованіи, что отъ него идетъ родовая motio на суффиксъ женскаго рода -ини Изъ этого, вовсе нерѣдкаго суффикса женскаго рода очевидно, что цѣлый етотъ комплексъ -ун- отличается большею енергіею въ словообразованіи, — если при дальнѣйшемъ движеніи онъ не только поднялъ гласную, входящую въ его составъ, но и для обозначенія женскаго рода избралъ весьма архаическій и сильный знакъ -и (ı). Дѣйствительно, Курціусъ замѣчаетъ (Z. f. v. S. IV. p. 213), что ета енергія носоваго суффикса особенно выступаетъ въ суффиксѣ женскаго рода, тк. въ лат. rex — reg-ina, греч θεός — θεαινα. Послѣднее особенно замѣтно, когда ето образованіе женскаго рода сопоставляется съ образованіемъ муж. р , какъ напр «κέκλυτέ μευ, πάντες τε θεοὶ πασαί τε θεαιναι», при существованіи образованія θεά, которое въ етомъ случаѣ, при сопоставленіи съ θεός, оказалось бы слабымъ. Припомнимъ же теперь, что въ славянщинѣ отъ однозначащаго речения богъ и вовсе не образуется речение аналогическое греческому θεά, но прямо производится ето поетическое θεαινα — богыни Итакъ, и предшествовавшія и послѣдующія наблюденія наши надъ интензивностью образовательной гласной -и- будутъ постоянно ограничиваться етимъ послѣднимъ наблюденіемъ, доказывающимъ извѣстнаго рода сочувствіе между обѣими составными частями комплекса -унъ —Отношенію богъ: богыни находитъ себѣ аналогію еще въ нѣкоторыхъ образованіяхъ, такъ напр. въ извѣстномъ соподчиненіи представляются речения мол-отъ и мол-ни-я Но, еще доселѣ слышится въ произношеніи русскаго народа слѣдъ первоначальной формы речения мол-ни-я — молынья [1]), на основаніи котораго считаемъ себя въ правѣ возстановить первоначальную форму его — молзини, которому бы соотвѣтствовала форма мужескаго рода мол-унъ, въ смыслѣ грома, если бы не былъ въ ней корень мъл- замѣненъ другимъ въ речении пер-унъ, оставивши притомъ корень мол для выраженія оруди Замѣтимъ, притомъ, что форма

[1]) Подобно спорынья, или спор-зини предполагаетъ форму муж р спорунъ, и ag. кто споритъ, сберегаетъ и пр Къ етимъ примѣрамъ, такъ ясно напоминающимъ собою глагольное происхожденіе ном. ag прибавимъ любопытныя старохорв. образованія popevkinja, teginja «jedva mu teginju tila konj nosase» (Sir P Zrini. 13, 12) у Ягича Knjiž III, 403

женскаго рода особенно свойственна представленію о молніи Въ Ат.-Ведѣ I, 13, 2 она называется pravato napât (племянница дождь-бога). Веберъ етотъ епитетъ переводитъ словами «des Regners Nichte», такъ притомъ обосновывая свой переводъ «Der Blitz (vidyut) ist bei den Indern stets weiblich gedacht, daher ich napât durch «Nichte» übersetzt habe» (Ind. Studd. IV, p. 407) [1]). Нашъ именной суффиксъ женскаго рода на ѣни, соотвѣтствующій суффиксу мужескаго рода на ѣнъ, любили сличать съ исходомъ нѣкоторыхъ готскихъ образованій именно -uni. Разберемъ нѣкоторыя изъ етихъ готскихъ именъ; такъ напр., возьмемъ реченіе gairuni (πάθος)—глаголъ geir-an. Но—во первыхъ—ето имя средняго рода; по одному тому i не можетъ имѣть въ етомъ реченіи значенія признака женскаго рода Во вторыхъ, гласная u объясняется тѣмъ господствующимъ во многихъ индо-европейскихъ языкахъ закономъ, по которому r склоненъ каждую гласную ассимилировать себѣ въ звукѣ u, на чемъ ниже будемъ имѣть случай остановиться подробнѣе. Изъ етого заключаемъ, что образованіе gairuni есть имя существительное отвлеченное, образованное посредствомъ широко развитаго въ готскомъ языкѣ суффикса -n- и окончанія i, суффикса мѣстоименнаго, имѣющаго специфическое отношеніе къ отвлеченнымъ образованіямъ, каковы напр. fauradauri, audanahti, andbahti, reiki и пр., или vitubni (vitan), fastubni (fastan), valdufni (valdan). Если искать етимъ готскимъ образованіямъ аналогіи въ Славянщинѣ, то скорѣе всего ее найдемъ въ нашихъ суффиксахъ именъ отвлеченныхъ, ѥ-ѥ и иї-ѥ. На етомъ же основаніи отвергаемъ и сличеніе гот. fairguni (ὄρος) съ славянскимъ прѣгѣнии: fairguni есть также образованіе средняго рода. Притомъ, нельзя сказать, чтобы образованіе прѣгѣнии было бы совсѣмъ лишено аналогіи въ славянщинѣ. Совершенно аналогичное, какъ по функціи образовательнаго елемента -ыни, такъ и по значенію, образованіе можно извлечь изъ древняго миѳическаго патронимика Гор-ын-ичь. Реченіе горыни было бы именемъ преобладающаго въ извѣстномъ хребтѣ горъ, холма. Еще любопытный случай употребленія суф. ыни въ собственныхъ именахъ представляетъ образованіе Мѣз-ыни (Ais 1328, 1356; Гр. и Дог. I, 31, 41), Хут-ыни (домъ стаго спса на хутынѣ, тако бо бѣ нарицаемо мѣсто то ѿ древнихъ. Рпсь. гр. Рум. № 154, л. 188).

[1]) Въ слѣдующемъ мѣстѣ является vidyut, какъ мать грома: «vâçreva vidyun mimâti vatsamna mâtâ sishakti, yadeshâm vrishtir asarji» RV I, 38, 8.

Но, какъ увидимъ впослѣдствіи, суффиксы интензивные по своему значенію назначаются языкомъ для выраженія и уменьшительныхъ оттѣнковъ, съ ипокористическимъ оттѣнкомъ. Носовая тема издавна была приурочена среднему роду, и одно изъ самыхъ характеристическихъ ея назначеній было—обозначать молодыхъ животныхъ. Ето назначеніе не уединеннымъ представляется намъ Кромѣ многочисленныхъ случаевъ употребленія суффикса -н- въ ипокористическомъ, или уменьшительномъ значеніи въ именахъ собственныхъ и прилагательныхъ, въ сербскомъ встрѣчаемъ нѣкоторые случаи архаическихъ образованій ипокористическихъ, отмѣченныхъ явными признаками ихъ индивидуальнаго, аномалическаго образованія; таковы брај-ен, но-на (hypoc. отъ но-га). И, притомъ, суффиксъ, предшествующій н- суффиксу, исчезъ, какъ ето мы замѣтимъ на многихъ интензивныхъ суффиксахъ. Ети многочисленныя и разнообразныя назначенія суффикса -н- въ славянщинѣ заставляютъ предполагать обильное развитіе ея въ древности, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ специфически-славянскаго именнаго словообразованія Дѣйствительно, въ языкахъ, по епохѣ своей удержавшихся на очень старой точкѣ зрѣнія, каковъ греческій, изрѣдка хотя и являются подобные остатки носовой темы, но ихъ не много, и значеніе ихъ не такъ ясно очерчено, какъ въ славянщинѣ. Такъ напр., ученый Ауфрехтъ съ трудомъ нашелъ нѣсколько такихъ обломковъ въ Греческомъ языкѣ, каковы· ὄφ-εν-ος, γλῆνος (изъ γλαυ-εν-ος), κτῆνος, σκῆνος и пр. Ихъ словообразовательное значеніе такъ опредѣляетъ Ауфрехтъ· «Mir ist das wahrscheinlichste, dass in dem in uns der Uberrest des primaren masc. und neutra bildenden affixes scr. an, gr ον, lat. en vorliege» (Z. f. v. S. II, p. 149)

Съ давнихъ поръ, судя по нижеслѣдующимъ наблюденіямъ, должно было господствовать въ Славянщинѣ стяженіе согласныхъ темъ. Верхнелужицкое нарѣчіе представляетъ любопытныя образованія согласныхъ темъ, изъ которыхъ ясно, что носовая согласная тема, мало по малу взяла верхъ надъ другими, и что отъ ися, какъ явленіе, можетъ быть, современное первому же моменту етого стяженія, произошло окончаніе средняго рода -о; такъ напр bremjo, ramjo, наряду съ образованіемъ rameš-k· «Po jeje rameškomaj rozdžjelene (т. е., loski Pjes I, p. 83. Ср рус рем-ес-ло, лит. menů,—esis): Изъ етого же нарѣчія видно, что нѣкоторыя согласныя съ носовой темою перешли въ гласное склоненіе, даже первоначально имѣя другую, не носовую, согласную тему; такъ напр. чешское pramen, очевидно предполагающее форму pramje

(-ene: прамы), которой предшествовало образование prame,-ese, судя по верхне-лужицкому образованію prom-eš-k do lutych promeškow (Ploski) rozplecene (Pjesn I, 83) Въ томъ же отношеніи важны верхне-лужицкія же образованія ćelo (Kalb Pjesn. I, 117), jehnjo (Ibid I, 193), znamjo (Ibid. I, 284). – На нѣкоторыхъ явленіяхъ, носящихъ на себѣ отпечатокъ древности, можемъ еще слѣдить, какъ расходились эти явленія, въ сущности, по одному имъ общему источнику, тождественныя Такъ напр, словинское jaeni въ другихъ нарѣчіяхъ имѣетъ дальнѣйшее родовое движеніе-прмо, словинское же jačem -ячмя.—Въ литовскомъ различныя согласныя темы въ прямомъ падежѣ обобщаются въ тождественномъ всѣмъ имъ звукѣ ŭ, хотя въ литовскомъ языкѣ эти согласныя темы и не получаютъ значенія средняго рода, которое въ литовскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ. Въ томъ же состояніи застаемъ процессъ обобщенія согласныхъ темъ и въ славянщинѣ; напр, образованіе, имѣющее въ словинскомъ нарѣчіи прямой падежъ pere въ косвенныхъ раздвоетъ свою тему на per-et-e и per-es-e, пока наконецъ въ сербскомъ не находимъ форму перо, возобладавшую въ всѣхъ нарѣчіяхъ Въ этомъ о образованіи пер-о собираются всѣ индивидуальности согласныхъ темъ славянщины, пока они совсѣмъ не исчезаютъ, какъ это видимъ на многочисленныхъ образованіяхъ средняго рода о, jo (-e) Замѣтимъ, притомъ, что, судя по уменьшительному образованію per-es-ce и по дальнѣйшему слогообразовательному развитію темы въ рѣчени per-es-ni-ce и пр. тема -es- въ древнюю епоху преобладала. Въ санскритѣ удерживается тематическое s въ случаяхъ совершенно аналогическихъ. такъ напр. jyotish-ka (Петерб Слов. III, p. 161—162) отъ jyotis (ср слов. per-es-ce), jyots-na (ср. слов. per-es-ni-ce), tamas-ka въ сложеніяхъ съ префиксами. nistamas-ka, vitamaska, satamaska, въ словахъ сложныхъ и пр. (cf Pebersburger Wbuch; III, 253 Въ славянщинѣ должно предполагать епоху, въ которой суффиксъ -къ вытѣсняль собою и согласныя темы именъ въ-къ—vay-as (см выше).—Сербское нарѣчіе, подобно верхне-лужицкому, представляетъ также случаи явнаго перехода носовой темы на -ѧ въ гласную тему на -о, въ рѣчени рамо вм раме (e, mo e serbico,-ѧ) Объ этомъ такъ говоритъ Даничичъ въ «Облицихъ» ф 17 «У рiјечи раме, кад је е на краjу, онда се мjесто нега говори и о рамо» Въ образованіяхъ даже и такихъ, которыя не оставили никакого слѣда согласной темы, въ сербскомъ нарѣчіи еще находимъ ея слѣдъ Такъ наряду съ формою весло, -а, встрѣчаемъ вомно-

жественномъ числѣ въ прямомъ падежѣ форму в е с л е т а—въ народномъ сербскомъ говорѣ «Дај ти мени орахову лаћу и веслета два шимширова» (Даничић, р 18, adn. 3). Речение ıаıє въ этой своей первообразной формѣ встрѣчается уже рѣдко, возобладала форма, осложненная суффиксомъ мѣстоимения вопросительнаго, произведенная по аналогии гласной темы ııе-ıııцє Но сербское нарѣчие, удержавшее первообразную форму јаје, склоняетъ ее двояко и јајета и јаја, и јајету и јају (Даничић Ibidem). Любопытнѣе другихъ въ этомъ отношении сербское же речение дрво, которое склоняется по согласной темѣ лишь въ значеніи растущаго, живаго дерева; во всякомъ иномъ значении оно слѣдуетъ аналогіи гласнаго склонения ср. р. (Ibidem). Наконецъ, какъ явление очень древнее въ исторіи вокализаціи носовой темы. напомнимъ елементъ ы, замѣняющій носовую тематическую, какъ въ прямомъ падежѣ (ср лит. ů), такъ и въ производствѣ, камы-къ, ачмы-къ Это фонетическое явление проникало глубже составъ языка въ епоху древнюю. Старо славянскій языкъ представляетъ его намъ въ фазахъ развитія довольно неожиданныхъ, какъ напр., Іоаннъ Экзархъ Болгарскій образуетъ отъ имени мллд-ен-ıць дат. над множ. ч. мллдıııь-цємъ (Опис. Synod библ II, 1, р. 20) Сообразно съ этимъ рѣдкимъ и въ высшей степени любопытнымъ образованіемъ, получаютъ совершенно особенное освѣщение русскія образованія, подобныя з м ѣ-е н-ы-ıъ, д ѣ т-е н-ы-ıъ и пр Въ нихъ, очевидно, дважды повторена носовая тема Замѣчательно, притомъ, что носовая тема въ нихъ не осѣлась въ форму средняго рода, столь свойственную ей, а допустила дальнѣйшее словообразовательное движение къ роду мужескому Въ большинствѣ явленій позднѣйшихъ замѣчаемъ противный сему процессъ По закону аналогіи, всякій уменьшительный оттѣнокъ въ значеніи притягиваетъ къ себѣ форму средняго рода, хотя бы генетически предшествующія ей образования были облечены и другою родовою формой: с л у ж б ı и ı к о отъ служба (ж р) въ А И II, 153 (А° 1608—9), х л ѣ б е ıı к о отъ х л ѣ б ъ (м р.) въ А. И II, 147 (А° 1608).

Ета старина смятения темъ оставила по себѣ лишь разрозненные отголоски Опредѣлить ее вполнѣ трудно. Но, начавши, окончимъ. Еще въ Зендѣ замѣчаемъ преобладающее развитіе именной темы средняго рода на a s, a ç, a n h, a ô, ср. р. ô. Особенно форма средняго рода стремительно срывается въ словообразовательныя категоріи другихъ темъ. Самое любопытное явленіе въ этомъ взаимодѣйствіи именныхъ темъ—это взаимный переходъ изъ темы a s въ a и обратно Обманчивое сходство окон-

чаній переводило форму винительнаго падежа ед. ч. изъ темы as въ тему a, напр. humanâm, ushâm, обратный переходъ видимъ въформахъ draonanhem, baodhanhem. Тематическое anh, форма средняго рода, по фонетическимъ законамъ Зенда, переходитъ въ o, и въ сложныхъ словахъ, которыхъ первый составной членъ есть имя существительное, видимъ постоянное vacanh—vacourvaiti Ayanh (металлъ, желѣзо), по односложности ли своей, или по чему другому, удерживая свою тему -anh, повторяютъ ее въ -ô-, что ясно изъ формъ ayanhôzaya, ayanhôzaçta ayanhôduma, ayanhôpaitisqarena, ayanhopâdha, но наряду съ этими тематически удвоенными, встрѣчаемъ и правильныя, простыя, каковы ayôaghra, ayôaçti, ayôkhaodha, ayôkshuçta, ayozaya, ayôvèrethra, ayôçaêpa Представители того и другаго процесса въ равной степени многочисленны. Взаимное отношение этихъ двухъ словообразовательныхъ процессовъ я объясняю себѣ такъ. Послѣдние шесть примѣровъ образованы правильно Въ словообразовании отдѣльныхъ словъ тема ср р anh смѣшивалась съ другими темами и брала верхъ надъ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ форма по преимуществу свойственная среднему роду, въ словахъ же сложныхъ, она получила значение цемента, какъ форма по преимуществу тематическая, не имѣющая родовой индивидуальности (alingatvam) Тѣмъ болѣе предстояло нужды въ этомъ процессѣ, что окончание втораго составнаго члена сложнаго имени должно было принять опредѣленную грамматическую физіогномію въ родовомъ окончании – мужескаго, или женскаго рода Это ô, уже потерявшее память о своемъ происхождении отъ темы anh, въ этомъ формальномъ назначении цемента сложныхъ словъ, встрѣчаемъ и въ такихъ именныхъ образованіяхъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ темою anh: aredômanusha, aremôshûta и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдаемъ и колебание; напр., въ темѣ an иногда видимъ только слизію ashavafrazainti, ashavajan и пр, иногда -ô замѣняетъ тематическій слогъ an- arshôkara, тогда какъ въ образованіи несложномъ мы видимъ этотъ тематическій слогъ въ очень сильной формѣ arshnavant. Такъ сильно выразившееся явление не можетъ зависѣть отъ испорченнаго состоянія кодекса, отъ несовершенствъ традиции Притомъ замѣтимъ, что аналогія Зенда въ нѣкоторыхъ явленіяхъ еще болѣе подходитъ къ славянщинѣ: все склоненіе именъ съ темою на-as и an переходитъ въ гласную рутину склоненія (Spiegel въ Abhandl. der bayr acad. VI, 2, p. 327). Древность этого явленія свидѣтельствуется нѣкоторыми поразительными совпаденіями въ языкѣ Ведъ съ Зендомъ вед. ushâm вм

ushâsam—зенд ushanm наряду съ ushâoghem; вед. medhâm отъ темы medhas—зенд. mazdanm; вед. dansas наряду съ dansa, dakshas наряду съ daksha, râdhas наряду съ râdha и даже mahâm вм. mahântam (Benfey въ Gott. gel Anz. 1846. I, pp. 702—704). Иногда ето явленіе переступаетъ даже предѣлы нашей аналогіи нерѣдко встрѣчаемъ голыя темы, обнаженныя отъ падежнаго окончанія, которое очевидно требуется управленіемъ. Тоже явленіе наблюдаемъ и въ согласованіи приложеніе часто стоитъ въ прямомъ падежѣ, тогда какъ имя—въ косвенномъ, такъ напр. Vend. XIX, 65 — 66: yazemnô. ahurem. mazdanm. yazemnô. ameshe, çpente (acc); Haomaçcha zâirisberezô. çrirâçcha. vôhumanô. râtacha. vaguhi mazdadhâta ashaonê. vahistô —Единственную аналогію столь сильно проступившему смятенію именныхъ формъ представляютъ въ славянщинѣ причастія, какъ извѣстно, дѣепричастія въ етомъ моментѣ словообразованія могутъ найти свое объясненіе. Итакъ, въ извѣстномъ смыслѣ, выше приведенному мѣсту изъ Вендидатъ мы можемъ сопоставить слѣдующее мѣсто Супрасльской рукописи (ed. Miclosich p. 285) приподобнуюмъ же и мы сѧ матери оубозѣи не имѣшти чадомь мл҃ка. иѫ быспрѧтавѣшѫ мл҃чѧны имѫ пѫти, и ыко аште кто видитъ матере чадолюбѣ мл҃ка не имѣщѫ и свое чадо видѣшти плачѫщѫ и подаджщѫ сѧ. Въ етихъ явленіяхъ словообразованія, мы находимся у источника славянскихъ дѣепричастій, которыя имѣютъ весьма ясныхъ предшественниковъ еще въ Ведахъ. Такъ напр , парѣчіе dravat въ см. «im Lauf, flugs», представляющее слабую тему, лишенную способности именнаго измѣненія, прич наст. дѣист. RV. III, 35, 2 «dravadyathâ sanbhritan vigvataccidupetan yajnatâ vahâta indran (dravat sa ratho yathâ gacchet. sch.) Ниже мы остановимся на вопросѣ о существѣ старославянскаго ъ-са и представимъ доказательства фонологическаго свойства для нашей гипотезы о происхожденіи -о, какъ знака средняго рода въ славянщинѣ

Итакъ, возстановимъ ходъ нашего анализа. Исчезновенію изъ словообразованія славянскаго гласной темы на у (ы, ов) много, какъ мы видѣли, способствовали древле врывавшіеся въ именныя темы суффиксы. Досель мы ето видѣли на суффиксѣ -къ, по преимуществу Такого рода суффиксы получали при етомъ весьма часто значеніе интензивное Интензивность въ значеніи суффикса не присуща ему; она порождается тѣмъ или другимъ способомъ присоединенія его къ именной темѣ Такъ, мы видѣли возникшій уменьшительный оттѣнокъ суффикса -къ; увеличи-

тельный - въ суффиксѣ -ун, наряду съ уменьшительнымъ, - когда посовая тема не усиливается гласною, какъ это видимъ на суффиксѣ ун Теперь обратимъ вниманіе на ту въ санскритѣ и славянщинѣ господствующую черту, по которой уменьшительныя образованія, подобно образованіямъ сравнительной и превосходной степени, любятъ присоединяться непосредственно къ темѣ, или даже къ корню, по возможности обнажен ному Самыя рѣзкія явленія этой особенности наблюдаемъ въ образованіяхъ сербскихъ. ма-ле, бра-ле, се-ле, [1]) въ которыхъ уменьшительному, ипокористическому -ле приносится въ жертву прастарый суффиксъ nom. ag. -тр, общій, какъ извѣстно, въ этихъ реченіяхъ всѣмъ сроднымъ языкамъ. Этому первому же моменту нашего анализа находимъ многочисленныя аналогіи въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ Въ чешскомъ нарѣчіи суффиксъ nom. ag. уступаетъ интензивному суффиксу -ch. Всего яснѣе доказывается его интензивность старо-славянскимъ реченіемъ, которое суффиксомъ —оухъ передаетъ отглолъ превосходной степени, соотвѣтствующій ему въ греческомъ текстѣ Такъ, въ древнемъ преложеніи поученій Св. Кирилла Іерусалимскаго о дрьзѣ (ὦ τολμηρότατε. Опис. Моск синод. библіотеки II, 1, 51). Въ этомъ какъ и во многомъ, славянщина предупреждается старшою арійской. Обычный санскритскій суффиксъ сравнительной степени (-tara) древле, въ Ведахъ употреблялся въ интензивномъ именномъ назначеніи, съ сильнымъ подъятіемъ гласной въ корнѣ; напр. jai-tra (SV II, 9, 3 22) употреблено въ смыслѣ «обильный побѣдами,» въ отличіе отъ nom ag. того же корня (ji)—jet-ar, имѣющаго въ корнѣ лишь гуну, употребляющагося въ SV же I, 3, 2, 5, 1; II, 2, 1, 192, 6, 2, 11, 2 въ обычномъ смыслѣ nom. ag. «побѣдителя.» Замѣтимъ, что все отличіе формы jai-tra отъ обычной формы сравнительной степени— усиленное подъятіе коренной гласной, вызвавшее елизію гласной въ суффиксѣ (tra вм. tara). Вообще суффиксъ сравнительной степени часто присоединяется въ языкѣ Ведъ даже къ глагольному корню, безъ всякаго оттѣнка сравненія, для усиленія его значенія, при чемъ, замѣчательнымъ образомъ глаголъ удерживаетъ способность выражать оттѣнки залога дѣйствительнаго и страдательнаго, такъ напр pas iyas (kp pan) озна-

[1]) Рѣченіе се-ле свидѣтельствуетъ о раннемъ забвеніи этимологіи этого слова: въ другомъ мѣстѣ, мы на основаніи литовскаго рѣченія ses ů, ses-ers разложили составъ славянскаго рѣченія сес-(л)-ра, принимая -т- за обычную евфоническую вставку между свистящею и плавною.

честь и «очень хвалящій» и «очень хвалимый» SV. I, 1, 2, 4, 1 – 5, 1, 4, 1 Тоже самое значеніе превосходной степени представляетъ реченіе gariyasî (ср ст ж р отъ guru)—въ Ману II. 231 «pitâ vai gârhapatyo 'gnirmâtâgnirdakshinah smritah, gururâhavanîyastu sâgnitretâ garîyasî.» Другой суффиксъ сравнительной степени -tara въ санскритѣ употребляется также въ значеніи превосходной степени, или, просто, въ значеніи усиливающемъ, присоединяясь къ именной темѣ, какъ членъ сложнаго слова, и удерживая за собѣ потому акцентъ (Benfey въ Gotl. gel. Anz. 1846; p. 903 - 904 et pass.) такъ напр., devahotarmandratarocikitvânmahodevânrodasî chavakshi RV. III, 7, 9, при чемъ реченіе mandratarah толкуется Саяною глоссою mâdayitritamas, произвольнымъ образованіемъ превосходной степени nom. ag. отъ глагольной формы X-го класса (mâday). Въ приведенныхъ здѣсь нами явленіяхъ теряется всякая рѣзкая грань между относительнымъ значеніемъ суффиксовъ сравнительной степени и абсолютнымъ значеніемъ суффиксовъ увеличительныхъ и уменьшительныхъ [1]) Итакъ, или мы станемся въ рѣзкое противорѣчіе съ позднѣйшей аналогіею Дѣйствительно, руководствуясь ею, мы должны бы были признать справедливость опредѣленій, которая даны уменьшительнымъ именамъ еще греческими и латинскими, грамматиками. Dion. Thrax: «ὑποκοριστικον ἐστὶ τὸ μείωσιν τοῦ πρωτοτύπου δηλοῦν ασυγκρίτως, οἷον» etc. Diomedes deminutiva sunt quae cum deminutione absolutorum nominum fiunt sine ulla conparatione (apud Schwabeum, p 1) Кромѣ приведенныхъ доказательствъ, интенсивное значеніе суффикса -ух ясно и изъ того, что помѣстно онъ усиливается суффиксомъ -ина, заѣдомо увеличительнымъ, такъ, въ истрійскомъ разнорѣчіи образуются. kavr-an kavr-uh, kavr-uš-ina, jar-ac jar-uh, jar-uš ina; terb-uh, terb-uš-ina и пр (Slov. Glasn. X, p 193) При присоединеніи къ имени, образованному суффиксомъ nom. ag., этого интенсивнаго элемента, суффиксъ nom. ag. елидируется въ чешскомъ, подобно тому, какъ онъ елидируется въ сербскомъ передъ уменьшительнымъ суффиксомъ -ле, такъ, вмѣсто bratr—bra ch, вмѣсто kmotr—kmo-ch. Отсутствіе гласной при суффиксѣ—ch, которую замѣчаемъ въ реченіи дрьз-оуше, именно тѣмъ и объясняется, что елизія предше-

[1]) Мы не безъ основанія отождествляемъ здѣсь увеличительные суффиксы съ уменьшительными Нашими учитъ V, 3, 90 kâsûgonîbhyân sh'arac kâsû-tarî hastula (короткое копье), gonîtarî sacculus (мѣшечекъ). hrasvatve dyotye. Sch

ствующаго суффикса обнажаетъ коренную гласную, къ которой и присоединяется непосредственно суффиксъ -х въ этихъ чешскихъ образованіяхъ. Какъ глубоко проникаетъ этотъ словообразовательный принципъ въ чешскомъ нарѣчіи, постараемся уяснить слѣдующими наблюденіями. Отъ корня mot- распространеннаго слогомъ -ol- въ образованіяхъ mot-ol ice, mot-ol-i—ti (ср рус. мят-ель), для собственнаго имени polednice (рус. «полуденный бѣсъ»), т. е, divcy ženy o polednich chodjcj aneb v prachu vichrovem bywagjcj, образуются два имени — mot-ol ice и mot-oš ka, гдѣ видимъ туже слизю суффикса -ol- передъ присоединеннымъ къ нему суффиксомъ -х- (или -ш-), имѣющимъ тоже уменьшительное значеніе, что и суффиксъ -ка, на него наросшій. Эти словообразовательныя коллизіи нашли себѣ полное отраженіе и въ глагольныхъ образованіяхъ, но, притомъ, еще съ большею послѣдовательностью моментовъ motch am-machlam—macham («matn, pletcham» Jungmann). Итакъ корень mot. На него наростаетъ плавная r (ср l въ mot-ol-i-ti). Взятый вмѣстѣ съ коренною согласной t, онъ былъ принятъ за суффиксъ nominis ag и передъ интензивнымъ елементомъ х, исчезъ. Такъ произошли чешскія глагольныя формы ma-ch-l-am и ma-ch-am; такъ произошелъ и русскій глаголъ ма-х-ать, какъ отъименный отъ ма-хъ. Но мы должны предположить епоху общеславянскую для этихъ явленій словотворчества, ибо мы можемъ найти эти формы во многихъ изъ славянскихъ нарѣчій; но индивидуальнаго генезиса въ каждомъ изъ нихъ онѣ не имѣютъ. Лишь чешскому нарѣчію удалось сохранить такъ много моментовъ этого генезиса. Къ тому же словообразовательному принципу ведетъ насъ любопытное чешское образованіе čechman, Юнгманомъ справедливо опредѣляемое, какъ euphemismus pro čert. Суффиксъ -man не рѣдкость въ Славянщинѣ [1]). Реченіе čech- (man), конечно, не имѣющее ничего общаго съ именемъ народа, есть уменьшительное образованіе съ презрительнымъ оттѣнкомъ въ значеніи, общаго корня съ реченіемъ če-rt, котораго етимологію, впрочемъ, если наше раздѣленіе и вѣрно, объяснить не можемъ. Довольно сильную степень достовѣрности нашему соображенію придаетъ моравское реченіе če-s [2]). На етомъ основаніи отрицаемъ сближеніе Юнгмана и другихъ реченія чертъ съ реченіемъ черный, какъ не имѣющее въ себѣ ни малѣйшей словообразовательной

[1]) Весьма много словообразовательной аналогіи въ če-ch-man. kastr-man: kastros.

[2]) Въ поговоркахъ česa gsi snedl, čes te vj Jungmann.

подпоры, а притомъ и весьма слабую — въ значеніи, ибо реченіе чертъ сложилось, конечно, не въ то время, когда его стали представлять себѣ въ видѣ мурина.

Въ нѣкоторыхъ образованіяхъ замѣчаемъ также елизію, но въ степени слабѣйшей. Сербское ма-ле елидируетъ вполнѣ, — цѣлый суффиксъ -тр- Но еще въ литовскомъ, какъ видно, помутились отношенія суффикса къ корню, ибо въ етомъ языкѣ, на ряду съ уменьшительнымъ образованіемъ moterele (mote, -- èrs), находимъ образованія того же уменьшительнаго оттѣнка, которыя, хотя и елидируютъ, но только одно r Таковы motyna, motyte, motùsze. Такого же рода елизію встрѣчаемъ и въ русскомъ реченіи мат-уш-ка, по вліянію интензивнаго суффикса -ух-. Тѣ елизіи суффиксовъ, которыя вызываются присоединеніемъ суффикса -къ, какъ вторичнаго, могутъ иногда быть источникомъ весьма древней епохи для етимологіи словъ, хотя не всегда даже и ета епоха языка оказывается чувствительною къ етимологическому составу слова, какъ ясно изъ образованія мат-ушка, если сравнимъ его съ сербскимъ ма-ле. Но именно сербское нарѣчіе, какъ въ своемъ реченіи ма-ле, такъ и въ другихъ многихъ случаяхъ оказываетъ большую степень етимологической сознательности, и потому на ряду съ его образованіями бра-ле, ма-ле, се-ле поставимъ аналогическія ипокористическія образованія ба-ка (hyp. отъ бабушки. Vuc, s. v. Pucic Pjesne. 1862, p 37. Ovebakesvašta znadu), се-ка (hyp. отъ сес-(т)-ра; ср. се-ле).—Одна изъ сильнѣйшихъ елизій передъ интензивнымъ суффиксомъ -ле представляется въ сербскомъ и ново-булгарскомъ реченіи пи-ле, употребляющемся для обозначенія молодыхъ птицъ, не ограничиваясь тѣмъ видомъ, которымъ въ позднѣйшее время ограничились реченія пѣ-т-ухъ и пѣ-т-елъ. Образованіе пѣ-т-ухъ не лишено аналогіи, именно, въ языкѣ русскомъ, и аналогіи весьма точной въ реченіи пл-ма-ч-оухъ: „егда како безъ памяти обращается, памятухомъ, достоверным свидѣтелемъ о житіи оуже преставльшимся“. Рпсь Унд № 284, л. 144. Въ пи-ле видимъ елизію суффикса, помощію котораго въ древности должно было образоваться реченіе для общаго обозначенія пѣвчей птицы, къ сожалѣнію, дошедшее только въ етой своей ипокористической формѣ. «Да бы пиле да прилета, Тамо лѣто да летува» (Верковичъ, p. 55); «Чини ме Боже пиле соколово» (Ibid. p. 184); «Вечеръ по полуноштъ, оште петли те не пели» (Ibid. p. 189). Новобулгарское пиле мѣстами теряетъ свой уменьшительный оттѣнокъ въ значеніи; потому и образуетъ дальнѣйшимъ движеніемъ пил-ца (какъ пти-ца). Нѣкото-

рыя явленія удостовѣряютъ насъ въ томъ, что въ древнее время уменьшительный суффиксъ -le не ограничивался одними етими именами, означающими родство, я разумѣю старочешскія речения, приводимыя еще Вацерадомъ въ «Mater Verborum» hro-l (cacumen) и hra-le (lancea) [1]) Уже изъ самыхъ тѣхъ явленій, въ средѣ которыхъ фунгируетъ суффиксъ -le, ясна его древность Новсего наглядиѣе убѣждаетъ въ нем появление суффикса въ сербскомъ обрядовомъ припѣвѣ Додоле Божоле Удри, удри ситна киша Oj додоле! Мой божоле! Но имѣлъ ли суффиксъ -ле тѣ же образовательныя свойства и въ сихъ древнѣйшихъ своихъ явленіяхъ? Мы полагаемъ, что въ етихъ двухъ простыхъ образованіяхъ суффиксъ -ле присоединялся, не вытѣсняя собою никакого другаго суффикса. Такъ судимъ, имѣя, именно, въ виду русское сложное имя Даждь-Богъ, понятіе котораго вполнѣ покрываетъ собою миѳологическое значение сербскаго уменьшительнаго или ласкательнаго Додоле-Божоле въ такъ называемомъ додольскомъ обычаѣ. Послѣдній состоитъ въ томъ, что, во время засухи, дѣвицу, свободную отъ одеждъ, со всѣхъ сторонъ обложенную цвѣтами и травами, обливаютъ водой изъ котла или ведра, притомъ моля Даждь-бога о дождѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ Наша дода Бога моли, oj до(o! oj додоле! Да удари росна киша, oj додо! oj додоле! (Вук, Рјечник. 1852, p 128) Еду дѣвицу и называютъ Сербы Додолою и даже переносятъ ето имя на всякую женщину, излишне украшающуюся головными уборами Что въ сербскомъ образовании Додоле-Божоле суффиксъ -ле не имѣлъ словообразовательныхъ предшественниковъ, ясно, какъ изъ русскаго образования Даждьбогъ, такъ и изъ сербскаго Дода. Въ аналогію съ ласкательнымъ именемъ Божол-е приводимъ извѣстное народное названіе праздника Рождества Христова бож-ић Что касается до о въ сербскомъ речении Дода то сравниваемъ его съ литовскимъ dûdu, daviau, dûti. Въ новобулгарскомъ нарѣчии въ собственныхъ именахъ ето иокористиконъ употребляется весьма часто, особенно въ звательномъ падежѣ· «Carjolo carjo čestitij» (какъ. Jancele, Božnele, Vyšnele, Bajnole, Dobrolo отъ Jance, Božne, Vyšne, Bajne, Dobro и пр Kolo, IV, p. 44; adn. 3). Для опредѣленія относительной даты стого уменьшительнаго суффикса важно сличить ихъ съ вполнѣ имъ аналогическими готскими уменьшительными, каковы magula, barnilo и собственныя имена merila, vulfila. Въ словѣ божоле суффиксъ -лъ особенно архаически освѣ-

[1]) Сравни уменьшительное же образование древ-ко для родственнаго понятія въ нарѣчіи русскомъ

щается тѣмъ, что въ санскритѣ между именами боговъ находимъ отъ именной темы vasu, однозначащей съ славянскимъ корнемъ бог- (богат-ый, благо etc), образованіе вполнѣ тождественное сербскому божоле vasula (deus). Также не лишено значенія для опредѣленія относительной даты суффикса -ле и то обстоятельство, что литовскій языкъ, образовавшій тождественное сербскому бра-ле реченіе bro-lis, совершенно забылъ образованіе предшествующее и употребляетъ его въ значеніи обыкновенномъ нарицательномъ, не придавая ему оттѣнка уменьшительнаго или ласкательнаго Извѣстно, что и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ нѣмецкой рѣчи суффиксъ -l- принялъ значеніе уменьшительное, которое въ нѣкоторыхъ комбинаціяхъ удержало преобладаніе. Однако Гриммъ слѣдующими словами оканчиваетъ свое изслѣдованіе объ этомъ суффиксѣ: «Offenbar ist nicht -l- in sich, sondern erst in Verbindung mit i verkleinernd; al und ul sind es keineswegs, selbst il ist es nicht immer». (Deut Gram. II, p 120) Сообразно съ той ранней епохой, въ которую подвергся suf. post ag. въ реченіи бра-тръ усѣченію, всѣ нарѣчія или усѣкаютъ половину этого суффикса, или елидируютъ цѣлый его составъ, таковы русскія реченія бра-ть, бра-т-ьц-ь, сербскія bra-jeu, bra-jeu-ak и пр. Болѣе слабую апокопу видимъ при присоединеніи суффикса -ан въ сербскомъ реченіи брат-ан-иh (fratris filius sorori), котораго значеніе, конечно, ближе къ первоначальному, чѣмъ въ какомъ либо иномъ изъ славянскихъ нарѣчій, въ которыхъ значеніе колеблется между «двоюроднымъ братомъ» и «племянникомъ». Етимъ частымъ присоединеніемъ вторичныхъ суффиксовъ, апокопирующихъ или вовсе вытѣсняющихъ первоначальный суффиксъ -тр- объясняется отертость, испорченность формы бра-ть вм бра-тръ, господствовавшей въ старо-славянскомъ нарѣчіи и сохранившейся еще въ чешскомъ нарѣчіи Позднѣйшая изъ осложненныхъ формъ есть ново-булгарское бра-т-ко (Стояне братко Стояне. Верковичь p. 159). Чешское нарѣчіе, давшее намъ всего болѣе матерьяла для заключеній о старинѣ описываемыхъ нами словообразовательныхъ отношеній, не менѣе обильно и въ количествѣ данныхъ явленій. Такъ напр, вмѣстѣ съ другими нарѣчіями, чешское опускаетъ суффиксъ носоваго происхожденія передъ суффиксомъ -х- или его видоизмѣненіями: ок-но — ок-он-це ok en-ce; okyš ko [1]), ber-an-ek: ber-auš-ek (бар-аш-екъ), корень —

[1]) Связь реченій ок-но и ок-о подтверждается скр. gavâkshah (fenêtre ou soupirail. Amarak. I, p 73).

kor-eш-окъ, в. луж kor-ješ-k или, kor-uš-k; вер. луж. lop-ješ-ko (рус. лоп-ухъ), производное отъ lop-jen-o. Всѣ образования отъ blato, какъ собственныя и нарицательныя имена мѣстъ (blat-na, blat-in-a), такъ и названия растений и животныхъ (blat-n-jk, blat-en ka), за исключеніемъ одного blat-auch (caltha palustris) Совершенно специфически-чешский случай елизіи суффикса при присоединеніи интензивныхъ елементовъ -ch-, -š- представляетъ речение ho-ch (ср hol-ka). Что и для мужскаго рода существовало образованіе, совершенно аналогическое женскому hol-ka, ясно изъ образования hol-eček, употребительнаго нынѣ въ разговорномъ языкѣ по преимуществу въ звательномъ падежѣ holečku! (въ аналогію съ речешемъ hoš-ič-ek, имѣющимъ значеніе болѣе опредѣленное и конкретное, какъ образованіе позднѣйшее) Ети наши наблюденія совершенно подтверждаются авторитетомъ старины, сохраненной парѣчіемъ нижнелужицкимъ, которое образуетъ въ высшей степени поучительное имя ejcoeнum golé, gen. golésch a, nomin. pl. golęta для обозначенія представленія вообще дитяти («das Kind») и, въ аналогію къ чешскому звательному падежу holečku—golz («der Knabe») и, при дальнѣйшемъ уменьшительномъ движеніи golazk (Knablein), женское golıza, golızka. Также не лишено интереса образованіе средняго чешскаго парѣчія: hol-ouš: holub (Šembera dialectol. p. 23). Хорошо знакомому съ ново-чешскимъ словоупотребленіемъ, ясна интензивность въ образованіи ho-ch. Она ведетъ насъ къ понятію того же оттѣнка интензивности въ речении женихъ (cf. женимъ). Въ аналогію можемъ привести другаго рода интензивное образованіе въ санскритѣ: papati (Amant d'une femme mariee. Amarak. I, p 134), хотя средство для выраженія интензивности совершенно иное, удвоеніе кореннаго слога.

Въ заключеніе объ етихъ интензивныхъ образовательныхъ елементахъ приведемъ еще нѣсколько аналогій, болѣе или менѣе важныхъ для заключеній о ихъ генезисѣ Обратное явленіе тому, которое мы наблюли въ отношеніи литовскаго brolis къ сербскому брале, замѣчаемъ въ отношеніи литовскаго kûdėlis къ русскому кудѣль. Литовское kûdelis есть весьма ясное derivatum отъ kûdas (flachs, werg, federbusch) и имѣетъ въ себѣ оттѣнокъ уменьшительности; речение же кудѣль въ славянщинѣ является готовымъ (ср. кудло съ производными), т. е, безъ суффикса -л- мы образованія славянскаго уже наслѣдить не можемъ. Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ суффиксъ -uše (или

ϑχъ), какъ напр., въ чешск. svekr-uše, не вытѣсняетъ ни одного елемента, хотя былъ присоединенъ къ темѣ въ епоху очевидно старую (ср. скр. çvaçru, lat. socrus, гр ἑκυρα, гот. svaihrôn, др.-нѣм. suigar) Иногда же подобныя образованія представляютъ примѣръ того, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ забывчиво и безсознательно славянское словотворчество. Наблюдаемъ ето, напр., на старо-хорватскомъ реченіи oč-uh. Неорганическая орѳографія изображаетъ здѣсь въ č стяженіе коренной согласной съ смягченною гортаннаго суффикса (какъ было бы наше оч-имъ вм от-ьч-имъ) Разъ слившіи такимъ образомъ коренной елементъ съ образовательнымъ, языкъ произвелъ неограническую форму oč-uh (Хорв Грам 1585 г въ Колѣ I, p. 92), тогда какъ по аналогіи, которая въ славянскомъ словообразованіи весьма дѣйственна, слѣдовало бы ожидать елизію гортаннаго суффикса, слѣд , ot-uh, а не očuh. Для фонетическаго состоянія суффикса -x важна форма -sa женскаго рода въ крайнскомъ реченіи črem-sa, или, даже sram sa (prunus padus) родственномъ русскому черем-ха, или черем-уха. Въ собственныхъ имепахъ, чешскихъ и польскихъ, елизіи суффиксовъ передъ интензивными елементами отъ отечественныхъ, славянскаго происхожденія, имень простирается и на иноязычныя, какъ напр. Ba-ch-na (Barbora). Какъ случай, въ высшей степени архаическій, замѣтимъ русское областное чет-ух-а, или четy-ха («Сказки Аѳанасьева»), которое, можетъ быть, во всей области индо-европейскихъ нарѣчій представляетъ единственный случай елизіи елемента -vara- (-вер-) передъ интензивнымъ суффиксомъ, очищая коренной елементъ чет- [1]). Нѣкоторыя изъ интензивныхъ образованій, нами здѣсь разобранныхъ, отодвигаются въ глубокую перспективу древности аналогіями санскрита. Такъ, склонность къ присоединенію суффикса -l- съ пожертвованіемъ тематическаго исхода въ образованіи mâtar еще наблюдаемъ въ санскритскихъ образованіяхъ mâtulânî, mâtulî (femme d'un oncle maternel Amarak. I, p. 132), derivata отъ mâtula (oncle maternel Ibid. p. 133). Ето, какъ видно уже по одному выбору реченій, весьма древнее явленіе словообразованія наблюдается и на реченіи devar, отъ котораго производится реченіе devala въ значеніи именно младшаго деверя (Amarak. I, p. 133), слѣдовательно, съ оттѣнкомъ уменьшительнымъ, ипокористическимъ,

[1]). Ср русское реченіе чет-а, которое первоначально означало, по всему вѣроятію, двѣ пары, а потомъ уже развѣтвило свое значеніе: въ русскомъ языкѣ означаетъ оно одну пару, въ сербскомъ же, напротивъ, — «copiae, cohors».

какъ въ сербскихъ ма-ле, бра-ле, се-ле и пр. Поставивши санскритскія речепія mâtula и devala въ связь съ вышеописанцыми явленіями славянскаго словообразованія, мы, впрочемъ, колеблемся, допуская возможность фонетическаго ихъ видоизмѣненія изъ темы -ar; въ такомъ случаѣ и въ образовании mâtulal объяснилось бы появленіемъ гласной *ri* въ косвенныхъ падежахъ именъ етого образованія. Въ связи етихъ явленій мы не можемъ не коснуться аналогическихъ явленій въ исторіи суффикса -къ въ отношени къ именнымъ темамъ. Выше мы коснулись его интензивнаго значенія и наслѣдили въ немъ, общую всѣмъ интензивнымъ елементамъ, способность производить елизію предшествующаго образовательнаго елемента. Съ тѣми явленіями, которыя были нами только что описаны, нерѣдко соприкасается суффиксъ -къ въ своихъ многочисленныхъ словообразовательныхъ назначеніяхъ. Такъ напр., въ сербскихъ собственныхъ именахъ нерѣдко онъ замѣняетъ собою суффиксъ -ле. ћо-ка hypoc. отъ ћорћује, Дако отъ Давид и Дамјан, Дака отъ Дамјанка. Въ нѣкоторыхъ образованіяхъ на -ка, хотя онъ въ нихъ и не имѣетъ уменьшительнаго значенія, замѣтна сильная контракція кореннаго состава. Такъ, реченіе р҃-ка, родственное, конечно, съ рам-ѧ, рем-ес-ло, предполагающимъ, кромѣ темы рам-ен и тему рам-ес, не найдетъ ли своей етимологіи въ лит. rèm-*ti* (опираться). Тоже явленіе стяженія замѣчаемъ въ речепіи су-ка и соб-а-ка. Второе мы выше свели къ темѣ çvan чрезъ посредство др-перс. σπακα, переданнаго намъ Геродотомъ. Етимъ посредствомъ опредѣляется и епоха происхожденія етаго реченія; реченіе су-ка было бы аналогонъ къ реченію соб-а-ка изъ епохи специфически-славянской съ обычнымъ стяженіемъ передъ суффиксомъ -ка. Но возвратимся снова къ суффиксу nom. ag. и къ тѣмъ модификаціямъ, которыя онъ испыталъ въ языкѣ литовскомъ и рѣчи славянской. Апокопа елемента -r изъ состава суффикса -tar въ славянщинѣ всего менѣе можетъ удивлять, когда литовскій языкъ принялъ въ правило образовывать отъ каждаго глагола nomina agentis на -tojis, въ которомъ мы видимъ ничто иное, какъ преобладающій, глагольный елементъ суффикса nom-ag., т. е, причастное окончаніе -tas, расширенное обычною въ литовскомъ языкѣ и славянщинѣ, придачею суффикса относительнаго мѣстоименія. Вслѣдствіе етого преобладанія глагольнаго начала въ литовскихъ nominibus agentis на нихъ удерживается и акцентъ свойственный неопредѣленному наклоненію (cf. Schleicher Lesebuch d. Lit. Spr. I, p. 100; § 39). Шлейхеръ въ указанномъ мѣстѣ приводитъ много примѣровъ литовскихъ nominum agentis на -tojis; но, какъ сказано, число ихъ неограниченно: они производятся отъ кажда-

го глагола («ant! Sapnótojis ateit». Genes. XXXVII, 19). Ета словообразовательная апокона совершенно аналогична той, которую встрѣчаемъ въ причастномъ же суффиксѣ -man; въ немъ апокопируется, именно, елементъ -n-, замѣняясь тѣмъ же суффиксомъ относительнаго мѣстоименія, что и въ суффиксѣ -tojis. Подобный примѣръ представляетъ намъ реченіе сѣ-м-ья, употребляющееся въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ въ смыслѣ жены. — Въ славянщинѣ литовскому суффиксу -tojis соотвѣтствуетъ суффиксъ, въ томъ же назначеніи nom. ag., -тай. Не приводя всѣхъ многочисленныхъ примѣровъ, выберемъ хотя одинъ, любопытный въ историческомъ отношеніи. На немъ мы убѣдимся въ томъ, что суффиксъ -тай, подобно литовскому -tojis состоялъ въ неразрывной связи съ спряженіемъ глаголовъ и иногда представляетъ его формы, исторически уже не засвидѣтельствованныя; напр. воз-а-тан (ἡνίοχος) предполагаетъ форму глагола воз-а-ти. Но, въ какой сильной степени упало въ историческое время въ славянщинѣ сознаніе етой етимологіи, видно изъ того, что уже встрѣчаемъ совершенно неорганическую замѣну елемента а буквою о въ сербской рукописи аптіоховыхъ пандектовъ: воз-о-тай. Етой связи съ спряженіемъ глаголовъ не замѣчаемъ въ суффиксѣ -tar. Къ счастію, можемъ привести аналогическую славянскому воз-а-тай, зендскую форму отъ того же корня vaz съ суффиксомъ -tar: vas-tar (Zugthier; yt. V, 13). Въ противуположность древне-славянскому образованію воз-а-тан, сербское нарѣчіе представляетъ одно -р- изъ суффикса nom. ag.: воз-ар, которое замѣняется и другими суффиксами того же значенія: возац (remex) и возач (qui vecturam facit).— Мѣстами суффиксъ -тай сохраняетъ способность къ дальнѣйшему словообразовательному движенію, чисто именному, конечно; такъ напр. старослав. ра-тай въ новобулгарскомъ представляетъ образованіе, продолженное суффиксомъ вопросительнаго мѣстоименія ра-тей че, получившее, согласно позднѣйшимъ бытовымъ условіямъ порабощенныхъ Болгаръ, значеніе «слуги»: Ноштъ вса ноштъ играла, сосъ помалкото ратеиче (Верковичь, p 131). Первообразное къ етому реченіе въ новобулгарскомъ есть ра-тей (На дванаесетъ чобана На тринаесетъ ратеи (Ibid. p. 193).—Еще разъ разлагая литовскій суффиксъ -tojis, замѣтимъ, что въ епоху летто-славянскаго словотворчества суффиксъ относительнаго мѣстоименія состоялъ въ тѣсной связи съ суффиксомъ nom. ag. Етимъ именно объясняется возможность подобныхъ отношеній, какъ вѣ-тръ: vėjas. Обозрѣвши составныя части суффикса nom. ag. въ

славянщинѣ и его историческія судьбы на сколько они намъ открылись, перейдемъ теперь къ вопросу о его происхожденіи и его первоначальномъ значеніи. Мы въ послѣднихъ нашихъ наблюденіяхъ, по поводу лит. -tojis, слав. -тай уже нашли случай замѣтить связь етихъ образованій съ глагольными измѣненіями корней. Етотъ словообразовательный моментъ, т е., смежность образованій глагольныхъ и именныхъ, раскрывающійся уже вполнѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ старины арійской, объяснитъ намъ многія явленія славянскаго словообразованія. Многочисленные суффиксы на -т- представляютъ собою отростокъ именныхъ словообразовательныхъ функцій причастнаго суффикса Если кто въ етомъ и сомнѣвался, то ниже слѣдующія наблюденія, надѣемся, способны разсѣять и послѣднюю тѣнь сомнѣнія.—Мы встрѣчаемъ, напр., весьма часто во многихъ глаголахъ сильное колебаніе, не только по мѣстному различію славянскихъ нарѣчій, но и по различію историческихъ епохъ въ развитіи каждаго отдѣльнаго изъ етихъ нарѣчій, — между двумя формами причастія прошедшаго, -нъ и -тъ. Ето колебаніе условливается, именно, тѣмъ, что ихъ глагольныя функціи очень часто нарушались именными, болѣе разнообразными и многочисленными, чѣмъ тѣ причастныя. Въ именныхъ функціяхъ они запечатлѣны тѣмъ характеромъ яспой индивидуальности значенія, который служитъ вѣрнымъ признакомъ древности. Суффиксъ причастный -н- не имѣетъ въ нихъ ни оттѣнка прошедшаго времени, ни оттѣнка страдательнаго залога. Они очевидно должны быть объясняемы какъ причастія наст. врем. средняго залога, съ оттѣнкомъ возвратности дѣйствія дѣйствующее лице въ своемъ дѣйствіи имѣетъ въ виду самого себя. Таковы образованіе пі-ян-ъ, пі-ян-и-ца (Ср. названіе рѣки пьяна[1]), вараждинское pri-jan (прі-я-тель· On odide vugrad, zeme jela i pila kuliko je mogel, ar ga nišče ne videl, ipil je svojem prijanom jugom». Prip. Valj. 20—21), названіе мѣсяца рю-ю-ъ и пр. И доселѣ, впрочемъ, оттѣнокъ наст. вр., равно какъ и средняго залога, ясенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ: такъ напр., образованіе дѣланный въ см. ведійскаго krtrma «искусственный» не содержитъ въ себѣ оттѣнка прошедшаго времени, столь яснаго во всѣхъ причастныхъ образованіяхъ на -т.- Ето смѣшеніе причастныхъ глагольныхъ и именныхъ функцій имѣетъ своимъ древнѣйшимъ и краснорѣчивѣйшимъ

---

[1]) Ср. собств. имя мѣста пишла: еже по онѣгѣ по рѣцѣ внизъ мѣсто зовомо пишла. Ивн тамь источникъ воды сланы, иже нашею рѣчью зоветсм роголь, Рпсь. Унд. № 276, л. 79.

выразителемъ Веды, какъ и во всѣхъ существеннѣйшихъ историческихъ вопросахъ славянскаго словообразованія. Ниже подробно укажемъ на частыя смѣшенія залоговъ въ причастіяхъ. Явленіе ето никого не поразитъ, кто знаетъ, что весь вѣсъ оттѣнковъ залога въ формахъ verbi finiti покоится на личныхъ окончаніяхъ и на образовательномъ слогѣ -ya-, чего не имѣютъ причастныя флекси. Етимъ и вышеизложенною чертою древняго словообразованія, по которой именныя образованія принимаютъ на себя часто функціи глагольныхъ причастныхъ объясняется третья слока гимна къ Агни (у Regnier «Etude sur l'idiome des Védas») «agni.. yajatra», въ которомъ два nomina agentis «anagnitra» и «yajatra» приняты въ значеніи причастій страдательныхъ, — 1-е, по толкованію Саяны «agninâpâlayitah», 2-е, по толкованію того же схоліяста «yashthavya». Но существованіе страдательнаго оттѣнка въ значеніи nominum agentis, принятыхъ за причастіе, нисколько ни исключаетъ ихъ чисто дѣйствительнаго, переходнаго значенія, съ управленіемъ винительнымъ падежемъ объекта. Такъ въ Самаведѣ встрѣчаемъ I, 4, 1, 5, 4 нѣсколько подобныхъ nomina agentis въ одномъ стихѣ: «hantâ go vritram sanitota vâjam dâtâ maghâni», т. е, «убивающій (собств. «убійца) вритру, раздающій (собств. «раздаватель») пищу, дающій (собств. «датель») богатства». Такія аналогіи могутъ убѣдить вполнѣ въ томъ, что именные суффиксы съ -т- въ славянщинѣ имѣютъ происхожденіе общее съ причастными и одновременно отправляли и тѣ и другія—и именныя и причастныя—функціи. Послѣ етихъ примѣромъ вы не удивимся, встрѣчая въ Ведахъ nomina agentis въ назначеніи причастій: «pâtâvritrahâ sutam â ghâ gamat» (S V. II, 8, 2, 1, 3), т. е., «убійца Вритры приближается, имѣющій пить сому», слѣд., въ значеніи прич. буд. дѣйств Ети случаи и объясняютъ возникновеніе въ классическомъ санскритѣ сложной формы прич буд. дѣйств., находящую себѣ соотвѣтствіе и въ латыни. Въ заключеніе, къ етому обозрѣнію глагольно-именнаго назначенія суффикса nom. ag, приведемъ самый рѣзкій примѣръ въ образованіи cettar Rv I, 22, 5: «cettâ devatâ padam». Но отъ етого реченія, въ приведенномъ мѣстѣ фунгирующаго въ чисто глагольномъ назначеніи, съ управленіемъ винительнымъ падежемъ, можемъ представить и чисто именное, прилагательное образованіе въ формѣ превосходной степени cetishtha («мудрѣйшій») S V. I, 1, 1, 5, 1, какъ епитетъ Агни. Въ господствующемъ направленіи славянскаго словообразованія наблюдается несомнѣнное преобладаніе страдательной функціи причастнаго суффикса -тъ. Ето преобладающее его значеніе, подтвер-

ждается не только аналогіей санскрита, но и всѣхъ другихъ сродныхъ языковъ. Но чѣмъ глубже, какъ сказано, въ древность, тѣмъ значеніе суффикса -тъ и однородныхъ ему образовательныхъ елементовъ менѣе рѣшительно Обращаясь снова къ Ведамъ, наблюдаемъ и въ другихъ причастныхъ образованіяхъ, отличающихся характеромъ безотносительной старины, тоже колебаніе въ функціяхъ дѣйствительной и страдательной Ети прастарыя образованія уже одною своей фонетическою стороной внушаютъ мысль о томъ, что такое колебаніе относится ко времени нераздѣльнаго историческаго существованія санскрита и зенда, ибо тѣ ведійскія образованія на -enya, о которыхъ мы говоримъ, имѣютъ въ классическомъ санскритѣ уже другую, чисто санскритскую форму на -aniya: enya есть цѣликомъ зендская форма, удержавшая явленіе санди (у съ а черезъ n) чисто зендскаго свойства Въ седьмомъ дистихѣ гимна къ Агни (у Regnier; l. l) читаемъ такую причастную форму съ зендскимъ санди отъ интензивной формы глагольнаго корня marj (очищать)—marmṛijenyah въ дѣйствительномъ смыслѣ (câsyaḥ bhûh marmṛijenyah), по толкованію Саяны—çodhayitâ. Саяна весьма остроумно, въ объясненіе етой замѣчательной анормальной формы выбираетъ форму nom. ag. отъ синонимическаго корня çudh, етимъ ясно указывая на особенность етого образованія, — на его дѣйствительное значеніе [1]). Итакъ, заключаемъ, причастныя образованія въ старину не были такъ послѣдовательны въ тѣхъ функціяхъ, для которыхъ они своего выразителя не имѣли, какъ формы verbi finiti, имѣвшія для нихъ своихъ выразителей. — Но возвратимся къ начатому о причастномъ суффиксѣ -t. Въ ведахъ встрѣчаемъ въ высшей степени замѣчательныя образованія на -t, содержащія въ себѣ одну лишь согласную изъ причастнаго суффикса, безъ родоваго окончанія. Всѣ ети сложныя слова указываютъ своимъ составомъ на то, что -t въ ихъ второмъ членѣ есть суффиксъ причастнаго характера. Въ етомъ легко убѣдиться изъ собранія подобныхъ образованій, сдѣланнаго Regnier въ часто упоминаемомъ его етюдѣ о нарѣчіи ведъ (pp. 111—113). Каждое изъ етихъ образованій имѣетъ вторымъ своимъ членомъ чистую форму глагольнаго корня съ образовательною -t: kṛit (кр. kar), gat(кр. gam), gut (кр. gu), cit (кр. ci) cyut (кр. cyu), jit (кр. ji), dhṛit (кр. dhar), bhṛit (кр. bhar), yut (кр. yu), srut (кр sru), hrut (кр. hvar) prut (кр. pru, plu).

---

[1]) Весьма богатое собраніе подобныхъ причастныхъ образованій см. въ полной грамматикѣ санскрита Бенфея p. 420; § 901.

Если изъ формы корня такъ ясно причастное значеніе суффикса -t въ етихъ образованіяхъ, то оно еще яснѣе изъ объектовъ къ етимъ глагольнымъ, причастнымъ формамъ, содержимымъ въ первомъ членѣ етихъ сложныхъ словъ: brahmakrit (поющій гимнъ) lokakrit (дѣлающій мѣсто), havishkrit (дѣлающій жертву), dyugat (въ небо идущій), madacyut (пьянство каплящій), apsujit (loc въ водѣ побѣждающій), svarjit (небо побѣждающій), carshanîdhrit (держащій, т. е., покровительствующій людей), bharabhrit (tautol. несущій бремя), udaprut (въ водѣ плавающій) [2]). Тотъ же глагольный характеръ етого суффикса явствуетъ и изъ префиксовъ, составляющихъ собою въ нѣкоторыхъ изъ етихъ образованій ихъ первый членъ: samjit, niyut, prasut, parisrut. Все ето-образованія, очевидно, глагольныя, и суффиксы, очевидно, причастные. Курціусъ (Z. f. v. S. IV, p. 215) смотритъ на нихъ иначе. Но ето ошибочное возрѣніе Курціуса условливается его ничѣмъ не обоснованнымъ несогласіемъ съ куновымъ воззрѣніемъ на имешыя темы, стяжавшимь себѣ, впрочемъ, въ наукѣ полный авторитетъ. Сдѣлавши одну ошибку, трудно удержаться на ней мгновенно послѣдуютъ и другія. Итакъ во всѣхъ сихъ образованіяхъ суффиксъ -t, впослѣдствіи принявшій родовыя окончанія и получивший назначеніе причастія страдательнаго залога, здѣсь, въ етихъ образованіяхъ, имѣетъ значеніе дѣйствительное. Къ етой-то епохѣ броженія образовательныхъ елементовъ относится чешское образованіе kryt, опредѣляемое Юнгманомъ «čjm se kryge, krow», которое освѣщается стариною старо-славянскаго образованія кри-тъ (ταμεῖον). Чешское образованіе употребляется и съ предлогомъ съ: s-kry-t (decke). Совершенно аналогическій етому, случай представляетъ реченіе щи-тъ (скытъ, шкытъ, см. ниже): шкура, какъ жито-жиръ. Въ томъ же отношеніи любопытно двоякое значеніе чешскаго mla-t. Суффиксъ -тъ имѣетъ въ одномъ изъ двухъ чешскихъ значеній приличествующее ему страдательное значеніе «area», «гумно». Какъ ни будемъ толковать значеніе етого слова, все же получимъ страдательное значеніе слова: углаженное ли, т. е., убитое, утоптанное мѣсто, или-мѣсто, на которомъ молотятъ. Въ среднемъ родѣ, ето причастное

---

[2]) Замѣчательно, что плавныя r-l колеблятся въ корнѣ plu въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ведъ по варіантамъ рукописей. Такъ R. V. mand. VIII, an. b въ любопытномъ гимнѣ къ лягушкамъ нѣкоторыя рукописи RV-сангиты читаютъ вм. uparlavada—uparravada, въ согласіи съ двумя рукописями Атарвы-веды, содержащей въ себѣ етотъ гимнъ (Roth z. Lit. u. Gesch. des Weda pp 32—33) ср. рус. пру-дъ, чешск. prau-d.

образованіе, впрочемъ, получаетъ значеніе исключительно страдательное m l a - t o означаетъ «šlupiny z nečeho wymačkaného neb iakkoli swé mizy zbaweného» (Jungman; s. v.) Мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что страдательный оттѣнокъ нельзя объяснить исключительно формою средняго рода, ибо, напр., реченіе ж и - т о образовано также въ формѣ средняго рода, но имѣетъ значеніе дѣйствительное (живящее, питающее). [1]) Другое преобладающее значеніе m l a t malleus, какъ его опредѣляетъ глоссаторъ Вацерадъ въ «mater verborum» 1202 г., имѣетъ чисто-дѣйствительное, переходное значеніе. Въ этомъ образовании колебаніе между оттѣнкомъ дѣйствительнымъ и страдательнымъ такъ сильно, что продолжаетъ свое вліяніе и при дальнѣйшемъ словообразовательномъ движеніи Ето наблюдаемъ при присоединеніи къ реченію m l a t суффикса -e c, который, въ основаніи, совершенно равнодушенъ къ оттѣнкамъ залоговъ—самъ по себѣ, или, если и не совершенно равнодушенъ, то могъ бы дать, по преобладающему своему назначенію, перевѣсъ оттѣнку дѣйствительному, при присоединеніи стого суффикса, колебаніе продолжается, и реченіе m l a - t - e c въ чешскомъ нарѣчіи означаетъ и «молотильщика» и «молотильный ленъ» (Jungmann). Въ точную аналогію образованію m l a t e c, реченіе b i - t - e c означаетъ и «percussus» и «percussor, gladiator, pugnator», тотъ же дѣйствительный оттѣнокъ имѣетъ ето причастное окончаніе въ чешскомъ реченіи h r o - t (cacumen). Въ связи этихъ явленій получаетъ свое освѣщеніе и речение р ъ - т ъ (чешск. r - t y), ибо ниже слѣдующее соображеніе заставляетъ насъ и въ немъ причастному суффиксу - т ъ дать значеніе дѣйствительное (nom. ag.), въ смыслѣ г л - о т - к и, г р - о т - л а и пр. Корень старо-славянскаго реченія р ъ - т ъ въ литовскомъ языкѣ находимъ въ глагольномъ употребленіи r y - j - u, rijau, r y - t i (schlingen), съ предлогомъ p r a - verschlingen. Такъ напр., «O septynos plonos warpos prarijo septynes storas ir pilnas warpas (Genes. XLI, 7). Въ санскритѣ находимъ корень r â въ смыслѣ нѣм. «klaffen» въ одномъ старомъ заклинаніи: «stenan râya sârameya taskaran va punahsara, stotrinindrasya râyasi kimasmân ducchunâyase (Ind. Stud. IV, p. 337) Ета неустановленность страдательнаго значенія причастнаго суффикса -t- отражается намногихъ явленіяхъ словообразованія. Етимъ явленіемъ Бенфей (Z. f. v. S. II, 216—217) объясняетъ частое соприкосновеніе именъ отвлеченныхъ (passiva) съ nominibus agentis

[1]) Иное значеніе имѣетъ суффиксъ -т- въ образованіи п и т о е: и питое мое съ плачемъ растворю Рись Унд № 276, л 40.

(activa), для которыхъ употребляется нерѣдко одинъ и тотъ же суффиксъ. Такъ въ етихъ, съ точки зрѣнія позднѣйшаго образованія, имъ чужеродныхъ назначеніяхъ, фунгируютъ суффиксы -man, -ματ, -as (первоначально -neutra partic. praes.), «Endlich», говоритъ Бенфей, «kann im Sanscrit das part. pfc. pass., wenn es im neutro gebraucht wird, das abstract bezeichnen, während seine bildung gar keinen passivcharacter aufweist, sondern nur das verbaltheme selbst mit suffigirung des pron. demonstr. -ta oder des diesem bedeutungs gleichen na».—Пассивная функція всего чувствительнѣе на формахъ глагольныхъ, еще не перешедшихъ въ категорію именныхъ Аналогія глагольныхъ формъ иногда имѣла вліяніе и на причастія. Форма причастія настоящаго страдательнаго -mâna. Въ епосѣ наблюдается любопытный случай, въ которомъ причастный суффиксъ -tya является въ назначеніи причастія наст. страд Hid. II, 7 (ed. Bopp. p. 38). aham enan hanishyâmi prekhshatyàste sumadhyame. Въ етой формѣ, въ высшей степени рѣдкой, t къ своему страдательному оттѣнку прибавляетъ еще общій признакъ страд. залога -ya: prekhshatyas вм. prekhshamânas. Нѣкоторыя существительныя образованія объясняются тѣмъ же; такъ напр, vas-t-ya (maison Amarak I, p. 72).

Достаточно обосновавши аріо-славянскую дату именной функціи причастнаго суффикса -t- перейдемъ къ его осложенію Уже въ ведахъ встрѣчаемъ не мало отвлеченныхъ именъ на tva (m), совершенно свободно образующихся при первой нуждѣ въ нихъ sakhitva (отъ sakhin другъ), pâpatva (отъ pâpa несчастіе, зло, грѣхъ) и пр. Но въ ведахъ же мы встрѣчаемъ и обыкновенное, его классическое назначеніе обозначать неопредѣленное наклоненіе въ формѣ винит. падежа на -tum, въ формѣ причастія въ творит. пад. на tvâ [1]) и, наконецъ, какъ склоняемое причастіе, на -tavya. Изъ всѣхъ етихъ назначеній славянщина удержала лишь именное; тѣмъ не менѣе, однако, должно думать, помнила все же славянщина преобладающее глагольное назначеніе етого суффикса, образуя имъ весьма многочисленный классъ глаголовъ на -тво-(ва-ти). Давши арійскому неопредѣленному наклоненію такое широкое назначеніе во внутренней экономіи глагольнаго словообразованія, языкъ напалъ на другое средство отправлять глагольную функцію неопредѣленнаго наклоненія, на такъ называемыя отглагольныя имена. Но къ етому моменту славянскаго словообразованія мы обратимся ниже. Мы привыкли, по пре-

[1]) См объ етихъ формахъ В. Гумбольдта въ »Indische Bibliothek«

обладающимъ грамматическимъ аналогіямъ, къ суффиксу -ство и раздѣляемъ чув-ство. Но что такое елементъ с въ суффиксѣ -ство? Въ большинствѣ случаевъ представляется онъ неорганическимъ аллигатомъ изъ старшей епохи, происшедшимъ или изъ наконечной зубной корня, передъ т перешедшей въ с, или изъ первичнаго причастнаго суффикса т-, подвергшагося томуже фонетическому процессу. По причинѣ частаго возвращенія къ такаго рода словообразовательному комплексу, языкъ въ позднѣйшую епоху, уже не столь сознательную, получилъ неорганическій осадокъ—суффиксъ -ство. На нѣкоторыхъ случаяхъ ето особенно ясно, на тѣхъ, именно, когда такимъ образомъ происшедшій суффиксъ -ство, утерявши память о своемъ происхожденіи, снова присоединяется къ суффиксу прич. прош. -т-, который, слѣдовательно, повторенъ дважды въ подобныхъ образованіяхъ; такъ напр., «бѣѣгда мрь-ть-ство господа Іисоуса бѣ тѣлѣ носеще» (Apost. šišk. p. 121). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ суффиксъ -ство представляетъ очевидное нарощеніе суффикса -тво къ первичному ть; такъ напр. свои-с-тво, представляетъ очевидное движеніе отъ старо-славянскаго речепія своить, которымъ въ Изборникѣ Святослава 1073 года переводится греческое клово οἰκειότης (Опис. Сунод. библ. II, 2, 393) [1]), Иногда, впрочемъ, оба такого рода образованія существуютъ въ языкѣ и безъ вліянія другъ на друга; такъ напр., жел-ѣ-ть и жел-ѣ-тва (Ibidem, I, 15'. Но наряду съ етимъ, такъ сказать, случайнымъ и потому чисто условнымъ отросткомъ, существовала и первичная форма суффикса -тво, которая, будучи ближе къ первоначальной сознательности языка, сообразно съ етимъ, сохранила и большую живость значенія. Я разумѣю, именно, реченіе чоув-и-тво, употребляемое въ твореніяхъ Іоанна эксарха болгарскаго, въ древнихъ преложеніяхъ—Григорія Богослова, поученій Кирилла Іерусалимскаго и пр. (Опис. Сунод. библ. II, 1, 52 et passim). Верхне-лужицкое нарѣчіе представляетъ совершенно аналогическое образованіе въ речепіи čuw-i-dlo, отъ котораго производится прилагательное имя čuw-i-del-ny. Тоже нарѣчіе представляетъ и другое образованіе, столь же ясное въ своей отглагольности čudlo, и въ томъ же значепіи (Gefühls-Sinneswerkzeug. Pfuhl. s. v.). Отношеніе реченій чув-и-тво къ čuw-i-dlo вполнѣ тождественно отношенію между реченіями шит-тво и ши-ло (запад. славян.

[1]) Въ сербскомъ нарѣчіи до сихъ поръ употребляется какъ собирательное имя женскаго рода реченіе своjат (propinqui), представляющее любопытное посредство съ реченіемъ своjак, стяженное свакъ.

ši-dlo). Архаичность нашего рус. шит-тво ясна изъ аналогіи санскрита: say-a-tva, какъ напр. въ Taittir.-brâhm. 1, 2, 3, 2 «ekavinçamaharbhavati çukrâgrâ grahâ grihyante pratyuttabhdhyai sayatvâya». Послѣднее слово такъ глоссируется Саяною: «Shin bandhane ityasmâddhâtorutpannah sayaçabda» (çukrâgragrahasâ marthyena dridhabandhanan bhavatîti bhâvah). Нижне-лужицкое нарѣчіе представляетъ также подобное образованіе въ своемъ derbotwo (das Erbe) наряду съ derbstwo. Старославянскій языкъ строго отдѣлялъ реченіе чоуѳ-и-тво отъ реченія чоуѳ-тво, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста антіоховыхъ пандектъ: «вса илша к немоу чювитвы чювьствю» («organum sensuum omnium s. v.). Ето образованіе, очевидно отглагольное съ характеристическою гласною глагольнаго класса -и. Содержа въ себѣ ету глагольную форму, слово чоуѳ-и-тво не можетъ двигаться далѣе въ глагольномъ словообразованіи. Потому образованіе чувитвовать—не возможно, тогда какъ образованіе чувствовать не только возможно, но и дѣйствительно существуетъ[1]) Замѣтимъ еще: подъятіе -ув- ямляется здѣсь освѣщеннымъ высокимъ характеромъ арійской старины. О подобной ведійской формѣ «suvitam» Regnier говоритъ слѣдующее· «Le neutre suwitam, employé substantivement est probablement composé, au moyen d'un développement archaique d'un u en uv de la particule su (εὖ bien) et du participe ita de la racine i, «aller». Ce serait ainsi l'opposé de durita, que nous avons analisé. Le mot signifie proprement «salut». Прибавимъ, что Саяна, дѣйствительно, толкуетъ ето слово; «cobhanaphalâya». Ето толкованіе Regnier вполнѣ согласуется съ воззрѣніемъ Бенфея на этотъ родъ усиленія гласной, который въ Глоссаріѣ къ Самеведѣ (p. 198) говоритъ: «von su ita: es ist Gegensatz von durita, mit u alterthumlich in uv» [2]) Совершенно подобное же фонетическое явленіе видимъ въ сербскомъ реченіи кувео (fracidus). Корень слова въ етомъ образованіи не такъ ясенъ по тому, что его наконечный образовательный еле-

---

[1]) Замѣтимъ, что образованіе чоуѳ-и-тво въ древне-славянскомъ прекладѣ антіоховыхъ пандектовъ не единственный примѣръ. Тамъ же находимъ образованія вѣздатва (Изв. академіи VII, p. 163), сѣтва (Опис Синод. библ. II, 2, 263), желѣтва (Ibidem I, 15).—Индѣ встрѣчается и оратва: «како оуже ни оратвы ни сѣятвы ни жатвы бысть» (Рукопись иног. № 413. л. 71).

[2]) Ср. suvar вм. svar въ извѣстномъ ритуальномъ воззваніи suvarbhû которое въ етой архаической формѣ дошло изъ сѣдой старины индусскаго рита.

ментъ постертъ извѣстною фонетическою особенностью сербскаго нарѣчія. Но Ветраничь ,даетъ намъ другое, еще любопытнѣйшее, какъ по внутреннему своему составу, такъ и по внѣшнему авторитету вѣка етого хорватскаго писателя (1482—1576), образованіе Ter kada pucaju (i. e. grozdja) i kad se kuvioče, Suzice puštaju kako med i toče» (Posvet. Abr. p. 107). Здѣсь ясна коренная форма слова kuvi-, расширеніе изъ кви-, скр cvi 1) tumere, turgere, 2) prodire apparere; desid.—valde turgere Westergaard Radices p. 33), получившая нормальную относительно формы куви-, стяженную, форму въ очень развитомъ въ славянщинѣ реченіи квѣ-тъ, съ смягченіемъ цвѣ-тъ. Въ литовскомъ языкѣ етотъ корень представительствуется реченіемъ kwėtys въ значеніи «пшеницы». «O Rubenas iszėjo, per kwieczû piutì» Genes. XXX, 14). Вообще, мы наблюдаемъ въ древнюю епоху большое разнообразіе значеній, а именно въ области самыхъ конкретныхъ представленій, прежде нежели значеніе фиксируется въ значеніи, подобномъ «flos». Тотъ же корень, въ удвоенной формѣ, видимъ въ реченіи че-чев-и-ца Припомнимъ, что сербское слово кувео охотно присоединяется, какъ епитетъ, или какъ приложеніе къ «смоквѣ» кувелица смоковница и пр.

Разбираемое нами слово чувство переноситъ насъ всѣмъ своимъ составомъ въ епоху аріославянскую и фонетикою, и словообразовательнымъ своимъ составомъ, и, наконецъ, своимъ значеніемъ. Его значеніе «орудіе чувства» напоминаетъ намъ функцію санскритскаго абсолютива -tvâ, котораго форма выражаетъ именно отношенія орудія дѣйствія (casus instrumentalis). Но опредѣленія епохи аріо-славянской станетъ намъ еще яснѣе, если мы примемъ во вниманіе членъ, посредствующій между Аріями и Славянами и возсоздадимъ Аріо-славянскую епоху для етого момента словообразованія. — Дѣйствительно, литовскій языкъ объясняетъ намъ происхожденіе славянскаго суффикса -тво и, объясняя его, переноситъ насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ фонетическія отношенія старшей епохи. Онъ даетъ намъ суффиксъ tuvas для муж. рода и tuve — для женскаго, употребляя ихъ въ значеніи орудія дѣйствія, какъ напр. kosz-tùvas (Seiher), plak-tùvas (sensenhammer), spaus-tùve (kelter, presse), kultuve (waschbleuel), пзрѣдка, впрочемъ, и съ оттѣнкомъ вмѣстилища, какъ напр., milž-tuve (melkeimer), sé-tuve (satkorb) Какъ значеніе роднитъ ети литовскія образованія съ арійскою старшою (-tvâ) и съ глагольными аналогическими образованіями въ славянщинѣ, такъ и въ отношеніи фонетики подъятая форма -uv- переноситъ насъ въ старшую

епоху словообразованія [1]). Итакъ, мы доселѣ принимали литовскій суффиксъ -tuvas, какъ объяснительный моментъ къ славянскому -тво, не находя прямаго посредства. Но етотъ специфически-литовскій моментъ отражается и на славянскомъ словообразованіи. Такъ напр., реченіе бритва своимъ образовательнымъ елетентомъ вполнѣ покрываетъ литовскій суффиксъ женск. рода -tuve: значеніе етого слова («орудіе бритія») вполнѣ тождественно значенію литовскаго суффикса. Корень етого славянскаго реченія, являющійся въ глагольныхъ образованіяхъ брѣ-ю, бри-ть [2]) намъ кажется несомнѣннымъ отросткомъ арійскаго корня bhar являющагося въ ведійскомъ санскритѣ, въ прегнантомъ значеніи «отнести, отрубить» RV. X, 171, 2, «tvam makhasya dodhatah çiro va tvaco bharah», слѣдуя переводу A. Куна, (Z. f. v. S. IV, 19), «du rissest (auffere) des zappelnden Opferthiers haupt von der haut». Къ етому ведійскому явленію Шпигель привязываетъ новоперсидское burîdan (schneiden), лат. forare, древнѣм. poran (Z. f. v. S. V, 231). Немудрено, что славянщина при такомъ архаическомъ корнѣ удержала суффиксъ въ назначеніи болѣе древнемъ, чѣмъ то, въ которомъ является онъ въ епоху старославянскую, — въ назначеніи епохи летто-славянской. Славянское значеніе суффикса -тво мы, хотя и изрѣдка, находимъ, однако, въ литовскомъ языкѣ; замѣтимъ, по крайней мѣрѣ Genesis XXIV, 36: «Zore sunu pagimde manam ponui jo senatwëje».

Подобно тому, какъ въ славянщинѣ, существительныя имена аналогическаго образованія представляютъ тему для формъ отъименныхъ глагольныхъ на -твовати, такъ точно и въ литовскомъ несомнѣнное родство замѣчаемъ между суффиксомъ — tuvas и тѣмъ образовательнымъ слогомъ, который производитъ глагольную форму bàl-tû-ju, bàl-tavau, bàl-tû-ti (weiss aussehen), въ ближайшей генетической связи находящійся съ прилагательнымъ bàl-t-as. Мы употребили съ намѣреніемъ выраженіе уклончивое: «въ ближайшей генетической связи», не безъ основанія. Мы не почитаемъ ету послѣдовательность непосредственною. въ неизслѣдимой глубинѣ словотворчества нерѣдко замѣчаемъ явленія,

---

[1]) Весьма архаически окрашивается также сербское нарѣчіе подъятіемъ въ образовательномъ слогѣ реченія јес-тива n. pl. (рус. яс-тва, cibi). Ср. вед. attave (dat. inf.): stîrnan te barhih suta indra somah krtâ dhânâ attave haribhyân. RV. III, 35 7.

[2]) Напомнимъ при етомъ, что корни bhar и har суть фонетическія видоизмѣненія одной и той же коренной формы.

указывающія въ языкѣ способность весьма далекихъ воспоминаній. Мы не можемъ утверждать ничего опредѣленнаго касательно родства суффикса -t- въ литовскомъ съ суффиксами -tû- и tuva-; намъ недостаетъ въ настоящемъ случаѣ посредствующихъ членовъ генезиса. Но весьма часто въ области вторичныхъ, осложненныхъ глагольныхъ образованій становится совершенно невозможнымъ провести сколько нибудь рѣзкую грань между глагольными и именными образованіями. Образовательный елементъ -û- въ литовскомъ языкѣ охотно сопрягается и съ другими елементами, съ которыми вмѣстѣ пускаетъ отроски какъ въ область именныхъ, такъ и глагольныхъ образованій: dàina: dai-nû-ju: dai-nav-i-mas. Такое настроеніе въ словообразованіи могло возобладать надо всѣми образовательными елементами позже, въ славянщинѣ, которой и служитъ оно специфическимъ признакомъ ея исторической епохи. Вмѣстѣ съ распространеніемъ етого словообразовательнаго начала исчезали изъ живаго оборота языка формы verbi finiti. Какъ видимъ еще въ литовскомъ языкѣ коренится ета славянская особенность, на которой ниже остановимся съ большимъ вниманіемъ.

Выше была показана нами связь етихъ летто-слаянскихъ образованій съ санскритскимъ абсолютивомъ на -tvâ. Но понятіе абсолютива чисто условное. Древле ета форма склонялась совершенно свободно. Слѣдующія мѣста Ведъ дадуть намъ случай въ етомъ убѣдиться: îme ta indra somâh sutâso ye ca sotvâh (SV. I, 3, 1, 2, 9) или tad viçvamabhibhûrasi yajjâtan yaçca jantvam (S. V. II, 6, 2, 19, 2). Но всего любопытнѣе для нашей цѣли подобныя образованія прич. буд. страд. отъ глагола kar (дѣлать). Отъ етого корна образуется посредствомъ суффикса причастія буд. страдат. имя сущест. ср. р. kartva, въ значеніи «das Werck (i. e., faciendum)» и въ етомъ смыслѣ употребляется S. V. II, 5, 2, 23, 2, хотя преобладаніе остается за свободной функціей прич. буд. страд., являющейся весьма часто въ ведахъ, (См. Benfey Glossar zum SV.). Замѣчательно, что, кромѣ формы на -tva, веды представляютъ и другую, осложненную мѣстоименнымъ суффиксомъ -ya, форму tv-ya, въ классическомъ санскритѣ уже замѣняемую формою -tavya. Мы будемъ имѣть случай убѣдиться ниже въ томъ, что служеніе етого въ большинствѣ случаевъ вторичнаго суффикса роднитъ славянщину съ ведійской епохою словообразованія; увидимъ, что иногда преобладаютъ тѣ явленія въ славянщинѣ, которыя и въ ведахъ, очевидно, уже исчезаютъ. Теперь же укажемъ на ето специфическое родство между ведійскимъ суф-

фиксомъ tv-ya и славянскимъ -тьиѥ, напомнивши, что форма tvya въ классическомъ санскритѣ уже исчезаетъ замѣняясь формою -tavya. Ето относительное -иѥ, которымъ осложняется здѣсь суффиксъ -tv (ср. лит. -tû-) имѣетъ въ славянщинѣ и отдѣльное назначеніе словообразовательное. Я разумѣю служеніе суффикса иѥ въ собирательныхъ именахъ славянскихъ, при которомъ, какъ извѣстно, нерѣдко въ славянщинѣ предшествующая тематическая гласная оу подымается въ -ов-, образуя такимъ образомъ суффиксъ -овіе. Въ Самаведѣ (I, 4, 1, 1, 6) встрѣчаемъ совершенно аналогическое образованіе, въ собирательномъ же смыслѣ употребленное vas-av-ya отъ имени существительнаго vas-u (благо, богатство), толкуемое Бенфеемъ собирательнымъ понятіемъ «Güttermenge» (Gloss. zum SV. s. v.). Въ етомъ мѣстѣ ета аріославянская форма употребляется даже, въ полную аналогію со славянщиной, въ единственномъ числѣ (locativo casu): vasavye adhi barhaya. Впрочемъ, въ Ригъ-ведѣ IV 5, 15 употреблено ето реченіе и во множ, ч. : vasavyais [1]).

Давши арійскому неопредѣленному наклоненію столь широкое назначеніе во внутренней экономіи глагольнаго словообразованія, языкъ напалъ на другое средство отправлять функцію неопредѣленнаго наклоненія, на такъ называемыя отглагольныя имена. Что ето — явленіе даты относительно позднѣйшей, ясно изъ того, что даже въ письменности, датирующей съ половины IX-го столѣтія по Р. Хр. въ етихъ образованіяхъ господствуетъ живая смѣна явленій. Ихъ склоняемая норма есть родовое окончаніе средняго рода—тьи-ѥ; но у Іоанна ексарха болгарскаго встрѣчаемъ болѣе органическую, имѣющую несомнѣнный характеръ старины, форму женскаго рода—тьіи : ходи-и-тию (schol. шествьноу силоу. Опис. сунод. библ. II, 1, 17). Какъ видно, вообще суффиксъ -т-, какъ факторъ причастія и именнаго образованія принадлежитъ старшей датѣ, и потому въ реченіяхъ, ими образованныхъ, наблюдается большая чреватость значенія: ходитіи означаетъ силу хожденія. При етомъ сопоставленіи вполнѣ ясна относительная блѣдность значенія позднѣйшаго речения «хожденіе». Еще болѣе чреватое значеніе имѣетъ суффиксъ -т-,

---

[1]) Въ скр. встрѣчаются образованія на ya съ тѣмъ же назначеніемъ : tavasya (Thatkraft, Muth) отъ tavas, aptur-ya (Eifer, Aemsigkeit) отъ aptur и пр. Особенно любопытно реченіе napt-ya (RV. III, 31, 1), гдѣ суффиксъ -ya вытѣснилъ даже собою составную часть суф. -tar. Саяна сообщаетъ граммат. глоссу, кончающуюся словами: rephalopaçchandasah,

когда къ нему непосредственно присоединяется знакъ средняго рода безъ относительнаго суффикса -i-; здѣсь беретъ свое начало суффиксъ -ште, ште. Конкретность его значенія особенно ясна на слѣдующемъ случаѣ Сербское нарѣчіе имѣетъ весьма простое образованіе для «тростника» — trsje n. gen., наряду съ trs-t, trs-ka. Въ одномъ юридическомъ актѣ отъ 1613 г. находимъ любопытное образованіе trsicé (трсиште), употребляющееся совершенно тождественно съ trsje: «da sam kupil jedno trsiće v Pribicih».... «kada smo trsje opelivali sobvodnici» (Arkiv II, 2, 317). Замѣтимъ, что для русскаго нарѣчія не возможно уже подобное образованіе по русски было бы трос-т-и-ш-е, слѣдовательно, образованіе вторичное, предполагающее первичное трос-ть. Наше изображеніе, впрочемъ, не клонится къ тому, чтобы за причастными и именными образованіями признать совершенно новую дату. Етихъ образованій языкъ не развилъ, но, что они существовали изстари, отражается уже на одномъ томъ совершенно ясно, что образованія на -н- представляютъ постоянныя analoga къ образованіямъ на -т- чешск spat. (somnus), свѣтъ : сѣнь, рожнъ, можденъ и пр.; чьсть : рѣнь и пр. Особенно любопытны въ етомъ отношеніи образованія подобныя верхнелужицкимъ do-da t-k—do-da-n k, или русскимъ о-ста-тъ-къ и о-ста-нъ-къ, отъ коихъ въ епоху древнюю уже образовались прилагательныя: остаточный (въ остаточныхъ времнахъ. П. С. Л. IV, 115, s. Ao. 1417) и остаточный (во остаточнам времена Рпсь синод. № 993, стр. 738) Но древнее преобладаніе суффикса -т видно напримѣръ на слѣдующемъ случаѣ. ѿ него же вса дать (вм дань, даяніе) благал и вьсь даръ сврьшенъ съ высости юсть сходе (у Іоанна ексарха болгарскаго Опис. сун. библ. II, 1, р. 34). — Сообразно съ симъ и въ отглагольныхъ именахъ существительныхъ является иногда-тіе вм. ніе, напр сербское имаће вм. иманје [1]). Замѣчательно, что именная (прилагательная) и глагольная (причастная) функціи суффикса -н- вполнѣ сознаются языкомъ во всей ихъ раздѣльности. Такъ напр., въ древнемъ преложеніи поученій Кирилла Іерусалимскаго встрѣчаемъ прилагательное неиздрочьный, образованіе именное, аналогическое глагольному неиздреченьный, первое имѣетъ коренную форму имени рок, второе—глагольную рек (Описаніе сунод. библ. II, 1, 51). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, языкъ, хотя и сознаетъ различіе между двумя подобными образованіями, но въ значеніи ихъ различія не по-

[1]) Объ отвлеченныхъ именахъ на-тіе и на-ніе въ готскомъ языкѣ см. Ебеля Z. f. v. S. V, pp. 302—303.

лагаетъ. Такъ напр., въ древнемъ преложеніи антіоховыхъ пандектовъ встрѣчаемъ и кѫздрекльны (ἀναλόγους) и въ адвербіяльномъ смыслѣ кѫздрочны (ἀναλόγως). Но какъ живо, всё же, сознаніе связи суффикса -нъ съ глаголомъ, ето ясно не только изъ отглагольныхъ именъ славянскихъ, но и изъ архаическаго литовскаго суффикса -yne. Въ значеніи етого суффикса оттѣнокъ «мѣста» преобладаетъ (Schleicher, Handbuch I, 123); но, кромѣ етой, суффиксъ -yne имѣетъ функціо, совершенно аналогическую ведійскому и зендскому неопредѣленному наклоненію, и именно въ дательномъ падежѣ, весьма часто фунгирующемъ, какъ извѣстно, въ ведійскихъ и зендскихъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ. Такъ напр; Bau ir yra ruimo namůse tawo tewo nakwynei? Отвѣтъ на ето выражается уже прямо неопредѣленнымъ наклоненіемъ: Turrim gana ruimo nakwinoti (Genesis XXIV, 23—25) Литовскій языкъ представляетъ и въ сферѣ именныхъ образованій образованія въ высшей степени любопытныя и поучительныя, такъ напр., реченіе vars-n-as означаетъ первоначально «борозду, поворотъ плуга» (Gewende beim Pflucken), а потомъ единицу разстоянія (ir kaip dar tikt warsnas buwo ikki Eprato, tai Raĕle pagimde. Genes. XXXV, 16) Ето объясняетъ намъ нашу верс-т-у, первопачально обозначавшую поворотъ плуга пахаря. Етимъ реченіемъ, слѣдовательно, обогащается старославянскій корень вρι-, вρχ-, вρш-, весьма развитой въ славянщинѣ въ значеніи «arare», «frumentum» (вρшити, вρшь и пр.). Подобно тому, какъ мы наблюли за суффиксомъ т способность выражать дѣйствительный оттѣнокъ значенія, наряду съ возобладавшимъ въ позднѣйшую епоху страдательнымъ, такъ можемъ тоже указать и въ суффиксѣ -нъ; тк. напр., сербское реченіе бѣжанъ во всѣхъ своихъ трехъ значеніяхъ чревато дѣйствительнымъ оттѣнкомъ: въ формѣ женск р. 1) въ собирательномъ значеніи «fugientes» и 2) «fuga»; въ формѣ муж. рода — въ значеніи «fugitor». Относительная древность суффикса -нъ передъ -лъ, какъ суффикса прич прош., явствуетъ изъ того, что обѣ формы, производясь отъ одного и того же корня, употребляются наряду: форма на -нъ получаетъ при етомъ значеніе болѣе фиксированное, значеніе имени прилагательнаго, за формою же на -лъ остается еще ея причастное значеніе Любопытный въ етомъ родѣ примѣръ представляетъ намъ статутъ Кркскій 1388 г. «da nigdor od njih ne budi toliko smin, da bi smel prijet votok nijednu vanju živinu (Arkiv II, 2, p. 287).

Какъ извѣстно, въ русскомъ получила значеніе имени прилагательнаго, именно, форма на -лъ (смѣлый).

Мы выше старались показать, что с въ суффиксѣ -ство представляетъ остатокъ причастнаго суффикса -т, обратившагося передъ зубною въ свистящую. Кромѣ вышеприведенныхъ наведеній къ этому, за ету гипотезу говоритъ и аналогія образованіе именъ отвлеченныхъ на -тота Такъ напр. скр. pra-san-na-tâ произведено отъ прич. прош pra-sanna (кр. sad) [1]). Совершенно тождественный словообразовательный процессъ видимъ въ славянскомъ чис-то-та, подобномъ скр vishannatâ, avaliptatâ, balahînata etc. (Hemacandra; pp. 53—54). Ета аналогія убѣждаетъ насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ епоху образованія подобныхъ реченій еще чувствовалось глагольное, причастное происхожденіе суффикса -т- и въ тѣхъ рѣченіяхъ, которыя давно уже получили значеніе именъ прилагательныхъ. Старинный русскій языкъ очень свободно производитъ образованія на -та: корчета: „Бы блюде тѫже недоуѣ корчета“ Рпсь Супод. № 991, л. 221. Литовскій языкъ также не чуждъ подобныхъ образованій, судя по реченію pènkiata (Junfheit, ср. скр. pancatva): ik jo dáglą pùskuili sù pènkiata kiaúliu pro vartùs iszgùit drisai (Donaleites I, 288—9; Schleicher adnotans s. v.). Нѣкоторыя изъ весьма многочисленныхъ санскритскихъ и славянскихъ образованій на -ta отличаются и нѣкоторою конкретностью въ значеніи, такъ напр. скр bandhutâ (réunion des parents Amarak I, p 133), слав. ѥдрота. „и по ѥдиномь дьни бѣзвѣкшоу югоу къ ѣьторою ѥдротоу прѣидохомь ѣь Почнолы“ (Apost. Šišat p. 45) Итакъ, етотъ суффиксъ -та существуетъ въ санскритѣ, литовскомъ и славянскомъ, и существуетъ наряду съ суффиксомъ -ti, ть для отвлеченныхъ же образованій. Въ нѣмецкой рѣчи находимъ его въ формѣ itha, ida (Grimm. Gram. II, 242) Оба сіи суффикса, въ аріо-летто-славянскую епоху существовавшіе въ отдѣльности, находимъ въ санскритѣ же и, кромѣ того, въ греческомъ и латинскомъ, слившимися въ одинъ словообразовательный комплексъ скр. tâti, греч. -τητ- лат. -tat-. Уже въ ведахъ сей комплексъ не рѣдкость, — и, именно, въ томъ же отвлеченномъ значе-

---

[1]) На сколько производителенъ былъ сей суффиксъ отвлеченныхъ именъ уже въ ведійскую епоху, можно видѣть изъ слѣдующаго двустишія: RV. III, 16, 5: «Mâ no agne 'mataye mâvîratâyai rîradhah Mâgotayai sahasasputra mâ nide pa dveshânsyâ kridhi»

ніи, въ какомъ являются его отдѣльныя части въ славянщинѣ: ayaxmátâti (krankheitslosigkeit), arishtátati (unverletzlichkeit), vasútâti (reichthum). См. Ауфрехта въ Z. f. v. S. I, pp. 159—163. Ето—явленія, очевидно, епохи старой. Что же касается до комплекса чисто славянскаго -ство, мы ни коимъ образомъ не можемъ приписать ему авторитета древности, и тѣмъ менѣе, что сама же славянщина представляетъ намъ, очевидно, старшее явленіе, какъ непосредственный предшественникъ етого комплекса, — простой образовательный елементъ -тво. Итакъ, нашъ анализъ не позволяетъ намъ сопоставить славянское -ство съ явленіями, будто бы аналогическими, нѣмецкими, подобными слѣдующимъ: гот. an-sts, all-brun-sts, двн chun-st, prun-st и пр., какъ ето дѣлаетъ Шлейхеръ (Z. f. v. S. I, pp 141—144), въ подтвержденіе своей въ высокой степени ложной и неосновательной мысли о специфическомъ родствѣ славянщины съ языкомъ нѣмецкимъ [1]). Не разъ будемъ имѣть случай возвращаться къ етой мысли, — но лишь мысленно. да послужитъ весь нашъ анализъ въ молчаливое опроверженіе шлейхерова ученія! Заключаемъ изо всего нами сопоставленнаго, что суффиксъ -ство есть позднѣйшій комплексъ словообразовательной, потерявшій память своего происхожденія и являющійся во множествѣ явленій совершенно неорганически, подтверждая симъ то наше убѣжденіе, что объясненія явленіямъ словообразовательнымъ пельзя искать въ явленіяхъ, въ позднѣйшее время сложившихся и, по извѣстному закону развитія языковъ, взявшихъ перевѣсъ надъ своими предками, съ которыми разорвали свою связь. Но ети ихъ предки всѣ же остаются, хотя и не въ большемъ количествѣ, и всегда могутъ послужить звѣньями для возстановленія истиннаго генезиса тѣхъ образовательныхъ елементовъ, лишь бы изслѣдователь приступалъ къ дѣлу съ твердымъ методомъ и не принималъ бы въ руководство при своемъ изслѣдованіи идей свойства предмету чужероднаго. — Отрицая евфоническое свойство елемента с въ суффиксѣ -ство, мы почитаемъ, впрочемъ, возможнымъ появленіе такого рода евфонической вставки, не думая, конечно, при томъ о закрѣпленіи родственной связи между племенами—нѣмецкимъ и славянскимъ Мы находимъ ее, именно, въ реченіи нев-ѣ-с-та Корень его объясняемъ сличеніемъ съ древне-нѣмецкимъ реченіемъ niwi, niuwi («junges Mäd-

[1]) На иныхъ основаніяхъ, при всей краткости, весьма сильно и рѣшительно отвергаетъ сіе шлейхерово ученіе и Бенфей въ Gött. gel. Anz. 1851; p. 1967.

chen»), извлекаемымъ Гриммомъ изъ втораго члена сложныхъ собственныхъ именъ женскаго рода, нерѣдко встрѣчающихся въ памятникахъ отъ VI до XI вѣка, каковы напр., Theodonivi, Baudonivi, Adalnivi и пр. (Z. f. v. S. I, pp 429—434). При нашемъ предположеніи, коренной составъ этого реченія представилъ бы совершенно законосообразную перезвуковку ни-нау нов-ый, нев-ѣ-с-та. Относительно s передъ суффиксомъ -ta можемъ привести совершенно тождественное готское ra-s-ta (μίλιον), о которомъ такъ говоритъ Ауфрехтъ «das Wort ist mit dem affix -ta hinter dem s fur -tha gebildet; das s ist zwischen dem ursprunglichen auslaut m und dem affix euphonisch eingeschoben und das m dann ausgefallen: rasta steht mir demnach für organisches ramsta» (Z. f. v. S. I, p. 360). Какъ видимъ, фонетическія условія, въ которыхъ является въ этомъ готскомъ реченіи евфоническое s, и тѣ, среди которыхъ оно является въ славянскомъ реченіи невѣста совершенно различныя Подробнѣе объ этомъ евфоническомъ явленіи см. у Гримма въ Грамматикѣ II, 209 [1]).

Не однократно въ ходѣ нашего изслѣдованія мы имѣли случай (и будемъ его имѣть еще чаще) замѣчать ту особенность славянскаго словообразованія, по которой нерѣдко стирается всякая грань между именными и глагольными образованіями. При тождественности корня и при склонности языка смѣшивать глагольныя функціи суффиксовъ съ именными, приходится чаще всего для разрѣшенія сомнѣнія прибѣгать къ историческому изученію вопроса На такія мысли наводитъ насъ слѣдующее явленіе, наблюдаемое въ западныхъ нарѣчіяхъ. Въ чешскомъ нарѣчіи чередуются въ весьма близкихъ другъ другу назначеніяхъ образованія: bjehavy-bjehuty, tjekavy-tjekuty, smrdlavy-smrduty. Верхнелужицкое нарѣчіе представляетъ совершенно аналогическія чешскимъ образованія. напр. bjedzawy—bjedzaty (kampfend, ringend) или bjehaty (laufisch), bjehawa (laufische Weibsperson, Kuh, Ziege; diarrhoe). Что эти реченія не заимствованы лужицкими писателями изъ чешины, что они составляютъ неотъемлемое достояніе верхне-лужицкаго нарѣчія, доказывается, какъ фонетическими особенностями этихъ формъ,

[1]) Еще антитеза Шлейхеру гот. mizdo, занд. mîzda, греч. μισθος, слав. мьзда: ас. mêd, дрекс mêda, совершенно хорошо освѣщенныя Куномъ (Z f. v. S. IV, 2).

такъ и существованіемъ старѣйшихъ, еще болѣе важныхъ въ словообразовательномъ отношеніи формъ, каковы напр., bežacy наряду съ bježaty и, наконецъ, по видовому отличію, bježity (bježec) въ значеніи «laufend, fliesend, beweglich». Къ тому же, черезъ посредство верхнелужицкаго нарѣчія, находятъ ети формы аналогіи, хотя и рѣдкія, и въ сербскомъ языкѣ, какъ напр.. им-а-т-ан, побочная форма къ им-уh, отъ которой образовано отглагольное имя существительное имуhe, объясняющее наше имущество, jахаhи и јашаhи (конь—equitatorius). Имена, образующіяся елементомъ -а v- отъ глагольнаго корня, содержатъ въ своемъ значеніи оттѣнокъ неопредѣленной, постоянной совершаемости дѣйствія, они, такъ сказать, усиливаютъ внутреннюю интензивность корня. Болѣе сильный оттѣнокъ моментанной дѣйствительности имѣютъ въ себѣ втораго рода образованія. Понятно, что придаетъ имъ етотъ характеръ! Ихъ образовательный елементъ -ut- есть старинное, доисторическаго слоя окончаніе прич. наст., еще не имѣющее смягченія. Ету форму въ славянщинѣ назвали мы доисторическимъ наслоеніемъ не только потому, что ее замѣнила другая, смягченная въ историческую епоху языка, но еще и потому, что и литовскій языкъ даже имѣетъ, подобно исторической славянской, форму смягченную. Впослѣдствіи времени, ета архаическая форма послѣдовала общей аналогіи и пришяла въ себя елементъ -n bjehutny, какъ bjeh-na, bjež-ny, реченіе horutny только въ стой формѣ и встрѣчается (сл. horaucj, горячій—горючій). Любопытно, что чешскій языкъ до позднѣйшей епохи удержалъ етотъ словообразовательный мотивъ, образуя слѣдующаго рода тавтологическія выраженія. swjet swjetaucj; nic nicaucj, prach prachaucj, zima zimaucj, hon honaucj [1]) и пр. Замѣтимъ, что въ большей части приведенныхъ

---

[1]) Такое же аномалическое развитіе имѣлъ суффиксъ причастія наст. дѣйств въ сербскомъ нарѣчіи, въ которомъ онъ еще сильнѣе наводняетъ собою тѣ области словообразованія, которыя по природѣ своей не могутъ ихъ принять; такъ напр., огнјуштина, образованное по аналогіи съ родственнымъ ему по значенію, органическимъ образованіемъ вр-уђина (отъ корня глагола врѣти) отъ причастія вр-уђи. Наконецъ, органическое образованіе вруђина принимаетъ въ себя неорганическій наростъ въ реченіи вр-уђ-уштина, гдѣ видимъ тотже суффиксъ прич. наст. повтореннымъ дважды, съ различіемъ даже въ фонетическомъ составѣ обоихъ близнецовъ. Какъ старо это явленіе славянскаго словообразованія, ясно изъ состава реченія тѫс-ѫшти, образованнаго черезъ окончаніи прич. наст. ѫ рода, присоединеннаго непосредственно къ согласной именной темѣ. Въ коренной формѣ тѫс- наблюдаемъ архаически стяженную тему имени tavas, въ этомъ своемъ видѣ удержавшагося въ ведійскомъ санскритѣ

случаевъ, если не во всѣхъ, окончаніе прич. наст. присоединяется къ именнымъ образованіямъ, неспособнымъ къ глагольнымъ флексіямъ. Несомнѣнно изъ предшествующаго выводится, что элементъ -u t, какъ причастный суффиксъ, получилъ въ эпоху языка, ждущую своего объясненія, словообразовательное назначеніе, независимое отъ аналогической ему, позднѣйшей формы причастія настоящаго Явленіе ето получаетъ свое объясненіе изъ языка литовскаго, представляющаго полную ему аналогію. Я разумѣю поучительную литовскую форму part. praet., имѣющую въ косвенныхъ падежахъ образовательный элементъ -u s-[1]) Ета форма, какъ

въ значеніи „силы, мочи» и пр. Его образованіе было бы полный славянскій аналогонъ къ однозначащему скр. s a h a s—r a, образованному отъ имени той же темы и того же значенія s a h a s («сила, мочь»). Впрочемъ, еще ближе къ славянскому реченію тыс-жшти, именно въ коренной его формѣ весьма архаическое видоизмѣненіе кр. tu —t u v i s, извлекаемое изъ образованіи t u v i s h-t a m a, t u v i s h-m a n t (С-Петерб. Слов. s. v.). Ето сближеніе имѣетъ преимущество въ гласномъ составѣ формы: u v i =ѣі, удерживая и тематическую с Образованіе t u v i является первымъ членомъ многихъ сложныхъ именъ, ведійскихъ епитетовъ, — и именно въ значеніи «многій»: t u v i p r a t i («zuvielen kommend»), t u v i b â d h a («viele todtend»), t u v i n r i m n a («sehr tapfer»), t u v i b r a h m a n («sehr andachtig») и пр. и пр. (С-Птрб. Сл. III, 371—372) Каково же отношеніе славянскаго реченія тыс-жшти, къ созвучному нѣмецкому реченію? Ето остается вопросомъ, рѣшеніе котораго на себя не принимаемъ. Въ заключеніе замѣтимъ лишь, что тысѧшти и позднѣйшими своими судьбами удостовѣряетъ въ томъ, что въ составъ его вошелъ суффиксъ прич. наст вр · тыс-жшти относится къ т ы с я ч а, какъ гор-жшти къ г о р я ч а(я). Что касается до коренной формы тыс- въ отношеніи къ t a v a s, или t u v i s, то весьма сродный этому, случай наблюдаемъ въ образованіи м ы с-л ь, гдѣ трудно не признать въ коренной формѣ скр. m a n a s съ тою же согласною темой, хотя корень m a n и удержался въ славянщинѣ· м ы н ѣ-т и и пр также какъ и кр. t u, извлекаемый изъ образованій t a v a s, t u v i s въ тыс-жшти, удержался въ первоначальномъ своемъ видѣ въ срб т о в-и т и — питать въ см. «дѣлать сильнымъ», въ сильную аналогію санскриту: a h a n n a h i n p a r i ç a y â n a m a r n a o j a y â m â n a n t u v i j â t a t a v y a n (a t i ç a y e n a p r a v r d d h a s. s c h) RV. III, 32, II Какъ особенность славянскаго образованія, ета черта, надѣемся, нами достаточно обоснована. Но дату ея происхожденія мы можемъ отодвинуть далеко въ глубь ведійской епохи словотворчества. Уже однимъ слѣдующимъ явленіемъ ета словообразовательная черта упрочивается за Ведами. Отъ именной темы g a v (g o) образуется глагольная g a v y-, посредствомъ которой и можетъ быть только объяснена причастная форма g a v y a n t· 1) nach Rindern (Kuhen) verlangend; 2) brunstig, leidenschaftlich begehrend; 3) kampflustig

[1]) «Abromos... su duszomis, kurrios jiems gimmusios buwo Aranė, issitrauke». (Genes XII, 5); «O jis cziajau pabudawojo altoru Ponui Diewui, jam pasirodzusiam» (Genes. XII, 7).

справедливо ее объясняетъ Шлейхеръ (Handbuch I. p 95; § 34), произошла изъ суффикса прич. наст. дѣйств. -a n t s, въ косвенныхъ падежахъ дающаго смягченную тему -a n c z-, въ аналогію съ древне-славянскимъ -жшт-. Слѣдъ етого первообраза формы па -u s- яснѣе всего въ прямомъ падежѣ муж. и ср рода —e̯s. Лишь въ прямомъ падежѣ женскаго рода и въ косвенныхъ всѣхъ родовъ, по причинѣ наростанія падежныхъ окончаній, получается тематическая форма—u s-. Со многихъ сторонъ ета форма поучительна. Во 1-хъ съ той, что причастіе прошедшаго характеризуется суффиксомъ прич. наст.: такъ рано появляется въ славянскомъ словообразованіи елементъ, ослабляющій силу временной изобразительности, на счетъ которой развились въ славянщинѣ иные оттѣнки въ словообразовательномъ значеніи суффиксовъ. Во 2-хъ, ета форма важна для истории вокализации посовыхъ звуковъ. Въ 3-хъ, образъ смягченія t: впослѣдствіи возобладала форма смягченія t въ c z; здѣсь же избрана другая степень смягченія. Етотъ переходъ t въ s въ образовательныхъ елементахъ слишкомъ хорошо обоснованъ въ старшей епохѣ индоевропейскаго словотворчества, чтобы на немъ останавливаться далѣе достаточно припомнить греч.—ουσι вм.-οντι, ουσα вм. οντια и пр. Совершенно въ той же самой связи явленій, за много лѣтъ передъ симъ, многоученый Адальбертъ Кунъ въ своей въ высшей степени поучительной статьѣ «Uber das alte s und einige damit verbundene lautentwicklungen» (Z. f. v. S. I, pp. 270—277, 368—381 и пр.) освѣтилъ етотъ переходъ t въ s въ образовательныхъ слогахъ, не касаясь, конечно, и издали ни славянщины, ни литовскаго языка. Говоря именно о смѣнѣ первоначальнаго t въ s (въ 1-й статьѣ)—въ причастныхъ и именныхъ суффиксахъ, (во 2-й статьѣ)—въ именахъ средняго рода на -a s, онъ задавая себѣ вопросъ о физіологическомъ основании сей смѣны, заключаетъ (l. l, p. 381): «Hierbei sind nun, wie die sprachgeschichte nachweist, zwei arten der entstehung anzunehmen, namlich eine durch die stufe von z, die andere durch die stufe von th hindurch; in beiden fallen sehen wir also den t eine spirans hinzutreten, die im ersten falle, wo dieselbe der dentale zischlant ist, gewöhnlich schneller als im zweiten die vollstandige assimilation des ersten elements und mit ihm die Bildung von ss (sz) herbeifuhrt, im zweiten dagegen häufig (goth. th: ahd. d) schwindet und nur den wandel der tenuis in die media hervorragt, dagegen sobald die hauch festigkeit gewinnt, gleichfalls die hinüberfuhrung von th zu s zu wege bringt». — Но есть ли въ самой славян-

щинѣ посредствующи членъ между литовскимъ -us- и чешскимъ -ut-? Его не трудно указать въ образовательномъ слогѣ причастія прош. дѣйств. -ъш-: быв-ъш-и («Tai padawejam wissus balwonus, jû rankosa buw-us-us» (кнів-кш-шхъ) Genes. XXXV, 4) Намъ кажется, что въ старшую епоху переходъ t въ s не былъ исключительною особенностью темъ и окончаній. Покрайней мѣрѣ, t, находящееся въ исходѣ корня передъ плавною суффикса нерѣдко подвергалось измѣненію въ s: старо-славянскія образованія ноута (рогатый скотъ), поуть (βῶς), поутьный. Принимая и за евфоническій подъемъ слова [1]), етимологически начинающагося съ гласной, мы получаемъ коренной составъ слова оут-, вполнѣ совпадающій съ литовскимъ jautis, -czo (быкъ). Не тѣмъ ли древнимъ соотношеніемъ зубныхъ съ свистящими объясняется реченіе оус-ниѥ, оус-миѥ, оус-ма (βόρσα, corium)? Обратное отношеніе было бы между литовскимъ ausz-rine, слав. ут-ро, Въ славянскомъ т отражалась бы старина непзслѣдимая, ибо и въ санскритѣ уже встрѣчаемъ s въ корнѣ передъ плавною -r [2]). Мы предполагаемъ близкую етимологическую связь между всѣми приведенными славянскими и литовскими образованіями (т. е. нуто, усніе, jautis, утро, auszrine), сводя ихъ къ игрѣ представленій о «краспомъ», какъ общемъ епитетѣ коровы и зари, господствующей въ Ведахъ. Въ Ведахъ, именно, находимъ извѣстныя два реченія usra и usrâ, о которыхъ весьма подробно говоритъ Ауфрехтъ въ Z. v. f. S. IV, pp. 256—260. Ети реченія, сводимыя Ауфрехтомъ къ темѣ us-ar, употребляется въ Ведахъ съ преобладающимъ значеніемъ «утра». Въ Unâdi II, 13 usra m. опредѣляется какъ «лучь», usrâ f. какъ «корова». Ауфрехтъ, приводя множество мѣстъ изъ Ригведы для значенія «утра», указываетъ сіе реченіе въ формѣ usra m. du. Stiere VV. IV, 33, usrâ f. Kuh RV. I, 3, 8; 92, 4; IV, 1, 3 и пр. и пр. Корова называлась етимъ именемъ, какъ имѣющая красноватую шкуру. Встрѣчается и прилагательное usriya при другихъ наименованіяхъ быка «jarâyujah prathama usriyo vrisha vâtabrajâ stanayannеti vrishtya» (AV. I, 12, 1),

---

[1]) Въ старо-славянщинѣ должна была быть болѣе развита евфоническая функція елемента -н, суди, напр., по сербскимъ реченіямъ, подобнымъ нугао (pro ugao angulus), негве (pedica жзы, жжь) и пр

[2]) Елементы t и s и индѣ чередуются въ срединѣ словъ: беот. умепьшит. образованіе ὄκ-τ-αλλος (oculus) скр. ak-sh-i. Изъ беот. формы становится уже понятною ассимиляція реченія ὄφθαλμός (v. Schwabeum, p. 84).

въ аналогію съ существительнымъ usriyâ f. (Helle, Licht. S-ct Ptrburger Wbuch; s. v.). — Итакъ, мы остановились на сопоставленіи литовской темы buw-us- съ славянскою бꙑв-ъш. Все различіе славянской формы отъ литовской состоитъ въ паденіи тематической гласной у въ ъ Оттѣнокъ прошедшаго времени совершенно чуждъ, въ сущности, этой модификаціи причастія наст. дѣйств · онъ привносится ей или усиленнымъ подъятіемъ кореннаго слога (бꙑв-ъш-и), или интензивнымъ слогомъ -в- (род-ив-ъш-и), или особенностью коренной формы глагола (шед-ъш-и, въ противуположность коренной формѣ настоящаго времени ход-ящ-ïи). Послѣдняя черта замѣтно выступаетъ въ славянскомъ словообразованіи. Нерѣдко наблюдаемъ чисто-глагольное различеніе именныхъ темъ. Любопытно въ этомъ отношеніи реченіе шес-твіе, о суффиксѣ котораго см. выше. Особенно поучительнымъ въ словообразовательномъ отношеніи кажется намъ хорватское реченіе би-шас-ть, попавшееся намъ однажды въ вѣнскомъ отрывкѣ глагольскаго бревіярія XIV в. Шблѣче ногѹ, юже лѣки до бишасти мира (exitus mundi) положи бѣ (f. 8.). Ета форма, притомъ, переноситъ насъ въ ту епоху, когда окончаніе неопредѣленнаго наклоненія присоединялось ко всѣмъ тематическимъ модификаціямъ глагола. Даже отъ склоняемаго причастія шьлъ производится не только пришьльць [1]), но и прѣшьльство (Apost. šišat. p. 30, 17· и люди бѣзнесе вх прѣшьльствѣ ихъ вь землю иегупьтьскоу)

Вѣрный аналогонъ етому образованію представляетъ образованія по-шь-л-ын, по-шь-л-ина въ ихъ старорусскомъ значеніи. Понятіе «старообычности, преданія» и въ ведійскомъ санскритѣ образуется отъ синонимическаго корня i: e-va mores съ нарѣчіемъ въ орудномъ падежѣ множ. ч. evais. (more suo). Естественнымъ образомъ, ето значеніе не можетъ быть первоначальнымъ въ развитіи понятія eva. Первопачальное его значеніе, по показанію С.-Птрб. Слов. (I, 1100—1101) есть· 1) Lauf, Gang; 2) das Gebaren, Handlungsweise, Gewohnheit. Етотъ первоначальный смыслъ реченія eva вполнѣ покрываетъ собой русскія же образованія отъ видоизмѣненной формы того же корня по-ход-ъ, по-ход-ка, съ которыми и находятся въ непосред-

[1]) Употребительно въ сложеніи и съ другими предлогами, такъ напр. съ предл. за: зашльць- «а што мои зашелци въ Торжьку, а то есмы положили въ исправу» (А°. 1375). Гр. и Дог. I, 21. Зашлый «которое село зашло бесъ кунъ, то бесъ кунъ поидеть къ Новугороду» (А° 1305) Ibid. 5.

ственной генетической связи образования по-шь(д)-лый, по-шь(д)-лина.

Хотя слегка, коснемся и остальныхъ причастныхъ суффиксовъ съ тою же цѣлью найти въ ихъ словообразовательныхъ функціяхъ епоху старшую, старшій слой ихъ роста и по возможности опредѣлить вліяніе послѣдняго на послѣдующій ростъ сихъ елементовъ.

Что суффиксъ причастія наст. страд. -мъ также не имѣлъ въ старшую епоху словообразованія етого своего позднѣйшаго оттѣнка, въ наукѣ уже извѣстно. Приведемъ любопытный примѣръ, доказывающій весьма раннее участіе етого суффикса въ имешныхъ образованіяхъ, даже съ оттѣнками залоговъ дѣйствительнаго и страдательнаго въ значеніи. Литовскій языкъ и славянщина имѣютъ корень, сильно занесенный словообразовательными нарощеніями, для обозначенія дѣйствія вѣтра. Коренясь въ бытѣ и въ воззрѣніяхъ на природу, етотъ корень представляетъ такъ много образованій, что съ помощью ихъ мы надѣемся возстановить первоначальную его форму. Чешское нарѣчіе представляетъ его удвоенную форму въ реченіяхъ c h u-c h-a m, c h u-c h-e l. Зная преобладающій въ славянщинѣ образъ удвоенія глагольныхъ корней, мы не удивимся крайне стя нутому коренному слогу и расширившемуся на его счетъ слогу удвоенія. На вопросъ откуда взялась гласная u въ удвоительномъ слогѣ отвѣчаютъ намъ простыя, неудвоенныя формы, каковы напр. лит.—g v i-l-dy-ti (luften) [1]), русск обл. хви-ль (вьюга, мятель Влад. Пск.), хви-л-ять (вѣтрешничать. Твер.). Въ чешскомъ въ слѣдующихъ реченіяхъ в при х исчезаетъ c h o-m-a č c h o-m-o l [2]), (procella) вм c h v o-m-o l, c h v o-m-a č, какъ убѣждаемся изъ образованія c h u-m-e l (turbo). Образованіе c h o-m-o l (procella) содержитъ въ себѣ ясный оттѣнокъ дѣйствительнаго залога. Возможность такого явленія подтверждается свидѣтелемъ старшей епохи, языкомъ литовскимъ. Я разумѣю второе литовское образованіе прич. наст. дѣйств. на -d a m a s, въ которомъ суффиксъ -m a s, присоединяясь къ глагольному корню d a теряетъ свой страдательный оттѣнокъ (Schleicher, Handbuch; I, p. 97; § 35) О древней производительности суфикса -m- ясно свидѣтельствуетъ также и то явленіе, что въ чешскомъ нарѣчіи находимъ двоякія образованія, и съ суффиксомъ -m- и

---

[1]) «rëszutas gwildysiu» (werde Nüsse lüften) Nesselmann. Lieder; p. 151 (см рус. вѣять въ земледѣльческомъ его значеніи.

[2]) Jungmann напрасно почитаетъ (s. v.) чтеніе c h r-m-o l за ошибочное. Ето побочная форма къ c h o-m o l, въ вышей степени замѣчательная. См. ниже о такихъ образованіяхъ.

безъ него, какъ напр. chrzest chramost (crepitus); словацкое škuty škumaty Вполнѣ ясно является дѣйствительное значеніе суффикса -m въ литовскомъ суффиксѣ nominum agentis -man, но стяженіи -mů (кос. над. -men-). Его дѣйствительное значеніе ясно уже изъ того, что въ славянщинѣ этому суффиксу въ словахъ того же корня и значенія соотвѣтствуетъ несомнѣнный суффиксъ nom. ag. -тырь, -трie и пр. Напр asz-mů («užmusse aszmenimi savo kardu». Genes XXXIV, 26)—слав. ос-трie, p-mů («jissai pëmenimi bandôs pastojo su sawo broleis». Genes XXXVII, 2)—слав. пас-тырь (с- интензивное приращеніе) Замѣчательно, что въ этомъ сопоставленіи мы опять встрѣчаемся съ аналогіей образовательныхъ елементовъ -n- и r-: елементъ n въ литов.—men, какъ вторичный съ суфиксѣ соотвѣтствуетъ елементу -r-, какъ вторичному въ суффиксѣ -tar. Притомъ замѣтимъ, что -r-, какъ елементъ, дѣйствительно, вторичный, удобно отдѣляется отъ своего предшественника, при присоединеніи новаго интензивнаго суффикса: пас-тухъ [1]). Иногда является подобная летто-славянская аналогія и вовсе безъ вторичныхъ елементовъ; такъ напр., лит. kùr-mis (Pėles su vaikais ir kùrmei szíluma gyre. Donal I, 15) слав. кро-тъ. Большинство славянскихъ образованій на -мъ сводится къ первообразу на -man, всего болѣе сохранившемуся въ литовскомъ языкѣ, а изъ славянскихъ въ сербскомъ. Любопытна, напр., въ этомъ отношеніи сербская побочная форма къ образованію кр-ма (рус. корма, gubernaculum)—кор-ман, употребляющаяся въ томъ же значеніи «gubernaculum», въ значеніи, очевидно, дѣйствительномъ. Нѣкоторые случаи ясно доказываютъ, что понятіе средняго рода, всегда неразрывное въ арійскую епоху съ согласными темами именъ, унаслѣдовано и славянщиною (см. выше). бѣльмо н. луж belman (die Augenentzundung, der Staar). Послѣднее соотношеніе-реченій бѣльмо — belman особенно архаично, ибо въ позднѣйшемъ относительно belman реченіи бѣльмо сохранилась память о среднемъ родѣ, свойственномъ согласной темѣ man въ епоху словотворчества дославянскую. Ета черта, сохраненіе полнаго суффикса -man въ нижне-лужицкомъ нарѣчіи родпитъ его съ сербскимъ нарѣчіемъ, которое, какъ сказано, сохранило всего болѣе подобныхъ образованій. гр-мен

[1]) Замѣтимъ, кстати, что какъ въ литовскомъ языкѣ и въ славянщинѣ слова для пастуха произведены отъ корня pe (scr pâ), означающаго «schützen, hüten», или распространенной его формы пас, такъ въ Зендѣ для тѣхъ же представленій образуются реченія отъ однозначащаго корня van: vanthwya (Hirte), vanthwa (Heerde).

(fruticetum), гру-мен (gleba, syn. гру-да) [1]) Нѣкоторыя образованія уже совершенно потеряли вторичный элементъ изъ суффикса -man, такъ что, если и можно его возстановить, то только помощью дальнѣйшихъ аналогій Таково речение хра-мъ Общее значеніе «жилища», ясно не только изъ вторичныхъ образованій, каково есть, напр., хра-мина, но и изъ древнѣйшаго значенія самаго слова храмъ; напр. въ Остр. Ев. (οἶκος δῶμα), или Apost. Šišat. p. 21· сь бо обиталь иесть ѵ нѣкого ѵмлрн, иемѵ же иесть храмъ къ морн, или въ Винодольскомъ законѣ. jošce ako bi ki položil v kuću oganj ili hram, volja v ničiji osik (Kolo III, 77) Образованіе храмъ имѣетъ въ старославянщинѣ аналогонъ весьма замѣчательный въ словообразовательномъ отношении въ речении чрѣ-мъ (ἡ σκήνη). Послѣднее образованіе находитъ себѣ тождественное образованіе въ скр. çar-man въ значеніи «храма», какъ напр. SV. I, 1, 1, 5, 7 tasthau nâkasya çarmani, т. е. «пребываетъ въ жилищѣ неба», т. е., въ храмѣ. При сличеніи старо-славянскаго чрѣмъ съ кр çarman становится очевиднымъ елиписисъ елемента -n. По счастію, въ санскритѣ находимъ и етимологію етого слова. Речение çarman образовано отъ одного и того же корня çar съ весьма употребительнымъ въ классическомъ санскритѣ въ значеніи «убѣжища, защиты» речением çarana Ето послѣднее образованіе встрѣчаемъ, именно, RV. II, 1, 3, 8 въ значеніи тождественномъ съ çarman. tisro devîh svadhayâ barhiredam acchidran pântu çaranan nishadya. Нѣкоторыя славянскія образованія даже непосредственно производятся отъ глагольныхъ корней, свободно измѣняющихся въ санскритѣ; такъ напр., наше речение паромъ объясняется легко, какъ прич. форма отъ скр. кр. par (pirarti hinüberführen). Отъ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ образованій нельзя наслѣдить полнаго образованія на -man даже и въ санскритѣ; такъ напр., кромѣ вышеприведеннаго речения хра-мъ, речение домъ, которое даже въ ведахъ является въ формѣ dama brahmâ ca asi, *gri*hapatiçcano dame (RV. II, 1, 2), толкуемое Саяною совершенно вѣрно, tathâ no dame 'smadyajag*ri*he g*ri*hapatiç câsîti. Какъ часто фунгировалъ въ славянщинѣ суффиксъ -man, видно изъ того, что речения, образуемыя етимъ суффиксомъ и находящія себѣ вполнѣ тождественныхъ близнецовъ въ санскритѣ, однако, приняли

[1]) Въ самомъ санскритѣ такъ часто теряется наконечный елементъ суф. -man. См. слова dharma и dharman 2. въ СПтрб. словарѣ.

на себя специфически-славянскую физіономію. Такъ напр., образованіе, лежащее въ основаніи речения низ-мен-ность есть низ-мен-, низ-ма; въ санскритѣ находимъ, именно, тождественное образованіе nimna («Tiefe, Niederung»). Корень же предлога ni, вошедшаго въ ето образованіе, видоизмѣненъ чисто по славянски Осложненіе состава предлога ни въ низ весьма не ясно. Какъ извѣстно, и санскритскій предлогъ ni распространенъ въ nis, и въ немъ ето осложненіе остается въ той же мѣрѣ неяснымъ (Kuhn въ Z. f. v S. V, p. 211). Фонетически ближайшее расширеніе предлога ni представлятъ дрнѣм. nidar, которое Боппъ производитъ также отъ предлога ni (§ 1475). Впрочемъ, зная, какъ не послѣдовательна славянщина въ своихъ фонетическихъ обычаяхъ, какъ часто льнетъ она къ епохамъ пережитымъ, донося изъ нихъ явленія противорѣчащія ея позднѣйшему, историческому строю, я считаю вполнѣ заслуживающимъ вниманія воззрѣніе Куна, который, слѣдуя Боппу, сопоставляетъ славянское низ- съ скр nis, конечно, не приводя доказательствъ перехода с въ з въ славянщинѣ Мало того, онъ и предлогъ изъ, лит. isz, др-перс. is сводитъ къ тому же предлогу nis, зная, что въ санскритѣ, хотя только въ одномъ случаѣ, именно въ сложеніи ishkar, но все же и въ подъемѣ етого предлога исчезаетъ. (Ibidem, p. 213). Вообще же явленіе отпаденія носовыхъ, какъ n, такъ и m засвидѣтельствовано очень многими явленіями пошиба весьма стараго aktu вм, naktu, aktâ вм. nakta, inaksh вм. ninaksh (дезид. отъ кр. naç nancisci). anu вм manu (SV. I, 5, 6, 4) [1]) inîmasi (SV. I, 2, 9, 2) вм. minîmasi отъ кр. mî, aham вм maham, оконч. 1-го ед ч. наст. вр. атманеп. e вм. me (Benfey въ Gött. gel. Anz. 1846; p. 920). Доселѣ мы старались намѣтить мѣсто славянскаго словообразованія въ исторіи индо-европейскаго словотворчества по элементамъ, по преимуществу именнымъ, которыхъ связь съ родственными элементами въ родственныхъ языкахъ болѣе или менѣе ясна Для большей части изъ нихъ нужно искать источника въ древнѣйшей епохѣ нераздѣльнаго сожитія родственныхъ племенъ. Они своею архаичностью особенно рѣзко освѣтятся при сопоставленіи съ такими явленіями, которыя окрѣпли и вполнѣ ясно сказались лишь въ епоху летто-славянскую Одно изъ такихъ въ высшей

---

[1]) Составители С Петербургскаго словаря не принимаютъ, впрочемъ, етого толкованія Бенфея речения anu въ знач. «человѣкъ», по крайней мѣрѣ умалчиваютъ его (s. v.).

степени поучительныхъ явленій представляетъ суфиксъ относительнаго мѣстоименія въ прилагательныхъ образованіяхъ такъ называемаго, полнаго окончанія въ славянщинѣ и литовскомъ языкѣ. Вообще говоря, трудно въ славянскомъ словообразованіи наблюсти явленіе, которое бы вполнѣ объяснилось въ средѣ явленій специфически-славянскихъ, которое бы, лучше сказать, и родилось и выросло на славянской почвѣ, которое бы, оставаясь на ней съ начала до конца, прочло бы намъ само свою исторію. Ниже относительное мѣстоименіе въ своей прилагательной функціи не представляетъ исключенія, которое было бы способно ограничить значеніе нашей мысли Ето явленіе, правда, дозрѣло и окрѣпло на славянской почвѣ, или, по крайней мѣрѣ, на летто-славянской. Но зачатіе его, внутреннее побужденіе, руководствовавшее языкомъ при возникновеніи сложныхъ именъ прилагательныхъ, остались бы долго еще не изслѣдимыми, если бы остались безъ вниманія нѣкоторыя арійскія явленія, имѣющія высокое объяснительное значеніе для прилагательной функціи относительнаго мѣстоименія въ языкѣ литовскомъ и славянщинѣ.

Въ Ригъ-ведѣ II, 1, 3, 4 встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто, весьма важное для опредѣленія значенія мѣстоименія въ именномъ словообразованіи. deva barhirvardhamânam Suvîram stîrnam râye subharam vedyasyâm. Послѣднее реченіе, именно, занимаетъ наше вниманіе оно, яснымъ образомъ, сложено изъ vedî-asyâm Въ реченіи vedî накопечное î есть специфически-ведійское окончаніе мѣстнаго падежа женскаго рода ед. ч., принявшее, по слабости своей и звуковой тождественности съ другими падежными окончаніями, подкрѣпленіе отъ указательнаго мѣстоименія — въ формѣ, согласованной съ именемъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. Любопытно толкуется ето мѣсто схоліастомъ Саяною. Онъ, очевидно, имѣлъ въ виду текстъ падапаты, гдѣ цензоры текста отдѣлили нашъ комплексъ обычнымъ iti : vedî iti asyâm съ цѣлью, конечно, возстановить право ведійскаго окончанія мѣстнаго падежа на долготу его гласной, которая нивеллировалась при обращеніи î, по законамъ благозвучія, въ полугласную y передъ asyâm. Предупреждая, съ своей стороны, ето столкновеніе, Саяна счелъ удобнымъ удалить причину его, переставивши asyâm впередъ. И такъ, онъ переноситъ въ текстъ своей схоліи уже asyâm vedî, глоссируя его соотвѣтствующею классическою формою loc. sing. g f. vedyâm, прибавляя притомъ грамматическое опредѣленіе формы saptamyarthe pragṛihyasanjnâ и соотвѣтствующую грамматическую сутру sânhitâyâm yanâde-

çacchândasah. Етотъ рѣдкій случай, притомъ, служитъ блестящимъ подтвержденіемъ боппову ученію о происхожденіи суффикса именительнаго падежа изъ корня указательнаго мѣстоименія Но въ данномъ случаѣ особенно важно то, что обѣ формы и имя и мѣстоименіе, составляющія одну словообразовательную единицу, удерживаютъ каждый свойственное себѣ падежное окончаніе, при, взаимномъ, конечно, согласованіи. Геніяльный Бенфей, не указывая етого именно ведійскаго случая, еще въ 1846 г., въ своей рецензіи Бетлингковой санскритской антологіи (Gott. gel. Anz. 1846; p. 898), другимъ путемъ дозналъ значеніе s въ именит. пад.· «Das Resultat meiner Untersuchungen, welche ich an einem andern Ort mittheilen werde, ist, dasz ursprünglich der Nominativ in den Sanscritsprachen gar kein besonderes characteristicum hat; dasz aber nach und nach zur starkeren Hervorhebung desselben zunachst bei dem Mascul. s gewissermaszen artikelartig sich von hinten anknupfte. Durch Verschmelzung zunachst mit Adjectiven — denen es zum scharferen Ausdruck ihrer Beziehung diente—dann auch mit Substantiven— bildete es sich dann zum Nominativzeichen um; ehe es in dieser Function noch fixiert war, trennte sich das eigentliche sanscrit ab, und gab in seiner Besonderung dieses Zeichen wieder fast ganz auf, behielt jedoch viele Formen, in welche es schon zu kraftig eingedrungen war, aber nun nicht mehr verstanden ward». Съ етой точки зрѣнія, какъ видимъ, уже давно установившейся въ наукѣ, намъ кажется совершенно непужною и ничѣмъ не обоснованною догадка о отпаденіи наконечнаго s въ славянскомъ окончаніи имен падежа на ъ, которое объясняется проще краткою гласною а, безъ всякаго отпаденія s, въ ту епоху еще, по всему вѣроятію, не успѣвшаго прирости къ гласной темѣ именъ существительныхъ. Итакъ етотъ случай вполнѣ аналогиченъ древнеславянскому образованію добра-его, добру-ему; различіе все въ томъ, что въ ведійскомъ комплексѣ фунгируетъ указательное мѣстоименіе, въ старо-славянскомъ же—относительное. Различіе ето весьма важно, ибо старо-славянскій комплексъ предполагаетъ болѣе сложный синтаксическій процессъ, нежели простая juxtapositio, какую наблюдаемъ въ ведійскомъ. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ въ ведійскомъ не мало образованій, представляющихъ въ своемъ образовательномъ елементѣ мѣстоименіе относительное въ функціи совершенно аналогической тому его назначенію, которое оно имѣетъ въ славянскихъ прилагательныхъ; но дѣло въ томъ, что тогда онъ не составляетъ комплекса, въ которомъ оба

члена, чувствуя свой составъ, измѣняются каждый въ отдѣльности Въ этихъ случаяхъ -ya является суффиксомъ и принимаетъ на себя обыкновенныя именныя гласной темы флекси. Относительное мѣстоимение не только склонно соединяться съ именной темой для образования именъ прилагательныхъ, но въ ведахъ, для напоминания уже забытаго происхождения этаго суффикса ya въ реченіи hiranya (золотой), оно повторяется иногда дважды—hiranyaya; такъ напр., Самаведа I, 3, 2, 4, 7 yah sammiçlo haryoryo hiranyaya indro vajrî hiranyayah. Въ соотвѣтствіи съ относительнымъ мѣстоименіемъ yas, повторяющимся здѣсь дважды, дважды употреблена и форма hiranyaya съ удвоеннымъ суффиксомъ ya. Панини (VI, 4, 175), наряду съ реченіемъ *ri*tvya, vâstvya и другими специфически-ведійскими образованіями (вм. классич. *ri*tavya и пр.) указываетъ и hiranyaya, ограничиваясь только пріуроченіемъ ихъ ведамъ – chandasi. Съ замѣчательной легкостью шелъ этотъ процессъ образования именъ прилагательныхъ черезъ суффиксъ относительнаго мѣстоименія въ ведахъ; такъ напр., непосредственно отъ корня. gandharvo apsv apyâ ca yoshâ sâ no nâbhih, гдѣ apyâ yoshâ означаетъ «водяную» женщину, русалку («Wasserfrau» у Куна Z. f. v S. I, 447). Или: pathya («Forderlich, zutraglich, heilsam eig. fur den Weg, fus den gang einer Sache u. s. w. sich eignend». B—R. IV, p. 422—423); нашъ точный аналогонъ—пут-ный представляетъ образованіе уже болѣе сложное Но, для насъ особенно важна синтаксическая сторона дѣла, ибо въ ней лишь можемъ мы, какъ сказано, найти объясненіе славянскому комплексу добра—его, добра—ему. Итакъ, имѣетъ ли ето специфически летто-славянское явленіе аналогію въ ведахъ? Аналогію етому образованію мы видимъ въ тѣхъ ведійскихъ случаяхъ, когда опредѣленіе присоединяется къ своему опредѣляемому посредствомъ относительнаго мѣстоименія, не составляющаго своею конструкціею придаточнаго предложенія, такъ напр., SV. I, 2, 2, 3, 8 ye te panthâ adho divo yebhirvyaçvamairâirayah; uta çroshantu no bhuvah [1]). Въ первой относительной конструкціи «ye te» употреблено вмѣсто мѣстоименія притяжательнаго 2-го лица ед. ч., или вмѣсто родительнаго падежа мѣстоименія 2-го

[1]) Cf. adhuc RV. III, 37, 9: indriyâni çatakrato yâ (yânîndriyâni Sch.) te janeshu pancasu indra tânitâ vrine. Тутъ, не смотря на тотъ же комплексъ ye te, конструкція весьма ясна: yâni — tâni (i e. indriyâni).

лица ед. ч. Полная форма род. пад. мѣстоименія 2-го лица ед ч. есть tava, которая и вошла, какъ тема, въ славянское притяжательное мѣстоименіе тв-ой, или тъв-ой. Если мы возстановимъ вмѣсто употребленной въ этомъ гимнѣ краткой формы te полную tava; то ye-tava представитъ совершенно аналогическое образованіе славянскому тъв-ой, лишь въ обратномъ порядкѣ, т е. съ относительнымъ мѣстоименіемъ впереди, отдѣльно стоящимъ, въ неафиксированномъ еще видѣ. Между санскритскимъ родительнымъ падежемъ tava и славянскимъ притяжательнымъ тъв-ой достойно занять посредствующее мѣсто литовское tavo въ слѣдующемъ, напр., мѣстѣ. Iësskok, kas tavo pas manę, ir rądes atimk Genes, XXXI, 32. Но приведенное мѣсто Самаведы не было бы вполнѣ убѣдительно, ибо, во 1-хъ adhas divo можно отнести также къ конструкціи ye te, во 2-хъ за этой относительной конструкціей слѣдуетъ другая совершенно правильная, съ глаголомъ дающимъ ей значеніе придаточнаго предложенія. Но на толкованіе ye te независимо отъ остальнаго состава стиха даетъ намъ право слѣдующій несомнѣнный случай той же Самаведы: imâ u tvâ purûvaso giro vardhantu yâ mama. мѣсто вполнѣ объясняющее летто-славянскую полную форму прилагательныхъ. Притяжательное мѣстоименіе 1-го лица въ формѣ род. пад. ед. ч., отдѣленное отъ своего опредѣляемаго сказуемымъ, возстановляетъ свою связь съ нимъ посредствомъ относительнаго мѣстоименія. Нерѣдко, въ оборотахъ ведійской рѣчи потребность въ этой функціи относительнаго мѣстоименія наблюдается въ той неловкости, съ которою она исполняется иными весьма тяжелыми експонентами; такъ напр , RV. III, 2, 7 â rodasî apr*i*nadâ svarmahajjâtan yadenamapaso adhârayan, so adhvarâya pari *n*îyate kaviratyo na vâjasâtaye canohitah. Въ этомъ сложномъ предложеніи выражено относительное (къ указательному so) мѣстоименіе совершенно особенно. цѣлымъ комплексомъ мѣстоименій, т. е., собственная относительность выражена абсолютно — формою средняго рода мѣстоименія относительнаго, имѣющею значеніе частицы,—yad, управленіе же передано указательному мѣстоименю enam (apaso adharayan), i. e., kavim, или Агни. Схоліастъ Саяна, согласно этому, и глоссируетъ: yadyamenamagnim adhârayan [1]). Болѣе матерьяла для заключеній даетъ Зендъ Въ немъ

[1]) Весьма пріятно указать намъ на нѣкоторыя замѣчанія Бенфея въ Gött. gel. Anz. 1851; p. 259, къ сожалѣнію, впослѣдствіи только ставшія намъ извѣстными,

относительное мѣстоименіе является выразителемъ зависимаго и часто притяжательнаго отношенія одного слова къ другому, при родительномъ падежѣ; такъ напр., v i t a ç d r â j o y a t h u s k a n a m (Pd. VII, 77), т. е, Виташтъ, (что изъ) сухихъ (деревъ) здѣсь относительное мѣстоименіе предшествуетъ слову, котораго зависимость отъ другаго онъ выражаетъ Но вотъ случай, ближайшій къ славянщинѣ a i d y u n a m y a t u r u n o (души всадниковъ yt. XIII, 154, y XXXIX, 4). Кромѣ етихъ прецедентовъ, имѣющихъ для насъ значеніе генетическое, мы можемъ привести большее количество случаевъ, въ которыхъ функція относительнаго мѣстоименія совершенно тождественна съ литовскою и славянскою, т. е., гдѣ посредствомъ относительнаго мѣстоименія прилагательное опредѣленіе присоединяетя къ имъ опредѣляемому имени существительному. При томъ вполнѣ ясно, что никакого инаго сшітаксическаго процесса въ етихъ случаяхъ предполагать нельзя, ибо относительное мѣстоименіе согласовано и въ родѣ и въ числѣ и въ падежѣ съ опредѣленемъ и имъ опредѣляемымъ именемъ, между собою уже согласованными. Такъ напр, k h a r e m c a y i m a s h a v a n e m y. XLI, 28; t û m y o a h u r o m a z d o Vd. V, 50, h o y o a n r o m a i n y u s Vd. XIX, 2, g a d h w a m y a m a p u t h r a m Vd. XV, 17 и пр. и пр. [1]). Такимъ образомъ Зендъ дошелъ до употребленія относительнаго мѣстоименія, какъ члена: h â y a o z h d a o y â d a e n a Vd. V, 66 X, 36; y a m a r m a i t i m ç p e n t a m y a o ç c a t e g h e n a o Vsp. III, 21 и пр. Но все же онъ не сливается съ именемъ, употребляясь всегда отъ него отдѣльно. Въ ново-персидскомъ мы видимъ его уже въ значеніи суффигированнаго члена именъ существительныхъ, подъ именемъ изафета. Извѣстно, что старѣйшіе памятники стярославянской письменности, какъ напр., старое преложеніе пророковъ, сѵнодальный кодексъ Іоанна ексарха болгарскаго, супрасльская рукопись, Успенскій кодексъ Сборника XII в. № 175 и, можетъ быть, не многіе другіе удерживаютъ нерѣдко отдѣльные падежи еще въ неслитомъ видѣ (-a e r o,—a e m y). Впослѣдствіи, какъ

въ которыхъ мы находимъ подтвержденіе нашему анализу Нѣсколькими словами коснувшись древней функціи относ. мѣст., Бенфей объясняетъ ею слѣдующимъ образомъ происхожденіе окончанія gen. sing. masc.—asya.... «Es lässt sich mit höchster Wahrscheinlichkeit eine Verbindung der ursprünglichen Ablativ-Genitivform auf -as mit dem Thema des Pronomen relat ya erkennen. Dass diese nur bei den Themen auf a Statt fand oder sich erhielt, mag sich dadurch erklaren, dass bei diesen im Msc. der Genitiv ohne dieses ya mit dem Nominativ gleich gewesen wäre, das Ntr. aber sehr häufig der Analogie des Msc. folgt».

[1]) См. у Юсти Handbuch der Zendsprache, p. 240.

извѣстно, мѣстоименіе слилось съ падежными окончаніями имени, по извѣстнымъ фонетическимъ законамъ. Въ литовскомъ же языкѣ, напротивъ, мѣстоименныя формы остались въ своемъ не тронутомъ видѣ и своею сохранностью даютъ намъ матерьялъ къ заключеніямъ о той епохѣ, въ которую произошла ета сложная формація. Изъ нѣкоторыхъ падежей мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что въ епоху, въ которую состоялось ето образованіе, еще не было вполнѣ строгаго различія между склоненіями мѣстоименными и именными, или, иначе, что въ ту епоху оно еще вполнѣ не установилось, еще колебалось. Такъ напр., дат. пад. прилагательнаго полнаго окончанія муж. р. ед. ч. ger-am-jam, (ponui произносится ger-ą-jam) обличаетъ уже въ именномъ падежѣ мѣстоименное окончаніе, которое за тѣмъ повторяется въ относительномъ мѣстоименіи, къ нему присоединяемомъ. Можно бы было, пожалуй, объяснить ето, какъ ассимиляцію; но дѣло въ томъ, что въ скудныхъ остаткахъ недалекой старины литовскаго языка сохранилась еще старая форма ger-amu-jam, изъ которой вполнѣ ясно, что здѣсь не могла имѣть мѣста обратная ассимиляція отъ послѣдующаго къ предыдущему, ибо въ ней наблюдаемъ мѣстоименную форму падежа въ имени въ болѣе полной формѣ, чѣмъ въ самомъ мѣстоименіи, къ нему присоединяемомъ. Тоже значеніе приписываемъ и мѣстному падежу ger-am-jame (—pone). Исходя изъ етихъ двухъ совершенно прочныхъ случаевъ, мы останавливаемъ наше вниманіе и на творительномъ ger-û-ju, въ -û- котораго подозрѣваемъ остатокъ носоваго окончанія творительнаго падежа, стянувшагося въ ą, û и, наконецъ, просто въ u; тоже значеніе приписываемъ и окончанію винительнаго падежа множественнаго числа ger-ûs-ius (изъ древняго окончанія -a*n*s).

Если наши наблюденія приводятъ къ заключенію о летто-славянской епохѣ происхожденія нашего словообразовательнаго комплекса, то была бы необъяснима полная уединенность явленія, такъ рано возникшаго и своимъ возникновеніемъ отвѣтившаго вполнѣ цѣлесообразно на столь глубокую потребность въ языкѣ, такъ ясно сказавшуюся еще въ старинѣ арійской Итакъ нѣтъ ли въ языкахъ, въ которыхъ возникло ето явленіе, аналогій, достаточныхъ для провѣрки нашего анализа? Они существуютъ, и въ обили. Въ соотвѣтствіи съ вторичнымъ присоединеніемъ относительнаго мѣстоименія къ темѣ именъ прилагательныхъ, и первичная его функція предполагаетъ сложный синтаксическій процессъ въ именахъ сложныхъ, каковы: po-sunis (stiefsohn) отъ реченія sunus,

lin-semenei (leinsamen) вм. lin-semenjai, bot-kotis (peitschenstil), brëd-kriaunis (meszer mit einer schale von elen- oder hirschhorn), bur-palaikis (schlechter bauer), bur-vaikis (bauernjunge), drutmedis (hartholz). Тотже суффиксъ является постояннымъ образовательнымъ елементомъ при именахъ прилагательныхъ, сложенныхъ съ предлогомъ bè (безъ), уже предполагающихъ синтаксическое же побужденіе привести ето прилагательное имя въ грамматическую связь съ соотвѣтствующимъ именемъ существительнымъ Такъ возникли: be-bàrzd-is (bartloser), be-bùksv-is (hosenloser), be-dànt-is, be-dëv-is (gottloser), be-dùgn-is (abgrund; ср. без-дна-на), be-ged-is (schamloser), be-prot-is (verstandloser). Весьма чреватое словообразовательное значеніе имѣетъ тотъ же суффиксъ въ реченіи marg-is, употребительномъ въ смыслѣ «быка,» въ собственномъ смыслѣ «пестрый», въ качествѣ епитета.—Нѣкоторые случаи соучастія мѣстоименія относительнаго въ именномъ словообразовании совершенно аналогично позднѣйшимъ его арійскимъ судьбамъ въ персидскомъ исафетѣ. Мы говоримъ, именно, о его индивидуализирующемъ значеніи, напримѣръ въ словѣ сѣ-мья по отношенію къ сѣ-мя. Слово сѣ м-ья выражаетъ собою болѣе конкретное, болѣе обособленное представленіе въ обоихъ своихъ русскихъ значеніяхъ 1) жена; 2) сѣмейство. Впрочемъ, по поводу образованія сѣ-м-ья въ см. «жены» замѣтимъ, что древле суффиксъ относительнаго мѣстоименія образовывалъ и номина agentis, какъ ясно изъ реченій мечь изъ мек-jъ (ср. скр. makha [1]) жертвенное животное), ножъ вм. пожь изъ ноз-jъ (ср. ньз-и-ти, нз-ва, за-ноз-а) и пр. Туже обособляющую силу имѣетъ суффиксъ относительнаго мѣстоименія въ сербскомъ образовании врш-aj («ein schicht Garben die auf einmahl ausgetreten wird»), рус. случ-ай и пр. Одна изъ древнихъ функцій суффикса относительнаго мѣстоименія въ санскритѣ есть образованіе именъ отечныхъ (patronymica; напр. rauhineyo budhah saumyah, т. е. «Буда сынъ Рогини и Сомы» и пр., имѣющее особенно много любопытныхъ примѣровъ въ обѣихъ большихъ епопеяхъ Какъ остатокъ глубокой старины, замѣтимъ одно весьма

[1]) Составители Свтъ-Петербургскаго словаря своимъ выводомъ значеній слова makha (s. v.) возражаютъ доселѣ господствующей етимологіи етого реченія При всей высокой цѣнности ихъ показаній, мы не смѣемъ безъ дальняго забыть етимологію, основанную на авторитетѣ Бенфея, Куна, Курціуса и др.

рѣдкое литовское образованіе, въ которомъ суффиксъ относительнаго мѣстоименія имѣетъ значеніе уменьшительное. Случай етотъ тѣмъ болѣе поучителенъ, что въ немъ мы наблюдаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ любопытное явленіе перехода отъ патронимическаго значенія къ уменьшительному, столь обычному въ сербскомъ -ић и литовскомъ -aitis. Мы разумѣемъ, именно, литовское реченіе medėjis, у Доналейтиса (Schleicher, sub voce) употребляющееся въ архаической формѣ medėjas, въ значеніи уменьшительнаго образованія къ médis,-dzo («дерево»). И въ самой средѣ славянской наблюдаемъ нѣкоторыя явленія древности въ образованіяхъ съ суффиксомъ относительнаго мѣстоименія. Сербское нарѣчіе, напр., сохранило весьма любопытное реченіе въ значеніи родины, чешскаго domova—дом-а-ја. Ничто не дозволяетъ предположить, чтобы тематическое а передъ суффиксомъ -ја объяснялось специфически-сербскою склонностью къ етой гласной, ето было бы внѣ всякой аналогіи Очевидно, здѣсь ето а имѣетъ значеніе древней тематической гласной, которая въ славянщинѣ заглохла въ звукѣ ъ, ибо не мыслимо съ другой стороны форма женскаго рода дома. Мы имѣемъ совершенно аналогическія образованія отъ именъ женскаго рода зуква-ја (отъ зуква), квр-га-ја (отъ кврга), прекаја, лудаја, лупија, лушија, мазија, мераја, морија, низија и пр Но съ ними не смѣшивается образованіе дома-я. Кромѣ приведенныхъ сербскихъ образованій, женскій родъ даетъ себя легко узнать въ елементѣ, предшествующемъ суффиксу относительнаго мѣстоименія; такъ напр., рус. кол-ѣ-я, гдѣ ѣ, очевидно, есть подъятіе, і, которое еще находимъ въ литовскомъ kėl-ì-as (weg) Со стороны фонетической, т. е, смѣны о съ е въ корнѣ и і съ е въ суффиксѣ, имѣемъ убѣдительную аналогію· kélines («hosen»)—колѣно. Литовскій суффиксъ ija, имѣющій также значеніе вторичное получилъ собирательное значеніе: lapija (laubwerk) отъ lapas (blatt), klebonija (pfarrhaus) отъ klebonas (pfarrer). Курціусъ (Z. f. v. S VI, p. 86) сличаетъ съ етими литовскими образованіями греческія περιεκτικά, какъ ἀνδρακία etc. И етому назначенію находимъ аналогіи весьма древнія, арійскія. Всего рѣзче отражается собирательное значеніе средняго рода на зендской формѣ относительнаго мѣстоименія yat; напр. Jaṇa X, 53 vîçpe haoma... yatcit... yatcit... yaecit. Зендъ же даетъ возможность объяснить переходъ отъ средней формы къ синтаксическому значенію союза, которое получила форма средняго рода относительнаго мѣстоименія въ санскритѣ, литовскомъ и славянскомъ (иже). Ета функція относительнаго мѣстоиме-

ния въ Зендѣ такъ чревата, что иногда подъ формою y a d можно разумѣть и винословный союзъ. Yt XIX, 36 t h r a e t a o n o y a t â ç, гдѣ y a t должно передать такъ «Траетаонъ, какъ такой», или «Т., такъ какъ онъ былъ» и пр. Итакъ, въ Зендѣ даже и въ отдѣльномъ употребленіи мѣстоименія относительнаго наблюдается склонность къ оттѣнку собирательности въ значеніи. Но санскритъ, и именно ведійскій, представляетъ его въ словообразовательномъ его назначеніи съ оттѣнкомъ собирательности. Выше мы уже привели такое реченіе,—v a s-a v-y a (отъ v a s-u богатство). Чѣмъ уединеннѣе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ архаичнѣе образованіе санскритское съ суффиксомъ относительнаго мѣстоименія, тѣмъ шире его точка соприкосновенія со славянщиной. Такъ напр., RV. II, 1, 4, 6 встрѣчаемъ реченіе r a t h y â, очевидно, въ смыслѣ «множества колесницъ». Говорится объ Агни (Agni) v â r *n* a p a t h a r a t h y e v a s v â n î t. Падапата разлагаетъ первое слово на два v â h n a, а Саяна толкуетъ эти два слова—u d a k a m i v a; слѣдовательно, v â r должно принять, какъ первичное образованіе съ удлиненной коренной гласной, отъ котораго образовано извѣстное реченіе v a r î въ томъ же значеніи «вода» (ср старо-слав. ѣарь въ смыслѣ «пруда, озера»), и такъ, «какъ вода звучитъ Агни, какъ множество колесницъ по пути». Мы съ цѣлью подробно остановились на етомъ мѣстѣ, ибо схолястъ Саяна реченіе r a t h y â (какъ его пишетъ падапата) толкуетъ r a t h a s y a v o d h â ç v a i v a, слѣдовательно, мы, принимая r a t h y â, какъ извѣстное collectivum, отступаемъ отъ авторитета Саяны. Съ етимъ collectivum мы сличаемъ наши собирательныя на -ія и -ья Различіе въ тѣмъ, что болѣе сильное чутье къ звуку и къ его грамматической функціи удержало въ санскритѣ воззрѣніе на форму -у â, какъ на форму женскаго рода ед. ч., тогда какъ у насъ она получила уже синтаксическое значеніе, т. е, привыкши согласоваться съ глаголомъ и прилагательнымъ именемъ во множ. ч., она сама приняла на себя его характеръ и стала фунгировать, какъ именительный падежъ множ. числа. Хорошій примѣръ подобной же словообразовательной функціи суффикса относительнаго мѣстоименія даютъ слѣдующія образованія средняго рода —b â l y a m (syn. ç i ç u t v a m), t â r u *n* y a m (juventus), генерическія имена ç a t y a n, s t e y a m и пр (Hemacandra; pp. 59, 66).— —

Въ ходѣ нашего анализа, надѣемся, нѣсколько уяснилась особеннаго рода важность древнѣйшихъ судебъ арійскаго словотворчества для разрѣшенія существеннѣйшихъ проблемъ славянскаго словообразованія, до-

селѣ еще столь темнаго Противно было бы нашему методу съ предзаданною цѣлью искать сихъ аналогій; повинуясь анализу, они сами, чисто категорически, выявились намъ. Имъ же руководствуясь, мы воздерживаемся отъ слишкомъ настоятельныхъ заключеній, зная, какъ много еще остается анализу труда на етой почти непочатой почвѣ.

Если въ столь, хотя немногихъ, точкахъ, но такъ близко соприкоснулась славянщина съ арійскою старшою, не было ли бы съ точки зрѣнія убѣжденнаго изслѣдователя законосообразнымъ извѣстнаго рода вмѣненіе славянщинѣ всѣхъ существеннѣйшихъ чертъ арійскаго словотворчества? Такъ напр., извѣстно съ перваго поверхностнаго знакомства съ санскритскимъ словообразованіемъ огромное значеніе словосложенія; извѣстно, что въ древней грамматической системѣ составъ словосложенія былъ приведенъ въ ясность, не оставляющую ничего желать, что каждый образъ словосложенія нашелъ себѣ въ етой системѣ весьма удачное, вполнѣ его исчерпывающее, названіе Должна ли ета столь замѣтная черта санскритскаго словообразованія пропасть безслѣдно въ славянщинѣ, такъ строго въ остальныхъ своихъ чертахъ обусловленной арійской стариной? — Но, прежде всего, ета склонность къ словосложенію представляется въ санскритѣ одною изъ позднѣйшихъ историческихъ фазъ его синтаксическаго развитія. Етимъ уже ограниченіемъ, значительная доля явленій словосложенія отпадаетъ отъ той древней епохи, къ которой относятся наши аріо-славянскія аналогіи, пріурочиваясь къ той, которая составляетъ кругъ явленій специфическаго, личнаго развитія санскрита. Тѣ же опредѣленныя словосложенія древней епохи, въ которыхъ находимъ зерно послѣдующаго его чрезмѣрнаго развитія, мы находимъ въ славянщинѣ, хотя бы и въ исчезающихъ, блѣдныхъ слѣдахъ, изъ которыхъ и можемъ заключить, въ какой степени противно бы было славянщинѣ то роскошное развитіе словосложенія, которое наступило для санскрита въ его историческую пору, въ періодъ его личнаго развитія. Итакъ, не смотря на то, что духъ славянской рѣчи воспротивился развитію словосложенія въ историческую епоху языка, мы наблюдаемъ замѣчательный слѣдъ доисторическаго, аріо-славянскаго единенія въ извѣстномъ остаткѣ санскритскаго dvandva, въ рѣдкомъ реченіи братсестрома (Евлампъ и Евлампія. Остромирово Евангеліе, л. 228 в.). Кромѣ Остромирова Евангелія, оно повторяется въ прологѣ XVII вѣка, принадлежащемъ Буслаеву (Грамматика, 2-ое изд. I, 172) Въ санскритѣ ето двойственное понятіе выражается или сложеніемъ dvandva —

bhrâtṛibhaginyau, или просто двойственнымъ числомъ перваго изъ членовъ сложенія bhrâtarau Какъ рано стало исчезать подобное словосложеніе, ясно изъ слѣдующаго примѣра Въ этомъ отношеніи любопытно старо-истрійское сложное собственное имя, котораго именительный падежъ Dvegradi можемъ извлечь изъ прилагательнаго dvegrajski, очень часто встрѣчающагося на страницахъ истрійскаго развода 1325 года (Arkiv; II, 2, p. 252 и слѣд). Его образованіе любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ намъ на весьма раннюю потерю склонности къ разбираемому нами образу словосложенія. Здѣсь мы замѣчаемъ ее въ самомъ началѣ исторической епохи иначе, языкъ избралъ бы другое средство для образованія имени города, состоящаго изъ двухъ частей, нежели его чисто аппелятивное, численное обозначеніе двухъ частей. Форма родительнаго падежа —Dvejugradu—встрѣчается нѣсколько разъ (Ibidem; pp 256, 259 и слѣдд.) О дѣятельности языка въ томъ же словотворческомъ направленіи свидѣтельствуетъ существованіе старославянскихъ оборотовъ, подобныхъ слѣдующимъ: днь дань ишторѫть (ἡμέραν ἐξ ἡμέρας), днь дьнъмь тѣшитѣ въ Изборникѣ Святослава 1073 г. (Опис синод библ. II, 2, p. 401). Но замѣчательно, что русское образованіе день-деньской, по своему окончанію старѣе старославянскаго днь дьнъноі. Вѣроятно, изъ старославянской же епохи, доноситъ до насъ вараждинское парѣчіе образованіе dendenešni (Pi1sem izpisanoga vrčka, za to mi i dendenešni rit frčka. Prip. Valj. p. 51), — dendenes (i ja sem tam bil, i još dendenes rad idem tam gde su gosti. Ibid. p. 108) Изъ того же источника думаемъ объяснить верхне-лужицкое любопытное образованіе babkadźedk для растенія «Kreuzwurz». — Также весьма рѣдкое явленіе словообразовательное представляетъ реченіе чешское и сербское га-вранъ. Его сложеніе имени существительнаго съ звукоподражательнымъ слогомъ гатѣмъ яснѣе, что отъ послѣдняго имѣемъ особенныя образованія въ сербскомъ нарѣчіи, какъ то: га-ка (стоји гака врана), гаканье (clamor cornicis), гакати (cornicari) и, наконецъ гакуша — епитетъ вороны. Въ русскомъ реченіи га-л-ка находимъ полную аналогію сербскому гал-ић. Суффиксъ -л- такъ сросся, какъ видно, съ этимъ звукоподражательнымъ корнемъ, что образовалось наряду съ га-вранъ и галовранъ.

Итакъ, блѣдны, несомнѣнно, слѣды словосложенія древней епохи въ славянщинѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они являются какъ явныя

analoga ведійскимъ словосложеніямъ. Особенно важно въ историческомъ отношеніи то обстоятельство, что отъ сложныхъ именъ, образовавшихся по категоріи зависимости, отъ такъ называемыхъ въ туземной грамматической терминологіи, — tatpurusha мы не находимъ никакого слѣда. Ета категорія словосложенія можетъ быть названа самою плодовитою, ибо многія словосложенія въ санскритѣ позднѣйшей епохи удобно сводятся къ ней. — Несмотря на полное отсутствіе склонности не только творить новыя словосложенія, но и удержать тѣ, которыя были завѣщены стариною, не смотря на ето, въ епоху уже относительно позднюю, въ епоху преложенія Св. Писанія славянскими первоучителями, около 862 г., при всемъ искусствѣ перевода, при всей бережности къ тончайшимъ особенностямъ славянщины, переводчики не нашли противнымъ славянщинѣ точный переводъ греческихъ словосложеній. Но дѣло въ томъ, что ети словосложенія весьма легки изъ легкости разложенія сихъ сложныхъ словъ не трудно убѣдиться въ томъ, что они не могутъ быть тяжелы ни для какой «lingua vernacula». Ихъ языкъ и разлагалъ въ дѣйствительности, и способъ разложенія избирался въ высшей степени поучительный Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно то, что языкъ, разлагая, напримѣръ, сложное реченіе добродѣтель не представлялъ себѣ обоихъ реченій въ отношеніи зависимости (tatpurusha) — «добраздѣтель» (casus genetivus), а, напротивъ, толковалъ оба члена сложенія въ смыслѣ согласованія, — добрандѣтель [1]).

Наконецъ, вообще нельзя отрицать въ славянщинѣ способности къ словосложенію Была епоха, въ которую ета способность была и въ дѣятельности Но ета епоха вовсе уже не обусловливается арійскою стариною. Она не такъ далека отъ свѣта исторіи; и аналогіи ея многочисленнѣе, и искать ихъ нужно на болѣе близкомъ историческомъ разстояніи. Я разумѣю славянскія собственныя имена лицъ, находящія себѣ такъ много ясныхъ аналогій въ нѣмецкомъ ономатикѣ Дѣйствительно, обозрѣвая составъ собственныхъ именъ въ языкахъ родственныхъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что наиболѣе родственной связи славянскія сложныя собственныя имена имѣютъ съ древне-нѣмецкими Етимъ при-

[1]) Сообразно съ симъ, сложное реченіе ночемержа (выломи ледомъ, ночемержею, жилотугъ мостокъ. П С Л IV—V, p. 121; s. A. 1436) должно разлагать на конструкцію согласованія «ночная мержа», а не управленія «мержа ночи». Такъ и съ другими подобными словосложеніями.

бавляется нѣсколько тяжести въ вѣсовую чашечку шлейхерова ученія о специфическомъ сродствѣ рѣчи славянской съ нѣмецкою. Дѣйствительно, въ этой живой, бытовой струѣ словотворчества, объ рѣчи какъ будто сливаются, объ—какъ могучіе современные факторы новой исторической жизни. — Фёрстеманнъ въ любопытномъ трактатѣ своемъ «Zusammensetzung altdeutscher personennamen» (Z. f. v. S. I, pp. 97—116) доказалъ свѣтлѣе дня, что (выражаясь его словами), «древне-нѣмецкія сложныя имена собственныя образуются изъ «stamm + stamm», или, даже, «stamm + stamm + stamm»; т. е, что собственныя имена сложныя въ древне-нѣмецкомъ языкѣ состоятъ изъ чистыхъ темъ съ родовымъ окончаніемъ, не допуская суффиксу осложнять свой составъ. Древне-нѣмецкій ономатиконъ очищенъ Фёрстеманомъ отъ образованій, состоящихъ изъ «stamm + stamm + suffix», они признаны имъ уродами. Но вотъ любопытнѣйшее замѣчаніе Фёрстеманнъ на стр. 111—112 говоритъ. «Zum ueberflusse mache ich hier noch auf eine erscheinung aufmerksam, welche das ungesetzliche der bildung «stamm, stamm, suffix» geradezu beweist, d. h. fuer die zeit vor dem jahre 1100, von der hier ueberhaupt nur die rede ist. Die haufige diminutivform auf z, namlich hat die eigenschaft nur an einfache personennamen zu treten, so z. b. wird aus Thegano Theginzo, aus Magan Maginzo, aus Gundo Gunzo, aus Waldo Walzo u s. w. Bei zusammengesetzten namen dagegen tritt das verfahren ein, dass das z nur an den ersten theil des namens gefuegt, der zweite aber vollstandig uebergangen wird; so entsteht Winizo aus Winifred, Uozo aus Uodalrich u. dgl » Не тождественно ли ето явленіе тому, что въ чешскомъ. напр., изъ Држиславъ никоимъ образомъ нельзя образовать Држиславикъ, но Држекъ, изъ Вацлава (Вячеслава) никоимъ образомъ Вацлавикъ, но Вацекъ и т. д. безъ числа? Многія изъ подобныхъ образованій вошли изстари въ образованіе аристократическихъ родовыхъ именъ чешскихъ: Славикъ (знаменитые «Славковцы») изъ Славомиръ, Хотекъ изъ Хотимиръ и пр и пр.

Что касается до чистой темы въ сложныхъ собственныхъ именахъ, то етой чертѣ имѣемъ и древнія аналогіи Древнѣйшія имена мѣстныя и миѳологическія въ славянщинѣ являются также совершенно обнаженными отъ образовательныхъ елементовъ; такъ напр. Триглавъ, съ однимъ родовымъ окончаніемъ. Въ санскритѣ встрѣчаемъ въ названіи сына Тваштар-а — Triçiras (дословно· «три-главъ») тему совершенно

обнаженную (у Куна въ Z. f. v. S. I, p. 442); етимъ же именемъ, по Вильфорду, основывающемуся на Пуранахъ, назывался одинъ изъ трехъ церберовъ Ямы (у Куна въ Z. f. v. S. II, p. 315).

Етими аналогіями въ достаточной степени обосновывается то явленіе, что въ славянскихъ собственныхъ именахъ сложныхъ не замѣчаемъ другаго образовательнаго елемента, кромѣ родоваго признака -ъ; какъ то: Влади-слав-ъ, Влади-мир-ъ и пр. Но, какъ объяснить первый членъ етихъ сложныхъ именъ? Что въ реченіи Влади- содержится елементъ глагольный, не только ясно чувству каждаго славянина; но и по чисто-объективному суду нѣмецкаго ученаго въ немъ етотъ елементъ несомнѣнно присутствуетъ. Такъ, Поттъ (Personennamen; p. 620) говоритъ о подобнаго рода образованіяхъ: «Aehnlich giebt es auch mehrere slawische Namen vorn mit Verbalform; z. B. Wladislaw, Wladimir». Для разрѣшенія выше нами поставленнаго вопроса намъ нужно еще разъ вернуться къ весьма существенному вопросу славянскаго словообразованія, съ которымъ намъ пришлось уже встрѣтиться не разъ и къ которому ниже будемъ имѣть случай еще разъ вернуться. Я разумѣю ту слабую, блѣдную черту, которая проведена славянскимъ словообразованіемъ между глаголомъ и именемъ. На сколько ета черта обусловлена стариною арійской, ниже увидимъ еще яснѣе. Но и здѣсь есть поводъ коснуться етого. Я разумѣю санскритскій X-й классъ глаголовъ Ето — классъ глаголовъ многочисленнѣйшій (Bopp. Krit. Gram § 306). Многочисленность его образованій, равно какъ ихъ вторичность могли бы повести къ заключенію о ихъ позднѣйшемъ происхожденіи. Дѣйствительно, для большинства явленій можно признать закономъ, что новѣйшей епохѣ принадлежащія явленія численно преобладаютъ. Но къ X-му глагольному классу въ санскритѣ етотъ законъ не приложимъ. Если бы потребовалось точнѣе формулировать етотъ законъ, то его приложимость слѣдовало бы ограничить въ большинствѣ случаевъ, особенно фонетическихъ и флексіонныхъ, явленіями вторичными по искаженію, а не по нароще-нію [1]). Существенное измѣненіе въ елементѣ, или въ формѣ языка, въ

[1]) Етимъ мы, впрочемъ, не хотимъ отрицать возможности вторичныхъ явленій въ словообразованіи индо-европейскихъ языковъ. Они существуютъ, какъ явствуетъ изъ многихъ нами разобранныхъ явленій, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ наблюдаемъ въ звукахъ и флексіяхъ Языкъ всегда имѣлъ въ себѣ весь свой запасъ словообразовательныхъ елементовъ; но пользовался имъ различно, въ различныя свои епохи. Вслѣдствіи чего, не будучи новымъ, суффиксъ часто вліяетъ на слово, къ которому присоединяется, какъ бы новый.

самомъ дѣлѣ, въ высшей степени дѣйственно, ибо ето - явленіе историческое, вызванное всепобѣждающимъ, всепретворяющимъ духомъ времени. Но, что до начала растительности въ языкѣ, то ее никакими предѣлами времени ограничивать возможнымъ не почитаемъ. По глубоко-философическому и въ высшей степени вѣрному побужденію Regnier (Etude sur l'idiome des Védas. Introduction.) утверждаетъ за индо-европейскими языками въ самой ихъ колыбели сильную степень и развитіе синтеза. Самымъ видимымъ явленіемъ етой прастарой особенности индо-европейскихъ языковъ почитаемъ, именно, отыменныя глагольныя образованія во всѣхъ ихъ видахъ и единообразныя имъ винословныя (causativa). Схоліастъ Ригведы, Саяна, толкуя Rv. I, 185, 9, и именно причастную форму madanto, очень умно и ловко намекаетъ на существенность и, такъ сказать, свойственность ведійскому санскриту отыменной формы X-го класса своей глоссою mâdayantaḥ santo, етою описательною формою X-го класса толкуя форму I-го (madanto). Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ въ языкѣ ведъ множество отыменныхъ образованій, которыя не только свободно спрягаются, но, принятыя за темы, подвигаются далѣе, т. е., производятъ новыя образованія. Я разумѣю исключительно-ведійскія образованія на -u (кр. u, av любить), суффиксъ, означающій «любящій» отъ образованій отыменныхъ на a y [1]). Поспѣшимъ тутъ же замѣтить то въ высшей степени важное явленіе, что ети образованія составляютъ достояніе санскрита, общее ему съ Зендомъ. Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе подобныя отыменныя образованія отъ корней мѣстоименій личныхъ asma- и tva-. Отъ asma- образуется отыменный глаголъ asmay, отъ котораго дальнѣйшимъ движеніемъ asmayu («насъ любящій»). Особенно любопытно въ етомъ отношеніи мѣсто SV. I, 6, 1, 2, 10, гдѣ въ одномъ стихѣ встрѣчаемъ два подобныхъ образованія mandrayâ soma dhârayâ vṛishâ pavasva devayuḥ avyâ vârebhir asmayu, гдѣ два образованія devayu («боголюбивый») и asmayu («насъ любящій») образованы отыменно. Но, впрочемъ, какъ ни настоятельно хочетъ Бенфей доказать происхожденіе етого суффикса u изъ корня av, въ значеніи «amare», мы сомнѣваемся, ибо, напр., встрѣчаемъ же, даже и не имя прилагательное, а просто отыменный глаголъ отъ корня мѣстоименія 2-го лица tvây въ значеніи томъ же «тебя любить», и безъ суффикса u. Такъ напр, SV. I, 2, 2,

[1] По мнѣнію Бенфея сей суффиксъ u общаго состава съ корнемъ u (Glossar zum SV)

2, 3, гдѣ поетъ называетъ пѣвцевъ въ отношеніи къ Индрѣ, къ которому направленъ гимнъ - tvayantah sakhâyah : отыменный глаголъ tvây употребленъ въ формѣ прич. наст. дѣйств. залога, въ именит. падежѣ множ числа,— «тебя любящіе». Ту же причастную форму tvâyant въ томъ же значеніи «тебя любящій» встрѣчаемъ RV. I, 53, 3, въ формѣ родительнаго падежа -tvâyato janituh, Ibidem I, 102, 3, во множ. числѣ tvâyadhbhyo · и всё же безъ суффикса u. Остановясь на етихъ въ высшей степени рѣдкихъ и замѣчательныхъ формахъ, мы обращаемъ вниманіе на ту неожиданность, такъ сказать, произвольность, съ которою они возникли. Пользуясь такими сильными и богатыми средствами язычнаго синтеза, въ ету древнюю епоху языкъ не теряетъ сознанія ихъ· онъ ими свободно владѣетъ и руководствуется тонкимъ аналитическимъ тактомъ въ ихъ экономіи. Изъ темъ asmay-, tvây- не развились verba finita. изъ етихъ чисто-глагольныхъ темъ. Итакъ, изъ етого анализа мы получаемъ отыменную тему, образованную посредствомъ класснаго (X-го) слога -aya-, имѣющую свое значеніе, независимое отъ дальнѣйшихъ образовательныхъ елементовъ. Въ етомъ словообразовательномъ моментѣ трудно становится проложить рѣзкую межу между именными и глагольными образованіями· Какъ извѣстно, X-ый классъ санскритскаго глагольнаго образованія отражается въ неменѣе многочисленномъ классѣ славянскихъ глаголовъ, имѣющихъ своимъ видовымъ признакомъ гласныя ѣ и и. Доселѣ еще сохранилось, какъ сказано, чувство глагольнаго образованія въ первомъ членѣ собственныхъ именъ сложныхъ, каковы Бориславъ, Держиславъ, Звонимиръ и пр. По етому чисто-инстинктивному чувству объясняютъ грамматики формы бори-, держи, звони- повелительнымъ наклоненіемъ, руководствуясь при етомъ, очевидно, чисто внѣшнимъ побужденіемъ созвучія. Дѣйствительно, каждому ясно, что ето глагольное образованіе; но, по отсутствію всякаго синтаксическаго цемента съ другимъ составнымъ членомъ етихъ сложныхъ именъ, мы никоимъ образомъ не можемъ признать за реченіями бори-, держи-, звони- какой-либо формы verbi finiti. При томъ, едва етотъ чисто-глагольный корень отторгается отъ другаго составнаго члена, съ которымъ составляетъ словообразовательную единицу, какъ онъ принимаетъ, при всемъ своемъ глагольномъ характерѣ, тотъ или другой именной суффиксъ. Такъ, Бориславъ: Бора, Бората, Борекъ и пр.; Држиславъ: Држата, Држекъ, Држена (Erben Regesta) Глагольная тема бори-, держи- въ етомъ своемъ обнажен-

номъ видѣ въ отдѣльности не существуетъ, но въ сложеніяхъ она очень удобна, ибо, не порождая никакой потребности въ синтаксическомъ цементѣ, она переноситъ грамматическую выразительность на второй членъ сложнаго имени, который и принимаетъ на себя родовое окончаніе Держи-слав-ъ [1]). Бенфей, въ рецензіи выше приведеннаго трактата Форстемана (Gott. gel. Anz. 1851, p. 1956) дополняетъ его наблюденія надъ сложными именами собственными нѣмецкими весьма любопытнымъ сопоставленіемъ съ санскритскими разнообразными усѣченіями, которымъ подвергаются и въ немъ, подобно нѣмецкой и славянской рѣчи, сложныя имена личныя «Hierbei kann man auf die ganz ähnliche Erscheinung im Sanscrit aufmerksam machen, wo ebenfalls bei hypokoristischen Bildungen die mannichfachsten Verstümmelungen eintreten können z. B. von Deva-datta, hypokor. Devadattaká, aber auch Devá Datta Devaká Deviká, Dattiká Déviya Dáttiya Devilá Dattilá von Bhânu-dattá hypok. Bhânuká Bhânula u. s. w., von Upendradatta (aus Upa-indra-datta), hypok. Upiká Upiyá Upilá Upadá Upaká u. aa.» Изъ етого обилія явленій отмѣтимъ для славянской аналогіи усѣченія, подобныя Dattiká и пр., въ которыхъ глагольный составъ сложнаго имени облекается именнымъ суффиксомъ.

Переходимъ къ обильнѣйшей отрасли словосложенія въ санскритѣ, къ сложенію глаголовъ съ предлогами. Но, пытливости етимолога въ етой области ставитъ непреоборимую преграду то роковое условіе, что древнеславянская рѣчь не имѣетъ письменныхъ представителей раньшихъ IX-го столѣтія. Никто при етомъ, конечно, отрицать не будетъ, что, какъ ни крѣпка ета преграда, всё же и изъ незасвидѣтельствованной старины успѣло кое-что прокрасться, какъ бы нечаянно оброненное жаднымъ временемъ. Любопытныя въ етомъ родѣ представляютъ образованія облый, словинское ob-rl-en-c [2]). Прилагательное об-лый предполагаетъ существительное об-ал-а (гіра). Истурила воду под обалу Вук II, 64. Съ словообразовательнымъ елементомъ перешло ето образованіе въ областныя русскія реченія об-ел-ьн-о (кругомъ. Том.), об-ел-ьн-

---

[1]) Въ ведійскомъ санскритѣ встрѣчаемъ образованія неопред. наклоненія, въ которыхъ падежное окончаніе (acc., dat.) присоединяется непосредственно къ корню глагольному sugấnpatho akr̥nonnirajeg âh (RV. III, 30, 10); обнаженныя отъ всякихъ образовательныхъ елементовъ глагольныя коренныя формы весьма часто являются вторыми членами именъ сложныхъ и пр.

[2]) Объ евфонической природѣ плавныхъ въ етомъ реченіи см. ниже.

ый (круглый Том) и, вѣроятно, об-ел-ьм-а (множество, граната. Оп обл. слов р. 132) Къ етой же, конечно, семьѣ предложныхъ образованій относится старо-славянское нарѣчіе обимо (κύκλῳ, κυκλόθεν), имѣющій многознаменательный суффиксъ превосходной степени, подобный тому, который встрѣчаемъ въ санскритскихъ образованіяхъ avama, parama [1]) Впрочемъ, если принять въ окончаніи мо тотъ древній елементъ флексіи, который наблюдается въ нарѣчіяхъ та-мо, сѣ-мо, ова-мо и пр, то въ -и- реченія об-и-мо слѣдовало бы предположить остатокъ двойственнаго числа, весьма свойственный разбираемому реченію «съ обѣихъ сторонъ»—«вокругъ». Сличая на нижеизложенныхъ основаніяхъ нашъ предлогъ объ (вм. обь, оби, какъ подъ вм. подь, поди и пр.) съ санскритскимъ предлогомъ abhi, мы указываемъ на специфическое родство образованія обимо съ скр. abhitas (sch. sarvatah çravaṇâya), которымъ перефразируетъ схоліастъ Саяна реченіе abhiçrâvâya RV. I, 185, 10 (Ср. Regnier Etude, pp. 42, 51). Дѣйствительно, ето реченіе (abhitas) собрало въ себя всѣ оттѣнки значенія предлога abhi, которые могутъ быть особенно важны для разъясненія генезиса славянскихъ значеній. Реченіе abhitas означаетъ: 1) herbei, hinzu; 2) nebenbei, nahebei; 3) Zu beiden seiten; 4) von allen seiten, umher, ringsum [2]). Переходъ отъ 3-го къ четвертому значенію вполнѣ обосновываетъ наше второе толкованіе старо-славянскаго реченія об-и-мо. переходъ отъ значенія «съ обѣихъ сторонъ» къ значенію «со всѣхъ сторонъ, вокругъ» былъ естественъ, и мы, не смотря на преобладающее значеніе «вокругъ» наблюдаемъ въ древнемъ елементѣ -и- реченій об-и, об-и-м-о признакъ двойственнаго числа. Первыя два значенія санскритскаго abhi имѣютъ весьма ясное отраженіе въ слѣдующихъ русскихъ значеніяхъ предлога объ: «удариться обо что», «о зимѣ, объ осени» и пр.: чешское значеніе, выражаемое Югманномъ—«przedmětu činnosti, úsilj, snažnosti». Ето значеніе можно принять даже за первоначальное, хотя его и донесли до насъ лишь отдѣльные случаи, сохраненные въ народномъ говорѣ. Въ санскритѣ Бѣтлингъ и

---

[1]) Что касается до фонетическаго состоянія формы об-и-м-о въ отношеніи къ санскритскимъ av-am-a, par-am-a, то оно довольно близко къ отношеніямъ сед-ьм-ой: sapt-am-as; ос-ьм-ой: asht-am-as.

[2]) С-кть Петербургскій словарь I, p. 334.

Ротъ признаютъ ето значеніе, естественнымъ образомъ, также за первоначальное. Яска, разбирая мнѣніе Сакатаяны и Гаргьи (Nirukta I, 3) о вліяніи предлога на значеніе и словообразованіе словъ, слѣдующимъ афоризмомъ утверждаетъ за предлогомъ abhi, даже въ адвербіяльномъ смыслѣ, ето его первоначальное значеніе, сродное славянскому (и именно, русскому): abhîtyâbhimukhyan (Yaskas Nirukta, ed. Roth, p. 32). Показаніе Яски совершенно подтверждается древнимъ узусомъ предлога abhi, на который Панини (II, 1, 14) приводитъ слѣдующій примѣръ. agnimabhi çalabhâḥ patanti, при возможности перейти въ abhyagni, каковое чтеніе и принято издателями С.-Петербургскаго словаря, s. v. Но очевидно, что соприкасаніе съ предметомъ, иногда выражающееся предлогомъ объ, простирается только на его поверхность (nebenbei, nahebei), ибо и русскія реченія «о зимѣ, объ осени» и пр. опредѣляютъ лишь приблизительно. Етимъ объясняется въ высшей степени рѣдкое и замѣчательное сложеніе въ старо-славянскомъ языкѣ ѡбѣмьство (ἐξορισμός), т. е, въ смыслѣ не exilium, a abitus, отшествія, такъ сказать, отъ границы земли, отечества. Мы назвали етотъ случай рѣдкимъ. Онъ, дѣйствительно, рѣдокъ въ образованіяхъ, стародавнимъ преданіемъ бытоваго развитія донесенныхъ до насъ; но, однако, въ старо-славянской рѣчи и словинскомъ нарѣчіи постоянно предлогъ о (обн) употребляется въ значеніи ѿ, такъ напр., въ поученіяхъ Константина Болгарскаго ѡшьли вѣшѫ, ѡшьлѫ, ѡшьдѫши (вм. отошли и пр.) Описаніе synod. библ. II, 2, p. 432 [1]). Тоже замѣчаемъ и въ старохорватскомъ, не столь рѣзко отличавшемся въ старину отъ хорутанскаго, или словинскаго такъ напр., въ кркскомъ статутѣ 1388 г. «da su držani oslužiti vse mandati i urdini» (Arkiv II, 2, p. 289); «da imaju pustit oločeni [2]) janjci i kozlići» (Ibidem., p. 291).

Глухіе отзвуки доисторической старины донесли до насъ чешскія сложенія k-r-mut-i-ti, k-mih-a-ti (schaukeln, buttern), въ которыхъ предлогъ ко къ, впослѣдствіи чрезвычайно спеціализировавшій свое значеніе, отождествляющее движеніе съ его цѣлью, здѣсь является въ болѣе свободномъ значеніи. Первое сложеніе k-r-mut-i-ti, не составляло въ древности исключительнаго достоянія чешскаго нарѣчія Въ древне-

[1]) См., впрочемъ, любую старо-славянскую рукопись

[2]) «Odbijen od sisa», объясняетъ издатель

хорватскомъ оно существовало въ формѣ karamučiti, судя по слѣдующему мѣсту хроники Дуклянина XII-го вѣка, хотя и темному, но контекстъ котораго все же ручается за прочный смыслъ етого речения. svaki dan po osam dan meu sobom skaramučahu... J tako osmi dan karstjane i redeni pogane oružaše se i opraviše na rečenu àrvanju, i počese boj osmi dan meu sobom (Arkiv I, p. 5). Вѣрно то, что слогъ ko- здѣсь есть предлогъ, съ корнемъ ничего общаго не имѣющій, ибо въ сербскомъ нарѣчіи находимъ тотъ же корень, сложенный съ другимъ предлогомъ: по-ремет-и-ти (perturbor). Сообразно съ сими данными, мы не принимаемъ предположенія о евфонической природѣ плавной r въ етихъ реченіяхъ. Напротивъ мы его относимъ къ корню, слогъ же -ut- въ чешскомъ и старо-хорватскомъ, смѣняемый въ сербскомъ легкимъ и весьма обыкновеннымъ видоизмѣненіемъ въ -et-, принимаемъ за именной образовательный елементъ, вошедшій, more slavico, въ составъ глагола На етомъ основаніи такъ раздѣляемъ наше реченіе чешск. ko-rm-au-t-i-ti, старо-хорв. ka-ra-m-u-č-i-ti, серб. по-рем-ет-и-ти. Сколь обыченъ въ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ именной образовательный слогъ ut и его переходъ докажутъ слѣдующія наблюденія. Въ славянскомъ нарѣчіи существуютъ и образованіе per-ot (пер-ѫть) и krel-ut. Такъ напр , въ вараждинскомъ нарѣчіи: mu iz leve kreluti jedno pero izčupa (Pripov. Valjavca; p. 25). Въ дальнѣйшихъ образованіяхъ юсъ большой въ образовании per-ot падаетъ въ юсъ малый, или его словинскую замѣну e: per-e-t-ina. Ето соотвѣтствіе образовательнаго слога -ет- древнему -ѫт-, какъ видно, имѣетъ глубокій корень въ словинскомъ нарѣчіи, ибо оно переноситъ ето явленіе и на слова, заимствованныя изъ нѣмецкаго языка; такъ напр., въ реченіи gm-et-en (ja gmeten svojih starih dni. Ahacel, p. 67). Сіе реченіе, очевидно, произведено, посредствомъ славянскаго n- суффикса отъ нѣмецкаго слова gemuth (gemuthlich): gmeten (adn. lušten) hodi po veseh (Ahacel, p. 86); juhe! na cente gmetno je (Ibidem, p. 98). Второе чешское сложеніе, нами помянутое, есть ko-mih-a-ti (schaukeln, buttern). Въ немъ весьма не трудно отдѣлить корень мьг-, въ большинствѣ нарѣчій удержавшійся въ значеніи «быстраго движенія рѣсницъ» Въ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ является и съ предлогомъ ко- и безъ него, съ оттѣнкомъ значенія болѣе свободнаго. Употребляясь безъ предлога, онъ является въ своей простой формѣ; съ предлогомъ же онъ осложняетъ свой образовательный составъ. Такъ въ нарѣчіи словин-

скомъ: Zalotenec skomizga z ramama (Slov. Galsn. x, 49); Turčin se je posmehnil in zmignil z ramami (Ibid. 51). Верхнелужицкое нарѣчіе удержало также любопытные остатки адвербіяльнаго употребленія предлога ko- въ сложеніи съ глаголами и именами, остатки, въ которыхъ адвербіяльное значеніе предлога яснѣе выдается, нежели въ приведенныхъ чешскихъ и хорватскихъ образованіяхъ Я разумѣю речения: ke-dźba (dźba, чешск dbati), ko-mud-a, или стяженно ko-md-a (Saumen, Verzug), откуда глаголъ ko-mdź-ić, сохранившійся въ нижнелужицкомъ въ большей этимологической ясности ko-muz-isch (abhalten vom geschäfte); - se (saumen); наконецъ образованія komdźak, komdźaty и пр. Есть въ этихъ нарѣчіяхъ и образованія, исключительно вращающіяся въ категоріи именной; такъ напр, верхне-лужицкое же реченіе korjeblo (starke Rippe), употребляющееся въ нижне-лужицкомъ въ формѣ женскаго рода koraba (die Rippe), и въ формѣ средняго рода korabe (das Gerippe). Въ русскомъ нарѣчіи мы можемъ указать одинъ примѣръ подобнаго словосложенія—въ реченіи ко-стер-ъ (strues), гот. straua (надгробная насыпь, холмъ). Нарѣчный характеръ предлога ко- епохи старшей ясенъ изъ его способа приростанія къ корню, отъ котораго онъ въ такихъ случаяхъ не отдѣляется ни въ глагольныхъ ни въ именныхъ образованіяхъ, какъ напр., сербское ко-врч-и-ти (crispo) и ко-врч-и-ца (cincinnus), отъ корня врч, и безъ предлога образующаго много интересныхъ реченій, разбираемыхъ нами ниже Кромѣ приведенныхъ, можемъ привести прекрасный примѣръ изъ старо-хорватскаго, встрѣчающійся въ слѣдующемъ двустишіи 1-ой елегіи Юрія Даржича (1460—1510). A platu ja inu za moi trud ne prosim Neg tebe jedinu u perseh kunosim (Kukul. I, 47 b), если только ето реченіе не представляетъ въ высшей степени любопытной, побочной формы къ глаголу ko-nav-š-a-ti — ko-ney-š-i-ti. Въ обоихъ случаяхъ отдѣльность предлога ko- ясна, ибо въ сербскомъ нарѣчіи употребляется корень сихъ реченій и безъ предлога (њихати) и съ иными предлогами, какъ напр, въ слѣдующемъ мѣстѣ прекраснаго произведенія сербскаго слова, письма П. П. Његоша къ Османъ-пашѣ Скопьяку отъ 5-го окт. 1847 г. «Я бихъ волио .. виђети слогу међу браћомъ, у коима една крв кипи, кою с едно млјеко одгоило и една колиевка одпихала» (Arkiv II, 1, 47).

Я полагаю, что предлогъ къ, ко происходитъ отъ формы кѫ (Срб. кон, старо-слав. ѿ-кон-ова у Іоанна ексарха болгарскаго въ опис. cynод.

библ. II, 1, p. 26), усѣкшей въ преобладающей своей формѣ посовой исходъ въ къ, чему аналогій найдемъ весьма много. — Слѣдя за архаическими сложеніями корней съ предлогами, не получающими себѣ объясненія изъ аналогіи, мы останавливаемся на реченіи, давно представляющемъ locus damnatus въ славянской етимологіи, на реченіи потьбѣга и потьпѣга, передающемъ въ Ассеманіѣ, въ Клоціевой глаголитѣ и въ Евангеліи 1270 г. греческое ἀπολελυμένη (uxor dimissa). Всякія соображенія касательно правописанія етого реченія были бы съ нашей стороны неосновательны, ибо самое ихъ правописаніе считаемъ ложнымъ, могущимъ свидѣтельствовать, вмѣстѣ съ другими равносильными етому доказательствами, о потертомъ, далекомъ отъ источника (862 г.), состояніи языка сихъ, не отмѣченныхъ годомъ, памятниковъ, глаголитикою писанныхъ. Какъ и во всемъ, такъ и въ вопросѣ о правописаніи сего речепія мы предпочтемъ авторитетъ непоколебимый, отмѣченной 1073-мъ годомъ кириловской рукописи Святославова Изборника, который употребляетъ реченіе подъбѣжище для перевода греческаго καταφυγὴ, откуда и объясняется слово подъбѣга (ἀπολελυμένη) Опис. сунод. библ. II, 2, p. 401.

Выше на предлогѣ abhi-оби мы показали архаическій случай, находящій себѣ аналогію въ арійской старинѣ; на древнемъ предлогѣ ко- мы имѣли случай указать специфически-славянское образованіе, не нашедшее себѣ доселѣ прочной аналогіи. Ети остатки древнихъ сложеній съ предлогами могутъ повести къ заключеніямъ о ихъ старинѣ, ибо чѣмъ дольше составные елементы сложенія находятся во взаимодѣйствіи, тѣмъ ихъ связь неразрывнѣе, тѣмъ ихъ значеніе чреватѣе. Но и безъ етихъ условій, и безъ очевидной архаичности и рѣдкости, и безъ чреватости значенія, отражающей въ себѣ, какъ сказано, давнее взаимодѣйствіе между корнемъ и предлогомъ,—и безъ етихъ условій,—въ обыкновенныхъ, употребительнѣйшихъ комбинаціяхъ открываемъ въ славянскихъ предлогахъ тоже соотвѣтствіе арійской старинѣ въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ и оттѣнкахъ значеній. Славянщина, напр., совершенно затеряла память родства между предлогами при- и прѣ-, какъ видимъ, въ фонетическомъ отношеніи тождественныхъ, изъ которыхъ вторая форма представляетъ побочную, съ подъятой гласной, къ первой. Санскритскій и зендскій pari, греч. περὶ представляютъ тождественныя реченія и заключаютъ въ себѣ вполнѣ развитый генезисъ значенія етого предлога, объясняющій намъ, почему значеніе присущее славянскому

предлогу при-, обособилось въ особый предлогъ и забыло свою связь съ предлогомъ прѣ, какъ она ни ясна. Внутренняя возможность такой несобранности, такой забывчивости не требуетъ болѣе подтвержденій, мы уже имѣли случай ее наслѣдить во множествѣ словообразовательныхъ явленій W. Sonne въ своемъ остроумномъ и ученомъ сопоставленіи мѣстъ ведійскихъ и гомерическихъ, въ заключеніи своихъ основательныхъ изслѣдованій (Z. f. v. S. XIV, 31), дознался, что первоначальное значеніе предлога pari въ санскритѣ родственно по значенію съ super. Такъ говоритъ Sonne: «so kommen wir auch unter diesem gesichtspunct wieder zu dem gleichen urtheil dasz fur pari (neben circum) super die normierende bedeutung sei, und konnen nicht umhin zu glauben, dasz der werth der uberlieferung im Petersb. Wörterbuche unterschätzt sei». Такое заключеніе выводитъ онъ изъ сопоставленія ведійскихъ случаевъ, гдѣ pari управляетъ творительнымъ падежемъ, означающимъ точку исхода для движенія сверху, для означенія происхожденія (l. l.; p. 27—31). Къ тому же заключенію ведетъ адвербіяльное употребленіе предлога: pari въ значеніи «ueberdies, noch dazu» (какъ напр, RV. VII, 3, 7 «Yathâ vah svâhâ 'gnaye dâçema parî 'lâbhir ghritavadhbhiçca havyaḥ», отражающееся и въ сложныхъ словахъ paryaçru, τὰπερισσατα. Тоже подтверждается и гомерическимъ употребленіемъ въ смыслѣ нашего прѣ- при прилагательныхъ, т. е., съ назначеніемъ усилить значеніе имени [1]) Нѣкоторыя соотвѣтствія встрѣчаемъ и въ ведійскомъ санскритѣ; paribhûti (uberlegene kraft. P. W.), дословно переводимое чешскимъ языкомъ przemoc, хотя прилагательное paribhû, наряду съ «überlegen», и означаетъ «umfassend». Отъ значенія существительнаго paribhûti предлогъ pari въ сложеніи съ корнемъ bhû переходитъ къ значенію «despicere, spernere». И въ этомъ специфически-санскритскомъ значеніи предлогъ pari снова встрѣчается съ славянщиной въ ея глаголѣ прѣ-зрѣти. Наконецъ, одинъ изъ самыхъ частныхъ оттѣнковъ значенія предлога pari при глаголахъ, означающихъ движеніе, значеніе «heran, hinan» всего яснѣе выступаетъ въ зендскомъ pairijaç въ слѣдующихъ мѣстахъ Ясны, приводимыхъ г-мъ Зонне въ упомянутой статьѣ (l. l.; pp. 16—17): tem pairijaçai («ihm nahe ich mich»); vîçpais thwâ hu-

[1]) См. полное сопоставленіе этихъ мѣстъ въ словарѣ Дункана къ Гомеру и Пиндару; ed. Rost, 1836; s. v. περὶ.

matais vîçpais hûkhtais vîçpais hvarstais pairijaçâmaide («mit allen guten gedanken, mit allen guten worten, mit allen guten werken nahen wir uns dir»). Етимъ примѣрамъ въ аналогію приводитъ г. Зонне русскія сложенія придать, пріѣхать, приносить и пр., называя ето явленіе страннымъ. Первоначальное значеніе предлога pari (super) въ его гомерическомъ моментѣ получаетъ полное подтвержденіе въ славянскомъ префиксѣ, усиливающемъ значеніе именъ прилагательныхъ (прѣмудрый, прѣ-красный и пр.) [1]). Наконецъ, ето значеніе, какъ видно, особенно долго жило въ славянщинѣ въ епоху доисторическую, ибо оно было побужденіемъ къ дальнѣйшему словообразовательному движенію етого предлога въ двухъ направленіяхъ. съ оттѣнкомъ значенія мѣста—прѣ-дъ и времени прѣ-жде (чему, въ обоихъ направленіяхъ, существуютъ аналогіи, какъ въ арійской старинѣ, такъ и въ греческой). Pari въ значеніи herum, т. е. пребыванія на обѣихъ сторонахъ, или движенія съ одной стороны на другую, находитъ себѣ аналогію въ глаголахъ прѣ-ити, прѣ-нести и пр. Въ отношеніи етого оттѣнка особенно замѣчательно рѣдкое и чрезвычайно-архаическое реченіе прѣ-мостъ встрѣчающееся въ Усп. Сборникѣ XII вѣка. Кромѣ того выше указали мы аналогіи въ реченіяхъ przemosc и прѣ-зрѣти. На самомъ удаленномъ концѣ въ развитіи етого предлога въ специфически-зендскомъ оттѣнкѣ узнаемъ аналогію съ множествомъ славянскихъ явленій, въ которыхъ глаголъ при является или въ отдѣльномъ его употребленіи, или въ сложеніи съ глагольными корнями. Етотъ моментъ въ развитіи нашего предлога былъ особенно замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что сохранилъ намъ древнѣйшую его форму—при съ елизіей гласной а.—Нѣкоторые славянскіе предлоги, какъ видимъ, уясняютъ переходы своихъ значеній, лишь при свѣтѣ сличеній ихъ съ соотвѣтствующими арійскими несклоняемыми. Такъ напримѣръ, переходы значеній предлога отъ въ глаголахъ ото-й-ти, от-пус-тить, ото-сл-ать и пр., гдѣ оно является съ чисто мѣстнымъ оттѣнкомъ, и болѣе чреватыя сложенія, каковы от-лич-ить, или, еще далѣе, въ тѣхъ сложеніяхъ, гдѣ предлогъ выражаетъ окончаніе дѣйствія и возможность перейти къ

[1]) Слѣдуетъ различать прѣ въ етомъ усиливающемъ значеніе именъ смыслѣ отъ пра въ праотець, прамать Послѣднія образованія имѣютъ свой аналогонъ въ скр. prapitâmaha (proavus), prapautra (pronepos): праотьць, правнукъ. Въ скр. и при именахъ прилагательныхъ pra нерѣдко употребляется въ значеніи: «vorzüglich, sehr» (С.-Птрб. слов. IV, p. 897).

другому (отсидѣть, отчитать и пр.), могутъ быть примирены лишь посредствомъ санскритскаго предлога ati [1]) въ сложеніяхъ ati-ga («hindurchgehend, der hindurchgegangen ist, der uberschritten, uberwaltigt hat» S.-ct. P. W.), aticchandas («der die Begierde uberwunden hat» Ibid.), atitṛipti («Übersattigung» Sct. P. W.), atipatana («das Überschreiten». Ibid.) и пр. и пр. Въ преобладающемъ адвербіяльномъ значеніи скр. ati («uberaus, sehr, vorzuglich» etc.) не трудно узнать старо-славянское и старо-русское ощте и очень. Оба образованія въ точности передаютъ основной оттѣнокъ адвербіяльнаго значенія скр ati, т. е, того оттѣнка въ значеніи качества или дѣйствія, который выражаетъ выступленіе изъ предѣловъ покойнаго, нормальнаго представленія о нихъ. Предлогъ отъ въ образованіи оче, осложнился суффиксомъ относительнаго мѣстоименія, смягчившимъ т въ щ. Суффиксъ относительнаго мѣстоименія совершенно особенно способенъ къ выраженію того оттѣнка относительности, который слышенъ въ словѣ ощте; присоединяя одно однородное представленіе къ другому, ето рече-ніе предназначено для усиленія его значенія въ отношеніи къ предшествующему. Ето особенно сильно чувствуется на употребленіи етого речения при формахъ сравнительной степени, какъ напр., еще болѣе, еще сильнѣе и пр Въ нѣкоторомъ, весьма опредѣленномъ отношеніи нарѣчіе ощте, еще можно назвать соединительнымъ союзомъ и отождествить съ лат. et, совершенно справедливо сравниваемымъ Лоттнеромъ съ скр. ati (Z. f. v. S. VII, 183). Въ реченіи очень видно уже именное словообразовательное движеніе, которое въ русскомъ народномъ реченіи очепный подведено подъ общую именную аналогію [2]).

Сложеніе глаголовъ съ предлогами мы застаемъ въ письменномъ словѣ старо-славянскомъ тѣсно обусловленнымъ синтаксическимъ ихъ управленіемъ, т. е., предлогъ, служащій синтаксическимъ посредствомъ между глаголомъ и управляемымъ имъ именемъ, входитъ въ составъ самаго глагола, становясь его префиксомъ. Ето условіе пластической выразительности языка дѣлаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и синтаксисъ глагола болѣе легкимъ и подвижнымъ. Предлогъ, внѣдрясь въ значеніе глагола, передаетъ свое управленіе падежемъ глаголу и управленіе легче и свободнѣе, и глаголъ выразительнѣе. Етотъ процессъ особенно замѣтенъ на томъ, что

---

[1]) Слѣд., отъ вм. оти, какъ объ вм. оби, подъ вм. поди, прѣдъ вм. прѣди, задъ вм. задни пр.

[2]) Ср. гал. лишень произв. отъ лише.

глаголы, сложенные съ предлогами, слѣдовательно, принявшіе въ себя синтаксическую енергію своего префикса, повторяютъ еще разъ сей синтаксическій процессъ, отдѣляя отъ себя предлогъ. Ети явленія весьма часто повторяются въ любомъ старо-славянскомъ памятникѣ. Но даже и къ старинѣ за симъ прибѣгать не нужно Apost šišat. p 141 «поспѣющимъ и блмъ по нас молитвою, да отъ лиць многъ дарованіе иже ѿ васъ многы похвалѣно бѫдетъ по васъ». Но выразительность префиксовъ не вездѣ одинакова. Различія въ ней свойства по преимуществу хронологическаго. Его полагаетъ различіе епохъ языка. Кромѣ внутреннихъ средствъ, въ самомъ значеніи предлога лежащихъ, имѣемъ въ формѣ глагола иногда еще болѣе прямое средство для опредѣленія относительной даты сложенія. Такъ напр., ниже подробно разбираемый корень кол нигдѣ не сохранился въ етой своей простой формѣ, кромѣ сложныхъ глаголовъ сербскаго нарѣчія: о-кл-из-ну-ти и по-кл-из-ну-ти. Вездѣ же индѣ онъ является въ удвоенной формѣ ско-кол-з-ати и въ формахъ, какъ увидимъ ниже, стяженныхъ скол-з, скл-из-. Въ нѣкоторыхъ образованіяхъ, древнему сложенію корня съ предлогомъ по мы обязаны сохраненіемъ и формы и значенія его, коренящихся въ сѣдой старинѣ арійской прародины. Я разумѣю именное образованіе побы-ть (νίκη), попадающееся въ Григоріѣ Богословѣ XI-го вѣка и переводѣ книгъ Св. Писанія. Въ аналогію съ образованіемъ по-бы-ть мы можемъ привести не мало реченій. за-бы-ть (и иногда его не покорьшася и забыть имоуща къ бѫ. Усп. Сборникъ XII в № 175, f. 151; какоу мы забыть сътворимъ ibidem, f. 251 в); пре-бы-ть (μονή; въ древнемъ преложеніи антіоховыхъ пандектовъ. Опис. синод. библ II, 2, p 265). Кромѣ того, въ нарѣчіяхъ старохорватскомъ и верхне-лужицкомъ тоже образованіе, но въ сложеніи съ предлогомъ до- употребляется въ томъ же значеніи «побѣды», какъ и образованіе по-бы-ть: хроника дукляискаго попа XII вѣка: Konstant pričaše se s filosofi, kojih razumom svim dobivaše (Arkiv I, p. 13). Er pàrsi tvé bile, Ti na svit kojima Dobivaš sve vile (Dinko Ranjina p. 112), хотя тотъ же Динко употребляетъ, лишь въ иной видовой формѣ, етотъ глаголъ и въ значеніи «господствовать» и въ иныхъ (cf. ibidem; pp. 108, 117) Въ современномъ хорватскомъ и словинскомъ существуютъ и именныя формы — dobitva, dobitje dobit въ томъ же значеніи «побѣды». Въ верхне-лужицкомъ форма dobyćje въ томъ же значеніи «победы»: Prjeni kroć na wojnu

čenichu Wulke tam dobyćje sčinichu (Pjesnički, I, p. 321. Свободное обращение образованія быть въ старо-славянскомъ языкѣ доказывается существованіемъ сложныхъ словъ добропобытие, добропобытьникъ у Григорія Богослова, въ толковой псалтири. Въ санскритѣ корень существительнаго глагола bhu имѣлъ, наряду съ другими, значеніе «мочь» которое отражается въ ведійскомъ и классическомъ реченіи prabhu («господинъ») [1]). Ето значеніе корня bhu отражается въ славянщинѣ и безъ содѣйствія предлога въ реченіи бы-ль («боляринъ, вельможа»), встрѣчающемся въ етомъ значеніи въ памятникахъ древне-славянскаго языка (Супрасльская рпись, хронографы Амартола и Малалы) и народныхъ памятникахъ древне-русской рѣчи (Слово о П. И.). Переходъ значенія «мочи» къ значенію «вельможи», притомъ, совершенно обезпеченъ образованіемъ мог-ыть въ значеніи, именно, «вельможи». Ети явленія арію-славянскаго словообразованія не единичны въ индо-европейскихъ языкахъ. греч φώς (gen φωτός) -«vir» не можетъ быть объяснено иначе, какъ изъ причастнаго образования bhavat отъ скр. bhû (φύω). Притомъ замѣтимъ, что у Гомера очень нерѣдко реченіе φώς употребляется при собственныхъ именахъ героевъ въ смыслѣ нашего «быля» Такъ, объ Евріялѣ II, 565 τοῖσι δ' ἄρ' εὐρύαλος τρίτατος κίεν, ἰσόθεος φώς, или объ немъ же XXIII, 677 εὐρύαλος δέ οἱ οἷος ἀνίστατο ἰσόθεος φώς. И такъ весьма часто етотъ епитетъ ἰσόθεος (φώς) употребляется о Пріямѣ III, 310, о Менелаѣ IV, 212 и XXIII, 569 и т. д. Итакъ, всѣмъ етимъ явленіямъ находимъ славянскую аналогію въ реченіи по-бы-ть (νίκη). Къ етому то старо-славянскому реченію видимъ побочную форму въ реченіи по-бѣ-д-а, образованную отъ того видоизмѣненія корня существительнаго глагола, которое наблюдается въ образованіяхъ аориста бѣ-хъ и пр. Для оправданія нашей етимологіи слова по-бѣ-д-а можемъ представить явленія самыхъ различныхъ историческихъ датъ Ету фонетическую модификацію корня существительнаго глагола встрѣчаемъ еще въ древне-прускомъ нарѣчіи be (59), bêi (Nesselmann, l. l, p. 73) Не въ етомъ же ли источникѣ искать объясненія и литовскому реченію bejè («freilich, allerdings». Schleicher ad Donal. s. v., p. 175) За-

[1]) Въ Амаракошѣ встрѣчаемъ тотъ же корень bhu въ сложеніи съ предлогомъ adhi въ значеніи родственномъ («Herrscher, Gebieter»). Ср древне-прусское реченіе prabutskas въ значеніи «вѣчный». Nesselmann; die Sprache der alten Preussen, p. 90.

тѣмъ въ этомъ своемъ фонетически-модифицированномъ видѣ тема существительнаго глагола также склонна къ распространенію черезъ элементъ d (какъ въ вж-д-ж) въ верхне-лужицкихъ образованіяхъ bjedźić so (kampfen, ringen), bjedźer (Kampfer, Ringer), bjedźaty, bjedźawy (kampfend, ringend) и пр. Насколько склонна тема существительнаго глагола къ видоизмѣненіямъ, тому могутъ служить доказательствомъ слѣдующіе чешскіе словообразовательные варіянты. aubyt, aubyte (aubute), aubude, aubytj (phthisis). Высшую степень исторической достовѣрности наша этимологія слова по-бѣ-д-а получаетъ въ чешскомъ реченіи ne-z-bi -d-ny [1]), представляющемъ аналогонъ, вполнѣ покрывающій въ словообразовательномъ отношеніи реченіе по-бѣ-д-ный. Въ совершенно иномъ смыслѣ встрѣчаемъ сложеніе предлога съ- съ существительнымъ глаголомъ бы-ть въ хорв. реченіи o-z-bi-l-ny, т. е., который сбывается [2]); въ смыслѣ «исполняется» (чешск. o-prawdowy), слѣд., по старославянской орѳографіи, о-съ-бы-ль-ный («бы-ль» въ смыслѣ «дѣйствительности»). Что до предлоговъ, хорватское образованіе o-z-bi-l-ny совершенно аналогично чешскому o-z-dob-ny (ст.-слав. о-съ-доб-ьн-ый). Въ верхне-лужицкомъ нарѣчіи корень доб-, деб- безъ сложенія съ предлогами o-съ имѣетъ тотъ же смыслъ: što tu mlodu holcu debuje Pjésničky I, p. 190 («Was ziert doch das junge Magdelein») Въ русскомъ областномъ языкѣ находимъ сложенія съ однимъ предлогомъ съ- въ формѣ с-доб-и-ть-ся («приготовляться къ смерти» Вл. Су), с-добл-я-ть и с-добл-я-ть-ся («приготовлять, одѣваться въ дорогу» и пр. Оп. обл. Слов., стр. 200) [3]). Намъ не удалось наслѣдить арійскихъ судебъ етого славянскаго корня; но нѣмецкія его судьбы ясны Гриммъ (D. Gram. II, p. 42) изъ гот. ga-dab-an (convenire), анскс. ge-daf-an (decere) извлекаетъ сильный глаголъ daban, dôf. Что касается до формы deb, являющейся, какъ видимъ, не только въ верхне-лужицкомъ, но и въ англо-саксонскомъ, то въ первомъ она имѣетъ не мало образованій: debié—debidlo (zieren – schmuk). Етою коренной формою объясняется и верхне-лужицкое нарѣчіе derje (=чешск. dobrze), вмѣсто

[1]) Ne-z-be-d ny есть тотъ, котораго нельзя съ бы-ть, неизбывный, выражаясь старорусски „и сѣ мзъ вѣдохъ бнѣизбыльную печаль“. Рись Большакова № 88 л. 95.

[2]) Ср. древне-слав. съ-кѣ-ти-ѩ (ἀναπληρῶσαι, implere) Ant Pand.; Supr.; Ostrom.

[3]) Въ русскомъ же удержалось ето сложеніе съ архаической формою предлога: су-доб-и-ть.

debrje, которое встрѣчается еще въ старыхъ верхне-лужицкихъ печатяхъ Въ древности сложения нѣкоторыхъ предлоговъ съ кр. бу-, бымножно вполнѣ убѣдиться изъ слѣдующаго случая. Сложный глаголъ пробав-и-ть-ся въ значеніи «довольствоваться» имѣетъ дату ведійскую въ ведахъ встрѣчаемъ даже отглагольное имя pra-bhûti («Genugsamkeit, Hinlanglichkeit») agne râyo nṛitamasya prabhûtau bhûyâma te sushṭutayaçca vasvaḥ (RV. III, 19, 3). Ета вѣтвь корня глагольнаго bhû развила вполнѣ конкретный оттѣнокъ въ его составѣ. Кромѣ приведенныхъ образованій, мы имѣемъ еще отпрыскъ, весьма обильный, первичный зародышъ котораго донесло до насъ Сл. о П. П. въ своемъ буй туръ Всеволодъ· кр. бу съ суффиксомъ относительнаго мѣстоименія, откуда бу-й-ный, нервоначальное значеніе котораго сохранено. чешскимъ нарѣчіемъ (validus, viribus abundans); затѣмъ, чешское бу-я-рый въ значеніи родственномъ предыдущему. Такого рода функція относительнаго мѣстоименія встрѣчается весьма не часто. Въ совершенно тѣхъ же словообразовательныхъ условіяхъ видимъ его еще въ одномъ сербскомъ, очевидно также весьма архаическомъ образованіи вол-у-н-р и вол-у-н-р-ка (uvæ genus), вол-у-н-ра и вол-у-н-р-ка [3]), котораго любопытное значеніе такъ опредѣляетъ Караджичъ: некаква звијезда, коју ратари познају, и кад она изиђе онда већ иду тражити волове. Какъ реченіе чешское бу-я-рый имѣетъ своего словообразовательнаго предшественника въ старо-русскомъ буй, такъ и серб вол-у-я-р имѣетъ своего предшественника въ старо-славянскомъ вол-оу-и (рус. вол-ов-ій). Очень близкую аналогію къ етимъ славянскимъ образованіямъ представляетъ ведійское реченіе bhû-ya-s; RV. II, 5, 11 vasvo râyaḥ puruçcandrasya bhûyasaḥ prajâvataḥ svapatyasya çagdhi naḥ. Реченіе bhûyasaḥ толкуется Саяною prabhûtasya.—Корень, не встрѣчающійся въ свободныхъ глагольныхъ образованіяхъ наблюдаемъ въ сложныхъ реченіяхъ по-сик-ние, по-сик-ьн-ый, по-сик-ствие въ значеніи удобства, способности, год-

[3]) Елементъ -у- въ етомъ образованіи есть весьма рѣдкій остатокъ тематической гласной Ето вытѣсненіе тематическихъ елементовъ (u, i) мѣстоименными суффиксами есть признакъ словообразовательной епохи относительно новой, епохи славяно-нѣмецкой. Въ славянщинѣ сохраненіе ихъ всѣ же чаще наблюдается, нежели въ готскомъ. Ебель, нашедши одинъ случай, противорѣчащій общему строю, въ реченіи ufar skadv-jan, говоритъ. «ufar skadvjan mit der Bewahrung des u von skadu fast auffallt». (Z. f v. S. V. p. 308)

ности, убѣдительности Тотже корень узнаемъ въ народномъ русскомъ сев-ръ, вошедшемъ въ отъименный глаголъ сев-р-и-ть («что нибудь понимать». Оп. обл. Сл р. 201). Обѣ ети корешыя формы сводятся къ своей первоначальной формѣ въ русскихъ до-су-гъ и про-су-гъ Относительно послѣдняго реченія мы принимаямъ во вниманіе мѣсто въ Домостроѣ: „каковъ комоу просѹгъ даетъ Бгъ", гдѣ, ясно, етотъ корень употребленъ въ значеніи «способности» (ср. по-сив-сѹвіе). Отъ сего реченія образуется и прилагательное про-соу-ж ьн-ыи. Къ етому же корню относится словацкое реченіе su-ra (prospiech, Eile, res urgens). Старославянское по-си-віе относится какъ съ фонетической, такъ и съ словообразовательной стороны къ словацкому su-ra, какъ ши(в)-ти къ литовскому sú-la (faden. Kad ass iss wisso, kas tawo yra, ney sùlą arba kurpju—dirżą noru imti Genes. XIV, 23). Итакъ, мы видимъ здѣсь словацкое нарѣчіе на болѣе архаической ступени, нежели старо-славянскій языкъ Ето не можетъ удивлять; ето можетъ только свидѣтельствовать о сильно-возбужденномъ развитіи того нарѣчія, которое было избрано славянскими первоучителями для благовѣстія христіянской истины Славянамъ около 862 года и объясняетъ намъ, почему небыло ими избрано какое-либо другое изъ славянскихъ нарѣчій, оставшихся, въ большинствѣ, на той же ступени развитія и доселѣ Словацкое реченіе su-ra въ значеніи «успѣха, счастія» роднитъ нашъ корень еще съ двумя его словообразовательными отростками. Одинъ изъ нихъ удержался лишь въ формѣ сравнительной степени, въ языкѣ старо-славянскомъ соу-лѣ (лучше), отъ котораго единственное образованіе знаемъ лишь въ нарѣчіи русскомъ соу-л-и-ть («обѣщать что-либо лучшее») [1]. Сей глаголъ, впрочемъ принадлежитъ не исключительно русскому языку; въ старину онъ былъ болѣе въ ходу, судя по старо-славянскому глаголу соулитисѧ въ смыслѣ «надмѣваться», т. е., «почитать себя за лучшаго» въ слѣдующемъ, Востоковымъ приводимомъ, примѣрѣ изъ Ефрема Сирина XIV вѣка: ниже величаетъсѧ или соулитъ сѧ, ыко исправивъ жизнь (ὑπερηφανεύεται ἢ φυσιοῦται). О древнемъ развитіи сего корня можно убѣдиться изъ такаго образованія, каково есть областное русское су-

[1]) Глагольное образованіе отъ формы сравнит. ст. небезпримѣрно въ славянщинѣ если припомнить глаголъ оуныти, употребляемый въ древне-славянскомъ языкѣ въ смыслѣ «предпочитать» отъ сравнит. степени оуный, оуньши, означающій также, какъ извѣстно «лучшій»

л-е-з-но (въ значеніи «пріятно, любезно» Моск. Оп. обл. слов. р. 220). — Значеніе «счастія», къ которому, вообще етотъ корень весьма склоненъ, имѣетъ чешское реченіе s u-d (opp. l i c h y), употребляющееся въ стародавней игрѣ «lich suda» [1]). Понятіе счастія, случайности на етой бытовой чертѣ, на народной игрѣ обосновало въ славянской рѣчи обширную семью словъ съ темою су-д-. Съ етимъ чешскимъ реченіемъ состоитъ въ несомнѣнной связи русское речепце с-су-д-и-ть въ смыслѣ «дать изъ доброты» Ета словообразовательная вѣтвь корня с у- была, очевидно, въ старину весьма распространена, ибо съ предлогомъ п о встрѣчаемъ етотъ слогъ и въ словинскомъ нарѣчіи P r o s i m, p o s o d i t e m i s v i n e c (Slov. Glasn X, 6). Какъ извѣстно, словинское о постоянно замѣняетъ старо-славянскій ѫ. Смѣна оу и ѫ въ корняхъ не была рѣдкостью, какъ увидимъ ниже, въ ту епоху, которой мы должны приписать творчество сихъ образованій. Мы видимъ тотъ же корень въ литовскомъ реченіи s à u-j a (у Доналейтиса, архаизмъ вм. s à u-j e, какъ k o j a вм. k o j e; ed. Schleicher I, 586), употребляющемся въ смыслѣ «ладони», какъ орудія ссуженія Ета связь понятій еще доселѣ коренится въ дѣтской игрѣ на ладони. У насъ въ русскомъ языкѣ, перенесено значеніе етого корня на с о в-о къ и по внѣшнему его сходству съ полусжатою ладонью, и по внутреннему родству представленій. — Не менѣе плодотворна была въ летто-славянскую епоху словообразовательная вѣтвь етого корня съ суффиксомъ -k a· Литовское s v e i k a s въ смыслѣ «здоровый» (J i s t a r e: b a u i r d a r s w e i k s? j i e a t s a k e: s w e i k s. Genes XXIX, 6). Здѣсь видимъ фонетическія условія, обратныя тѣмъ, которыя замѣчены нами въ древне-славянскомъ с и в-, съ тѣмъ различіемъ, что с в и- подверглось подъятію въ s v e i-k a s. Покойнѣе фонетическій составъ лит. s v e-c z e-s (гость) и чешск. s v a-č i-n a. Нѣкоторые славянскіе корни, очевидно, весьма распространенные въ славянщинѣ, представленія которыхъ глубоко коренятся въ быту народномъ, извлекаются иногда съ трудомъ изъ многообразныхъ складокъ словосложенія и словообразованія. Такъ напр., существовалъ въ славянщинѣ старобылый корень ѕи, вошедшій въ составъ слова ѕѣ-но. Всего яснѣе его коренной составъ является въ образованіи ѕѫѕ-ѕи-ть, употребляющемся въ Супрасльской рукописи, Іоаннѣ Лѣствичникѣ XII в. и пр. въ значеніи ὁ τόκος, τὸ κέρδος. Какъ видимъ

[1]) Русская игра, соотвѣтствующая етой чешской, получила другое названіе, имѣющее, вѣроятно, позднѣйшее основаніе: «чёть, или нéчетъ».

на значеніе сего реченія сильно воздѣйствовалъ предлогъ. Дальнѣйшее словообразовательное движеніе получаетъ ето образованіе въ реченіяхъ—ѫзвитие, ѫзвитити, ѫзвитовати; находимъ и сложныя слова съ реченіемъ ѫз-ви-ть: стѫдоѫзвитинъ (αἰσχροκερδεῖς) Етотъ корень, кроющійся отъ невооруженнаго глаза, естественно, долженъ являться въ словообразовательной обстановкѣ, соотвѣтствующей его незапамятной древности. И, дѣйствительно, сложный съ нимъ предлогъ ѫз- въ етомъ случаѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ, уясняетъ самого себя. Етимологически онъ сроденъ съ скр. предлогомъ adhi. Евфоническая природа в въ немъ уясняется архаическою его формою озъ (вмѣсто озь, оси), сохраненною древне-славянскими образованіями оз-лѣ [1]), оспитанный (у Востокова; s. v.). Значеніе «надъ», преобладающее въ санскритскомъ adhi, весьма ясно отражается и на славянскомъ его видоизмѣненіи въ етомъ образованіи. Разбирая, затертыя древностью, складки славянскаго словообразованія, мы находимъ еще отрасль того же корня въ столь употребительномъ реченіи ок-(в)и-лие, въ которомъ коренная согласная выпала по тому же закону послѣ б, по которому она выпадываетъ въ словѣ облако, ободъ (χρίκος, сл. об-ѣд-ь и о-вѣд-ь δακτυλίον) [2]). Наша етимологія получаетъ характеръ полной достовѣрности реченіемъ из-ви-лие, встрѣчающимся въ древнемъ преложеніи книгъ Св Писанія и въ новѣйшей рецензіи замѣняющимся словомъ изобилїе Еккл. XVI в. XII, 12: избилье велико ѿ них (1663 г.: изобилїе велико ѿ них—περισσον ἐξ αὐτῶν). Съ точки зрѣнія етого производства намъ ясно станетъ отношеніе, въ ко

---

[1]) Форма сего нарѣчія не представляетъ затрудненій: ето—мѣстный падежъ отъ именнаго образованія, еще находящагося въ свободномъ обиходѣ языкѣ: под-ъл-ъ под-лѣ. И санскритъ отъ предлога upa образуетъ upa-la (верхній жерновъ).

[2]) Любопытное реченіе въ отношеніи етой елезки в послѣ б представляетъ рус. онучи, ст-слав. онѫша (Григ богосл., Cod. Supr.), которое несомнѣнно стянуто изъ об-ви-нѫ-шть. Въ чешскомъ, дѣйствительно, встрѣчаемъ ето слово „obi-i-nu-š t" въ значеніи «obalenj, involucrum, Umhullung». Забытая етимологія объясняетъ неорганическое ѫ вм ѫ въ ст-слав Итакъ, по нашему мнѣнію, въ словѣ о-н-ѫшта удержались словообразовательные елементы — глагольный нѫ и причастный ѫшть, коренной же слогъ пропалъ въ контракціи безъ слѣда. Наряду съ реченіемъ obi-(v)i-nu-š t чешскій языкъ имѣетъ и тождественное русскому образованію onuce Замѣчательно, что Rosa, при всей нелѣпости многихъ его етимологій, толкуетъ, однако, onuce изъ owinuce.

торомъ находится значеніе чешскаго реченія obilj (frumentum) къ древне-славянскому значенію того же реченія обилїє («rerum abundantia»). Славяне, заключаемъ, въ глубокой еще древности, когда корень ви совершенно свободно вращался въ языкѣ для выраженія понятій пріобрѣтенія, владѣнія, имущества, богатствомъ почитали хлѣбный запасъ, сжинаемый съ родныхъ нивъ. Въ заключеніе о корнѣ ви, напомнимъ, что вѣ-но принадлежитъ, очевидно, тому же корню, и что въ старо-славянщинѣ коренной составъ етого образованія въ сложеніи съ предлогомъ за- испытываетъ весьма рѣдкій образъ подъятія - за-вѣи-но (φερνῆ).

Въ нашихъ очеркахъ именныхъ образованій въ славянщинѣ мы имѣли уже не разъ случай коснуться тѣснаго взаимодѣйствія между елементами именнаго и глагольнаго словообразованія. Дѣйствительно, только етимъ явленіемъ можно объяснить огромную потерю флексій, которую испыталъ славянскій глаголъ даже на глазахъ исторіи, т. е., въ памятникахъ рѣчи, къ сожалѣнію, въ столь позднее время преданной письму Судя по многимъ наблюденіямъ (Востокова, Миклошича и др.), письменность застала славянскій глаголъ еще съ нѣкоторыми остатками древней полноты его флексій (2 аориста, слѣды будущаго времени) Но ихъ исчезновеніе должно было начаться за долго передъ епохой письменности. Такъ думаемъ по тому, что тѣ образовательные елементы, которые приняли на себя своеобразное выраженіе оттѣнковъ исчезнувшихъ флексій, относятся къ словообразовательной епохѣ весьма древней. Здѣсь мы остановимся на одномъ подобномъ словообразовательномъ елементѣ, на елементѣ -ня- выразителемъ, такъ называемаго, однократнаго вида.

Нѣкоторыя слѣды смѣшенія именныхъ и глагольныхъ функцій замѣчаются еще въ немногихъ описательныхъ формахъ санскритскаго глагола, при всей полнотѣ его флексій; такъ напр., описательная форма буд. вр. съ образованіемъ nom. ag. Замѣчательно, что литовскій языкъ очень живо воспринялъ етотъ словообразовательный мотивъ и сильно обобщилъ слообразовательное значеніе помянутаго санскритскаго описательнаго образованія буд. вр. Въ литовскомъ языкѣ встрѣчаемъ нѣсколько глаголовъ, которые участіе суфикса nom. ag. въ словообразованіи глагола, въ санскритѣ имѣющее мѣсто лишь въ буд вр распространили на цѣлое verbum finitum. Таковы: kirs-ter-iu,— rejau,— reti (у Донелейтиса), выговаривающійся теперь kersteriu (отъ kertù, kìrsti hauen, mähen), употребляющійся въ интензивномъ зна-

ченіи «hin und der hauen» (Schl. ad. Donal. s. v. p. 215); kysz-ter-ти, kysz-ter-*e*-au kysz-ter-*e*-ti отъ kiszù, kìszti (stecken), употребляющійся въ интензивномъ значеніи «Zustecken, zureichen, schnell stecken (Schleicher ibidem), pa-szúk-ter-ti (mit einem lauten rufe rufen, zuschreien), pauksz-ter-*e*-ti (knallen, einen knall thun), stàp-ter-ti (auf ein mal stille stehen, stocken) szýpter-ti (das Gesicht verziehen wie zum honischen lacheln), ziòp-ter-ti (einfaltig sein, mit offenem Munde gaffen), žvilg-ter-ti (einen Nick werfen, spähend ansehen). Во всѣхъ приведенныхъ литовскихъ глаголахъ очень ясно слышенъ оттѣнокъ однократности, который далеко не такъ специфически выражается въ вышеприведенной санскритской описательной формѣ буд вр. Славянщина, по традиціонному воззрѣнію нашей грамматики, даетъ въ словообразованіи своего глагола [1]) мѣсто суффиксу -nu-, въ которомъ мы видимъ древній арійскій, именной образовательный елементъ, имѣвшій значеніе nom. ag. Какъ извѣстно, етотъ елементъ образуетъ въ санскритѣ цѣлый классъ глаголовъ; въ греческомъ и латинскомъ также извѣстно не мало подобныхъ глагольныхъ образованій, которыя Кунъ называетъ «von adjectivis auf -nu- abgeleitete verbalstämme» (Z. f. v. S. p. 468) Бенфей въ своемъ трактатѣ о гласной плавной р (O. u. O. III, 2; §§ 84, 85) весьма зорко указалъ на связь етого (V-го) класса глагольныхъ образованій съ VIII-мъ, на генетическую связь отъименныхъ глаголовъ на -u- (слав. ab) съ отъименными же глаголами на -nu (слав. неорган. ну). Особенно убѣдителенъ его анализъ кр. kar, въ классическомъ санскритѣ образующаго kar-o-mi, но въ ведахъ, наряду съ другими образованіями, и kar-no-mi. Имъ въ указанномъ мѣстѣ свѣтлѣе дня доказано, что санскритъ въ древнѣйшихъ уже своихъ явленіяхъ принималъ отъименныя образованія на -nu за готовую тему, къ которой присоединялось новое characteristicum I-го класса, -a : *ri*-nv-a, pi-nv-a, di-nv-a, вслѣдствіи чего и приводили туземные лексикографы форму k*ri*nv, какъ коренную, хотя бы къ ней и не присоединялось новое characteristicum -a I-го класса. Лишь жалѣя мѣста, мы не приводимъ указанныхъ параграфовъ въ высшей степени важнаго трактата Бенфея, рекомендуя вполнѣ внимательно прочесть его читателю. И литовская аналогія и самое значеніе именныхъ образованій на -nu- дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ куново опредѣленіе ихъ блѣднымъ.

[1]) т. е. въ его отъименныхъ формахъ.

Съ ихъ значеніемъ, какъ nom. ag., притомъ, совершенно согласуется тотъ интензивный оттѣнокъ, который придается суффиксомъ -nu- глаголамъ, принимающимъ его въ свой составъ. Еще болѣе ясное доказательство почерпаемъ изъ опредѣленій, которыя даютъ этому суффиксу сами индусскіе грамматики и глоссаторы; такъ напр., Саяна образованіе sudânu (дословно «благодатель»), встрѣчающееся, какъ епитетъ Агни, въ RV. III, 26, 1, толкуетъ такъ nuriti kartari (i. e. agens) nupratyaya, или еще яснѣе къ 6-му двустишію тогоже гимна: sudânavah sushtu jalasya dâtâro bhavanti. Етотъ интензивный оттѣнокъ ясенъ въ томъ, что глагольная форма, принимающая въ себя аффиксъ -nu-, силою его выразительности, изъ настоящаго времени переходитъ въ будущее, котораго отношеніе къ настоящему такъ изъясняется Куномъ (ibid. p. 468): «die gegenwart kann oft bis in eine unendliche zukunft ausgedehnt werden und so sind diese begriffe denn auch trefflich geeignet eine solche dauer, ein solches anschwellen der handlung auszudrucken, sobald sie zu verbalthemen werden». Ета интензивность въ другихъ случаяхъ переходитъ на самое матеріальное значеніе корня, которое усиливаетъ свою енергію, сосредоточивая ее на одномъ моментѣ (въ знач. perf., однократнаго вида). Въ приведенномъ мѣстѣ, Кунъ въ высшей степени проницательно указываетъ на неопредѣленность етихъ елементовъ для выраженія переходности или непереходности дѣйствія. Ето явленіе, подмѣченное Куномъ, не принявшимъ во вниманіе славянщины, для послѣдней имѣетъ совершенно особенное значеніе, ибо она не познала залоговъ, которые развились въ языкахъ родственныхъ, по всему вѣроятію, независимо въ одномъ отъ другаго. Въ этихъ образованіяхъ на -nu, славянщина совершенно равнодушна къ вопросу о залогахъ. Примѣровъ употребленія суффиксахъ -nu въ образованіяхъ именныхъ не мало: kritnú, kshepnú, gridhnú, trasnú, dânú, dhrishnú, dhenú, bhânú, vagnú, vishnú, sûnú, hatnú (Ujjv. Un-s. ed by Aufrecht. Appendix; p. 276). Замѣчательно то, что и въ санскритѣ въ своей именной функціи етотъ суффиксъ любитъ присоединяться къ глагольнымъ, причастнымъ темамъ; такъ напр. kav-at-nú, ji-g-at-nú, plv-at-nú mehat-nú, âruj-at-nú (Ujjv. p. 270), или съ измѣненіемъ, а въ i: gadayitnú, dravitnú, drâvayitnú, poshayitnú, madayitnú, sâdayitnú, tanayitnú, harshayitnú (ibidem, p. 272) Любопытно имя неоднократно повторяющагося речелія krisânu («arcum bene tendens» Sct. Ptrsb. Wbuch.), какъ епитетъ то Рудры, то Агни. Вообще замѣтимъ,

что весьма многія изъ приведенныхъ именъ, составляющія въ сущности епитеты, получили уже значеніе именъ собственныхъ. Но творились въ санскритѣ и совершенно свободно имена на -nu : nirâkarishnu, kshipnu («tadelsuchtig». Hemacandra, p. 61), alankarishnu («der sich auf schmuck versteht» ibid. p 67) Нѣкоторыя изъ подобныхъ образованій имѣютъ возлѣ себя побочныя формы съ обыкновеннымъ суффиксомъ nom ag ; такъ. utpatishnu и utpatitar («guter springer» ibidem), bhavishnu или стяженно, bhushnu и bhavitar («sich wohl befindend». ibid. p. 68). Какъ, иногда, произвольно, такъ сказать, рождалось въ мысли поэта подобное образованіе можно видѣть на слѣдующемъ мѣстѣ Атарвы-веды I, 13, 1 namaste astu vidyute namaste stanayitnave: «поклоненіе тебѣ, молніи, поклоненіе тебѣ грому» (собственно—«стонущему»), гдѣ суффиксъ -nu въ реченіи stanayitnu («стонатель») особенно оживляетъ олицетвореніе. — Какъ близко соприкасается назначеніе суффикса nom. ag -nu въ санскритѣ и славянщинѣ, ясно изъ сопоставленія санскритскаго dhrishnu съ славянскимъ образованіемъ дрьз-нок-ѣн-ный [1]). Несправедливо было бы производить ету славянскую форму отъ глагольнаго образованія дрь-з-нути, ибо, какъ живая форма причастія отъ етой глагольной формы, она не мыслима. Напротивъ, мы наблюдаемъ, что отъ глагола г-ну-ти производится причастіе прош. страд. черезъ причастный суффиксъ -т- со-г-ну-тый; при суффиксѣ же -н- образовательный елементъ -ну- исчезаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, появляется полный коренной составъ образованія со-гъб-ѣн-ный. Мы предполагаемъ для образованія дрьз-нок-ѣн-ный словообразовательную епоху, въ которую образованія съ суфиксомъ nom. ag. не вошли въ обращеніе глагольнаго образованія, была даже, предполагаемъ, епоха, въ которой существовало именное образованіе дрьзноу: при дальнѣйшемъ словообразовательномъ движеніи ето реченіе стало избирать суффиксы, такъ называемые, причастные, пока не вошло въ оборотъ глагольнаго словообразованія въ глаголѣ, образующемъ praes. дрьзнѫ, infin. дрьзнѫти. Какъ близко реченіе dhrishnu старо-славянскому дрьзновѣнный видно, напр., изъ слѣдующаго мѣста Ригведы II, 16, 4: viçve hy asmai yajatâya dhrishnave kratum bharanti.

[1]) Этимологическое сходство сихъ двухъ реченій, не смотря на всю соблазнительность созвучія и однозначности, мы отвергаемъ на основаніяхъ, нижеизложенныхъ.

Предполагаемая нами изъ реченія дрьs-ноѕ-ѥн-ный, епоха, въ которой суффиксъ -ноу и въ славянщинѣ имѣлъ тоже, исключительно именное назначеніе, дѣйствительно, оправдывается, и, именно, реченіемъ жьр-ноѕ-ъ въ смыслѣ nom ag. къ корню jar («reiben»), итакъ, въ смыслѣ «der Reiber» [1]). Ето реченіе удержалось на весьма древней ступени фонетической, ибо по преобладающей аналогіи слѣдовало бы ожидать въ подъемѣ слова з, которое и дѣйствительно встрѣчаемъ въ сродныхъ разбираемому реченіяхъ зр-ѣ-ти, зер-но. Мы утверждаемъ, что ети славянскія реченія составляютъ необходимое звѣно для перехода къ тому преобладающему значенію санскритскаго корня jar, въ которомъ, напр., встрѣчаемъ образованіе part. perf. jujurvân R V. II, 1, 4, 5 jujurvân yo (Agni) muhurâ yuvâ but, гдѣ jujurvân (sch. jîrnah), въ смыслѣ славянскаго зр-ѣ-л-ый противупоставляется реченію yuvan (младый, mridu). Здѣсь время спросить себя почему и какимъ ходомъ событій въ исторіи языка исчезъ нашъ суффиксъ nom. ag. -ноу изъ именнаго словообразованія, оставивши по себѣ въ глагольномъ такой глубокій слѣдъ? Ходъ етихъ событій ясенъ Суффиксъ -нѫ, обращенный въ економію глагольнаго словообразованія, уступилъ въ именахъ свое мѣсто суффиксу -къ (ср. выше). Было нѣкоторое время, когда оба суффикса, и -ноу и -къ, встрѣчались въ своихъ глагольныхъ функціяхъ, и отъ етого, именно, времени остались намъ свидѣтелями глагольныя образованія, подобныя русскому прыс-к-а-ть, чешскому mrs-k a-ti и пр. Отъименность етихъ образованій ясна сама собой. Русское образованіе наряду съ прыс-к-а-ть допускаетъ и прыс-ну-ть. Однократный оттѣнокъ, естественнымъ образомъ, сильнѣе въ образовании съ характеристическимъ слогомъ -ноу, но онъ потому въ такой сильной мѣрѣ и удержался за нимъ, что слогъ -ноу не стеръ своего индивидуальнаго оттѣнка частымъ именнымъ обращеніемъ, тогда какъ суффиксъ -къ принесъ ему въ жертву свою свѣжесть и слился съ корнемъ. Ето обстоятельство лишь и даетъ объясненіе тому, что елементъ -к- въ подобныхъ глагольныхъ образованіяхъ не получилъ достоинства характеристическаго слога, и что на него наростаетъ новый образо-

[1]) Отчего такъ мало осталось въ славянщинѣ образованій на -nu (-ноукъ)? Отчасти, должно объяснить ето епохою смятенія гласныхъ темъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, позволяетъ заключать образованіе сы-нъ -скр. sû-nu.

вательный елементъ -a : прыс-к-а-ти, mrs-k-a-ti, подобно выше приведеннымъ ведійскимъ образованіямъ ri-nv-a, pi-nv-a. Нашему корню прыс удалось и въ санскритѣ удержать тотже характеристическій слогъ -nu : kp. prush (prush-nu-te etc.) въ значеніи «sprützen, träufeln». Такъ· yadî *gri*tan marutah prushnuvanti (RV. I, 168, 8); yato nah prushnuvadvasu (ibid. III, 13, 4) — Сл. С. Птрб. Слов. IV, 1170. Чешскій глаголъ mrs-k-a-ti имѣетъ столь же близкую аналогію въ скр. kp. març, mriç въ значеніи «streicheln». Вопросъ о ѫ-сѣ не можетъ представить никакого затрудненія: въ форму дрьз-нѫ-ти: онъ перешелъ изъ 1-го лица наст. времени дрьз-нѫ. Мы изъ употребленія ѫ-са въ етомъ реченіи заключаемъ, что древнѣйшіе еще переводчики отмѣтили имъ 1-е лицо наст. времени и, руководствуясь тѣмъ ложнымъ мнѣніемъ, что форма неопредѣленнаго наклоненія принимаетъ въ себя цѣликомъ форму 1-го л. ед. ч. наст. времени, перенесли по чистому созвучію и ѫ-съ вмѣстѣ съ образовательнымъ слогомъ. Ошибка чреватая послѣдствіями! Если внимательно анализировать форму настоящаго времени дрьз-нѫ, то ее слѣдуетъ раздѣлять дръз-н-ѫ, ибо за тѣмъ слѣдуетъ дрьзн-е-ши, дрьз-н-е-тъ. Мы хотимъ сказать етимъ, что въ настоящее время вовсе не входитъ, собственно говоря, образовательный слогъ -nu-; оно измѣняется по VII классу санскритскихъ глаголовъ и лишь въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ причастіяхъ получаетъ мѣсто чисто именной, какъ было нами выше доказано, аффиксъ -nu. Итакъ сей аффиксъ остался въ славянщинѣ болѣе вѣрнымъ своей именной природѣ, чѣмъ въ языкахъ древнѣйшей епохи — санскритѣ, греческомъ и латинскомъ. Послѣ сего анализа, весьма много выигрываетъ въ красотѣ и цѣлесообразности построенія ето отвлеченное имя дрьз-ноу-ти. Его нельзя даже назвать отглагольнымъ, ибо его аффиксъ -nu- не имѣетъ никакого мѣста въ глагольномъ словообразованіи. Ето имя отвлеченное ж. р. отъ образованія nom. ag. дрьз-ноу, совершенно произвольно изъ именной категоріи перенесенное въ таблицу спряженія глагола дрз-н-ѫ.— Далеко не вездѣ славянскій глаголъ отличается такою послѣдовательностью. Какъ мы уже отчасти имѣли случай показать, иногда весьма не легко бываетъ провести межу именныхъ и глагольныхъ образованій; такъ сильно вторая обусловлена первою. Какъ рано началось ето вліяніе именнаго образованія на глаголъ, ясно изъ слѣдующаго. Такъ напр., глаголъ свѣ-т-ить получаетъ себѣ объясненіе въ языкѣ ведъ, — не

только, что касается чистой коренной формы сви-, но и ея расширенія въ свит- какъ она, напр., является въ О Е л. 202 свитаѣштоу. Въ ведахъ уцѣлѣлъ чистѣйшій видъ етого корня въ образованіяхъ, напр., a-çu-she (let), именныхъ — çu-sh-na (balanâma Naigh. II, 9) и çavas (ibidem; id.), çvas (завтра), какъ ясно, уже съ переходомъ къ значенію утренней зари, для котораго и служитъ въ ведахъ образованіе çvit· çvetya (ushonâma Naigh. I, 8), глаголъ çvit въ значеніи «свѣтить, освѣщать». Наряду съ етимъ, можемъ представить и примѣръ того, что корень, оставшійся въ санскритѣ въ простѣйшей своей формѣ, въ славянщинѣ существуетъ въ расширенной Такъ напр., простѣйшую коренную форму нашего съ-рѣ-т-а-ть [1]) находимъ въ скр. ar, опредѣляемомъ «2) auf -imd. oder etwas stossen, in oder auf etwas gerathen, erreichen, ge'angen». Въ другихъ образованіяхъ етотъ образовательный елементъ -т- съ большею ясностію выдаетъ свою природу Я разумѣю, именно, тѣ случаи глагольнаго образованія съ -т-, въ которыхъ онъ придаетъ непереходный оттѣнокъ значенію корня. Можетъ быть ети образованія возникли въ ту епоху, въ которой уже опредѣлился именной суффиксъ -т-, какъ причастный и, именно, страдательный, такъ напр. въ глаголѣ рос-т-у, рос-т-ешь (скр. ardh). Переходное значеніе получаетъ сей глаголъ лишь по присоединеніи къ его такимъ образомъ сложившейся темѣ образовательнаго елемента и : рощу, рост-и-шь. До присоединенія къ етому глагольному корню образовательнаго елемента -т онъ имѣлъ значеніе по преимуществу переходное род-и-ть Лучшимъ посредникомъ первообразной коренной формы род съ вторичною рос-т- (зубная передъ зубною въ свистящую) есть приведенный нами скр. корень ardh означающій 1) gelingen, Wohlergehen finden, gedeihen, glücklich sein»; 2) «fordern, gelingen machen, glücklich vollbringen, zu stande bringen». Какъ близко ето второе, переходное значеніе скр. ardh соприкасается съ нашимъ род-и-ть ясно изъ слѣд. мѣста RV. III, 31, 2: yadî mâtaro janayanta vahnimanyaḥ kartâ sukritoranya rindhan (cf. sch. ad h. l.). Не смотря на то, что въ етихъ явленіяхъ установлены уже и фонетическія и словообразовательныя черты, оставшіяся преобладающими въ епоху ясную для исторіи, — они общи славян-

[1]) Етотъ глаголъ отражалъ въ себѣ тоже первоначальное значеніе корня, которое находимъ въ немъ въ сложеніи съ предлогомъ об-, судя по слѣд. мѣсту Гундулича Osm III. Zeljan starieh slavu sriesti.

щинѣ съ литовскимъ языкомъ, въ которомъ находимъ подобныя же глагольныя образованія въ томъ же среднемъ значеніи. r û s-t-á u-t i. Въ полное соотвѣтствіе со славянщиной, такія образованія преобладаютъ въ формахъ настоящаго времени, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ p a-s e̯-s t u, p a-s e n-a ú, p a-s e̯-s i u, p a- s e̯-s t i; s u-v y-s t-u, s u v ý-t a u, s u v ý s i u, s u v ý s t i. Тоже отношеніе наблюдается, напр., въ ûstau, ûsczau, ûstyti въ непереходномъ значеніи («durch den Geruch wahrnehmen» Schl.) къ û'dzu, û'dzau, û'siu û'sti (riechen trans.) Нельзя назвать и ето именное нарощеніе коренной формы глагола явленіемъ специфически-славянскимъ. Въ санскритѣ находимъ уже подобныя нарощенія, такъ напр. коренная форма v a r t отъ первонач. v a r, о которой Бенфей говоритъ слѣдующее: «eig. altes denominativum von einer ableitung von v a r» (Orient und Occident III, 1, p. 21).—Ети нарощенія въ формахъ настоящаго времени въ ету словообразовательную епоху модернизировала спрягаемую форму настоящаго времени и удержали ея флексіи въ ихъ старомъ, неприкосновенномъ видѣ; тогда какъ глагольныя образованія старшаго слоя, удержавшіяся въ несклонномъ къ историческому развитію литовскомъ языкѣ, изъ славянскихъ нарѣчій мало по малу исчезали, замѣняясь образованіями описательными посредствомъ причастій.

Такого рода именныхъ образовательныхъ елементовъ, вросшихъ въ глагольныя образованія мы находимъ не мало. Нѣкоторыя изъ подобныхъ глагольныхъ образованій представляютъ по истинѣ странные словообразовательные комплексы. На корень, въ его весьма старомъ, арійскомъ состояніи, наростаютъ суффиксы, въ которыхъ, за ихъ чисто славянскимъ видоизмѣненіемъ, не возможно указать первообраза. Въ етихъ комплексахъ, очевидно, объединяются явленія самыхъ различныхъ епохъ. Само собою разумѣется, что и фонетическое состояніе подобныхъ образованій вполнѣ соотвѣтствуетъ словообразовательному. Явленія подобнаго типа мыслимы лишь въ языкѣ, такъ поздно начавшемъ свою литературу, какъ ето видимъ въ старо-славянскомъ. Особенно любопытнымъ и рѣдкимъ изъ нихъ мы посвятимъ здѣсь все наше вниманіе. Мы беремъ въ примѣръ подобныхъ осложненій старо-славянское образованіе ско-к-ѵт-а-ти [1]). Прежде всего найдемся въ елементахъ. Слогъ ско- есть, очевидно, слогъ удвоенія, по извѣстному, хорошо обслѣдованному слово-

[1]) Основаніе нашего раздѣленія выяснится ходомъ анализа

образовательному принципу, по которому корни, подымающіеся съ гортанной, удвоиваютъ ее въ видѣ небной въ санскритѣ и въ видѣ ск въ славянщинѣ. Извѣстно, что во многихъ архаическихъ случаяхъ литовское и славянское ск соотвѣтствуетъ санскритскимъ небнымъ. Елементъ -ѫт- есть извѣстный именной суффиксъ (тѫп-ѫтъ, роп-ѫт-ъ и пр.) Итакъ, на долю корня остается одинъ звукъ к. Мы имѣемъ побочную форму, позднѣйшую, къ образованію ско-к-ѫт-ити,—ско-к-а-ти и на ней еще яснѣе видна ета сильно стяженная коренная форма. Какъ могла возникнуть такая коренная форма? Каждому понятно, что такое состояніе кореннаго слога могло получиться только въ слѣдствіе многообразнаго его осложненія образовательными елементами, вытѣснившими составную часть корня. Еще въ санскритѣ елизіи коренной гласной при удвоеніи не рѣдкость; такъ напр. sa-sn-i отъ кр. san (RV. II, 18, 1: prâtâ ratho navo yoji sasniç caturyugas trikaça*h* sapta*r*açmi*h*). Если корень состоитъ изъ одного слога, согл. и гласной, то послѣдняя нерѣдко исчезаетъ, допуская преобладаніе надъ собою гласной удвоительнаго слога. Любопытное въ етомъ родѣ явленіе представляетъ санскритъ въ формѣ 3-го лица множ. ч. прош. вр. съ удвоеніемъ отъ корня dhâ—âdadhur, гдѣ корень представленъ только одной согласною dh. Въ двухъ двустишіяхъ употреблены рядомъ формы: и âdadhur и просто dhur. RV. II, 42 iman âdadhur bh*ri*gavo vikshvâyo*h*; RV. II, 4, 3 agni*n* devâso mânushîshu vikshu Priya*n* dhu*h*. Наконецъ, и въ славянщинѣ на реченіяхъ о-дѣ-жд-а, на-дѣ-жд-а ясно ето явленіе. Итакъ, весьма ясно, что сокращеніе кореннаго слога въ данномъ случаѣ вызвано, рано въ него вросшимъ, удвоительнымъ слогомъ. Его полнаго состава должно искать въ именныхъ образованіяхъ, не осложненныхъ удвоеніемъ, въ названіи животныхъ, которыхъ именовали по быстротѣ ихъ движеній, или прерывистости издаваемыхъ ими звуковъ. Таковыя намъ представляются въ реченіи ког-оу-тъ (чешск. koh-ú-t), кос-а, косъ-л-ъ. Первое реченіе имѣетъ даже и образовательный елементъ сродный тому, который встрѣчаемъ въ разбираемомъ комплексѣ ско-к-тъ. Гласная у, передъ суффиксомъ стоящая, которую мы съ намѣреніемъ отдѣлили, доказываетъ на етомъ образованіи весьма ясно, что передъ суффиксами -ик, -тъ она не составляетъ равнодушнаго къ значенію слова, фонетическаго елемента. Здѣсь она сильно вліяетъ на значеніе слова: ско-к-ѫт-ъ или сѣ-к-ѫтъ («славій« въ сл. о П. И.)

выражаетъ самое дѣйствіе и произведено, потому, отъ специфически-глагольной формы корня, удвоенной, koh-ú-t есть своего рода nomen agentis, т. е, означаетъ того, кто производитъ соотвѣтствующее дѣйствіе [1]) Чешское же нарѣчіе сохранило намъ и глаголъ безъ удвоенія, въ которомъ вполнѣ отражается коренной составъ—koh-r-t-a-ti. Обширныя аналогіи находятъ себѣ ети наши именныя образованія въ языкахъ родственныхъ. Давно еще Шлейхеръ (Kirchensl. formenlehre, p 98 sequn.) сличалъ славянское реченіе коза съ скр. chaga, съ чѣмъ соглашается и Кунъ (Z. f. v. S. III, p. 432). Нашъ ког-утъ сличаемъ съ санскритскими названіями птицъ khanga, kajaka и khaga. Сопоставленіе етихъ трехъ реченій, очевидно, принадлежащихъ одному корню, дало Куну основаніе безъ слѣда разрушить традиціонную, народную етимологію реченія kha-ga (sic), разлагающую сіе реченіе на двѣ составныя части, изъ которыхъ одна (kha) должна означать «небо, воздухъ», другая (ga)—«ходящій» (Ibidem, p. 431). Славянскія реченія коза, козьлъ сличаются съ санскритскими chaga и chagala. Мы предпочитаемъ сравнивать ихъ непосредственно съ коренною формою kaj, предоставляя образовательные елементы самобытной индивидуальности славянщины. Корень етихъ реченій имѣетъ основное значеніе «ска-к-а-ть», по дознанію Куна, разобравшаго его во всемъ его роскошномъ развитіи (Z. f. v. S. III, pp. 429—433). Оставляемъ многіе моменты развитія етого корня въ родственныхъ языкахъ умолченными съ тѣмъ, чтобы обратить все наше вниманіе на его славянскія судьбы.

Итакъ, образованіе ско-к-ѫт-а-ти происходитъ изъ епохи весьма древней, какъ видимъ. Но ета удвоенная форма дожила дольше своихъ современниковъ. Память о его происхожденіи и о удвоительномъ характерѣ уже исчезла; вслѣдствіе чего, языкъ поступилъ съ нимъ, какъ съ формою простой, корень которой есть скок-. Чутье къ образовательному характеру слога -ѫт- не исчезло, ибо онъ свободно елидируется: скокать, или, по московскому произношенію, скакать. Представляя себѣ корень въ формѣ скок- языкъ подвергъ его самой обыкновенной переглассовкѣ кореннаго слога, т. е., смягчилъ гласную о въ е, — и произошла форма ще-к-ѫт-а-ти. Глаголъ ско-к-ѫт-ати, хотя въ етой своей старославянской формѣ онъ употреблялся исключительно въ значеніи γαργα-

[1]) Ср. пер-у-нъ и пр. выше.

λιζεῖν, первоначально означалъ дѣйствіе частаго повторенія, въ какой бы то ни было области, звука ли, движенія ли. Ето доказывается, во 1-хъ его удвоенной формою, придающею ему интензивное значеніе, во 2-хъ употребленіемъ въ Сл о П Иг. въ смыслѣ «щекота славія», какъ правильной и пріятной модуляціи соловьинаго стокато, особенно подходящаго подъ значеніе періодической повторяемости звука, выражаемой етимъ интензивнымъ образованіемъ. Употребленіе слова ѱѣ-к-ѫтъ въ извѣстномъ смыслѣ въ сл о П. Иг. приводитъ къ заключеніямъ въ высшей степени важнымъ. Оно, прежде всего, служитъ посредствомъ между значеніями формъ ско-к-ѫт-ати (:ѱѣ-к-от-ати:) и клѣ-к-ѫт-ати, изъ которыхъ въ послѣдней видимъ коренной слогъ, подобно формѣ ѱѣ-к-ѫт-ати, смягченнымъ же, но смягченнымъ въ высшей степени архаически и своеобразно,—черезъ плавную л Такимъ образомъ смягченный, является сей удвоительный слогъ и въ именныхъ образованіяхъ клѣ-к-ѫт-ъ и клѣчьт-ан-ие Сіи образованія означаютъ и голосъ птичій, и біеніе сердца и звукъ трубный (како кльчьщють троубы Усп. Сборникъ XII в. л. 191) Формѣ клѣ-чьт-ание мы должны приписать, авторитетъ старины, ибо въ ней языкъ являетъ еще полное сознаніе къ тому, что слогъ клѣ- есть слогъ удвоенія, въ слѣдствіе чего, имъ и былъ принятъ за коренной слогъ не первый слогъ реченія, какъ мы ето наблюли на формѣ ѱѣк-от-ати (т. е., собственно,—ѱѣ-к-ѫт-л-ти), но второй слогъ, принимающій въ себя коренную согласную и слогъ образовательный именной, который и подвергся смягченію. Слѣдовательно, языкъ представлялъ себѣ слѣдующимъ образомъ составъ слова клѣ-чьт-ан-ние (вм клѣ-чьт-ан-ие) [1]. Итакъ, мы видимъ въ етомъ отглагольномъ образовании, замѣчательнымъ образомъ, совмѣщенные два образа смягченія поздѣйшее, въ мнимомъ коренномъ слогѣ—черезъ обращеніе гортанной въ небную и раннее, въ удвоительномъ

[1]) Санскритъ въ самыхъ раннихъ своихъ проявленіяхъ имѣетъ склонность къ выраженію говора удвоительными формами. Въ примѣръ приведемъ прекрасное, исполненное поезіи, описаніе ранней дѣятельности человѣка, возбужденной утренней зарей: indrâgnî apâdiyan pûrvâgâtpadvatîbhyaḥ Hitvâ çiro-jihvayâ rârapaccarattriṁ çatpadâ nyakramît SV, I, 3, 2, 4, 9, гдѣ форма rârapat представляетъ удвоительную форму прич. наст. отъ кр. rap: болтая (языкомъ jihvayâ). Въ славянщинѣ не употребительна удвоительная форма етого корня, хотя значеніе его такъ спеціализировалось, что удвоеніе прибавило бы много его выразительности: роп-ѫт-ъ — р о п т а т ь.

слогѣ, черезъ присоединеніе плавной л [1]). Какъ извѣстно, ето послѣднее смягченіе удержалось навсегда за губнымъ порядкомъ гласныхъ въ тѣхъ нарѣчіяхъ, гдѣ оно допускается. Въ древне-славянскомъ мы видимъ слѣды его необычайнаго примѣненія и къ согласнымъ другихъ порядковъ, и, между прочимъ, именно къ порядку гортанныхъ. Начнемъ съ гортанныхъ, чтобы быть ближе къ дашому случаю и укажемъ, прежде всего, на любопытное архаическое древне славянское образованіе, смягченное по тому же способу, — олєсатисѧ вм. «косатисѧ», сохранившееся въ сложныхъ глаголахъ — приколєснѫтисѧ, приколєсатисѧ въ Григоріѣ Богословѣ XI в. и древнемъ преложеніи книгъ Св. Писанія (Ср. Šafařik, Čas čes. mus 1846, p 426), которое въ приведенныхъ реченіяхъ любопытнымъ образомъ является въ условіяхъ полногласія, какъ бы сей слогъ принадлежалъ коренному составу реченія. Въ реченіи же кле-к-ѫт-а-ти сей древній образъ смягченія встрѣчаемъ въ желанной чистотѣ. — Сообразно съ вышеприведенными аналогіями, предлагаемъ етимологію доселѣ, какъ кажется, необъясненнаго корня глагола клясть. Въ данномъ фонетическомъ состояніи образованія, корень яснѣе выступаетъ въ формахъ клен(-ѫ), клѧ(-ти) и пр. Мы должны припомнить, что корни, значеніе которыхъ приняло направленіе исключительно духовное, имѣютъ въ высшей степени сильную интензивность въ оттѣнкахъ его. Притомъ, «клятва» не получила никакого бытоваго пріуроченія, какое, напр., изстари имѣетъ слово «рота». Хотя образованія отъ корня клѧ- употребляются въ томъ же значеніи, что и образованіе «рота», но ети случаи объясняются свободнымъ перенесеніемъ понятій во время относительно позднѣйшее. Въ старину, для клятвы въ области общинной жизни, мы имѣли слово «рота», въ области жизни семейной образованія отъ корня сѧг, саг, въ области политической — пословица, размирье и пр. Интензивную неопредѣленность въ значеніи корня клѧ всего яснѣе можно наблюдать на областномъ языкѣ, етомъ вѣрномъ зеркалѣ быта, а, слѣдовательно, и языка· осложненное образованіе клятбовать [2]) означаетъ

---

[1]) Въ удвоительномъ слогѣ кле гласная е вполнѣ законосообразно въ русскомъ нарѣчіи замѣняется гласною о: Кло-к-ъ-т-ъ — кло-к-ъ-т-а-ти съ извѣстнымъ оттѣнкомъ значенія Въ старо-славянской формѣ е появилось въ соотвѣтствіе смягченному состоянію мнимаго кореннаго слога.

[2]) Ср чес klеtba. Кстати замѣтимъ, что въ чешскомъ нарѣчіи сей корень имѣетъ опять другое значеніе. «ругаться».

«чарами заклинать» (Оп. обл. сл. р. 84); клятиться, скупиться, блажить, безпрестанно плакать» (Оп. обл. сл. р. 84, Дополн. р. 82). Изъ этого можно судить о неопредѣленности значенія корня кл҃-. Мы почитаемъ форму кл҃ побочною, своеобразно смягченною формою къ корню, весьма распространенному, какъ въ арійскихъ, такъ и въ славянскихъ языкахъ. Въ зендѣ его находимъ въ 2-хъ формахъ побочныхъ kan и, по обычаю, kâ въ значеніи «просить, желать»; въ скр. kan—«находить въ чемъ удовольствіе, желать чего, радоваться, быть довольну чѣмъ». Ближайшая къ етимъ арійскимъ корнямъ, славянская аналогія есть областное русское реченіе конать Перм, которое ошибочно слито въ областномъ словарѣ съ глаголомъ конать въ смыслѣ «умирать». У Афанасьева читаемъ въ сказкѣ, записанной въ Арх. губ. (VI, 310)· учали они канаться ему хорошими рѣчми отпусти ты насъ живьемъ и пр. или тамъ же, стр. 317, изъ той же мѣстности: законался онъ своему коню доброму увези ты меня и пр здѣсь мы видимъ не смягченную форму, въ противоположность смягченной — «клятися» Въ заключеніе припомнимъ, что у насъ, въ живомъ великорусскомъ языкѣ нерѣдко употребляются образованія отъ корня кл҃- въ смыслѣ «просить», хотя у Даля етого оттѣнка и не находимъ. Отсюда ясно, почему такъ близко столкнулись ети двѣ побочныя формы въ дальнѣйшихъ своихъ образованіяхъ: клянчить и канючить, которыя покрываютъ другъ друга вполнѣ, какъ въ отношеніи формы, такъ и въ отношеніи значенія [1]). Другія славянскія нарѣчія (внѣ области русскаго) представляютъ аналогіи, многимъ ближе подводящія насъ къ приведеннымъ арійскимъ корнямъ. Такъ напр. въ старо-хорватскомъ находимъ корень kan въ санкритскомъ значеніи «желать, имѣть намѣреніе»: Gund. Osm. XV, 16:... o ratu sni tiem veće, Kaneć tieme da mu hudi Pade z sile zlotvor veće. Въ сложеніи съ предлогомъ на- встрѣчаемъ у того же старо-хорватскаго писателя въ томъ же значеніи, какъ напр. Osm. XIV, 41 Ali tadar još ne bieše Nakanio pakó kleti. Въ ново-булгарскомъ находимъ сей глаголъ также и въ простомъ видѣ и въ сложномъ; такъ напр., Kolo III, p. 63 Moma se od sonj probudi, Ta vetra tijo kanaše: Vetrele vetre! nenavéjal se! Zašto me od sonj probudi и т. д. Въ ново-булгарскомъ сей глаголъ въ простомъ своемъ образованіи имѣетъ и значеніе русскаго «клянчить». Въ сложеніи

[1]) Даль даже опредѣляетъ одно другимъ

съ предлогомъ за- встрѣчаемъ его въ ново-булгарскомъ же въ слѣдующемъ тавтологическомъ выраженіи у Верковича р 19· Каномъ се заканила: Нека, нека, бела Недо. Не сомнѣваюсь, что первый членъ сложнаго Моравскаго имени Kani-mirus (Erben Regesta Ao 1221. 12 Jun.) представляетъ слѣдъ древняго всеславянскаго употребленія етого корня. Здѣсь корень кан- является, конечно, синонимомъ корня прос-, который является также первымъ, составнымъ членомъ сложнаго Моравскаго же собственнаго имени Prosi-mirus, часто попадающагося около того же времени, что и рѣдкое Kanimirus, (Erben Regesta Ais 1212, 1213, 1222, 1223, 1224, 1233), отъ котораго и произведено и мѣстное, моравское же имя Prosimirice (Ibidem; Ais 1226, 1241, 1243, 1251,). Въ заключеніе етого нашего анализа двухъ побочныхъ формъ клѧ-кан, мы еще разъ задаемъ себѣ вопросъ о причинѣ етой неопредѣленности и измѣнчивости въ значеніи корня. Вообще, думаемъ, понятіе «клятвы» есть въ высшей степени относительное и условное,—посредственное: ее называли, очевидно, по ея отдѣльнымъ признакамъ. Трудно себѣ представить для такого значенія — спеціяльный, въ конкретномъ значеніи корень; и ето — не почему другому, какъ по тому, что самое понятіе не заключаетъ въ себѣ ничего конкретнаго, хотя и не лишено конкретныхъ признаковъ. Такъ напр., тотъ корень, который вошелъ въ наше реченіе шоп-ѵт-ѧ въ санскритѣ означаетъ именно «клясться» и представляетъ образованіе совершенно тождественное çapa-tha (также çapana, çapa Hemacandra, p. 4 ›) Связь понятій, впрочемъ, ясна: Аріи, должно думать, клялись шопотомъ, связь понятій, подтверждающаяся етимологіей соотвѣтствующаго нѣмецкаго реченія rûne, сроднаго съ корнемъ глагола raunen (шептать) [1]).

Продолжая наблюдать наше любопытное фонетическое явленіе въ области языка русскаго, мы встрѣчаемъ въ самой средѣ великорусскаго наречія тотъ же плавный благозвучный слогъ, какъ напр., въ архаическомъ рѣченіи скалепокъ (Оп. обл. Сл. р. 203)·въ значени «отломка.» пойдемъ мы къ окіанъ-морю, прирубимъ легкіе струги, скалепки смечемъ въ окіанъ-море, сами соберемъ рать-силу вели-

---

[1]) Что такіе заговоры и заклинанія существовали въ богатомъ ритуалѣ Индусскихъ жрецовъ, ясно уже изъ названія tûshnîn çansa m. «stille Aufsagung, Bez. schweigend gu recitirender Sprüche (Böhtlingk und Roth III, p 381); cf. «yajushâ nyat tûshnîmanyat» (Taittirîya-brahmanan II, 1, 2, 8).

кую» и т. д (Афанасьевъ VI, р. 312). Замѣчательно, что въ сказкѣ, хотя, кажется, и другой мѣстности (Курской), встрѣчаемъ глаголъ скепать вм. щипать взялъ тупику и косарь, что лучину скепаютъ (Аф VI, 94). Итакъ, въ реченіи сколепокъ видимъ въ отношеніи къ реченію скепать тотже образъ смягченія, что и въ реченіи клектати, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ реченіи сколепокъ смягчаемый елементъ тяжелѣе своимъ согласнымъ составомъ, въ слѣдствіе чего елементъ смягчающій присоединяется посредствомъ гласной, тогда какъ въ реченіи клектати онъ присоединяется непосредственно къ елементу к. Можетъ быть, именно въ етомъ и слѣдуетъ искать причины по которой сей образъ смягченія избралъ форму клектати, а не скоктати Точно тоже непосредственное присоединеніе мы наблюли въ образованіи клятва, наблюдаемъ его и въ реченіи клопотъ, имѣющемъ много аналогій и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ отношеніи къ образованіямъ—копотѣнь, копостѣнь, копоститься и пр. Какъ сказано, не ограничивается ето явленіе однимъ порядкомъ согласныхъ гортанныхъ; но, изойдя отъ случая съ гортанною, будемъ продолжать изслѣдованіе нѣкоторое время въ томже направленіи. Нѣкоторыя явленія съ благозвучною плавною, какъ образованія епохи старшей, понятнымъ образомъ, и доносятъ до насъ реченія изъ слоя, несомнѣнно, стараго. Такъ напр., тоже явленіе наблюдаемъ клев-ъ, клюв-ъ, клев-а-ть, предполагая въ немъ побочную форму къ корню ку, извлекаемую нами изъ отименнаго глагола ку-с-а-ти (имя- ку-с-ъ)[1]). Но, какъ извѣстно, сей корень существуетъ только въ етой отъименной формѣ. Етотъ корень ку въ его несмягченной формѣ подвергается подъятію въ словинскомъ образованіи pre-kav-s-a-ti, означающемъ именно то, для выраженія чего въ рускомъ нарѣчіи служитъ смягченная форма клев-а-ти, хотя и послѣдняя существуетъ въ словинскомъ нарѣчіи -pre-kljav-a-ti, pre-kljuj-en—и въ томъ же значеніи Словинское нарѣчіе имѣетъ особенно сильно высказавшуюся склонность

---

[1]) Елементу с мы приписываемъ значеніе дезидеративное, ибо глаг. ку-ш-ати съ своими производными и сложеніями, несомнѣнно, тождественъ формѣ ку-с-ати (ср. в-ку-съ). Напоминаемъ здѣсь замѣчательную пробу пера стараго писца Домки коушлаю цѣрнило (т. е испытываю). Въ значеніи етихъ образованій оттѣнокъ дезидеративный вполнѣ ясенъ. Онъ то такъ далеко и распространилъ значеніе етого корня, тогда какъ за первичною коренною формою клев-а-ти осталось одно конкретное представленіе.

къ етому евфоническому явленію; въ немъ мы находимъ другой плавный елементъ r присоединяющимся къ коренному или образовательному l по побужденію также чисто евфоническому: такъ напр. словинское реченіе k-er-l-e-t-k-a и по значенію и по образованію тождественное нашему к л ѣ т к а, которое, впрочемъ, употребляется въ словинскомъ нарѣчіи и въ этой простѣйшей формѣ. Ето же реченіе встрѣчаемъ и въ междумурскомъ подрѣчіи: «L-e-č-k-e s-a-m s-i l-e-c-a-o, p-i-s-a-n-e k-r-l-e-t-k-e. V-u-n-j-e s-a-m n-a-m-e-t-a-o s-a-k-e f-e l-e ž-i-t-k-a (Slov. Glasn. X, 97). Совершенно тождественное явленіе замѣчаемъ въ словинскомъ же реченіи o-b-e-r-l-e-n-c. Кореннаго въ етомъ реченіи только предлогъ об- (см выше), общій съ образованіями o-b-e-l, o-b-l-a, o-b-l-o; o-b-l-i-n-a. Слѣдовательно, простой составъ слова долженъ бы былъ быть o-b-e-l-e-n-c. Тотже фонетическій составъ склонны мы видѣть въ старо-хорватскомъ реченіи h-o-v-e-r-l-i-c-a въ слѣдующемъ мѣстѣ (§ 27) винодольскаго закона 1280 г.: j-o-š-ć-e a-k-o b-i m-u-ž ž-e-n-i z-v-è-r-g-a-l h-o-v-e-r-l-i-c-u i-l-i p-o-k-r-i-v-a-č-u s g-l-a-v-e v-a z-l-i v-o-l-j-i (Kolo III, p. 63). Предлагаю сличить съ етимъ старо-хорватскимъ реченіемъ нѣмецкое h-a-u-b-e. Въ сербскомъ нарѣчіи находимъ ето евфоническое r и безъ l: г о б а-г р б а (gibbus), г о м и л а-г р о м и л а (cumulus), г а ц а т и-г р ц а т и (incedo ut per altes nives). Наконецъ, находимъ тоже явленіе и на противуположномъ, такъ сказать, етнографическомъ полюсѣ, въ нарѣчіи чешскомъ: k-o-t-r-l-e-t-i вм. k-o-t-a-l-e-t-i (катать валять), k-o-t-r-l-e-c вм. k-o-t-a-l-e-c (verticulatio) и отъ него образованное отъименное k-o-t-r-l-č-i-t-i [1]). Етимъ мы приготовили почву для слѣдующаго любопытнаго явленія въ чешскомъ нарѣчіи. Я разумѣю чешскія реченія h(er)-m-e-y-ž-d и побочную къ нему форму h(le)-m-e-y-ž-d, гдѣ слоги -er- и -le- суть благозвучныя вставки, которыхъ другія образованія того же корня въ чешскомъ же нарѣчіи не имѣютъ: h-e-m-ž-i-t-i h-m-y-z и пр. Притомъ, какъ увидимъ, корень сихъ реченій не есть исключительное достояніе нарѣчія чешскаго. Нарѣчіе сербское представляетъ точный аналогонъ чешскому h-e-m-ž-i-t-i въ своемъ реченіи г а м-и з-а-т и (гереге), а словинское – g-o-m-e-z-i-t-i (g-o-m-e-z-e-č-a s-t-v-a-r. (Slov. Glasn. X, 60). [2]) Со стороны фонетической отношеніе чешской коренной формы h-e-m-h-l-e-m находитъ себѣ аналогію въ русскомъ з ы б-з л ы б. Въ старинномъ русскомъ находимъ реченіе з л ы б и т и: «ыко же нѣкогда и перскыи началникъ слышашесѧ множество

[1]) Ср. въ варажд. подрѣчіи глаголъ k-u-t-u-r-a-t-i.

[2]) „Tu na rocnih konjih gomezijo (cvet, p. 56.)

коньствѣ водѣ и влад$\overline{8}$ оустрашаѧ море, же зльбити повелѣваѧ."
Рпсь Румянц. № 154, л. 343.—Етимъ разложеніемъ мы получили корень h e m-,но не для одной западной группы славянскихъ нарѣчій, ибо уже нашли формы съ гортанною же въ подъемѣ и въ сербскомъ и въ словинскомъ. Въ языкѣ старославянскомъ и русскомъ является онъ въ зендской формѣ зьм въ реченіи змь-ы. Форма h e m удержана западными нарѣчіями, какъ въ именныхъ образованіяхъ, такъ равно и въ глагольныхъ; форма же зьм удержана лишъ въ именномъ. Аналогія простирается такъ далеко, что благозвучная плавная, глубоко привившаяся къ именнымъ образованіямъ коренной формы h e m, имѣетъ мѣсто и въ формѣ зьм, хотя и въ иномъ порядкѣ, сообразно измѣнившимся фонетическимъ отношеніямъ. Я разумѣю форму змиѭ, донесенную намъ изъ глубокой старины древне-славянскаго языка двумя рукописями Остромировымъ Евангеліемъ и Златоструемъ XII-го вѣка. Было бы совершенно противно духу исторіи славянскихъ нарѣчій, если бы мы дали слишкомъ абсолютное значеніе распаденію славянскихъ нарѣчій на группу съ h въ коренной формѣ и на группу съ z. Ето z является лишь въ одномъ реченіи з м і я; въ остальныхъ же образованіяхъ того же корня весьма часто, какъ видѣли, врывается также, всеже преобладающая гортанная. Но и самое реченіе з м і я не выдерживаетъ своего зендскаго характера даже въ ограниченной сферѣ восточныхъ нарѣчій, ибо сербское нарѣчіе сохранило стяженную форму корня, въ которой стяженіе вызвало снова гортанный подъемъ, въ образованіи г у-j а. Перенося ее въ фонетическія отношенія старославянской епохи, мы ее пишемъ: гж-ы (h e m-j a).—Фонетическому соотношенію реченія гж-ы съ реченіемъ зми-ы вполнѣ аналогично соотношеніе реченія гжсь съ реченіемъ зиѭти,—и, именно, на слѣдующемъ основаніи. Реченіе гжсь въ высшей степени остроумно объяснено г-мъ Паули, который, очистивши первоначальную индо-европейскую форму корня z i (h i a r e), продолжаетъ такъ (Z. f. v. S. XIV, pp. 99—100): «Nachdem so eine primare wurzel g h a (den Mund aufthun) erschlossen ist, sind ihr noch etliche sprossen zuzuweisen. Zunächst inchoare = biginnan. Dann h a m s a «die gans», der vogel, der gegen den sich ihm nahernden den schnabel aufreisst und zischt» etc. Ето предполагаетъ въ славянщинѣ, совершенно согласное съ духомъ ея развитія, наслоеніе на ея специфическую модификацію первоначальнаго корня z i- столь архаическую его форму, которая вполнѣ тождественна съ приведеннымъ индоевропейскимъ архитипомъ (g h a),

за исключеніемъ аспираціи, которую не терпитъ природа славянщины. Итакъ, по воззрѣнію Паули, наше слово гѫсь разлагаемъ такъ: га-нсь, при чемъ въ с предполагается архаическая модификація т прич. наст. дѣйств., чему въ славянщинѣ и языкѣ литовскомъ мы нашли не мало аналогій выше. Литовскій языкъ представляетъ уже форму, относительно славянской, позднѣйшую: žą sis. — Но мы будемъ продолжать о благозвучныхъ плавныхъ. Случаевъ находимъ не мало, — въ желанномъ обиліи и разнообразіи Старо-чешскому реченію pe(le)st (varius, equus) въ Mater Verborum Altbóhm. denkm. p. 220, pelesty (discolor) находимъ побочную форму въ нашемъ пес-т-ръ. Въ хорутанскомъ нарѣчіи реченію tož-v-a-ti «утѣшать» (Jih nihčer ne tožuje. Ahacel p. 61; Ali nehajmo mi tožvati. Ibid. p. 63) въ Штирскомъ соотвѣтствуетъ t(ol)ažiti (Tolaži naši želje Ahacel, p. 76; Tud žeja se z zlatom vtolažit ne da Ibid. p. 148; pomagat in druge tolažit lepó Ibid p. 152; «ženin Bredi rano zavezuje Jo tolaži, tak ji beseduje Mlada Breda въ Cvet slov. poez. p. 47). Тождественный случай даютъ намъ двѣ хорватскія побочныя формы нашего толкнуть: takati и talokati. Въ самомъ русскомъ нарѣчіи евфоническая л въ етомъ реченіи даже чередуется съ р и узяу мизиннымъ пальцомъ таркануу сію калоду (Аѳан. сказки III, 13). Весьма близкій къ сему случай представляетъ малороссійское реченіе втелепати, очевидно, сродное съ западнославянскимъ vtip: Бачу шо ты ще не разумный и того не втелепавъ, зъ дуба вырисъ, а ума, бачу, не вынисъ (Аѳан. III, 95); а мужикъ и не втелепавъ, шо то той самой москаль (Ibidem, 99) Приведенные нами примѣры совершенно достаточно удостовѣряютъ въ томъ, что фонетическая черта, нами разбираемая не есть діалектическая особенность какого нибудь мѣстнаго говора русскаго языка. Мы изошли изъ примѣровъ старо-славянскихъ. Кромѣ нихъ, можемъ привести немало; такъ напр. глаголъ вьтлапити (истекать), котораго коренной составъ ясенъ: длап. Въ словинскомъ нарѣчіи встрѣчаемъ любопытное реченіе štep-ih, очевидно того же корня, но безъ евфонической плавной, употребляющееся въ значеніи «колодца, источника» (syn. vodnjak, по хорутанскому нарѣчію у Ahacela p. 45, adn. 3). Ближайшій аналогонъ къ выше разобранной старославянской формѣ ко(лѣ)сьница представляетъ реченіе чешск. če(-le-)sten, ce(-li-)st, къ которымъ въ чешскомъ нарѣчіи есть побочная форма čes-lo (čelesen, Ofenloch, praefurni-

um. Iungm.) Въ послѣдней благозвучный слогъ -le- при гортанной исчезаетъ Объясняемъ себѣ составъ етого корня слѣдующимъ образомъ. Корень распространенъ двояко: во 1-хъ, евфонической вставкою плавной л, во 2-хъ, словообразовательнымъ расширеніемъ посредствомъ тематической -с- Итакъ, реченіе челюсть, встрѣчаемое уже въ сод supr., Изб. 1073 г. коренного состава заключаетъ въ себѣ лишь чю- съ значеніемъ «зіяніе, разверзанія, отверстія» (če-s-lo вм. čev-s-lo Ofenloch, praefurnium). Его побочную форму, несмягченную находимъ въ чешскихъ реченіяхъ sku-la, sku-li-na (rima, crepido, scissura. M. V.), въ русскомъ же нарѣчіи въ значеніи тождественномъ съ словомъ «челюсть». Русское нарѣчіе, удержавшее старинное образованіе челюсть, удержало и тождественное по значенію, побочное его образованіе въ формѣ, наводящей на соображенія, относительно словообразовательнаго расширенія тематической согласной с. Я разумѣю форму ср. р. скуло, заставляющее предполагать родъ пад скулесе (какъ чело-челесе-челесьнъ γενικώτατος). Въ другой семьѣ словъ, напротивъ, видимъ развитіе коренныхъ елементовъ насчетъ образовательныхъ: ст-слав. склаб-и-ти-ся, чешскія škleb-ina, škleb-i-ti и пр Въ нихъ видимъ развитіе коренной гласной и въ специфически-славянскую форму подъятія въ -ab-, -eb- (Сл. выше). Тоже евфоническое явленіе наблюдается въ соотношеніи челядь: чядь, ибо первое, ни въ какомъ случаѣ не сродно съ реченіемъ человѣкъ, какъ то думалъ Юнгманнъ. Переносъ понятія семьи на слугъ господствовалъ въ древнеславянскомъ бытѣ, какъ видно, еще въ епоху летто-славянускую, ибо челядь въ литовскомъ языкѣ называется именно «семьею»—szeimýna Ir sugrażino wissą turtą, ir moteres bey szeimyną. Genes. XIV, 16. Тоже евфоническое значеніе имѣетъ плавная л въ старо-слав. реченіи плешта (humeri), какъ убѣждаетъ въ томъ лит. petis, -tės, или -czo; pl. peczeí, (humeri). Ето сравненіе находитъ себѣ дальнѣйшее объясненіе въ томъ, что Славяне и Литовцы понимали «плечи», какъ часть спины, ибо форма женск р. плѣшти у Georg. Mon и въ Prol. употребляется въ смыслѣ μετάφρενα, scapulae (Micl. s. v.). Ето даетъ достаточное основаніе сличать разбираемыя реченія съ многочисленными образованіями съ темою плч. Древнее присутствіе носовой, впослѣдствіи пропавшей, доказывается литовскимъ реченіемъ at-pènc, (hinwider, zuruck): vel atpènc tůjaus i. namą sávo sugriżo (Donal. p. 33; met. I, v. 241). Совершенно тоже фонетическое соотношеніе съ потерею носовой въ корнѣ видимъ въ реченіи глад-ъ, на который мы

смотримъ, какъ на фонетическое видоизмѣненіе кр. жад, теряющаго свою носовую уже въ образованіи жьд-л-ти (годи-ти); ср лит geid-ul-is. Въ большинствѣ славянскихъ реченій етотъ корень специфицировалъ свое значеніе (fames); но въ старинѣ нижне-лужицкаго нарѣчія удержалось и въ етомъ фонетическомъ видоизмѣненіи glozésch—общее и первоначально значеніе «begehren, verlangen nach etwas». Старшая ступень етого нарѣчія обличается цѣлымъ рядомъ аналогическихъ явленій Оно представляетъ слѣдующія двойныя формы glog и gog (Hagebutte), glowedo и gowedo (das Rind). Тоже фонетическое значеніе имѣетъ л въ реченіи глъбъкъ, если сравнить его съ архаическими формами серб-скими dumboko въ Сиренѣ Петра Зрини (XVII в.) и dumboko по разпорѣчію истрійскому («na sred polja najde gumboku jamčicu» у Ягича въ Kniževik, III, p. 383, adn. 1) Въ верхне-лужицкомъ нарѣчіи представляется особенно-архаическій случай реченіе blido въ смыслѣ «стола», въ которомъ l, очевидно, имѣетъ значеніе лишь евфоническое, при сравненіи въ гот. biuds (жертвенный столъ), но замѣчательно, что въ томъ же нарѣчіи и j является смягчителемъ при b: bjakać о звукѣ двери (Pjes. I, p. 95)[1]. Въ русскомъ реченіи скорлупа находимъ весьма интересный случай. Весь плавный составъ сего реченія объясняется разбираемой евфонической чертою Елементъ л, какъ въ коренномъ составѣ несущественный, отпадаетъ уже въ чешскомъ skorzepka. Не остается сомнѣнія, что слово сіе тождественно съ образованіями черепъ, черепокъ, череп-ица. Освобожденное отъ одного изъ евфоническихъ елементовъ, образованіе ето, какъ видимъ, и развилось свободнѣе, тогда какъ образованіе скорлупа, ими отягощенное, образуетъ только скорлупка (чешск. skorzepka). Евфоническое значеніе елемента г ясно изъ сличенія съ скр kapâla, означающимъ 1) n. Schale, Schussel, 2) m. n. Scherbe, 3) m. n. Hirnschale, Schadel, Schadelknochen, 4) n. Schale des Eis (Sct-Prsb. Wbuch; s. v.). Такъ напр. въ одной космогонической теологуменѣ. приводимой Веберомъ изъ 19 канд. Анкетилевой Упанишады· âdityo brahmeti.... te ândakapâle rajatam ca suvarnam câbhavatâm (Indd. studd. I, p. 260); или изъ Кат. Manor vai kapâlâny âsans... imâni shat kapâlâni yâcethâm iti..... imâni nau

[1]) Елементъ г является въ томъ же евфоническомъ назначеніи въ нарѣчіи в-луж.: worcel (сл. чешское wocel, ocel); въ нижне луж. chrossnisch (zaudern)· коснѣти.

kapâlâni dehîti» и пр. (Ibidem, III, p. 461). — Хотя и въ иномъ фонетическомъ сочетаніи, встрѣчаемъ тотъ же елементъ л, какъ евфонический, въ реченіи бер-ло-га, чеш. br-lo-h, которымъ соотвѣтствуетъ простое, безъ евфонической вставки ло, образованіе brh, встрѣчающееся въ значеніи [1]) «brloh, chyže» въ легендѣ св. Екатерины (i dosieže v skıytém trhu jednej dešćky z svého brhu ed. Pečirka et Erben, v. 642). Одного корня съ симъ реченіемъ—обл. бервено (Смол.), берно (Кур., Ряз.)—бревно. Рязанская форма берно своимъ фонетическимъ составомъ вполнѣ совпадаетъ съ чешскимъ brnožiti. Простѣйшее образованіе имѣемъ въ словинскомъ berv. Наконечное v въ образованіи berv относится къ h въ чеш. brh по слѣдующимъ аналогіямъ: двн. parh., barch, ac. bearh, a. barrow, рус. боровъ; ср. выше приведенныя многочисленныя аналогіи. Кромѣ того, отъ корня старочешскаго слова brh должно получить свое объясненіе и темное безъ него ст-слав. блъх-чи въ значеніи зодчего (τέκτων), съ легкимъ переходомъ р въ л. Образованіе, въ словообразовательномъ отношеніи, вполнѣ покрывающее русское бер-ло-га, представляетъ ст. чешское dje-lo-ha matrix (Mat. Verborum въ Altbohm. Denkm. p. 211). Корень етотъ весьма распространенъ въ славянщинѣ: ди-тѧ, дѣ-ти, дой-ка. RV. sa pîyûsham dhayati pûrvasûnâm. Ср. stanandhaya*h* въ смыслѣ «дитяти» (synn. potah, kshîrakanta*h*) у Hemacandra (p. 58). Удвоенную форму етого корня наблюдаемъ въ старо-чешскомъ djže, djžka (deska Mat. Verb.) mulctra и въ сербскихъ реченіяхъ дадија, дадилја (ancilla curans parvulos. Vuk), дӣжва (ср. чешск. djže «музлица, mulctra»).

Среди сихъ многочисленныхъ явленій евфоніи плавныхъ елементовъ, отмѣтимъ одно, которое отличается особенною ясностью и связываетъ ети явленія съ другою выпуклой чертою славянской евфоніи плавныхъ съ шипящимъ r въ западныхъ нарѣчіяхъ. Именно, сербское нарѣчіе представляетъ хотя, и уединенное доселѣ, но весьма любопытное явленіе въ своемъ образованіи окрљати (convalescere), совершенно тождественномъ чешскому okrzati. — Но мы остановимся здѣсь, возвращаясь ко многимъ другимъ любопытнымъ явленіямъ въ нашихъ удвоенныхъ обра-

---

[1]) Иногда реченіе brh, какъ архаическое, позже замѣняѣтсь словомъ brloh Такъ, въ Муз. Пассіоналѣ XIV стол. p. 433 «yeden pustennyk nabazni na puszy w swem brhu (ex. impr. brlohu) sedye uslyssaf... Otewrziew okence»...

зованіяхъ. — Итакъ, выше было нами установлено, что въ реченіи клѣ-к-ът-ати языкъ въ епоху относительно позднѣйшую слилъ коренной гортанный елементъ к съ именнымъ образовательнымъ слогомъ -ът- и принялъ сей комплексъ за коренной составъ, образуя въ слѣдствіе етого клѣ-чьт-а-н-иѥ, Въ етомъ же образованіи мы встрѣчаемъ и въ удвоительномъ слогѣ тотъ образъ смягченія, который можемъ назвать преобладающимъ, т. е., обращеніе гортанной въ небную въ названіи птицы чечот-ка [1]). Мы на нижеизложенныхъ основаніяхъ почитаемъ удвоительный слогъ че- однимъ изъ многочисленныхъ явленій закона силлабической ассимиляціи, упражняющаго очень замѣтное вліяніе на славянское словообразованіе. Ето – своего рода, славянскій санди. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: словинское šegetati, сравнительно съ рус. щекотать, ему однозначащимъ. Тоже нарѣчіе иногда просто выпускаетъ несродную въ группѣ согласную, такъ напр., šerba вм. škerba (щербина), когда она стоитъ рядомъ, безъ посредствующей гласной, и, напротивъ, ассимилируя иногда черезъ слогъ, напр., въ ščiga вм. секира. Иногда и такія группы оказываются тяжелыми; тогда нарѣчіе опускаетъ вторую šet, šetina вм. ščet, ščetina, šipati вм. ščipati. Форма šegetati, въ силу силлабической ассимиляціи, слилась, наконецъ, въ žgetati. Нерѣдко даже діалектическія особенности, казалось бы позднѣйшія, получаютъ свое высшее освѣщеніе въ старинѣ арійской. Во многихъ изъ разбираемыхъ явленій наблюдаемъ чисто-арійскій принципъ простоты согласныхъ группъ. Соотношеніе щ : ч, изъ которыхъ второй елементъ почитался специфическою особенностью нарѣчія русскаго среди нарѣчій юговосточной группы, замѣчается въ глубокой старинѣ, въ средѣ явленій гораздо болѣе обширной. Такъ напр., хорв. včeknuti [2]) находится на русской полосѣ; чешское uštiknuti—на старославянской. Етотъ древній принципъ простоты согласныхъ группъ даетъ себя чувствовать въ огромной массѣ явленій, особенно въ старославянскомъ языкѣ; такъ, при сложеніи съ предлогами, изъ группы согласныхъ остается одна, принадлежащая корню глагола, изрѣдка афицированная пропавшею сосѣднею согласною. И во всѣхъ етихъ стяженіяхъ слоговъ консонан-

---

[1]) Ср. со словомъ щекотъ, щекотка, сорока болтунья. Сибир. (обл. слов. s. v.).

[2]) Kad ju za rit uchekne, y za ruku ztiszne. Dan. Zagreb. 1836, p. 105.

тизмъ ниспадаетъ,—тонкія уступаютъ свое мѣсто среднимъ; хорв. zdajen вм. sedanj («сегодня», ср. здѣ вм. сьдѣ), zdenec вм. studenec (zdenčec Dan. Zagreb. 1840, p. 89). Ниспаденіе съ тонкихъ на средніе елементы наблюдается по нарѣчіямъ, даже по варіантамъ рукописей. Такъ, въ чешскомъ brzeždit i se—brešt i t i se (Jungmann), какъ видимъ, въ обратномъ порядкѣ, dereštj-deryždj; drzeždeti trzešteti (т. е оči -таращить); чешск. drzjzdam -словац. drzjstam, drzizha—trzjska, druzgam—trzjskam, чес. dštavy—пол. ždžavy. Тоже наблюдается и въ области болѣе обширной. словац. и старочеш. strabiti (Nebo naslunczy strabil byswu moc Msc. ošlep. 53) вм. zdraviti. Тоже и въ старопольскомъ, въ Пс. Марг. ne pestrobon bodz czlowek (ne corroborentur homines VII, 20; ed. Dun. Bork. p. 5); въ старославянскомъ ѯстрѣбити (ѯстерѣ ѿтрочищь ἠδρύνθη «возмужалъ». Опис. сун. библ I, 40). Нижнелужицкое нарѣчіе доселѣ еще сохраняетъ форму strow со всѣми ея образованіями. Этимъ фонетическимъ процессомъ объясняется очень много, особенно въ юговосточной вѣтви славянскихъ нарѣчій чбанъ-жбанъ; весьма архаическая форма сего речения, сохраненная нарѣчіемъ сербскимъ, чв-ул, чв-уо (calix, poculum) модифицируется въ жмул, жмуо, ср. чварак-жмпре и пр. нѣкоторыя речения представляютъ любопытное явленіе въ этомъ отношеніи, предвосхищая цѣлую ступень. Тк. напр., переходъ чешскаго skovran, skovranek въ жаворонокъ, собственно. не мыслимъ безъ посредствующей ступени щованъ. Но и такія рѣзкія черты не служатъ признакомъ какого либо распаденія на группы, ибо въ древнеславянскомъ языкѣ находимъ весьма точный аналогонъ чешскому skovranek—скобранъць у Іоанна екзарха болгарскаго въ Шестодневѣ (κορυδαλός alauda). Въ нарѣчіи вараждинскомъ, представляющемъ любопытную смѣсь особенностей нарѣчій хорватскаго и хорутанскаго, встрѣчаемъ въ образовательныхъ слогахъ явленіе противуположное: «povečte mi», «povеč ti meni» (Pripov. Valjavca, pp. 3, 12, 19 etc.) вм. povežd'te; «ječte» вм. jažd'te (ibid p. 83; ср. рус. ѣште) Въ словинскомъ нарѣчіи видимъ крайность стяженій подобнаго рода въ побочныхъ формахъ -skudela-zdela (ср. studenec-zdenec выше): če greh škudelico zniža... ko stlači ždelo h tlom hudobija; zdelica z grehi se zniža... Tri solze v zdelo k duši potoči (Cvet, p. 43). Въ вараждинскомъ нарѣчіи встрѣчаемъ тоже: a trejti je rekel da je senjal da

mu otecdržal vodu vu zdelu amati ručnika 'da se bu on hmival (Prip Val p. 54). [1])

Еще нѣсколько примѣровъ изъ области свистящихъ: свистать и гвиздать (чешское). Чешской формѣ hvizdati вполнѣ соотвѣтствуетъ старорусская звиздати: «иногда звиздалъ яки змѣя». Рпсь синод. № 413, л, 81—82, доселѣ удержавшаяся въ просторѣчіи въ образовании звизнуть. (Ср. рпсь Унд. № 276, л. 86). Что старше—группа ст или зд? Мы выше доказали родство с и т. Ниже увидимъ склонность т къ евѳонической в. Съ нимъ раздѣляетъ ее и с. Корень обоихъ разбираемыхъ реченій находимъ въ греч. σίζω [2]) и скр. çinj, какъ напр. о свистѣ стрѣлы въ одномъ ведійскомъ мѣстѣ у Яски въ Нируктѣ (IX, 18) yoshê 'va çinkte vitatâ 'dhi dhanvan, въ слѣдствіе чего и значитъ çinjâ f. и çinjini въ скр «тетива» (Kuhn въ Z. f. v. S. II, p. 139). При этомъ, конечно, выигрываетъ форма съ зд или жд, происшедшая изъ коренной согласной тогда какъ ст или шт объясняется именнымъ образовательнымъ суффиксомъ -тъ, которому и ассимилировалась мягкая свистящая въ формѣ ст или шт Итакъ, какъ сказано, форма свизд есть первоначальная. Этому служитъ доказательствомъ, кромѣ выше приведеннаго, и вѣрная аналогія греч. σφίδη. лат. fides (Kuhn въ Z. f. v. S. IV, p. 9) Кромѣ того, форму свир-ѣль и пр. почитаемъ за весьма древнюю фонетическую модификацію того же корня свид, свиз, съ свойственнымъ славянщинѣ переходомъ д въ р (свадьба – сварьба и пр.). Слѣдовательно, коренная форма свир предполагаетъ въ славянщинѣ ничѣмъ еще не осложненную форму — свид [3]). Для древней епохи мы должны предположить болѣе частую смѣну елементовъ д и р. Ею объясняются нѣкоторыя явленія въ нарѣчіи сербскомъ. Смягченіе близко роднило средніе елементы порядковъ гортаннаго и зубнаго· г смягчалось въ тотъ же елементъ, въ который смягчалось д; и въ етотъ моментъ смягченія г смѣнялось р, подобно д. отсюда

---

[1]) Вѣроятно, къ той же семьѣ словъ должно отнести реченіе skodli въ слѣд. мѣстѣ Истрійскаго развода 1325-го года: «les seć za dogi bacav i badan i za ostale okruti, i za skodli his krita» (Akkiv II, 2, p. 233)

[2]) Од. X, 394 „ὡς τοῦ σίζ' ὀφθαλμὸς 'ελαινέω περὶ μοχλῷ" (sch 'απὸ τοῦ κατὰ το λίπος γιγνομένε συσιλισμοῦ, ὡς τοῦ σιζ 'ὀφθαλμός).

[3]) Архаичность етой фонетической черты славянщины ясна изъ слѣдующей ведійской аналогіи: idhâ-irâ Ею всего легче объясняется тотъ небной оттѣнокъ въ произношеніи русскаго твердаго л, который такъ ясенъ всякому иностранному уху.

объясняется срб. морем (вм. možem), raz-renu вм. raž-denu (первонач раз-гоню) въ Сиренѣ Петра Зрини (XVII в.) у Ягича въ Književnik III, 387 Старшинствомъ зд передъ ст въ разобранномъ случаѣ нисколько, впрочемъ, не ограничивается склонность группы ст къ смягченію. Отъ смягченія въ шт а затѣмъ и въ жд она удерживается лишь въ сосѣдствѣ плавныхъ р и л, вознаграждающихъ своимъ вокальнымъ организмомъ внутреннее смягченіе группы. Въ нѣкоторыхъ подобныхъ случаяхъ славянщина имѣетъ прецеденты арійскіе: чешск. štjava — скр. shṭîv (spuere). Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что русское образованіе слю-на обязана своимъ происхожденіемъ именно тому противуположному процессу, при чемъ т было вовсе вытѣснено тяготѣющимъ къ своему объекту смягчающимъ елементомъ.

Большинство явленій, нами здѣсь разобранныхъ, вращаются въ области гортанныхъ, плавныхъ и, часто изъ соприкосновенія ихъ возникающихъ, небныхъ. Нашъ фонологическій епизодъ былъ бы весьма не полонъ, если бы мы не привели етихъ явленій въ естественную связь съ нѣкоторыми другими, относящимися къ тому же архаическому слою. Дѣйствительно, гортанный подъемъ старо-славянскихъ образованій весьма часто подвергается модификаціямъ, оставившимъ на себѣ слѣдъ фонетическихъ обычаевъ старшей епохи. Зендская склонность къ группѣ кв-чв смѣняется нерѣдко болѣе законообразною въ славянщинѣ группою кр-чр. Прежде всего, наблюдаемъ ее въ звукоподражательномъ корнѣ образованій, имѣющихъ, очевидно, общую коренную основу: старославянское црькꙋтѣниѥ и чешск. cvrk, cvrliti. Чешское cvrliti есть, впрочемъ, плодъ контракціи. Старославянское црькꙋтѣниѥ можемъ назвать образованіемъ весьма близкимъ къ первоначальности. Въ чешской формѣ cvrliti кореннаго состава лишь cr : v между обоими елементами и все остальное относится къ области евфоніи и образовательныхъ елементовъ. Дѣйствительно, корень слова есть cr. Онъ образуется черезъ суффиксъ k, придающій глагольнымъ отыменнымъ образованіямъ оттѣнокъ учащательный (фреквентативный). Такъ въ чешскомъ нарѣчіи имѣемъ двоякую форму звукоподражательнаго корня cr : cr-k (sonus decurrentis liquoris) и cvr-k (das zirpen), отъ которыхъ и производятся итеративные глаголы crčeti и cvrčeti. Но, къ коренной плавной r, какъ мы видѣли выше, охотно присоединяется евфоническій плавный елементъ, слѣдовательно ; и образуется итеративная же форма

cvr-(li)-k-a-ti, отъ которой отличается образованіе cvr-(li)-ti лишь отсутствіемъ итеративнаго k. Въ области корней, имѣющихъ болѣе чреватый нарицательный смыслъ отмѣтимъ совершенно исключительный случай въ Григоріѣ Богословѣ XI-го в. чрѣтѫщи (θαλλουσα): форма, при всей своей рѣдкости, въ высшей степени поучительная. Она замѣняется въ иномъ преложеніи словъ Григорія Богослова обыкновенною цѣвѣщи (Востоковъ II, 562). Въ полномъ развитіи ету евфоническую игру видимъ въ разнообразныхъ формахъ нарѣчія чрезъ, скрозь, skrz, крозь, сквозь, przez [1]). Группу скв можемъ, вообще, отнести къ привычнымъ, любимымъ въ славянщинѣ, напр., слово шкворень представляетъ случай, гдѣ такая евфоническая группа затемняетъ етимологію слова, яснаго въ своей чешской и словацкой формѣ, изъ которыхъ— въ чешскомъ реченіе svoren имѣетъ значеніе «желѣзнаго рычага въ мельницѣ», въ словацкомъ — значеніе нашего шкворня. Етимъ объясняется етимологія слова s-vor-en есть то, что s-vir-á. Существуютъ и дальнѣйшія образованія, употребляемыя въ чешскомъ языкѣ и въ русско-словацкомъ значеніи: svornik, svornice.

Иногда чешское нарѣчіе имѣетъ групу sk, гдѣ словацкое еще удерживаетъ чистый фонетическій составъ корня; напр., чес. škra-kličky — словац. šarakle Но воротимся къ нарѣчію чрезъ. Его первообразную форму наблюдаемъ въ зендскомъ taro скр taras, имѣющемъ и значеніе съ нимъ общее, особенно если взять его въ сложныхъ словахъ. taroidîta, taromaiti, taroyâra и пр. Мы видимъ изъ сличенія съ зендомъ, что р въ предлогѣ чрезъ и пр. относится къ его коренному составу, хотя, какъ видно, языкъ болѣе привыкъ къ евфоническому значенію группы кр, чр и т. д. и потому въ формѣ сквозь замѣнилъ р буквою в, какъ бы она была благозвучною Еще болѣе того: словинское нарѣчіе выпускаетъ вовсе р, какъ благозвучное, и употребляетъ наряду съ črez-čez, подобно тому, какъ выпускаетъ его въ словахъ čevo вм. črevo, čevelj вм. črevelj, čeda вм. čreda [2]), češnja вм. črešnja, česvina вм. črešvina (i česvina od sto vieka. Gund. Osm. IX, 64), и, на оборотъ, вставляетъ ето р въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно,

[1]) Съ санскритскимъ tiras сходятся ети славянскія нарѣчія (adverbia) даже и въ отдаленныхъ точкахъ: tiroahnya adj. къ purodâç RV. III, 28,3: въ см. черезъ день (третьяго дня) испеченный пирогъ.

[2]) Čede ovac in koz skačejo vesele po spašnikih. Slov. Glasn. X, 70

очевидно, не можетъ имѣть коренного значенія. какъ напр. čèrhnuti вм čehnuti. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, далеко не одинаковыхъ, языкъ одинаково относится къ группѣ чр, какъ благозвучной Къ сожалѣнію, не всѣ изъ приведенныхъ нами словъ этимологически ясны, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ р имѣетъ доказанымъ образомъ коренное значеніе. такъ напр. въ словѣ čreda, безъ сомнѣнія, сродномъ зенд kharedha (Nerios. varga). Тѣмъ увѣреннѣе сличаемъ мы словинское čreda съ однозначащимъ ему зенд. kharedha, что въ сербскомъ нарѣчіи встрѣчаемъ и несмягченную его форму krd (grex), krdar (subulcus), слов krdêlo (Slov. Glasn. X, 1 Da s častno zmago venčano kerdelo Poverne se v osrečeno deželo. Okiški). Въ моравскомъ и словацкомъ нарѣчіяхъ находимъ тоже образованіе krdel (heyno Jungmann). Форма несмягченная, естественнымъ образомъ, старше смягченной. Ее встрѣчаемъ и въ литовскомъ языкѣ съ образовательнымъ елементомъ -u: kèrdžus («пастухъ» ir wis buwo waidai tarp kerdžû ant Abromo galwiju, ir tarp kerdzu ant Loto galwiiu. Genes. XIII, 7) [1] — Наряду съ словинскимъ, и хорватское нарѣчіе представляетъ не мало любопытнаго въ средѣ тѣхъ же явленій Хорватское нарѣчіе представляетъ случаи аттракціи елемента v къ гортанной или небной на разстояніи слоговъ, какъ напр. въ реченіи čvarsti y Gund. Osm. XV, 175. Trepiće s robstva, ko trepetje Tarst, kad sie-ver zadme čvarsti; XVII, 92. Miešte oružja nosec čvarste Drienovice, dubja grane. Тоже видимъ въ реченіи čveter (viergespann), въ которомъ v, очевидно, также перенесено изъ образовательнаго слога въ коренной. Такое свойство легкаго перенесенія елемента в изъ одного слога въ другой объясняется его природой, выразившейся во многихъ другихъ явленіяхъ евфоніи. При гласной р въ сербскомъ нарѣчіи встрѣчаемъ в, имѣющее то тонкое значеніе дигаммы, которое можетъ быть замѣнено расширеніемъ гласнаго состава плавной р; такъ реченіе врлудати (incedo ut minus bene valens) въ Сремѣ произносится ерлудати. Какъ сто любопытное явленіе, такъ и чисто евфоническое упо-

[1]) Взаимодѣйствіе елементовъ плавныхъ съ гортанными идетъ глубоко въ старину арійскую. Нѣкоторыя явленія и въ санскритѣ могутъ получить изъ него свое объясненіе. Мы указываемъ, въ связи съ разобранными нами явленіями на скр çîgh-ra и его отношеніе къ çîbh-a въ нар çîbham: RV III 33, 22: yâta çîbham (çîghram gacchata. sch). Значеніе стихъ, очевидно, этимологически сродныхъ реченій — «скоро, быстро» Ср. рус шиб-к о.

требленіе елемента в, наряду съ г, въ подъемѣ словъ, составляетъ одинъ изъ признаковъ специфически-славянской евфоніи. Но особенно архаическій характеръ носитъ на себѣ склонность в къ гортаннымъ и небнымъ. Ету черту можемъ назвать общею всей славянщинѣ Отъ XII вѣка донеслась до насъ форма квапити и отъ старо-русскаго нарѣчія, вм. капати: наквапити ложкою испотира, говоритъ Кирикъ. Сію рѣдкую форму подтверждаетъ Востоковъ слѣдующимъ примѣромъ изъ Діоптры видя птенца своя мртвыя и наквапитъ крови своя на нихъ. Но, кромѣ формы квапити, совершенно согласно съ выше изложенными особенностями южно-славянской фонетики, какъ извѣстно есть и форма кропити. Тоже замѣчаемъ и въ другихъ нарѣчіяхъ; такъ напр., въ моравскомъ: Po zahrade chodila, A tu krvju kropila Kde kapečka ukapla, Vsady révek vypukl. (Sušil, p. 48); A za tú hlavičkú štyry krápe krve (Ibid. p. 129). Какъ видимъ, наряду другъ съ другомъ употребляются и формы съ р и формы безъ него. Тоже фонетическое явленіе наблюдаемъ въ кашубскомъ миѳологическомъ имени krosniąta. или krâsniaki. Г. Гильфердингъ (p. 68, прим. 1) объясняетъ ето слово изъ скр. karç, чеш krsati, krsek, нашимъ кроха, крошить и пр. Со стороны фонетической, возраженія не имѣемъ; производство возможно. Но не можемъ не указать на то, что самый тонкій оттѣнокъ значенія весьма часто сильно обособляетъ корень и мѣшаетъ производству. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Всѣ приведенныя г-мъ Гильфердингомъ слова имѣютъ оттѣнокъ отрицательный въ своемъ значеніи—уймы, ущерба. Самое чешское нарѣчіе, употребляя слово krsek для обозначенія медленно растущаго дерева, человѣка, никогда, однако, не употребляетъ его, какъ имя собственное существъ миѳологическихъ, которыхъ называетъ иначе — трпаслики и пр. Словомъ, мы хотимъ сказать, что кашубскихъ Кроснятъ никто не крошилъ; они по природѣ малы — «dremnî» или «drebnî», какъ ихъ называютъ очень часто тѣже кашубскія сказки, изданныя г-мъ Гильфердингомъ. Притомъ замѣтимъ, что, вообще, весьма опасно такого рода именныя образованія сводить къ глагольнымъ корнямъ. Весьма рѣдко можно наслѣдить ихъ коренную форму. Я предлагаю принять р за прастарую благозвучную и сличать кроснятъ съ древне-арійскими трпасликами, которыхъ названіе удержалось въ зендѣ—kaçvî. И природа спхъ древне-арійскихъ трпасликовъ также зла, какъ и природа Кашубскихъ кроснятъ. vd. 2, 8 ; yt. 5, 92 встрѣчаемъ противъ нихъ родъ заговора. Ето же имя употреб-

ляется, какъ имя собственное одного злаго Дѣвы [1]) Имя прилагательное kaçu употребляется очень часто и въ нарицательномъ значеніи «малый» — и отдѣльно, и въ именахъ сложныхъ (kaçukhratu, kaçudânu, kaçupatu, kaçupâshna). Самое убѣждающее посредство между зендскимъ kaçu и полабскими кроснятами представляетъ русское имя кощей, употребляющееся въ смыслѣ трпаслика, маленькаго человѣчика въ извѣстномъ мѣстѣ сл. о П. Иг., въ одномъ мѣстѣ цитуемой Карамзинымъ лѣтописи, и въ извѣстномъ мѣстѣ Новгородской лѣтописи: бяше съ нимъ одинъ кощей малъ s. A°. 1174, при чемъ Воскресенская лѣтопись толкуетъ дѣтескъ [2]). Предполагаемъ, что въ старину многочисленныя и разнообразныя сказанія Кашубовъ о Кроснятахъ были достояніемъ общеславянскимъ. Этимъ объясняется новѣйшее, христіянской епохи реченіе коцюна или коштжна, употребляющееся въ Изборникахъ 1073—1076 г., Григоріѣ Богословѣ XI вѣка, въ Лѣствичникѣ XII вѣка въ смыслѣ μόθοι, а во множ. ч. коштюны—μυθικά, которыя должны имѣть ближайшее отношеніе къ кощеямъ, или прибалтійскимъ, древле, очевидно, обще-славянскимъ кроснятамъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, значеніе етого слова обобщилось всякое оскорбленіе святыни на Руси доселѣ называется кощунствомъ; ето слово, наконецъ, перешло въ терминологію Свода Законовъ [3]).

Итакъ, несомнѣнно, плавная р встрѣчается въ своихъ евфоническихъ назначеніяхъ съ в. Въ чемъ же точка тяготѣнія? Я полагаю рѣшительно яснымъ смягчающее значеніе р и в въ славянской фонетикѣ, и, именно, на слѣдующихъ основаніяхъ. Нерѣдко при зубной т елементъ в замѣняетъ патализацію, т. е, обращеніе зубной въ небную. Такъ, въ словинскомъ, весьма часто сохраняющемъ намъ архаизмы славянской фонетики, встрѣчаемъ реченіе trd. Въ остальныхъ нарѣчіяхъ находимъ уже реченіе на первой ступени смягченія рус. твердый, чешск. tvrdy, пол.

---

[1]) Отношеніе образованія крос- къ кощ- совершенно аналогично отношенію, наблюдаемому между двумя чешскими побочными формами: krusle и kůsle (schlittschuhen).

[2]) Такихъ конкретныхъ совпаденій не мало въ миѳологическихъ именахъ славянскихъ съ зендомъ; ср, напр., чешскій dăs, dĕs съ зенд. diçu (хищный звѣрь), daeça (чудовищный звѣрь).

[3]) Древняя связь понятія «малаго» съ понятіемъ «зла, вреда» особенно ясна на развитіи вед. кр. dabh и его образованія — dhab-ra и пр. (См. С.Птрбр. Слов. III, p 514).

twardy и пр. Мы считаемъ себя въ правѣ называть группу tv первою ступенью смягченія потому, что еще въ старо-славянскомъ наблюдаемъ ето реченіе уже на второй ступени смягченія, т. е., въ состояніи полной патализаціи,—въ формѣ чрѣдъ [1]). Итакъ крайнія точки сего процесса находимъ въ словинскомъ и старо-хорватскомъ [2]) trd и старо-славянскомъ чрѣдъ. Среднее между ними положеніе занимаетъ чешское tvrdy. Тяготѣніе v къ t особенно яснымъ является въ старо-хорватскомъ реченіи tvar - trovanje (Giftmischerei, veneficium), гдѣ наблюдается рѣзкій метатезисъ v съ r для соединенія перваго съ t. Ето любопытное реченіе встрѣчаемъ въ статутѣ кркскомъ 1388 г.: Ošće hote, ako bi ke ženi pretile tvarmi, imej se vložit v berlinu (Arkiv II, 2, 285). Къ русскому расширенному корню тѫж- находимъ въ словинскомъ двѣ побочныя формы tez и tvez. Лексикологи предлагаютъ и teziti и tveziti, и sredotezen и sredotvezen и пр. (Янежичь-Вольфъ). За старину образованія ручается, вмѣстѣ съ группою tv, и первая ступень смягченія, на которой застаемъ z, во всѣхъ остальныхъ нарѣчіяхъ перешедшее уже въ ž. Ета форма tvez - удержалась въ одномъ словинскомъ нарѣчіи, точно также какъ и форма trd принадлежитъ ему исключительно Но припомнимъ, что, какъ въ старо-славянскомъ употребляется наряду съ формою тврьдъ и форма чрѣдъ, такъ точно и реченіе тяжелый, какъ бы предполагая форму твяжелый (ср. слов. tvez-), рyсскій народъ произноситъ чяжелый, или чижелый. Иногда даже вполнѣ состоявшаяся патализація привлекаетъ одинъ изъ евфоническихъ елементовъ, состоящихъ съ нею въ связи. Ето наблюдаемъ, напр , въ старо-славянскомъ реченіи чрѣлюшны, (жабры), отъ котораго прилагательную форму встрѣчаемъ у Іоанна Ексарха болгарскаго въ Шестодневѣ (τῶν βραγχιων διαστολή—чрѣлюшное разврѣзаніе. Ета склонность плавной къ небной является всего рѣзче на любопытномъ метатезисѣ и стяженіи въ чешскомъ мѣстномъ имени čalovice изъ čelejovice, а послѣднее изъ čad'alovice. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ плавная или в при гортанной

---

[1]) Въ Истрійскомъ разводѣ 1325 г.: tako su tu trda svoja zlamenja postavili (Arkiv II, 2, p. 258). Къ тому же корню относимъ старохорватское собственное имя Trdun въ межевой грамотѣ 1395 г „Župan Jvan Trdun (Arkiv II, 2, p. 309).

[2]) Впаде в недоуѓъ рекъ корабленикомъ чреди боудите неподвижими (въ др. сп. тврьди боудите и не движимы Прол XVI в; апр. 9) у Востокова II, 566.

служитъ выразителемъ потребности въ смягченіи или палатализаціи; такъ напр. серб. квр-га и по образованію и по фонетикѣ тождественное съ рус кор га въ удвоительной своей формѣ смягчается ко-чер-га Плавная р присоединяясь къ б весьма часто обращаетъ етотъ елементъ въ в. Такъ, въ сербскомъ встрѣчаемъ врч въ значеніи poculum, matula, врчина въ значеніи matula. Сербскій переводъ Іоанна Каптакузена представляетъ дальнѣйшее образованіе отъ етого реченія врчва (въ м. п. врчвьк). Мы наблюдаемъ здѣсь измѣненіе б въ в по вліянію евфоническаго р, ибо врчва есть видоизмѣненное образованіе врчвı,—вѣ; хорв. и слов. bačva (les seć za dogi bačav i badan. Arkiv II, 2, p. 233). Съ етой точки зрѣнія въ высшей степени замѣчательна игра словъ въ слѣдующемъ мѣстѣ одной новобулгарской пѣсни. Малка като бачва, Тенка като врчва, повторяющаяся въ ней дважды (Верковичь, pp. 126—127) Измѣненіе б въ в по вліянію р встрѣчаемъ также въ чешс и серб. реченіи v r k-oč, если сравнимъ его съ старо-славянскимъ врчьхъ (πλόκαμον), попадающемся въ Григоріѣ Богословѣ XI вѣка вероникинх врчьхъ. Корень дошелъ и въ своемъ глагольномъ образованіи, въ сложеніи съ архаическимъ префиксомъ ко въ сербскомъ реченіи ко-врч-и-ти (krause'n, crispo), ср. ко-врч-и-ца (das Haarlockchen, cincinnus). Форма съ в вмѣсто б принадлежитъ, кромѣ чешскаго и сербскаго, и старо-русскому языку, судя по маргинальной глоссѣ на синодальной библіи къ греческому слову τριχάπτον: ако се в нлск врѣкочь (Опис. синод библ. I, p 107) Коренную форму, какъ по образованію, такъ и по значенію, ближайшую къ первоначальности, наблюдаемъ въ глаголѣ чеш. b r uč-i-ti (se)—въ значеніи «hervorkeimen, aufbluhen», отъ котораго ближайшее производство имѣемъ въ чешскомъ b rč-al, служащемъ названіемъ нѣкоторыхъ растеній, а въ моравскомъ нарѣчіи употребительное въ значеніи особенно близкомъ къ старославянскому врчьхъ, въ значеніи «chomač, ein buschel». Тотъ же корень наблюдаемъ въ названіяхъ вьющихся растеній —чешск. b r s-len (ol. b r s-niel) и b r zečtan. Первое реченіе, какъ видно, было распространено по всей области старо-славянскаго языка, ибо его находимъ, какъ въ словинскомъ, такъ и въ новобулгарскомъ нарѣчіяхъ· Брала је мома зеленъ бршлѣнъ (Верковичь, p. 151).

Смягченіе зубной tenuis посредствомъ v въ высшей степени важно для вѣрнаго представленія о генезисѣ славянскаго консонантизма. Въ

генетическомъ отношеніи мы и называемъ ето явленіе — первой ступенью смягченія Самая смѣна гортанной tenuis зубной (t вм. k) есть уже движеніе по направленію къ смягченію: въ мѣстномъ говорѣ русскомъ ета смѣна чувствуется очень живо. Но сей процессъ иначе не мыслимъ, какъ одновременно съ присоединеніемъ къ зубной тонкой полугласной в (греч. υ). Вслѣдствіе чего въ славянщинѣ и сложилось воззрѣніе на группу tv въ подъемѣ словъ, какъ на евфоническую единицу, которая видоизмѣняется согласно особенностямъ мѣстнаго говора. Вслѣдствіе етого, говорю, словинское нарѣчіе и произноситъ storiti вм. stvoriti и пр Въ етомъ словѣ елементъ в мы не можемъ признать евфоническимъ; но и онъ послѣдовалъ аналогіи большинства словъ, поднимающихся съ евфонической группы tv. Тоже явленіе смягченія дигаммою мы видимъ и въ другихъ языкахъ, напр греческомъ и нѣмецкомъ, но съ тѣмъ различіемъ, что въ нихъ сей пріемъ смягченія прилагается не къ зубному порядку согласныхъ, а къ гортанному, и что въ греческомъ языкѣ смягчаемая гортанная въ етомъ случаѣ совершенно пропадаетъ (γ), а, напротивъ, дигамма, обыкновенно въ подъемѣ словъ оставляющая свой слѣдъ въ одномъ придыханіи, въ етихъ случаяхъ отвержается до β, или π. Такъ объ етомъ говоритъ Кунъ въ поучительной статьѣ своей о корнѣ «gaf, gamf» (Z. f. v. S. I, pp. 128—129): «Das o nach γ tritt in einigen wörtern gerade da auf, wo die verwandten sprachen die palatale erweichung des g zu j zeigen, welche das griechische nicht entwickelt, während es mehrfach π und β an der stelle von scr. c und j zeigt, die nur aus einer erweichung von k und γ zu κυ und γυ in der weise zu erklaren sind, dass k und γ abfielen und das digamma sich zu π und β verhartete». Вслѣдъ за тѣмъ Кунъ находитъ аналогію подобнаго же рода смягченія дигаммою гортанныхъ согласныхъ: scr. gna, гот. qvens, qvino, др.-сѣв. kona, тогда какъ въ славянщинѣ въ етомъ случаѣ, именно въ средней согласной гортаннаго порядка смягченіе поступаетъ прямо по пути палатализціи -жена (ibidem, p. 129). Греческій же языкъ наряду съ γυνή представляетъ мѣстное беотійское реченіе βάνα, гдѣ β объясняетъ авторъ, какъ отвердѣніе υ въ реченіи γυάνα (pro γυνή). Прибавимъ къ тому, что др.-сѣв. kona представляетъ со стороны консонантизма полный аналогонъ съ слов. storiti. Склонность v къ t не есть явленіе новой епохи. Въ епоху арioеленскую, ета фонетическая черта составляетъ признакъ специфически-арійскій, такъ напр., tvaksh desid. отъ tvak, греч. τεκ-; скр. tvashtar—греч. τεκτων. Въ скр. нахо-

димъ даже явленія въ этомъ родѣ, носящія на себѣ очевидные признаки секундарности. Намъ кажется, именно, что ведійскія реченія съ коренною формой tok—tuc, означающія рожденіе, поколѣніе, должны быть объясняемы, какъ контракціи, при сближеніи съ греч. τίκτω.

По подробномъ анализѣ, какъ словообразовательнаго, такъ и фонетическаго состава любопытнаго удвоеннаго образованія скокъчати, обратимся къ внимательному разсмотрѣнію въ той же мѣрѣ поучительной, аналогической разобранной, удвоенной же формы ско-кол-з-а-ти. Къ этой древнеславянской формѣ въ русскомъ языкѣ существуетъ побочная скользить. Реченіе скользить не можетъ получить себѣ объясненія въ самой себѣ если ее сопоставить съ древне-славянскими скоколжати, скоколзати, скоколзноути. Для объясненія сихъ древне-славянскихъ формъ нужно припомнить, что санскритскіе глагольные корни, состоящіе изъ гортанной съ слѣдующею за нею согласною другаго порядка, повторяютъ въ удвоеніи первую, т. е., гортанную согласную въ видѣ небной (palatalis). Такимъ образомъ корень кл, по соотвѣтствію группы ск санскритской небной, представляетъ удвоенную форму ско-кол-з-а-ти. Но тоже явленіе наблюли мы выше надъ формою скокъчати. Итакъ, русская форма скользить, путемъ силлабической ассимиляціи, сильно стянула коренную форму въ ея удвоенномъ видѣ. Преобладаніе удвоительнаго слога надъ кореннымъ въ славянщинѣ — вещь самая обыкновенная, судя по образованію да-(д)мь. Остается вопросъ: не удержалось ли образованіе, въ которомъ можно бы было наблюсти сей корень, въ его неудвоенной формѣ? Отвѣчаемъ утвердительно, — и, именно, въ областныхъ реченіяхъ новогородской области: глездить, глёзко, глёзкой, гдѣ, какъ видимъ, л, оставаясь вѣрнымъ своему смягчающему значенію, обратило к въ г; другая семья словъ съ отличіемъ въ образовательномъ елементѣ, на которомъ вскорѣ будемъ имѣть случай остановиться, принадлежитъ той же области. глудкій, глудко, глуздить, гылзать (Оп. обл. слов. 37. 44). Въ старорусскомъ языкѣ находимъ образованіе вполнѣ тождественное вышеприведеннымъ новогородскимъ нарѣчіямъ, въ сложеніи съ предлогомъ о-: о-гл-ез-нѹ-ти: ѡнже ѡглезнѹ ногами своими. Рпсь Ундольскаго № 276, л. 128. Въ случаяхъ стяженія коренной формы к нерѣдко обращается въ г, при столкновеніи съ полугласными и плавными. Совершенно аналогическій случай реченію гл-узд-и-ть представляетъ реченіе гв-оз-дь (clavus), срб. гвозден (ferreus). Мы не

сомнѣваемся, что здѣсь корень представляется въ стяженной формѣ гв изъ кав (ческ. и старослав. kov металлъ). Сербское нарѣчіе, сохранившее любопытное значеніе прилагательнаго гвозден (ferreus), донесло до насъ и побочную форму реченія гвоздь, на высшей ступени палатализаціи чаво (clavus) Здѣсь не видимъ словообразовательнаго нарощенія з- суффикса, замѣняемаго въ етой любопытной формѣ суффиксомъ л (=о). Реченіе сіе принадлежитъ сербскому нарѣчію во всѣхъ мѣстностяхъ и временахъ. Мы его встрѣчаемъ и въ пѣсняхъ Вука (II, 620; IV, 471) ивъ Истріянскомъ Разводѣ 1325 г.: čavli križem zabijeni (Arkiv II, 2, pp. 247, 248); odtu na jedan velik mnel, i vnem naidoše dva stara križa i zabiše čavli vnem (Ibid. 250) [1]) Итакъ, мы легко нашли удвоеніе и коренную форму, которая подверглась сему удвоенію. Остановимся на елементѣ образовательномъ з- въ реченіяхъ скоколзать, скользить, скользкій. Етотъ елементъ есть, несомнѣнно,—образовательный именной, который въ етомъ стянутомъ къ корню видѣ находимъ въ реченіяхъ скользкій, дерзкій, трезвый и пр. Не вездѣ одинаково стянутъ етотъ суффиксъ съ корнемъ. Такъ напр., въ неудвоенной формѣ того же корня — глѣзкой, глуздитъ мы застаемъ еще его гласную вполнѣ сохранившеюся Точно также для стянутой формы, дерзкій находимъ и нестянутую дер-ѧs-ивый (въ древнемъ преложеніи творенія св. Кирилла Іерусалимскаго), заставляющую насъ предполагать первоначальное именное образованіе дер-ѧsь, стянувшееся при дальнѣйшемъ движеніи въ дерз- Такимъ образомъ, форма трезвый предполагаетъ первоначальную, нестяженную форму тер-ѧs-ивый, отъ которой остался довольно ясный слѣдъ въ народномъ русскомъ твер-ез-ый. На основаніи сихъ наведеній, предполагаемъ для стяженныхъ образованій скоколзати, скользкій первоначальное, неудвоенное и нестяженное кол-ѧsь, или даже отъ кол-жзъ котораго весьма недалеко областное русское глузд(-кій, -ить). Мы думаемъ, что и одна областная русская форма въ достаточной степени убѣдительна. Но имѣя и другія наведенія, не находимъ причины умолчать ихъ. Именно, чешское нарѣчіе, въ противуположность съ русскимъ скользкій и въ полное согласіе съ русскимъ же областнымъ глуздкій удерживаетъ гласную суффикса въ формѣ kl-au z-am (ст-слав. кл-жзж), тогда какъ словацкое нарѣчіе, такъ часто, впрочемъ, удерживающее старшую пе-

[1]) Ср выше о смягчающемъ значеніи р, л въ славянской фонетикѣ.

редъ чешскимъ ступень фонетики и словообразованія, елидируетъ ее: kl-z-ati Замѣчательно, что какъ областная русская, такъ и чешская форма удерживаютъ гласную суффикса лишь при томъ условіи, чтобы корень не удвоялся. Кромѣ сихъ двухъ неудвоенныхъ формъ, знаемъ еще сербскую въ сложеніи съ предлогомъ о о-кл-из-а-ти (ausglitschen, labor). Сообразно съ сими послѣдними наведеніями, мы возстановляемъ первоначальную форму разбираемыхъ образованій уже не въ формѣ кол-ѧзь, или колѧзь, а кл-ѧзь, ибо л, очевидно, имѣетъ здѣсь, судя по наведеніямъ чешскому и сербскому, характеръ гласной. Тотъ же чистый, не удвоенный корень является въ сербскомъ нарѣчіи и въ сложеніи съ предлогомъ по : по-кл-из-и-у-ти, тогда какъ въ русскомъ встрѣчаемъ и удвоенную и стяженную коренную форму по-ско-л-ьз-ну-ть-ся. Еще яснѣе, естественнымъ образомъ, выступаетъ сей принципъ стяженія въ тѣхъ случаяхъ, когда ѧ суффикса ѧзь сталкивался съ ѧ въ корнѣ. Подобный случай наблюдаемъ въ реченіи гу-с-той, которое объясняемъ себѣ слѣдующимъ образомъ Литовскій языкъ сохранилъ намъ любопытное нарѣчіе g a n a s въ смыслѣ «довольно». Ето реченіе, какъ рѣдкій обломокъ старины, сохраненный намъ литовскимъ языкомъ, самъ собой присоединяется къ старославянскому глаголу гонѣти [1]) въ значеніи «быть достаточну, довольну». Съ сими остатками летто-славянской старины сродно образованіе гѫ-с-тый. Корень его - гон. Елементъ с представляетъ з, ассимилировавшійся слѣдующему за нимъ т. Вмѣняя етому образованію результаты предшествующихъ наблюденій, мы возстанавливаемъ первоначальную форму гон-ѧзь или гон-ѧзь и видимъ, на етомъ основаніи въ ѧ-сѣ реченія гѫ-с-тый двойное стяженіе, стяженія двухъ ѧ-совъ — кореннаго и образовательнаго въ одинъ Мы не удивимся, если и старославянская орѳографія въ столь архаическихъ случаяхъ не послѣдовательна, если древнѣйшіе кодексы старославянской письменности напишутъ намъ реченіе гѫстъıи черезъ ѫ. гѫстъıи. Корень гон въ етомъ речени тѣмъ яснѣе, что онъ является и съ другими именными суффиксами, напр., въ русскомъ областномъ говорѣ. гон-о-б-и ть (Пск Тамб «собирать, копить»).

---

[1]) хотѣхъ продлъжити слово, ихъ гонѣıѧтъ и съвѣштанıа вънемъıѧштıимъ (Cod. suprasl pp. 316—317). ıмже ѥдинъ христосъ гонѣıетъ насъıтити: ничьтоже обрѣтъ носıштъ розѣ крашьница, ıѥи же ıѥи гонѣıетъ на пѧти (Ibid)

Было бы необъяснимо-странно дѣлать изобрѣтателей славянской азбуки и ихъ непосредственныхъ учениковъ отвѣтственными за подобные случаи. Усѣченіе носоваго елемента въ суффиксѣ -ѫz- и его независимое фунгированіе—явленіе довольно обыкновенное въ славянскомъ словообразованіи. Мнѣ кажется, что оба явленія находятся между собою въ причинной связи, т. е., что гласная суффикса ѫz потому, именно, и усѣкается такъ часто, что она имѣетъ значеніе независимое отъ согласной. Всего яснѣе наблюдается ето явленіе на пол. gałąz на ряду съ русскимъ областнымъ гал-ин-ка (Аѳан. III, 29—30), гал-ю-ка (Оп. обл. сл. 35), въ которыхъ, яснымъ образомъ, елементы -ин- и -ю- соотвѣтствуютъ польскому ą въ -ąz-, совершенно апалогично явленіямъ клад-ен-ьць изъ клад-ѫзь и, вѣроятно, стоуд-ен-ьц-ь изъ стоуд-ѫзь. Изъ сего выводимъ, что какъ ѫзь можетъ являться безъ ѫ, такъ, и на оборотъ, ѫ можетъ являться безъ z. Самое простое образованіе мы узнаемъ въ курскомъ реченіи голья (въ значеніи «вѣтки». Оп. обл. сл. 39). Очень ясный слѣдъ носовой въ суффиксѣ удержало верхнелужицкое нарѣчіе въ своемъ образовании hal-oz. Тѣмъ любопытнѣе етотъ случай, что верхнелужицкое нарѣчіе неорганически употребляетъ o вм ѫ, на которое, очевидно, языкъ перенесъ значеніе ѫ-са: ja sym jenej starej werbi z halozami pšikryte (Pjes. I, 290). Но ето не мѣшаетъ елизіи гласной суффикса не только при значительномъ словообразовательномъ нарощении hal-ž-č-ič-ka (Pjes. I, 86), но и въ простомъ образованіи hal-za, что замѣчаемъ и въ другихъ суффиксахъ koš-la вм. koš-ula. Полная елизія гласной суффикса произошла, вѣроятно, черезъ ослабленіе большаго ѫ-са въ малый, или въ ѧ, обратившійся въ ѣ. Особенно ощутимъ етотъ процессъ въ реченіи пѣ-т-оуχъ, въ старо-хорватскомъ pe-t-eh въ статутѣ кркскомъ 1388 г. (ošće za kokoš ali peteha plati 27 soldinih i deli se kako zgora Arkiv II, 2, 283) Тѣмъ же объясняется словинское paz-ha (пазуха), čeremcha—sramsa и пр. При другихъ суффиксахъ также нерѣдко отпадаетъ гласный елементъ при дальнѣйшемъ словообразовательномъ движеніи; такъ, верхне-луж. bel-uch — bel-ša. Но, замѣчательнымъ образомъ, уменьшительное отъ bel-ša возстановляетъ гласную суффикса bel-uška. Нѣкоторыя изъ славянскихъ нарѣчій оказываются особенно чувствительными къ гласному елементу суффиксовъ. Многія изъ нихъ, въ равной мѣрѣ западныя, какъ и южныя елидируютъ ѫ въ числительномъ

десять (скр. dac-an) въ сложеніяхъ, такъ у попа Дуклянскаго, въ хроникѣ XII стол.: tako drugonadeste lit gospodstva njegova umri (Arkiv I, 9); j sedmonadeste lito hodeći, umri slavom velikom (Ibidem, 23). Какъ видно, ета словообразовательная особенность простиралась на далеко въ древне-хорватской области, ибо ее же встрѣчаемъ въ древне-истрійскомъ нарѣчіи, въ Истрійскомъ Разводѣ 1325 г.. vsaki nih z dva na deste sugami (dial. pro slugami) na koneh (Arkiv II, 2, 266); svaki nih z dvanaiste slugami na konih. Въ межевой грамотѣ 1395 г.: i prisegoše na to dvanadeste muži (Ibid. II, 2, 309) Замѣтимъ, что, не смотря на существованіе въ русскомъ языкѣ образованія дес-ть, какъ имени существительнаго въ извѣстномъ конкретномъ значеніи, сложныя имена числительныя сокращаютъ гласную корня, а не гласную суффикса: двѣнадсять. Что касается до суффикса ѧs, то языкъ сохранилъ въ себѣ довольно матерьяла для заключеній о его генезисѣ. Очевидно, онъ представляетъ своимъ согласнымъ елементомъ s уже явленіе вторичное, видоизмѣненное смягчающимъ вліяніемъ еря. Весьма рѣдкій и поучительный примѣръ полнаго сохраненія, какъ гласнаго, такъ и согласнаго елемента суффикса ѧs въ ихъ первоначальной формѣ наблюдаемъ въ сремскомъ идіотизмѣ бит-ан-га, употребительномъ въ значеніи 1) ленивац, otiator; 2) equus domino carens Какъ видимъ, етотъ сремскій идіотизмъ сохраняетъ первообразъ нашего речения бит-ю-г-ъ. Но сремское реченіе доноситъ до насъ и ѧ въ его полнозвучіи и родовое окончаніе муж. р. а вм. ъ Реченіе бит-ан-га было дома въ сербскомъ нарѣчіи. Оно не ограничивается какимъ либо конкретнымъ значеніемъ, какъ русскій его аналогонъ, но склонно принимать и болѣе общее значеніе; побитанжити се означаетъ «fio vagus, nebulo». Тоже соотношеніе между суффиксомъ з и г, сопровождаемое совершенно тождественными словообразовательными явленіями, наблюдаемъ въ реченіяхъ сер-ьга и оу-сер-ѧsь. Мы рѣшительно не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые почитаютъ послѣднее слово за заимствованіе изъ гот. ausarrings, и, именно, на слѣдующихъ основаніяхъ. Какъ мы видѣли выше, суффиксъ ѧsь или ѧsь присоединяется нерѣдко къ корнямъ, которыхъ глагольное значеніе въ большинствѣ случаевъ ясно отражается и на именномъ образованіи съ суффиксомъ ѧsь. Такимъ образомъ въ реченіи оу-сѣр-ѧsь суффиксъ -ѧsь присоединяется къ корню сѣр, означающему «вѣшать», уже сложенному

съ предлогомъ оу. Иначе, русское реченіе сер-ьг-а представлялось бы небывалымъ, необъяснимо страннымъ искаженіемъ реченія оусерязь, тогда какъ оно, очевидно, должно быть изъяснено, какъ совершенно своеобразная, діалектическая побочная форма старославянскаго образованія оусерязь Притомъ, весьма близкое къ ней находимъ образованіе въ сербскомъ ср-г въ значеніи «pertica sustentata furculis; eine stange, um daran Wasche, Kleider, Bettzeug zu lüften». Итакъ, сообразно съ сими аналогіями, изъясняемъ себѣ старославянское реченіе оусерязь, какъ форму, отмѣченную явными, глубокими чертами славянскаго словообразованія, въ значеніи «привѣска». Корень ser (ser-iu, ser-ti) въ значеніи «вѣшать» сохранился вполнѣ въ литовскомъ языкѣ. Но, кромѣ того, мы склонны видѣть въ корнѣ ser, извлекаемомъ изъ разобранныхъ здѣсь образованій простую форму санскритскаго осложненнаго корня sarj, родственнаго и по значенію и по етимологіи съ дрн. strecchan (strecken, ausstrecken). Отъ етого осложненнаго корня производятся въ санскритѣ образованія, весьма родственныя приведеннымъ славянскимъ; напр. sraj («der kranz, die guirlande»), съ потерею свистящей въ подъемѣ rajju (нѣм. strick). Кунъ (Z. f. v. S. IV, p. 26) видитъ въ етомъ корнѣ осложненіе корня star, какъ въ yuj — осложненіе корня yu и пр. Елементъ t, по Куну, исчезъ по вліянію s. Но етотъ законъ вліянія s на сосѣднюю mutam далеко не такъ твердо поставленъ Куномъ, какъ другіе, касающіеся того же елемента; а стотъ, именно, случай еще сомнительнѣе другихъ. Дѣйствительно, ни одно явленіе арійское не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы въ корнѣ sarj было когда нибудь t. Къ тому же корню ser мы относимъ и реченіе с(т)р-ун-а, съ обычною благозвучною т между с и р. Заключимъ нашъ анализъ реченія оусерязь слѣдующимъ соображеніемъ. Кромѣ внутренняго отпора, который такъ сильно даетъ себя чувствовать изъ глубины внутренняго строя языка, мы видимъ и въ литовскомъ языкѣ и въ славянщинѣ весьма богатое развитіе того же самаго корня, который составляетъ первый членъ сложнаго слова ausarrings· ухо, ушко и пр. въ славянщинѣ; asà (ör, henkel), asúczus (henkeltopf), asútas (gehenkelt) и пр. въ литовскомъ языкѣ. — Для характеристики смущеннаго состоянія суффикса -ѧзь приведемъ нѣсколько примѣровъ еще. Его любопытную модификацію, между прочимъ, находимъ въ образованіи гр-оус-ть, которое способно и къ дальнѣйшему словообразовательному движенію черезъ суффиксы -ный, -ѧкъ и пр. Мы

предполагаемъ первоначальное образованіе гор-ѧзь (первообр. гор-е), котораго весьма ясный слѣдъ и удержало, дѣйствительно, областное русское реченіе с-гор-ос-ти-ться («взгруститься». Костр. Оп. обл. сл 200), гдѣ о вм. оу представляетъ любопытную замѣну ѧ-са [1]), тогда какъ въ болѣе употребительномъ русскомъ реченіи взгр-ус-титься видимъ етотъ словообразовательный слогъ ѧз въ его нетронутой временемъ формѣ. Образовательная носовая гласная, входящая въ составъ суффикса ѧзь иногда. смотря по нарѣчіямъ, сильно видоизмѣняется и индѣ является въ формахъ, заставляющихъ замѣнять ея малый юсъ большимъ. Я разумѣю образованія посредствомъ етого суффикса отъ корня гъм выше нами подробно разобраннаго. Въ словинскомъ находимъ законообразнымъ експонентомъ ѧ-са елементъ a въ образованіяхъ gom-az-a-ti (ползать), gom-az-ina (черви). Въ чешскомъ, какъ мы видѣли, етотъ ѧ-съ замѣняется елементомъ y: hm-yz, h(le)m-eyžd или h(er)m-eyžd, изъ которыхъ уже идутъ отыменные глаголы hem-ž-i-ti, hm-yz-e-ti и т. д. Старо-славянскій языкъ представляетъ такой же отыменный глаголъ, какъ и чешское нарѣчіе гом-ѕ-ѧти, слѣдовательно, съ контракціей носоваго гласнаго состава суффикса, который еще ясенъ въ чешскомъ же hm-yz-a-ti и особенно въ словинскомъ gom-az-a-ti, хотя и словинское имѣетъ, въ свою очередь, глаголъ съ контракціей образовательной гласной gom-z-eti. Въ словинскомъ и хорватскомъ находимъ и такое образованіе, въ которомъ передъ тяжелой группою согласныхъ въ суффиксѣ коренной елементъ гъм стянулся въ гѫ—въ реченіи gušč̣er, рус. ящерица (Gund. osm. XVIII, 74 siedi gušter miešte nosa). Слово ето толкуемъ *гѫѕ-тєрх (сѣ. гѫѕ-но) [2]) гѫштєрх. Слово ящерица едва ли попадается въ памятникахъ старо-славянскихъ; но намъ кажется весьма вѣроятнымъ его происхожденіе отъ того же корня съ ослабленіемъ ѧ-са въ ѧ и съ переходомъ г въ j. *ѭ-ѕ-тєр-ица. Въ заключеніе замѣтимъ, что образованія гѫштєрх и ѭштєрица суть неорганическія, какихъ не мало, доказаннымъ образомъ (см. выше), въ сла-

---

[1]) Въ етомъ костромскомъ идіотизмѣ наблюдаемъ словинскую фонетическую черту. см. ниже о Ж-сѣ.

[2]) Итакъ, вм. гем-ѕ-но изъ гем-ѧѕно. или гєм-ѧѕ-но, двойное стяженіе, аналогичное тому, которое видимъ въ кóу-ѕ-н- изъ ков-ѧѕ-н-.

вянщинѣ, вм. гѫздеръ и ѩздрица (или гѫзтеръ, ѩзтрица): — гѫштеръ ѩштерица. Реченіе гѫштеръ въ значеніи «lacerta» доселѣ еще живо въ сербскомъ нарѣчіи (Кога су гује клале и гуштера се боиjи). Существуетъ даже отъ него производное fem. gen. гуштерица, вполнѣ аналогичное только что разобранному ѩштерица. Наведеніе не было бы полно, если бы мы не нашли стяженной въ ѫ формы для корня гѣм или гьм (hem) и въ его глагольномъ назначеніи. Но верхне-лужицкое нарѣчіе дополняетъ етотъ пробѣлъ. Въ немъ наряду съ полною, осложненной суффиксомъ -l- формой hem-z-l-ow-ac находимъ и стяженную въ ѫ форму hu-z-ac въ томъ же значеніи «ягозить, безпокойно сидѣть» и пр., съ многочисленными образованіями huzak, huzaty, huzava. Наконецъ, русскія реченія ѩгоза, ѩгозить объясняются, конечно, не иначе какъ перестановкою изъ однозначащихъ гомоза, гомозить, удержавшихся доселѣ въ областномъ русскомъ говорѣ въ весьма многочисленныхъ образованіяхъ (Оп. обл. слов. 39. Доп. 35) [1]). Нерѣдко суффиксъ ѧзь или ѫзь теряется въ составѣ корня. Такъ, глагольный корень верз-, употребляющійся въ южныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ «вязать», принялъ въ себя фонетически видоизмѣненный суффиксъ образованія верига, побочной формы верѧзь (ср. серьга, ѵсерѧзь), въ которой г, какъ показано уже выше, можетъ легко смягчаться въ z и въ ž,—verižica (Branković igral z verižico, ki je bil kinžal z njo pripet k pasu. Slov. Glasn. X, 15). Глагольное употребленіе этого корня встрѣчаемъ, напр., въ ново-булгарскомъ нарѣчіи: Защто гѫ обрѧзахте, Обрѧзахте, ококахте (Верковичь. 63); также и съ предлогами: Келичко коньо ѫхаше Келичко тѫра прикрѧа (Ibidem. 68). Въ заключеніе, въ противуположность етимъ заглохшимъ образованіямъ приведемъ вполнѣ ясныя: срб. гол-ужд-р-авъ (unbefiedert, glaber). Что съ етимъ корнемъ охотно соединяется суффиксъ жз, ясно изъ сложнаго глагола о-гол-уз-н-и-ти (spolio omnibus rebus). Столь же близкое къ предположенному нами выше кол-жзь, образованіе находимъ, напр. въ рус-

[1]) Въ чистѣйшемъ видѣ, свободномъ отъ евфоническихъ звуковъ представляется етотъ корень въ сербскомъ мѣстномъ имени Гамзиградъ, о которомъ Вукъ сообщаетъ слѣдующее: «У Црной ријеци зидине од старога града. Онуда се приповиједа да у овијем зидинама има много свакојакијех змија» (Lex. p. 82).

скомъ реченіи ку-кур-уз-а. Что ето реченіе образовано посредствомъ удвоенія и суффикса ѫз ясно изъ неудвоеннаго, тождественнаго, какъ по образованію, такъ и по значенію, словинскаго реченія kor-oz-a (na paši zobljem pečeno korozo Slov. glasn. X, 41).

Мы неоднократно въ анализѣ суффикса ѫз встрѣчались съ вопросомъ о носовыхъ знакахъ, по грамматическому преданію именуемыхъ юсами. Мы должны признаться, что, касаясь ихъ, мы всякій разъ чувствовали потребность въ оговоркахъ. Ихъ природа, такъ счастливо въ общихъ ея чертахъ раскрытая Востоковымъ, далеко еще не обслѣдована въ той подробности и точности, которыя могли бы удовлетворить требованіямъ аналитической доктрины. Отклоняя отъ себя задачу во всемъ ея объемѣ мы принимаемъ, однако, на себя отвѣтственность въ тѣхъ, коегдѣ нами оброненныхъ замѣчаніяхъ о ѫ-сахъ, которыя безъ послѣдующаго могли бы казаться не достаточно обоснованными, если не вовсе бездоказательными. Итакъ, въ етихъ предѣлахъ предложимъ нѣсколько наблюденій надъ исторіей носовыхъ звуковъ въ славянщинѣ.—Подъ несовершеннымъ состояніемъ вопроса о ѫ-сахъ я, главнымъ образомъ, разумѣю некритическое, почти слѣпое довѣріе къ старославянскимъ знакамъ ѫ и ѧ. Востоковъ, дѣйствительно, показалъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ ѫ и ѧ точно соотвѣтствуютъ прастарымъ носовымъ. Но, прежде всего, Востоковъ имѣлъ совершенно ничтожный матерьялъ для сравненія. Вопросъ былъ имъ раскрытъ весьма поверхностно только. Критически было Востоковымъ такъ мало провѣрено явленій, что, и въ приложеніи къ етому вопросу, недурно было бы помнить пословицу, — «одна ласточка не дѣлаетъ весны». Но, къ сожалѣнію, вопросъ казался вполнѣ разрѣшеннымъ. Изъ положенія Востокова сдѣлали параграфъ положительныхъ законовъ славянской филологіи и ссылались на него, не сознавая вполнѣ степень его жизненной примѣнимости. Явленіе къ исторіи доктринъ, въ высшей степени поучительное! Чѣмъ могъ достойнѣе завершиться сей періодъ цѣпенѣнія, какъ не апотеозой ѫ-совъ и признаніемъ юсовой непогрѣшимости славянскихъ первоучителей?[1]) Въ вопросѣ о образовательномъ слогѣ -ноу- мы имѣли уже случай указать на несправедливость вмѣненія изобрѣтателямъ славянскаго алфавита того ѫ-са, который неорганически употребляется въ

[1]) Я разумѣю здѣсь лишь школьную практику и тѣ изданія текстовъ, которыя не руководствуются правилами здравой критики.

немъ въ доселѣ извѣстныхъ старѣйшихъ кодексахъ славянской письменности. На нѣсколькихъ примѣрахъ здѣсь мы укажемъ, въ какихъ тайныхъ изгибахъ словообразованія иногда можно открыть достаточное основаніе для начертанія ѫ-са, и какъ, потому, неосторожно полное довѣріе правописанію, все же относительно позднѣйшему.

Въ «Beitrage zur vergl. Sprachforschung» I, p. 400 встрѣчаемъ весьма любопытный анализъ Вебера одного корня, какъ увидимъ, аріо-славянскаго. Вотъ онъ: [1]) «Medin genosse. — Dies Wort ist in den Vedasamhitâs ziemlich haufig. Jch fuhre es auf eine wurzel mit zuruck mit schwächung des t zu d, wie wir hàufig wurzel pad in der stelle von wurzel pat fallen finden, besonders bei verlàngerung des wurzelvocals im causativ; ebenso wechseln çad und çat... Auf jene wurzel mit, mith congredi gehen mit aspiration des t- mithas, mithû, mithuna zurück, auch wohl wurzel meth conviciari, eigentlich an einander gerathen: die worte μετά, unser mith mit, gothisch motjan, angls. metan, to meet (meuterei, meute u s, w) rucken die vermuthung nahe, dass der grundvocal nicht i, sonder a sei: dann wurde sich madhya herzuziehen lassen (medius μέσος, mitten), wo das scr. den a-vocal bewahrt hatte. Endlich ziehe ich auch madhu, μέθυ meth herzu, indem ich darin als grundbegriff den der mischung suche: der der sussigkeit scheint mir erst secundär. Jndessen lasst sich fur das wort auch wurzel mad inebriare sehr passend vergleichen (vgl. sindhu aus syand, skandu aus skand, vindhe für vinde)». Кунъ въ своемъ сочиненіи «Über die herabkunft des Feuers», подтверждая ето предположеніе Вебера, широко распространилъ въ глубь старины индо-европейской исторію корня manth (съ основнымъ значеніемъ «мѣшать») въ представленіяхъ миѳологіи и религіознаго обряда. Предположеніе о основномъ значеніи «madhu» какъ о «смѣси», а не о «сладкомъ» осталось бы предположеніемъ, если бы не привзошло новое, вполнѣ убѣдительное доказательство со стороны словинскаго нарѣчія. Оно именно сохранило форму корня manth въ томъ его видоизмѣненіи, въ которомъ мы его видимъ въ реченіи madhu и съ тѣмъ же именно значеніемъ, которое предположено, какъ первоначальное и объяснительное для реченія madhu. Я разумѣю, именно, словинскій глаголъ med-em, mes-ti въ значеніи «болтать масло, смѣшивать, приводить въ смуще-

[1]) Мы приводимъ вполнѣ ету драгоцѣнную замѣтку ученаго санкритиста.

ніе». Съ этой точки зрѣнія проливается свѣтъ въ глубочайшія, прастарыя складки славянскаго словообразованія: изъ формы med-em объясняется речение z-med-a (безпорядокъ), z-med-ki (Ruhrmilch) и, наконецъ, медъ-ъ, а черезъ посредство сихъ славянскихъ образованій и скр. madhu Этимъ древнимъ искреннимъ взаимодѣйствіемъ славянщины съ стариной арійскою объясняются и дальнѣйшія славянскія судьбы образованія madhu, которое, какъ извѣстно, и тематическую свою гласную не потеряло въ славянщинѣ, какъ то доказывается въ высшей степени любопытнымъ реченіемъ медв-ѣдь [1]). Ета полная арійская тема образованія медъ (madhu) сохраняется въ образованіяхъ и несложныхъ, какъ напр., медвѣница, медвѣный. Что до образованія ѣдь, то и оно попадается въ отдѣльности, какъ въ старо-славянскомъ (см. Miclosich, s. v. ѣдь), такъ и въ старохорватскомъ (jid, je'd — въ Законѣ Винодольскомъ 1280 г, §§ 5, 6; Kolo III, 57). При етихъ посредствахъ мы хорошо объяснимъ себѣ чреватость значенія слова «медъ» въ славянщинѣ. Въ Изборникѣ 1076 г и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ древняго преложенія книгъ св. Писанія находимъ сіе речение въ смыслѣ «вина» (Востоковъ, подъ сл.). Мало того, основное значеніе «мѣшать» еще яснѣе изъ слѣдующаго мѣста Успенскаго Сборника XII вѣка л. 172. четвьртыи же дьнь медъ бѣкѣидлѣѣше ѣх лллѣ вложиша тѣло бнь и за тѣмъ л. 174: і. дня прѣѣхі чьстьное тѣло его къ цркви ѣх медоу лежа на одрѣ. Изъ сихъ мѣстъ ясно, что слово медъ своимъ значеніемъ простиралось на какой нибудь смѣшанный составъ спецій, употреблявшихся при бальзамированіи Должно, впрочемъ, предполагать, что въ основное значеніе сего корня въ славянскомъ моментѣ его развитія уже входило понятіе жидкости, или, по крайней мѣрѣ, понятіе мягкости, дряблости, разжизаемости, ибо въ словинскомъ же глаголѣ med-em, mes-ti наблюдаемъ значеніе размягченія (въ слѣдствіе зрѣлости) виноградняго гроздія: ке-

---

[1]) Въ санскритѣ еще находимъ сіе самое сложное имя -madhvadas. •ya (i. e, dhîrah) iman madhvadan veda âtmânan jîvamantikât». Kat-Upan. IV, 9. — Въ шаптровицкомъ нарѣчіи Сербскаго языка сохранилось совершенно аналогическое образованіе въ реченіи м е с-в-и j е ѣ е вм обыкновеннаго м е с о j е ѣ е, хотя и не удержалась, по скольку намъ извѣстно, ни въ одномъ образовании, производномъ отъ м я с о тематическая гласная. Сербское нарѣчіе, въ которомъ и тематическая і удержалась во многихъ словообразовательныхъ комплексахъ, бережливѣе другихъ нарѣчій и на тематическую u: л и с т в е (scalae), у с т в е н о (viva voce), р а ч в е (furcae), н о г в е (pedica) и пр и пр.

dar grozdje medi (mehko postaja. Ahacela Pesmi, p. 77). Особенно любопытно сближеніе съ етими словинскими речеміями санскритскаго mathitam n. «buttermilch ohne Wasserzusatz». — Особенную, фонетически видоизмѣненную смягченіемъ коренной зубной согласной вѣтвь сего корня наблюдаемъ въ реченіи моз-гъ. Ета коренная форма столь же роскошно развилась въ славянщинѣ и имѣетъ, какъ увидимъ, столь же убѣдительную аналогію въ славянщинѣ. Іоаннъ ексархъ болгарскій особенно любитъ употреблять въ значеніи головнаго моз-га образованіе можд-ен-и [1]). (Ср. серб. можд-ан-и m. pl. cerebrum). Изъ уменьшительнаго можж-еч-ск-ъ извлекаемъ русскую форму моз-ък-ъ. Сія послѣдняя форма, впрочемъ, употреблялась и въ старо-славянскомъ языкѣ (моз-ък-ъ), наряду съ формою моз-гъ (cf. lexica s. v. et Daničić Oblići p. 6, adn. 2) [2]). Полную аналогію етому словообразовательному развитію корня mad-madh-modh-moz наблюсти не трудно въ славянщинѣ: можд-ие, извлекаемое изъ можден, рождие; мозг-ък-ъ, рост-ък-ъ, наконецъ мозг-гъ -розга. Какъ видимъ, въ етихъ образованіяхъ особность славянская сказалась съ достаточной енергіею. Но тѣмъ не менѣе однако въ зендѣ находимъ образованіе вполнѣ тождественное, какъ по образованію, такъ и по значенію, русскому моз-гъ: maz-ga f.—Gehirn, Mark. Итакъ, черезъ посредство словинскаго med-em въ значеніи размягченія гроздія и широко развившейся коренной формы moz-, мы подходимъ къ чешской вѣтви образованій отъ корня maz, въ юнической, столь свойственной чешскому нарѣчію, оболочкѣ: miz-ha, miz-ka, mjzd-j (succus arborum) съ поразительной правильностью повторяющей словообразовательныя ступени, наблюдаемыя въ мозгъ · розга, можджіе · рождіе. На противуположномъ етнографическомъ полюсѣ, именно, въ нарѣчіи сербскомъ встрѣчаемъ въ томъ самомъ значеніи реченіе mez-ga въ сложномъ глаголѣ под-мез-г-ати (succum nanciscor). Въ литовскомъ языкѣ ето образованіе получило довольно удаленное значеніе — «мыться» · mazgoti (Jusû kojos mazgotos Genes. XVIII, 4). Несомнѣнно, впрочемъ, что и лит. образованія meż-u, myż-ti (harnen, pissen), myż-al-aí (harn) состоятъ въ тѣсной родственной связи съ чешск. mizha и пр. Въ полную аналогію съ чеш-ами

[1]) Слов. mozgane: „sto i sto misli mu béli mozgane“ (Slov. Glasn. X, 76).

[2]) Въ санскритѣ находимъ близкое соотвѣтствіе, какъ по формѣ, такъ и по значенію, въ образованіи medas.

(чв-анъ; см выше) отъ этого же корня производится старохорватское реченіе mez-an въ смыслѣ «сосуда на вино», встрѣчаемое въ юридическомъ актѣ 1 13 г. ja imam pineze, hodmo na gdnvu krčmu v kraščiće, i ondi smo ga kaštigali i kupil nam je dvanajstim ditićem, vsakomu po mezanu vina (Atkiv II, 2, 318). Къ тому же корню мы относимъ словинское реченіе miza въ смыслѣ стола, объясняя переходъ значенія, свойственною славянамъ, языческою склонностью обозначать представленіе «стола» словомъ, выражающимъ сосудъ жертвеннаго возліянія, какъ ето уже было замѣчено за лужицкимъ реченіемъ blido (ср гот. biuda), также перешедшимъ изъ религіозно-языческаго значенія сосуда въ бытовое значеніе стола. Что касается до гласной въ етой коренной формѣ—e, i, то ихъ же встрѣчаемъ въ лит. названіи «меда», съ удержаніемъ тематической гласной—mid-us. — Къ тому же корню, на основаніи тѣхъ же посылокъ, ведемъ далѣе наши аріославянскія аналогіи, постоянно имѣя въ виду выше приведенную замѣтку Вебера. Съ санскритскимъ образованіемъ mithuna (основное значеніе — «взаимность»), нѣм. mit сличаемъ старославянскія образованія митоуѣ («взаимно другъ къ другу»), митоушатиса («чередоваться») [1]), митобати («переступать съ ноги на ногу»), пар. митѣ («попеременно»), многочисленныя сложенія съ нарѣчіями митоуѣ и митѣ, каковы митѣ-плоутие (ἄμποτις), митоусь-пѣваніе («антифонъ»), митѣ-теченіе (παλίρροια); въ сербскомъ - о-мит-ар-и-ти (pennas mutare: омитарио се као квочка Vuk.). Отъ той же коренной формы mit, столь обильно въ славянщинѣ представленной, производимъ, черезъ посредство вышеприведеннаго образованія мит-ѣ, реченіе мѣс-то вм. мѣт-то, по закону о обращеніи зубной передъ зубною въ свистящую, предполагая законообразное подъятіе коренной гласной и въ ѣ. Зендъ для понятія «мѣста, жилища» образуетъ отъ того же корня реченіе maeth-ana. Итакъ, въ основѣ реченія «мѣсто» лежитъ понятіе взаимопребыванія, сопребыванія многихъ существъ, для которыхъ, въ етомъ конкретномъ значеніи санскритъ и образуетъ слово отъ того же корня mit-ra (другъ). Въ

---

[1]) Сіе реченіе употребительно даже и въ старинномъ русскомъ: ѡн же начатъ рѫкама своима митоушати аки сѣщи нѣчто.... Ниже: нача рѫкама свои има маха аки дѣлаа таковаа. Рпсь Унд № 276, л. 123.

западныхъ нарѣчіяхъ ето понятіе, извѣстнымъ образомъ, получило конкретное значеніе «города» Исходя изъ етой связи понятій, мы теперь только можемъ уразумѣть, какимъ образомъ языкъ въ древнюю пору, пору, болѣе чувствительную къ значенію корней, могъ создать нарѣчіе въ-мѣстѣ въ томъ его значеніи, въ которомъ оно употребительно въ нарѣчіи русскомъ («und, zusammen»). Здѣсь то снова и наслѣжаемъ первоначальное значеніе коренной формы mit, въ старо-славянскомъ языкѣ представленной реченіемъ мит-ѣ. Исходя изъ етой связи понятій, мы поймемъ, почему ето понятіе такъ было склонно къ расширенію своего значенія и въ область времени (по-ка-мѣста и пр.). — Возможно ли бы было намъ руководиться въ этомъ анализѣ аріославянскихъ явленій законами фонетики специфически-славянской? И что такое фонетика специфически-славянская? Мы видимъ здѣсь наслоенія съ различныхъ епохъ, которыхъ совмѣстное существованіе объяснимо лишь тѣмъ началомъ мягкой терпимости и недостаткомъ той всепроникающей, всепретворяющей енергіи духа, которая бы каждому елементу языка сообщила рѣзкую физіономію, запечатлѣвши его духомъ времени и народа. Но, все дѣло, конечно, въ степени. Отмѣчая ети явленія, мы стараемся тѣмъ самымъ оттѣнить и тѣ черты, которыя сохранили намъ слѣды и личнаго развитія славянщины — Итакъ, въ ходѣ нашего изслѣдованія мы шли шагъ за шагомъ по указанію Вебера, и теперь заключаемъ изъ посылокъ, уже ясныхъ, значеніе «мѣшать», какъ первоначальное для коренной формы manth, еще обильнѣе чѣмъ другія коренныя формы развитой въ Славянщинѣ. Ета коренная форма существуетъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ двухъ преобладающихъ формахъ—мот и моут (заключаемъ -мѫт). Первая, всего сильнѣе обличающая носовой звукъ въ етой коренной формѣ является особенно часто въ нарѣчіи словинскомъ; z-mot-a (ошибка), z-mot-en (съ-мѫт-ьн-ый), z-mot-i-ti, z-mot-nj-an, z-mot-oh-ana. Но етотъ древній признакъ носоваго звука удержался мѣстами и въ русскомъ нарѣчіи, и именно въ реченіи, тождественномъ послѣднему изъ приведенныхъ словинскихъ образованій - съ-мот-оуа [1]). И въ другихъ, впрочемъ, образованіяхъ

[1]) Любопытный и весьма рѣдкій случай представляетъ бѣлорусское реченіе простень, въ смыслѣ веретена и количества льна на немъ выпрядаемаго (Оп. обл. сл. стр. 181), которое етимологически разлагается на *пряжтень. Ср., напр., тавтологическое выраженіе простня пряла (Аѳан I, 27). Соотвѣтствующая женская форма

изрѣдка появляется въ русскомъ языкѣ ето о : мот-ыра (Ряз. непосѣдъ), мут-ень (безпокойный человѣкъ. Пск Тв.), и, наконецъ, образованіе, въ которомъ коренная форма manth и въ славянщинѣ имѣла мѣсто въ языческомъ ритуалѣ: мут-ов-ка (чешск. mút-ew). [1]) Ета замѣна носоваго звука буквою о въ старину должна была имѣть большое значеніе, ибо мы ее встрѣчаемъ на самыхъ противуположныхъ етнографическихъ концахъ славянщины Какъ постоянное, законообразное явленіе фонетики, она наблюдается лишь въ нарѣчіи словинскомъ; но ето не мѣшаетъ ей прорываться и въ моравскомъ и въ кашубскомъ и въ лужицкомъ. Такъ, въ послѣднемъ, въ грамматическихъ окончаніяхъ: Ha zo ja leżo wotpočnu (Pjes. I, 173); Hólčik ton sedzo drjemaše (I, 232), Praji wona melčo neho (I, 262), Ja du khwatajo swojpuć (I, 312), s modlenjom khwalispjewajo.. Wolajo ksvojom jezusej (I, 291), A veslje sebi spievajo Mam spješnosć do dziela (I, 252). Въ етомъ отношеніи замѣчателенъ евфоническій обычай лужицкаго нарѣчія, по которому весьма часто ó соотвѣтствуетъ елементу ы въ корняхъ. какъ извѣстно ы весьма часто служитъ експонентомъ носоваго звука. Такъ pósk (ср. чес. pysk, I, 117), vóše (выше; 1, 110), mósje (1, 68), zbótne (I, 111), bóć (I, 187) и пр Ето именно соотношеніе находимъ въ его вполнѣ законообразномъ примѣненіи, съ елизіей t передъ l въ чешскомъ o-ty-l въ отношеніи къ лужицкому z-mó-l-i-t-i: Zo mój brózni nezmóli («Dass mein Handpferd richtig geht» Pjes: I, 56). Но приведемъ еще примѣръ подобной же зависимости славянскаго словотворчества отъ старины арійской въ отношеніи къ носовымъ звукамъ. Въ санскритѣ наблюдаемъ корень chad (2. chad въ Прб. Слов. II, 1076) въ двухъ побочныхъ формахъ 1) chad (chadayati) и 2) chand (chandati) въ значеніи «казаться чѣмъ, нравиться». Всѣ именныя образованія уже образуются отъ коренной формы chand; а между ними и архаическое образованіе съ согласною темою chandas въ значеніи 1) lust, verlangen, wille; 2) zauberlied и т. д. Какъ значеніе глагольной формы chad, chand, такъ и второе значеніе именнаго образованія chandas удостовѣряютъ въ родствѣ съ нимъ славянскаго образованія чѫдо, чѧ-дес-е, удержавшаго изстари и со-

---

удержалась въ русскомъ языкѣ во всеобщемъ употребленіи: простыня (вм. простыни) въ см. «выпряденнаго полотнища».

[1]) Ср. скр. mathitam n. „Buttermilch ohne Wasserzusatz“.

гласную тему -as-. Въ этомъ образованіи, слѣдовательно, небная ч датируетъ изъ глубокой старины, хотя очевидно, елементъ придыханія, присущій санскритскому chandas, и продолжалъ вліять на коренной составъ образованія. Ибо въ другихъ образованіяхъ удерживается преобладаніе за гортаннымъ елементомъ, что ясно изъ рус. куд-ес-ни-къ. Можетъ быть, ето придыханіе одерживаетъ верхъ надъ патализаціей въ старославянскомъ хѫ-до-гъ, съ которымъ предлагаемъ сличить скр. chandoga («recitator der sâman-lied»). Въ такомъ случаѣ старо-слав. хѫдогъ было бы сложнымъ словомъ, донесеннымъ изъ арійской старины (chandas-ga изъ кр. gâ въ значеніи «пѣть») [1]). Какъ видимъ на етихъ примѣрахъ, трудно было бы изобрѣтателямъ славянскаго алфавита принять на себя отвѣтственность за ѫ-съ въ коренной формѣ мѫт (скр. manth); трудно было бы имъ привести въ сознаніе сей носовой звукъ, многократно видоизмѣнявшійся въ теченіи вѣковъ, значеніе котораго, при всѣхъ по собіяхъ современной науки, возстановить возможнымъ не почитаемъ Въ жизни древнихъ народовъ, самозаключенныхъ, соблюдавшихъ въ мало чѣмъ возмущаемомъ преданіи каждую черту народнаго языка [2]) и быта, возможно относиться съ полнымъ (все же съ критикою) довѣріемъ къ письму, возникшему въ раннюю епоху самобытной цивилизаціи. Здѣсь же, въ мірѣ славянскомъ, не находимъ ни единаго условія, которое бы устанавливало такую точку зрѣнія на письмо. Его создалъ счастливый геній одного лица, безъ всякихъ посылокъ, народно-историческихъ предшественниковъ, которыя бы посредствовали между епохою изобрѣтенія (с. 862) и вѣками протекшими. Чѣмъ же, еще разъ спрашиваемъ, внушено ето довѣріе къ етимологической и грамматической качественности знаковъ ѧ и ѫ? Мы не сомнѣваемся, что слѣды носоваго произношенія гласныхъ могли еще удержаться въ IX-мъ вѣкѣ, особенно въ грамматическихъ окончаніяхъ, въ исходѣ словъ; но въ корняхъ и елементахъ образовательныхъ трудно

---

[1]) При семъ не могу не отмѣтить слѣдующаго мѣста RV. III, 9, 7. Tadbhadran tava dansanâ pâkâya cicchadayati Tvânyadagne paçavah samâsate samiddhamapiçarvare. Обращаемъ вниманіе на то, что глаголъ chadayati дополняется существительнымъ въ формѣ cas instr. dansanâ, котораго значеніе опредѣляется въ Птрб. словарѣ слѣдующимъ образомъ: „Wunderbare That,—Wirkung,—Geschicklichkeit, Wunderkraft“ (III, 479)

[2]) Разумѣемъ здѣсь Индусовъ съ ихъ обильнымъ и точнымъ грамматическимъ преданіемъ, старѣйшими представителями котораго справедливо почитаются Пратисакьи къ каждой изъ четырехъ Ведъ

довѣрять знакамъ, не провѣривши строгимъ сравнительнымъ анализомъ. Обращенію носовой гласной (an, o въ ѫ, ѹ) предшествовалъ, какъ увидимъ сейчасъ, весьма сложный процессъ порчи ея составныхъ елементовъ и тотъ его моментъ, который господствовалъ надъ другими, т. е., обращеніе его въ гласную ѹ не есть въ генетическомъ смыслѣ заключительный. Онъ явился весьма рано Изъ явленій, которыхъ описаніе немедленно воспослѣдуетъ, мы видимъ, что въ случаяхъ совершенно аналогическихъ наблюдается и простая елизія носовой согласной отъ ея гласнаго елемента а и превращеніе послѣдней въ у. На сколько сіе превращеніе а въ у передъ отпавшей носовой въ славянщинѣ законосообразно? Если бы славянщина сильнѣе выразила свою историческую индивидуальность, если бы она съ большею енергіею переработала все свое прошедшее, подвела бы его разбросанныя черты къ опредѣленному типу, то въ ней осталось бы менѣе тѣхъ заброшенныхъ, забытыхъ явленій, которымъ приходится искать объясненія въ епохахъ минулыхъ, пережитыхъ уже ею, но не дожитыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ. Если бы не было подобнаго условія развитія въ славянщинѣ, то вопросъ нами поставленный, могъ бы рѣшиться. Но, при немъ, онъ не можетъ быть рѣшенъ: мы должны етому явленію искать объясненія въ одной изъ тѣхъ не дожитыхъ епохъ, которыхъ наслоенія такъ ясны въ славянщинѣ. Именно, мы должны, съ Шлейхеромъ, предположить епоху славяно-нѣмецкую, хотя, опять, сильно ограничивая то опредѣляющее ея значеніе на строй славянской рѣчи, на которомъ настаиваетъ Шлейхеръ. Въ готскомъ языкѣ мы находимъ явленія, совершенно объясняющія видоизмѣненіе а въ у передъ носовою, въ послѣдствіи въ славянщинѣ совершенно отпавшею; такъ part. priv. un вм. скр. an, греч. αν; taihun скр. daçan; hun скр. cana; hund лат. centum, скр. çatam; drunjus скр. dhvani. Иногда даже носовая и вовсе отпадаетъ, что уже вполнѣ отождествляетъ ети готскія явленія славянскимъ; такъ ju лат. jam; dubô лат. columba, скр. kadamba; drus (ruina), driusan (cadere) скр. dhvans, hus-casa, предполагая causa (ср. cosul, cesor вм. consul, censor). Но оговоримся. Мы приписываемъ сіи явленія потому епохѣ славяно-нѣмецкой, что въ ней они численнѣе. зачаты же они очевидно въ лонѣ праматери индо-европейской, ибо, хотя и рѣже, встрѣчаемъ ихъ и въ санскритѣ и въ греческомъ. въ скр. въ 3-мъ л. множ. ч. прош. сов. us изъ ans или ant и пр., греч. ουσι изъ οντι. Отдѣльные случаи замѣчаются и въ скр. корняхъ: ср. въ Петербургскомъ словарѣ корни kamp и kup и

пр Бенфей видитъ въ ku образованія yuvâku модификацію корня kam, въ gu реченія adhrigu модификацію корня gam (adhritagamana sch.), âkhu модификацію корня khan (Gott. gel. Anz. 1846: p. 918). Дѣйствительно, по соображеніи нѣкоторыхъ законовъ исхода словъ въ санскритѣ, етому предположенію Бенфея нельзя отказать въ значительной степени вѣроятія.

Въ славянщинѣ полной вокализаціи ѫ-са въ ѹ предшествовали многія явленія простой елизіи носовой согласной, иногда безъ всякаго влиянія на остающуюся гласную. Мы можемъ привести цѣлый рядъ явленій, въ которыхъ чередуются ы - ъ-ѹ, какъ експоненты ѫ-са, котораго они собою предполагаютъ. слов. rač-ve (du. «вилы») рус. рыч-агъ, старослав. рѫч-ьн-ица (furca); слов. rah-el рус. рых-лый, сводимыя къ весьма развитому въ славянщинѣ корню роух-рѫх (рушить, рухлядь и пр.); чешс. kad-erz; старо-слав. кѫд-рꙗвъ, словац. s-kond-ol-i-ti. Замѣтимъ притомъ, что нѣтъ возможности установить какую нибудь правильность въ чередованіи етихъ явленій по отдѣльнымъ нарѣчіямъ. они совершено перемѣшаны. Ето лучше всего наблюдается на слѣдующемъ случаѣ. Изъ многочисленныхъ образованій, мы дознаемъ коренную форму многихъ именныхъ образованій, служащихъ въ славянщинѣ древнѣйшими названіями «жилища». Самое архаическое изъ нихъ есть малорос. хутро (Оп. обл. сл р. 251), означающее внутренность печи. Судя по етому, наилучше сохранившемуся, какъ въ формальномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, корень χѫ, изъ глагольнаго употребленія пропавшій, долженъ былъ означать какое нибудь конкретное представленіе, стоящее въ связи съ культомъ огня. Такого рода представленія, судя по реченіямъ огнище, печище, истъпа служили у Славянъ издревле для парицаній жилищъ Итакъ не удивительно, что близнецъ реченію ху-тро, образованіе хуторъ до сихъ поръ удержалось на югѣ Россіи, какъ преобладающее нарицаніе поселенія, жилища. Но, очевидно, смѣна ѫ-са относится къ той незапамятной порѣ, когда парѣчія русское и чешское общились весьма искренно, ибо и въ русскомъ реченіи ха-та встрѣчаемъ елизію носовой согласной, тождественную чешской въ реченіяхъ cha-ta, cha-tr̆č̆, cha-tr-ny которыя по коренной своей формѣ тождественны съ русскимъ ха-та, а по суффиксу съ ху-тро и ху-торъ. Презрительный оттѣнокъ, совершенно возобладавшій въ чешскихъ реченіяхъ, въ противуположность всецѣло сохранившемуся первоначальному значенію русскихъ образованій ха-та, ху-тро, ху-торъ особенно ясно представляетъ

намъ историческую даль чешской точки зрѣнія, давно смѣнившей ети прастарыя нарицанія иными, и приближаетъ русскую современность къ той старшѣ, въ которой русскій народъ жилъ общею жизнію съ Чехами [1]). Чешкое реченіе chasa, въ которомъ также возобладало значеніе презрительное древле служило для нарицаній «семьи» и лишь съ теченіемъ времени, въ аналогію съ cha-trč и cha-ter-ny, приняло презрительный оттѣнокъ «толпы, черни». Старина и распространенность реченія cha-ta свидѣтельствуется и тѣмъ, что въ западно прусскомъ нарѣчіи находимъ его заимствованнымъ Нѣмцами; какъ напр., kâthe («eine häuslerwohnung auf dem lande», откуда и kaethner («ein häusler» у Ферстеманна въ Z. f. v. S. I, p 418).

Въ нѣкоторыхъ коренныхъ формахъ не видимъ такой живой смѣны древнихъ експонентовъ ѫ-са, но одинъ изъ нихъ, присуществясь (inhaerens) извѣстной коренной формѣ, сопутствуетъ ей во всѣхъ ея измѣненіяхъ; такъ напр. въ коренной формѣ грѣѕ-ѫ наблюдаемъ елементъ ъ. какъ существенный (inhaerens) експонентъ ѫ-са, еще яснаго въ аналогическихъ литовскихъ образованіяхъ: gramd-i-ti («ein gefäss von dem darin fest geklebten rein kratzen oder schaben»), gremszti (вм. gremzd-ti «durch schaben, schrapen, kauen, reiben, ein dumpfes drönen verursachen». Schl. ad Donal. s. v. p. 195).

Бываетъ иногда еще труднѣе, чѣмъ въ случаяхъ вышеприведенныхъ, объяснить себѣ основаніе носоваго звука. Среди санскритскихъ глагольныхъ классовъ находимъ одинъ (VII-ой), который, кромѣ образовательнаго слога, имѣетъ еще характеристическую носовую и въ коренномъ своемъ составѣ Въ самомъ же санскритѣ наблюдается то въ высшей степени замѣчательное явленіе, что образовательная носовая IX-го класса вростаетъ въ корень такъ существенно, что туземные составители корнеслововъ вносили въ свои сборники такого рода образованія, независимо отъ первоначальныхъ корней. И нѣкоторые изъ етихъ осложненныхъ глагольныхъ корней удалось наслѣдить Бенфею въ весьма древнихъ памятникахъ санскрита. Таковы: arn (отъ кр. ar), gharn (отъ кр ghar), tarn (отъ кр tar), parn (отъ кр. par), marn (отъ кр mar)», Benfey въ «Orient und Occident» III, 1, p. 20. Есть и другія темы настоящаго времени, которыя въ слабой формѣ образуютъ собою новыя, вторичныя коренныя формы. dad изъ dadâ темат. форма наст. вр. отъ

[1]) Такою то частою сѣтью опутаны между собою Славяне!

кр dâ. Ета санскритская черта глагольнаго словообразованія сильно отразилась на языкѣ литовскомъ [1]) Литовскій языкъ не мало представляетъ такихъ глаголовъ, которые имѣютъ носовую только въ настоящемъ времени, въ остальныхъ же образованіяхъ не имѣютъ и слѣда носовой; такъ напр., su-tink-ù, tikaú, tìkti (безъ предлога означающій «встрѣчаться, попадать удачно, сходиться, примиряться»). Замѣчательнымъ образомъ, въ старославянщинѣ наблюдаемъ въ образованіяхъ именныхъ слѣдъ етой образовательной носовой въ лит. su-tinku su-tik-ti: тѫк-лъ (ὁ αὐτός), тык-ъръ [2]) (εἴσοπτρον), хотя самъ литовскій языкъ и образуетъ tik-ras (въ значеніи «истинный, достовѣрный, справедливый») безъ глагольной носовой вставки въ корнѣ. Впрочемъ, въ славянщинѣ существуютъ, хотя и не многіе, остатки правильнаго образованія глаголовъ посредствомъ вставки носовой въ темѣ настоящаго времени; какъ напр, об-рѧкѫ (вм. обрѧщѫ) старая, несмягченная форма, которую нашелъ Востоковъ (II, 21) въ библіи XVI в. Руѳ. II, 2 ащє обрѧкѫ блаґть и Есѳ VII, 3 ащє обрѧкѫ млть предѫ очима твоима. Ета словообразовательная рѣдкость въ славянщинѣ находитъ себѣ аналогію въ литовскомъ языкѣ въ глаголѣ renku, rinkau rinkti, гдѣ носовая совершенно уже слилась съ корнемъ и является не въ одномъ настоящемъ времени, какъ въ языкѣ старославянскомъ. Въ своей простой формѣ, етотъ глагольный корешь означаетъ «собирать, выбирать», съ предлогомъ isz просто «брать». [3]) Особенно замѣчательнымъ почитаемъ то обстоятельство, что и именное образованіе отъ етого глагольнаго корня также удерживаетъ носовую. об-рѧшт-а (ἔργμα). Въ нѣкоторыхъ корняхъ носовая гласная корня является лишь въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, въ другихъ же скрывается. Въ етомъ отношеніи въ высшей степени любопытенъ южнославянскій корень кинт («украшать»): въ сербскомъ и новобулгарскомъ онъ является вездѣ безъ носовой, кићити; въ хорватскомъ

[1]) Ниже разбираемая словообразовательная черта славянскаго языка имѣетъ не мало аналогій и въ древнихъ языкахъ. Такъ напр, лат. fe(-ne-)s-tra, весьма остроумно производимое Максомъ Мюллеромъ отъ кр. bhas, на основаніи архаической формы fes-tra у Феста (Z. f. v. S. IV, p. 274). Тоже явленіе наблюдаемъ въ скр gambhîra (глубокій), имѣющемъ и побочную форму gabhîra (кр. gabh, gambh -jambh Петерб. Сл.

[2]) Любопытно, что представленіе о «зеркалѣ» нашло себѣ соотвѣтствующее славянское реченіе, не представляющее переводъ съ греч. „εἴσοπτρον“ (Григ. Богол XI в.)

[3]) «Ir jo motina iszrinko jam paczę isz Egypto zemės. Genes. XXI, 21; «asz jo sunui sawo pono brolio dukterį perpaczę isrinkczau» Ibid. XXIV, 48.

же и словинскомъ, столь близко имъ родственномъ, съ носовою, такъ, на междумурскомъ нарѣчіи. Moji so tì dvori smiljki nakinčeni (Slov. Glasn. X, 97). Въ литературномъ языкѣ словинскомъ удерживается таже форма: «čelo mu kinča podoba Velehrada» (ibid. 30). Въ самомъ сербскомъ нарѣчіи встрѣчаемъ расширенную форму кинт-ур-и-ти, со вставкою носовой въ корнѣ. Но етотъ глаголъ, естественнымъ образомъ, мы сводимъ къ именнымъ образованіямъ кинт-ур-ина и кинт-ет-ина. Вся интензивная выразительность етихъ образованій покоится въ ихъ суффиксахъ. Интензивнаго значенія не можетъ имѣть носовая вставка въ корнѣ, ибо ее же встрѣчаемъ и въ старославянскомъ образованіи цѣлѣ, не заключающемъ въ себѣ ничего интензивнаго, родство котораго съ расширеннымъ носовою корнемъ кинт-, надѣемся, не требуетъ доказательствъ. Въ другихъ глаголахъ аналогическаго состава, въ которыхъ древле, по сличенію съ литовскимъ языкомъ, должна была заключаться носовая вставка, она исчезаетъ безслѣдно, какъ напр., лит. ninkù, nikaú, nìkti («heftig beginnen, unternehmen») съ предлогомъ užninku и пр.: чешск. pod-nik-a-ti и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ носовая, которая въ литовскомъ является во всѣхъ видоизмѣненіяхъ коренной формы, въ славянщинѣ пропадаетъ, или, можетъ быть, просто елидируется; такъ, лит. nu-skęs-ti (aor. nu-skend-au) [1])—слав. кр чѧз-, чѣз : ишѧзати (Pat. cod. Bonon.) ищѧзѫ (Cod. bibl. synod. Mosq. sec. XII, № 551) dat. cas. a nom. subst. ищѧзъ. Точно тоже фонетическое соотношеніе замѣчается между лит. len-du, lind-au, lisiu, listi [2]) слав. лѣз-ѫ, лаз-ити: въ глаголѣ раз-ить, по-раж-ать съ вед. randh-ayâ-mi наряду съ radh-yâ-mi, въ значеніи совершенно тождественномъ нашему разить, какъ напр., къ Индрѣ (Перуну): sanghoshaḥ çrinve vaṁairamitrairjahî nyeshvaçanin tapishtân vriçcemadhastâdvi rujâ sahasva jahi raksho maghavan-randhayasva (RV. III, 30, 16). Въ литовскомъ языкѣ, въ той же мѣрѣ, изрѣдка встрѣчаемъ именныя образованія, которыя носятъ на себѣ слѣды своего происхожденія отъ глагольной темы, усиленной носовою, такъ напр. ne-ganda [3]) (Unglück, Unfall) чешск. nehoda, старослав. непогодьнъ (ἄκαιρος). И дѣйствительно, мы находимъ въ литовскомъ

[1]) Wis kas ant zemês yra, turrês nuskęsti. Genes. VI, 18.
[2]) Wissokios kirmêles, lendanczos ant zemes (Genes. VII, 14).
[3]) Galetu manę kokia neganda užpulti Genes XIX, 19.

языкѣ глаголъ, отъ корня котораго произведено ето именное образованіе, глаголъ, въ которомъ посовая является только какъ глагольный характеръ. gendù, gedaú, gèsiu, gèsti («in unordnung geraten, verderben»). Замѣтимъ притомъ, что отрицаніе весьма часто абундируетъ; такъ напр. въ томъ самомъ словѣ русскомъ, съ которымъ мы сличаемъ лит. negada погода и непогода употребляются in eodem pejori sensu.

Выбирая изъ многаго малое, мы, однако, етими наблюденіями, надѣемся, достаточно обосновали то побужденіе, съ которымъ мы ищдѣ старались провѣрять посовое правописаніе старославянской письменности сравнительнымъ анализомъ. Для полноты етого фонологическаго очерка прибавимъ, что явленія елизіи посовой согласной, какія мы наблюли въ словинскомъ, лужицкомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ ихъ современномъ состояніи, освящается стариною нарѣчія, весьма близкаго къ тому, на которое было впервые переведено для Славянъ Св. Писаніе. Самымъ точнымъ мѣриломъ звуковой качественности ѫ-са можетъ служить употребленіе его на л. 231 Остромирова Евангелія въ словѣ лѫгина (сътьника) въ соотвѣтствіе съ греческимъ λογγίνῃ (τῆ ἑκατοντάρχου): ето самый ясный отголосокъ древнеславянскаго ѫ-са въ 862 г. Въ Россіи въ 1056—1057 г. уже иначе употреблялся сей знакъ судя, по его назначенію въ греч. ѧѫѧ, начертанномъ рукою иллуминатора, современнаго, конечно, списанію самаго кодекса. Въ етихъ двухъ примѣрахъ мы наблюдаемъ два полюса звуковаго значенія ѫ-са. Первымъ примѣромъ мы добываемъ вѣрное мѣрило для сужденія о истинно-старославянскомъ юсѣ. Трудно было бы допустить, въ противномъ случаѣ, и потребность въ изобрѣтеніи знака, если бы въ языкѣ не соотвѣтствовало ему какое либо нормальное явленіе. Съ етой то точки зрѣнія мы предлагаемъ провѣрить миклошичево ученіе о томъ, что такое есть lingua palaeoslovenica. Въ предисловіи къ своему изданію супрасльской рукописи Миклошичь говоритъ (p. III): «Hoc nobis persuasum est, et sine dubio etiam doctus lector nobiscum persuasum habebit, codicem nostrum neque in Serbia, neque in Russia, sed in ipsa linguae palaeoslovenicae patria scriptum esse». Вслѣдъ за тѣмъ онъ думаетъ, что codicem «adjudicandum esse seculo undecimo». Читатель замѣчаетъ, что сопоставленіе сихъ двухъ положеній рождаетъ рой вопросовъ, на которые Миклошичь, къ сожалѣнію, нигдѣ еще не далъ отвѣта. Мы менѣе всего считаемъ себя призванными снять завѣсу съ тайны етихъ изрѣченій Миклошича, а потому, оставляя тайну тайною, поищемъ другаго пути. — Для насъ ничто не мо-

жетъ быть яснѣе того, что рукопись писана, именно, не на томъ нарѣчіи, для котораго былъ изобрѣтенъ алфавитъ славянскими первоучителями, ибо такую исключительную особенность етого нарѣчія, какъ та, которая нашла себѣ обозначеніею въ ѫ и ѧ, т. е, носовые звуки мы находимъ въ супрасльской рукописи въ состояніи аномалическомъ письму, или тѣмъ знакамъ, которыми ети звуки обозначались. Могъ ли писецъ, говорящій тѣмъ старославянскимъ нарѣчіемъ, для котораго были изобрѣтены ѫ-сы, написать владыко въ вин. пад. вм. владыкѫ, какъ мы то дважды встрѣчаемъ въ супрасльской рукописи — р, 388 8 и 392.27· и не ѥшть себѣ моего владыко сѣло опытать, рабомъ посылаетъ владыко Ети примѣры для старославянщины важны въ томъ отношеніи, что раскрываютъ гласный составной елементъ ѫ-са, о, что подтверждается и глагольскимъ начертаніемъ ѫ-са, содержащимъ въ себѣ, какъ извѣстно, основное начертаніе о (Šaf. Pam. hlah. pis. p. 14). Старобулгарскій ѫ-съ, какъ насъ въ томъ убѣждаютъ его даже позднѣйшіе остатки въ Седмиградіи и Македоніи, содержитъ въ себѣ также гласный елементъ о, но етотъ гласный елементъ не усѣкается отъ своего согласнаго спутника въ етихъ булгарскихъ нарѣчіяхъ, чего также не видимъ и слѣдовъ въ Остромировомъ Евангеліи и другихъ достовѣрныхъ остаткахъ старославянщины Если бы мы задали себѣ вопросъ о діалектическомъ значеніи елидированнаго носоваго о (вм. ѫ-са) то наближе было бы отнести ето явленіе къ нарѣчію, на которомъ писаны фрейзингенскіе отрывки. Въ нихъ встрѣчаемъ туже елизію носоваго елемента въ окончаніяхъ причастій и нѣкоторыхъ падежей, которая, какъ извѣстно, ручается за принадлежность фрейзингенскихъ отрывковъ словинской почвѣ. Различіе все въ томъ, что фрейзингенскіе отрывки, писанные латинкою, выдали искреннѣе особенности того нарѣчія, на которомъ были писаны; тогда какъ писецъ супрасльской рукописи былъ скованъ письмомъ, составленнымъ хотя и для близко сроднаго словинскому, но все же для инаго нарѣчія, имѣющаго не мало своихъ особенностей, какъ видимъ, расходящихся съ словинскими въ весьма существенныхъ точкахъ. Но замѣченное нами явленіе представляется далеко не изолированнымъ. Словинское созвучіе елидированнаго о съ ѫ-сомъ породило и противуположное ему явленіе. Мы встрѣчаемъ и наоборотъ ѫ-съ тамъ, гдѣ слѣдуетъ читать о. Въ полномъ окончаніи прилагг. именъ въ творит. падежѣ: жѩ вм. ою: кльꙗкобѫжѩ хытростиѩ (р. 5, 28); кѫѩ либо винѫ (вм. коѩ либо виною р. 31, 3); данѫѩ имоу силоѩ 32, 25) рѣчиѩ простѫѩ (34. 4) нетълѣньнѫѩ твоѩ одеждеѩ

(47, 1), крѣпостиѭ дшѧнѣѭ (81, 26), съ обычьнѣѭ ѥѧ хотиѭ (128, 15); рѣкѫ рекѫмѣѭ Доунавъ (142, 3); съ достоиньнѣѭ чьстиѭ (160,20); разоумѧнѣѭ хытростиѭ (200, 8); съ солиѭ божьствѧнѣѭ (205, 10); съ божьствѧнѣѭ нѣкоторѣѭ хвалоѭ (217,3); нетѫжанньѭ пиштеѭ крьмлениѥ (238,15). прьвѣѭ жизниѭ (293 17), нѫждеѭ волеѭ ли, лште нѫждѣѭ (309, 14); хытростиѭ ли слокесѧнѣѭ (332, 17); прѫтивѣ (вм. противѣ 332, 2); чистѣѭ сьвѣстиѭ, неизглаголемѣѭ славоѭ (336, 10—11); плътиѭ доушевьнѣѭ (349, 20); рѫкѣѭ же плъть дрѫжлахѫ (394, 22); деснѣѭ (рѫкоѭ) мажа (399, 12); привыкшѣѭ волѣзныѭ несытрьпимѣѭ (399,26); ѩвьленѣѭ женоѭ (403, 28) глъбокѣѭ старостиѭ и оудовь исѣлимѣѭ (415,20); цѣлителньѣѭ ихъ свѧтостиѭ (416, 17). Мнѣ не кажется возможнымъ, чтобы изобрѣтатель алфавита славянскаго, во всемъ остальномъ столь проницательный и точный, прѐминулъ отразить въ немъ явленіе, столь замѣтно пробивающееся въ рукописи, писанной, по мнѣнію Миклошича, in ipsa linguae palaeoslovenicae patria». Но, однако, ето явленіе составляетъ аномалію въ супрасльской рукописи. На ея же страницахъ замѣчаемъ и правильное употребленіе ѫ-совъ. А тамъ, гдѣ есть аномаліи, и, какъ увидимъ, аномаліи весьма многочисленныя, тамъ кто же будетъ искать первоначальности и «самости» («in ipsa linguae palaeoslovenicae patria»!!!)?

Итакъ, думаемъ, описанная нами особенность, наряду со многими другими, супрасльской рукописи должна быть приписана рукѣ писца. Въ области носовыхъ же звуковъ мы замѣчаемъ еще нѣкоторыя аномалическія явленія Мы видимъ, что родство ѫ-с а съ елементомъ о причинило слитіе ѫ-с а, какъ окончанія творит пад. ж. р. ед. ч. съ тематическою гласною о въ одинъ звукъ. Ето явленіе представлено въ супрасльской рукописи еще большимъ количествомъ примѣровъ, чѣмъ первое. Вотъ они съ многѫ ноужда (30, 5), съ Нисиѭ (34, 22); нсиѭ рѣчиѭ (35, 21); съ воєводѫ (53, 20); съ коуциѭ (91, 20; 92, 22); зълѫ смрьтиѭ (110, 17); отцемъ своимъ сотоно (120, 10); благодѣтиѭ божиѭ (123, 29); съ женоѭ злонравьнѣѭ (128, 12); силоѭ божиѭ (167, 25; ср. 168, 7): силоѭ божиею); свѧтыимъ Ионо (196, 19), горѫштѫ любъвьѭ (200, 27); съ своѭ братьѭ (204, 21), надъ дѣвицѫ (225, 22); ѥдинѣ ѥднои (l. c.) припрѫгъ ѥстъ Богъ, а не ѥдно (instr. c.) многѣхъ, ни ѥдномъ многѣѭ (270—271); съ Отомъ (392, 26, 29); господьно благодатьѭ (397, 9;

401, 4, 19, 413, 22). Въ большинствѣ приведенныхъ случаевъ ж -съ сливается съ тематическою гласною о. Потомъ его было перенесено и на смягченную е, какъ видимъ изъ примѣровъ вожи ж вм. вожиеіж и прр. подд Етимъ, сопоставленнымъ нами, явленіямъ мы не затруднимся дать одно и тоже значеніе. Въ обоихъ явленіяхъ наблюдаемъ невольно прорвавшуюся особенность произношенія ж-са въ той области, которой принадлежалъ писецъ, прурочепный Миклошичемъ XI-му вѣку. Еще въ XVII столѣтіи въ Сиренѣ Петра Зрини, въ етомъ замѣчательномъ памятникѣ старой, мѣстной штокавщины встрѣчаемъ туже особенность: brzinû (6, 104; 11, 44 въ обб. случч. въ рнемахъ), mojû rukû (8, 95), vernostû (13, 6 въ рнемѣ), spisanû kečû (въ рнему trepeću) 5, 56; sriću (5, 109); z- danicû (12, 2 въ рнемѣ), strašnû sabljû (11, 86; 12, 38), nujû (12, 10); z-meštriju (9, 14) rukû silnû (6, 49) (у Ягича въ Književnik III, p. 389). Тоже замѣчается и въ мѣстоименномъ склоненіи s tobû (7, 97), smanû (11, 68) Ibid. p. 390. Изъ области грамматическихъ окончаній онъ перенесъ ету особенность и на корень: прѫтивѣ (333, 2). Етому же писцу, конечно, мы должны приписать и такія особенности, какъ напр. ѣзыкѣ (417, 4), рнкѣ (380, 11, 16), ви (380, 22), смикаіжштинкѣ (380. 27), ибо на той же стр. 380, 12 встрѣчаемъ и рѣка. Ети особенности писца супрасльской рукописи тѣсно группируются, такъ что можно наблюдать степень внимательности и точности его переписки помѣстно. По діалектическому своему значенію легко присоединяется къ выше приведеннымъ примѣрамъ и форма иегл (392, 26). Еще ближе опредѣляется мѣстность рукописи слѣдующимъ наблюденіемъ. Мы паходимъ въ ней многочислепные слѣды широкаго и. Въ началѣ его не находимъ. При утомленномъ вниманіи, писецъ, начавши его употреблять на стр 124, съ ходомъ своей работы попускалъ его все болѣе и болѣе на стр. 142, 152, 160, 209, 216, 232, 292, 301, 304, 307, 308, 309, 310, 327, 330, 333, 402, 445, пока, наконецъ, функціи іи и подъ его рукою не смѣшались, и онъ не началъ ихъ употреблять въ перемежку въ оржи (162, 12), козы и иелений и на той же страницѣ ѣлени въ род. пад мн ч. (164, 3, 8) и въпалъ иеси въ ржцѣ томителн (164, 27), избавнн (пов. накл. 165, 13); по того оумрьтви (221, 18); имѣнницѣ (297, 29); многатихъ жити (396, 16) Едва ли также какому изъ славянскихъ нарѣчій, кромѣ нарѣчія племени сербскаго, можно приписать смѣшеніе дат. пад съ творит, какое встрѣчаемъ,

напр, на стр 93, 20: господь глаголетъ къ одесняхъ стоящтиими и на стр. 143, 1. онъ же по обычаю своемъ непрѣклоненъ прѣбысть. Наконецъ, обратимъ вниманіе и на ту сильно пробивающуюся особенность писца, по которой, вмѣсто неопредѣленныхъ мѣстоименій «нѣкто, нѣкый», употребляется чаще всего одно вопросительное «кто, кой» и пр, хотя и нѣкто, нѣкый, часто съ тмезисомъ мѣстоименнаго префикса нѣ [1]). Въ сербскомъ нарѣчіи наблюдаемъ доселѣ сохранившуюся склонность давать вопросительнымъ мѣстоименіямъ значеніе неопредѣленныхъ: Ил' је царе, ил' су царевићи, Ил' су каке младе султаније, Вук III, 85). Ету особенность сербское нарѣчіе раздѣляетъ съ русскимъ и древнечешскимъ. Но въ связи другихъ приведенныхъ уже нами аналогій, имѣетъ и ета свое значеніе. Но, надѣемся, дальнѣйшія наблюденія дадутъ етой сербской особенности нѣсколько иное значеніе, съ болѣе близкимъ отношеніемъ къ старославянщинѣ. Въ первой новгородской лѣтописи встрѣчаемъ частицу нѣ при числительномъ имени въ отдѣльномъ употребленіи въ смыслѣ «сігса» имаши на нихъ нѣ съ полъ'горы тысящѣ гривенъ (s. A 1137); на тъ же зимъ придоша Ємь на Водь ратью, нѣ къ тысящи (s. A. 1149). Въ томже назначеніи мы встрѣчаемъ мѣстоименную частицу нѣ и въ сербскомъ нарѣчіи, — при числительныхъ для обозначенія приблизительности: Нас ето не тридесетъ Сенјана—дважды Вук III, р. 173. Въ тѣхъ же пѣсняхъ встрѣчаемъ и нераздѣльное, безъ всякаго тмезиса, употребленіе частицы нѣ при вопросительныхъ мѣстоименіяхъ; напр. неки згоди, неки и не згоди (ibid. III, p. 316), но, замѣчательнымъ образомъ, безъ соблюденія согласованія, ибо здѣсь нѣки относится къ им. сущ. ж. р. пушка. Также съ слабымъ согласованіемъ Ibid. p. 339 Нешто жубор у гори зеленој, хотя можемъ указать и съ согласованіемъ: Ного љубиш призренске ћевојке, Неку на час, неку на срамоту. — Сербское нарѣчіе доселѣ сохранило память объ етимологическомъ значеніи мѣстоименной частицы нѣ Дѣйствительно, наблюдаемъ въ пѣсняхъ еще болѣе любопытное явленіе, которое объясняетъ намъ етимологію слога нѣ. Вук. III, 77: Нит' ће игда бити ко' је било. У старшихъ писателей сербской рѣчи находимъ подобныя же сложенія, напр. i-g d a у Гундулича Osm. XIX,

[1]) Явленіе тмезиса частицы нѣ, кромѣ старѣйшихъ памятниковъ старославянскаго языка, не чуждо и русскому народному говору, напр.: «нѣ въ въ кую пору гожусь я тебѣ» (Аѳан. V, 106).

93, i-čij (cujslibet)-Ibid. XI, 108 Koj se opriet nije jaka Jčija sila, gdiegod stupi Того же мѣстоименнаго происхожденія и частица лје, которую Вук опредѣляетъ, какъ «fortioris negationis vox», но, основываясь лишь на рѣдкихъ случаяхъ ея употребленія въ народныхъ пѣсняхъ, какъ напр. въ его собраніи IV, 269. У старыхъ писателей мы встрѣчаемъ ету частицу и въ утвердительныхъ предложеніяхъ, какъ напр. у Ветранича (Posvet. Abr. p. 82). Velmi se lje bolju zašto me ne spravljaš; sarce mi lje dava, da neće dobro bit (p. 86) Здѣсь л, несомнѣнно, имѣетъ значеніе благозвучное, съ назначеніемъ облегчать гласный составъ слова, вм. йоты. Етимологическое значеніе етой мѣстоименной частицы ясно ето мѣстоименный корень, получающій въ санскритѣ, въ сложеніи съ другими елементами, значеніе указательное, всего чище сохранившійся въ формѣ женскаго рода îyam, въ среднемъ являющій обыкновенный родовой признакъ мѣстоименнаго характера id-id-am, сохранившійся и въ русскомъ образованіи ед-ва. Со стороны значенія нашего ед-ва имѣемъ аналогіи многочисленныя. [1]) Прежде всего, припомнимъ оттѣнокъ приблизительности частицы нѣ въ вышеприведенныхъ случаяхъ—старорусскомъ и сербскомъ—при именахъ числительныхъ. Кромѣ того туже мѣстоименную частицу наблюдаемъ въ весьма архаическомъ сербскомъ сложномъ образованіи je-мужа (lac recens) съ прилагательнымъ je-муж-ан (de lacte recenti). Въ томъ же самомъ смыслѣ, хотя и безъ архаическаго признака средняго рода, употребляется частица ѥ-ле, по всему вѣроятію, состава удвоеннаго. Древнерусскій примѣръ употребленія сей частицы встрѣчаемъ въ образованіи ѥлеживъ: ѡбрѣтоша є ѥлеживъ и вѣсго ко до ѡбѣзоша его. Рпсь Ундольскаго № 276, л. 126. Хотя и въ другой формѣ подлятія и съ инымъ оттѣнкомъ въ значеніи, употреблена таже мѣстоименная частица въ старославянскомъ сложномъ образованіи ой-деньный (повседневный). Русскій языкъ, въ аналогію старославянской частицѣ ой-, представляетъ сложеніе ѥже, употребительное и въ старшую епоху: Я въ вотцкую землю слати кнѧземъ великимъ ежегодовъ по старинѣ (Aº 1471) Гр. и Дог. I, 29. Какъ въ санскритѣ замѣчаемъ склонность етого мѣстоименнаго корня къ сложенію съ другими мѣстоименными елементами, такъ и въ славянщинѣ она даетъ

[1]) Cf. Rv. III, 32, 9 Adrogha satyan tava tanmahitvan sadyo yajjâto apibo ha soman. Схоліастъ толкуетъ иначе yat въ етомъ мѣстѣ; но толкованіе его, въ етомъ мѣстѣ, очевидно, извращенно.

себя замѣтить многими важными и любопытными явленіями. Въ хорватской межевой грамотѣ 1585 года встрѣчаемъ любопытную евфоническую вставку въ гласномъ подъемѣ етого мѣстоименія... medje na znanje dajemo po ve-tem listu i pisme (Kolo I, p. 91). [1]) Въ старо-хорватскомъ же нарѣчіи, но другой мѣстности, встрѣчаемъ и чисто русскую форму етого мѣстоименія; въ Истр. разводѣ 1325 г. i listom svoim pod pečatom visućim potvrdi na pripču preda vsu etu gospodu (Arkiv, II, 2, 253). Сіе образованіе важно для насъ особенно въ томъ отношеніи, что даетъ намъ право извлечь изъ нея первоначальную je-ti. Ето подтверждается и поучительнымъ образованіемъ ve-si вм. je-si. [2]) Отдѣльное употребленіе мѣстоименія сь въ старохорватскомъ нарѣчіи не рѣдкость: ter velim da se trsje mene pristoji (Arkiv II, 2, 318; юрид. актъ 1613 г.). Форму ve-si мы никоимъ образомъ не можемъ себѣ истолковать какъ фонетическую модификацію образованія ve-ti. По неизслѣдимымъ судьбамъ славянскаго словотворчества сложеніе корня ю съ указательнымъ сь исчезло, оставивши по себѣ лишь случайный слѣдъ въ одномъ хорватскомъ мѣстномъ говорѣ. Но ету склонность русское нарѣчіе удержало и выразило его въ повтореніи корня тъ въ формѣ е-то-тъ Не тотъ же ли мѣстоименный комплексъ наблюдаемъ въ зенд. i-tê, встрѣчаемомъ однажды въ етой формѣ дат. пад. въ слѣд. мѣстѣ Iaç. 67,42: itê viçê (етой вѣси)?

---

[1]) Парѣчіе, на которомъ писана грамота, предпочитаетъ евфоническое v въ гласномъ подъемѣ слова евфонической йотѣ (vugel, vutroba, vuza).

[2]) У Станки Враза (Kolo I, p 91, adn. 1.)

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Фонетическій составъ корня условливается взаимоотношеніемъ корня съ елементами образовательными.

2. Древле, въ епоху творчества языка законъ аналогіи не былъ въ той степени дѣйственъ, въ какой застаетъ его позднѣйшая епоха языка.

3. Тѣсное соприкосновеніе именныхъ и глагольныхъ функцій въ елементахъ образовательныхъ относится къ творческой епохѣ языка, когда законъ аналогіи еще не былъ въ дѣятельности; многіе изъ сихъ елементовъ фонетически видоизмѣнились во вторичныхъ явленіяхъ, согласно законамъ фонетики специфически-славянской.

4 Гласныя и согласныя темы именъ исчезали въ славянщинѣ древле, уступая свое мѣсто суффиксамъ: славянщина имѣла въ ту пору склонность къ суффиксамъ krt, предпочтительно передъ taddhita.

5. Суффиксы, имѣющіе значеніе интензивное, вытѣсняя своихъ словообразовательныхъ предшественниковъ, видоизмѣняли коренной составъ слова и, въ свою очередь, какъ новыя коренныя формы, входили въ оборотъ дальнѣйшаго словообразовательнаго движенія (отъименные глаголы).

6. Suf. nom. ag. и образовательные елементы именъ отвлеченныхъ древле живѣе сознавали свою естественную связь съ словообразованіемъ глагола. Ихъ творчество современно словообразованію причастій, значешію торыхъ въ ту пору оттѣнокъ залога оставался чуждымъ.

7. Синтаксическое побужденіе къ созданію сложнаго склоненія именъ прилагательныхъ полнаго окончанія кроется въ прастарыхъ изгибахъ аріо-славянскаго словотворчества.

8. Чешскія имена собственныя лицъ, помимо ихъ ближайшаго родства съ аналогическими нѣмецкими, всесторонне объясняются явленіями епохи аріо-славянской.

9. Епоха предложнаго словосложенія получаетъ свое относительное опредѣленіе изъ двухъ источниковъ 1) изъ формальнаго анализа слова, древле сочетавшагося съ извѣстнымъ предлогомъ и 2) изъ матеріяльнаго оттѣнка въ его значеніи, нерѣдко архаичнаго.

10. Глаголы съ образовательнымъ слогомъ -ноу- представляютъ весьма древнее отъименное образованіе, находящее себѣ аналогіи въ епохѣ аріо-летто-славянской. Образованія глагольныя съ елементомъ -к- составляютъ блѣдное отраженіе образованій съ елементомъ -ноу-.

11. Отъименныя глагольныя образованія, выдающія своимъ составомъ весьма древнюю епоху фонетики и словообразованія, представляютъ нерѣдко словообразовательныя недоразумѣнія, свидѣтельствующія о долгомъ обращеніи образованія въ языкѣ и о забвеніи составныхъ его частей.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР

ОПЕЧАТКИ.

Читать:

Стр. 2, строка 14 — 862 вм. 962.
— 10, — 12 — таково реченіе вм. такое речені
— 11, — 11 — ѫгѹлы вм. ѭгѹлы.
— 21, прим. 2 стр. 1 — въ ст.-слав. формѣ бѣгаста.
— 23, — стр. 6 — fluminis вм. fniminis.
— 22, строка 16 — [1]) вм. [2]).
— 27, — 24 — бр-лб-ни вм. бр-лб-ни.
— 31, прим. 1 стр. 2 — словахъ вм. словамъ.
— 35, строка 27 — strzemenj вм. strzeemnj.
— 44, — 8 — но вм. по.
— 47, прим. 2 отнеси къ послѣдней строкѣ стр. 46.
— 47, строка 20 произвольные вм. произвольныя
— 56, — 10 мен-ниш-ни вм. мен-нш-ни
— 57, — 11 — prîthvî вм. prîthivî.
— 61, — 11 — strî вм. stri
— 75, — 21 — δηλουν вм. δηλοου
— 137, — 10 — nezbiedny
— 137, — 30 — debíć вм. debié
— 155, — 8 — колѣатнсѧ вм. олѣатнсѧ
— 157, — 8 — fele вм. fe le.
— 162, прим. 2, строка 3 uslyssal вм. uslyssaf
— 166, строка 38 — слѣдовательно I